

ОТЧЕТЪ

О ДВѢНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

25 Сентября 1869 года.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1870.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Я. А. Исакова, въ С. П. Б.

А. Черкессова, въ С. П. Б.

Эггерса и Коми., въ С. П. Б.

Г. Шиндлерова, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Знобженца и Коми., въ Тифлисѣ.

Цена 50 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, Мая 1870 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Весселостій*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(В. О., 9 лн., № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Отчетъ объ двѣнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, 25-го Сентября 1869 года, Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ.....	1— 24
Отзывъ о сочиненіи В. Стасова: «Происхожденіе русскихъ былинъ». Академика Ф. И. Буслаева.....	25— 88
Разсмотрѣніе книги И. Хрущева: «Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Самина, преподобнаго игумена Волоцкаго. Спб. 1868 г.» К. И. Невоструева.....	84—186
Отзывъ о сочиненіи В. Стасова: «О происхожденіи русскихъ былинъ». Академика А. А. Шифнера.....	187—195
Отзывъ о сочиненіи свящ. М. Горчакова: «Монастырскій приказъ (1649—1725 г.). Опытъ историко-юридическаго исслѣдованія. Спб. 1868 г.» Профессора И. Д. Бѣляева.....	196—207
Отзывъ о книгѣ И. Хрущева: «Исслѣдованія о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго». Н. И. Костомарова.....	208—214
Отзывъ о сочиненіи В. Макушева: «Исслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, Спб. 1867 г., стр. VI 446 in—8°». Н. А. Попова.....	215—226
Рецензія рукописнаго сочиненія г. Голубинскаго: «Святые Константинъ и Меодій, апостолы славянскіе». Академика И. И. Срезневскаго.....	227—233
Отзывъ о сочиненіи г. Макушева: «Исслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, Спб. 1867 г.» Академика И. И. Срезневскаго.....	234—236
Отзывъ о сочиненіи А. Котляревскаго: «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ». Академика И. И. Срезневскаго.	237—239
Отзывъ о книгѣ г. Котляревскаго: «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ». Игнатія Гануша.....	240—242
Разборъ сочиненія проф. Дерптскаго университета Энгельмана: «О давности по русскому гражданскому праву, Спб. 1868 г.» Составленъ Н. В. Калачовымъ.....	243—261

ОТЧЕТЪ

О ДВѢНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25-го сентября 1869 года

На соисканіе Уваровскихъ наградъ прислано въ Академію въ нынѣшнемъ году 8 историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ три рукописныхъ; кромѣ того отъ предшествовавшаго конкурса было отложено два сочиненія. Разсмотрѣніе ихъ и присужденіе премій было возложено Конференціею Академіи на особую Коммиссію, избранную для этого въ засѣданіи 10 января и состоявшую, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ Гг. Академиковъ Н. Г. Устрялова, И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, А. А. Куника, П. П. Пекарскаго, А. В. Никитенко и А. Ѳ. Бычкова. Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Коммиссіи, вмѣсто П. П. Пекарскаго, по его нездоровью, присутствовалъ М. И. Броссе.

Исполнивъ данное ей порученіе, Коммиссія, согласно правиламъ Уваровскаго учрежденія, имѣетъ честь до всеобщаго свѣдѣнія, что ею присуждены:

Большая премія: Баккалавру Московской Духовной Академіи Евгению Евстигнѣвичу Голубинскому, за рукописное его сочиненіе: *Святые Константинъ и Меодій, апостолы Славянскіе.*

Меньшія преміи:

Профессору Дерптскаго университета статскому совѣтнику И. П. Энгельману, за печатное его сочиненіе: *О давности по русскому гражданскому праву.*

Священнику при церкви Маріинскаго института въ С. Петербургѣ Мих. Ив. Горчакову, за изданный имъ опытъ историко-юридическаго изслѣдованія, подъ заглавіемъ: *Монастырскій приказъ 1649—1725.*

Профессору Дерптскаго университета коллежскому ассесору А. А. Котляревскому, за его сочиненіе *О поребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ.*

Дѣйствительному статскому совѣтнику В. В. Стасову, за его изслѣдованіе *О происхожденіи Русскихъ былинъ.*

Магистру В. Макушеву, за его сочиненіе: *Изслѣдованіе объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, и*

Кандидату университета И. П. Хрущову, за его разсужденіе, изданное подъ заглавіемъ: *Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Самина, преподобнаго шумена Волоцкаго.*

Затѣмъ, изъ остальныхъ сочиненій, одно отложено до конкурса будущаго года, по недоставленію рецензентомъ, разсмотрѣнію котораго оно было ввѣрено, подробнаго о немъ разбора, и два признаны и рецензентами и Коммиссіею неудовлетворяющими условіямъ, дающимъ право на награду.

I.

Святые Константинъ и Меодій, апостолы Славянскіе. Соч. Е. Е. Голубинскаго.

Разсмотрѣніе этого сочиненія было поручено Академикку И. И. Срезневскому; составленный имъ разборъ послужилъ для Коммиссіи основаніемъ для присужденія автору полной преміи.

Въ разборѣ своемъ, г. рецензентъ свидѣтельствуетъ, что замѣчательный трудъ г. Голубинскаго обнимаетъ собою весь кругъ вопросовъ, относящихся къ полному жизнеописанію Св.

Константина и Меоодія и къ критическому обзору сказаній о братьяхъ первоучителяхъ Славянскихъ, и выказываетъ такое полное знаніе дѣла, какое можно ожидать отъ лучшаго знатока.

Внимательному и подробному обзору этихъ сказаній, Славянскихъ, Латинскихъ и Греческихъ, посвященъ весь второй томъ рукописи, содержащій въ себѣ весьма много любопытнаго и достойнаго вниманія. Г. Срезневскій однакоже неполнѣ одобряетъ общія правила, которымъ слѣдовалъ авторъ въ этомъ обзорѣ, находя, что, къ сожалѣнію, г. Голубинскій не рѣдко не соблюдалъ здѣсь необходимой ясности и краткости изложенія. Далѣе рецензентъ замѣчаетъ: «Въ разборѣ свидѣтельствъ сочинитель держался такого общаго приѣма: каждое свидѣтельство разсматривается какъ совершенно извѣстное читателю; въ каждомъ отмѣчается только то, что сочинитель считаетъ важнымъ въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ было ему нужно, а обо всемъ другомъ умолчано, какъ бы его и вовсе не было. Писателю, желающему быть безпристрастнымъ, такой приѣмъ, кажется, можетъ только вредить въ мнѣніи читателей строгихъ и недověрчивыхъ. Съ этимъ приѣмомъ сочинитель соединяетъ и другой, не менѣе опасный для справедливаго рѣшенія дѣла: признавъ достовѣрность нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, онъ считаетъ ихъ не только достовѣрными, но и полными, и затѣмъ всѣ другія мѣряетъ этимъ избраннымъ». Такого приѣма въ оцѣнкѣ свидѣтельствъ нельзя держаться. Точно также, по замѣчанію рецензента, не можетъ не вредить дѣлу неумѣренность въ похвалахъ и порицаніяхъ, допускаемая иногда сочинителемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хочетъ доказать недостовѣрность какого-нибудь источника достовѣрностію другаго. Поэтому г. Срезневскій выражаетъ свое убѣжденіе, что весь критическій разборъ свидѣтельствъ о Константинѣ Философѣ и Меоодіи, составленный г. Голубинскимъ, получилъ бы болѣе важное значеніе, въ наукѣ, если бы авторъ, даже сохраняя всѣ главныя свои убѣжденія, измѣнилъ изложеніе и устранилъ всѣ предположенія и наведенія защитительныя и обвинительныя.

Отъ второй части сочиненія г. Голубинскаго, посвященной разбору свидѣтельствъ, вполнѣ зависитъ первая часть, заключающая въ себѣ опытъ полнаго жизнеописанія Святыхъ Константина Философа и Меодія. Она написана также занимательно и съ тѣмъ же увлеченіемъ, но какъ и можно ожидать по второй части, есть лишь подробный пересказъ и объясненіе Паннонскихъ житій, какъ единственно вѣрныхъ свидѣтельствъ объ апостолахъ Славянскихъ. Заключая въ себѣ изложеніе и разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ жизни обоихъ братьевъ и общихъ историческихъ событій, съ ними связанныхъ, этотъ рассказъ дополненъ свѣдѣніями и соображеніями по разнымъ общимъ вопросамъ, касающимся послѣдствій дѣятельности братьевъ-первоучителей у Славянъ. Въ этой части своего труда сочинитель еще разъ далъ мѣсто опроверженію показаній свидѣтельствъ, которыя онъ признаетъ невѣрными, и присоединяетъ къ тому замѣчанія противъ мнѣній и соображеній, которыя онъ признаетъ несправедливыми. Сочинитель старался послѣдовательно устранить всѣ недоумѣнія, наводимыя различіемъ показаній разныхъ свидѣтельствъ, и для этого былъ принужденъ устранить многія изъ такихъ показаній, а другія истолковывать иначе, чѣмъ дѣлалось это доселѣ. Едва ли можно доказать, что авторъ всегда правъ въ отношеніи къ свидѣтельствамъ, которыя онъ защищаетъ или отвергаетъ. Наконецъ и въ этой первой части, какъ и во второй, нѣтъ сжатости изложенія.

Въ заключеніе своего отзыва г. Срезневскій говоритъ, что во всякомъ случаѣ сочиненіе г. Голубинскаго есть очень замѣчательное явленіе въ нашей современной литературѣ, какъ трудъ чловѣка, хорошо знакомаго съ предметомъ и имъ увлеченнаго, какъ трудъ въ своемъ родѣ полный, и вызывающій другихъ на дальнѣйшія изслѣдованія по тому же предмету.

II.

О давности по русскому гражданскому праву. Сочиненіе Г. Энгельмана.

Если бы книга Г. Энгельмана, согласно заглавію, имѣла

своимъ предметомъ только догматическое изслѣдованіе о давности, то она, какъ сочиненіе юридическое, не подходила бы подъ условія наградъ графа Уварова. Но въ этомъ сочиненіи догматическая часть такъ тѣсно связана съ историческою, и кромѣ того, исторія русскихъ законоположеній о давности изслѣдована авторомъ настолько самостоятельно и полно, что Академія сочла себя въ правѣ принять этотъ трудъ на Уваровскій конкурсъ сего года.

Составленіемъ подробной и осмотрительной оцѣнки этого сочиненія Академія обязана Члену-Корреспонденту своему, сенатору Н. В. Калачову, и увѣрена, что, основавъ свой приговоръ на мнѣніи такого глубокаго знатока предмета, соблюла всѣ требованія справедливости.

Свою рецензію г. Калачовъ начинаетъ разсмотрѣніемъ догматическихъ соображеній автора, служащихъ основаніемъ для сего изложенія исторіи постановленій о давности по русскому гражданскому праву, и затѣмъ переходитъ къ исторической части труда.

Первыя указанія на давность въ юридическихъ памятникахъ нашей старины авторъ находитъ въ Псковской судной грамотѣ. Сущность выраженнаго въ ней закона, по замѣчанію автора, состоитъ въ томъ, что четырехъ- или пятилѣтнее владѣніе землею безъ перерыва устанавливаетъ собственность на оную. Противъ этого вывода нельзя было бы возражать, если бы г. Энгельманъ не говорилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Псковская грамота вышеприведенною статьею устанавливаетъ давность владѣнія въ смыслѣ римскаго usucarіo. По мнѣнію рецензента, нельзя также не подвергнуть сомнѣнію вѣрность вывода автора, что въ Псковской грамотѣ имѣется въ виду только такая земля, которая въ первый разъ обрабатывалась, а передъ тѣмъ была земля нетронутая, ничья, или принадлежала государству. Внимательное изученіе этого памятника должно привести къ убѣжденію, что въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ о давности исковой, т. е. погашающей искъ;

о томъ же, что владѣлецъ становится собственникомъ, даже во- все не упоминается, а только само собою подразумѣвается. Та- кимъ образомъ Псковская судная грамота столь же мало, какъ и позднѣйшіе памятники, устанавливаетъ *usucapio* въ томъ смыслѣ, какъ это выраженіе употребляется въ римскомъ правѣ; но какъ и эти памятники, она, очевидно, не отрицаетъ обращенія владѣ- нія въ собственность чрезъ признаніе судомъ настоящаго соб- ственника потерявшимъ противъ владѣльца право отыскивать свою землю.

Указываемое г. Энгельманомъ отношеніе между разными способами доказательства при рѣшеніи споровъ о землѣ по Псков- ской грамотѣ, по замѣчанію рецензента, не подкрѣплено проч- ными доводами. Онъ находитъ, что статья Псковской судной гра- моты должны быть объясняемы по указываемому въ каждой изъ нихъ случаю или примѣру судебной практики, а не возводимы въ болѣе или менѣе общія начала, какъ это дѣлаетъ г. Энгельманъ, распространяясь о томъ, почему псковское *usucapio* не усвоило себѣ *bona fides* и *justus titulus*, безъ которыхъ давность владѣ- нія у Римлянъ была немислима.

Въ противоположность давности владѣнія въ Псковѣ и такой же давности въ Новгородѣ (принимаемой авторомъ единственно вслѣдствіе общаго сходства въ бытѣ Пскова и Новгорода), г. Энгельманъ совершенно отрицаетъ такую же давность на почвѣ Московскаго княжества. Съ этимъ мнѣніемъ рецензентъ не находитъ возможнымъ согласиться, какъ и вообще съ заклю- ченіемъ автора, будто даже давность исковая въ русскомъ правѣ не существовала съ древнѣйшихъ временъ и не развивалась обы- чаемъ и практикой, какъ это полагаютъ Неволинъ и Мейеръ, такъ что по XV вѣкѣ не видно даже никакихъ признаковъ суще- ствованія такого обычая, и что напротивъ того давность иска въ русскомъ правѣ, подобно какъ въ римскомъ, есть учрежденіе не древняго, а позднѣйшаго времени и установлена не обычаемъ, а государственною законодательною властью. Насколько извѣстно по дошедшимъ до насъ историческимъ памятникамъ, какъ въ XV

вѣкъ, до изданія перваго Судебника, такъ и ранѣе, не было одного общаго, закономъ установленнаго срока, которымъ бы руководствовались суды при рѣшеніи спорныхъ дѣлъ на основаніи давности. По мнѣнію рецензента, это доказываютъ ясно не только Псковская судная грамота, гдѣ говорится о давности четырехъ или пятилѣтней, но и представленные самимъ г. Энгельманомъ, примѣры изъ нашей древней московской судебной практики, которые свидѣлствуютъ, что въ ней примѣнялись и шести- и пятнадцатилѣтніи сроки, а тяжущіеся ссылались и на другіе, какъ болѣе, такъ и менѣе продолжительные.

Обращаясь къ Судебникамъ и къ слѣдующимъ за ними памятникамъ законодательства до Уложенія 1649 г. включительно, г. Энгельманъ съ большимъ вниманіемъ обсуждаетъ значеніе встрѣчающихся въ нихъ сроковъ давности. Къ сожалѣнію, выводы автора относительно этого предмета основаны почти исключительно на статьяхъ указовъ, въ которыхъ говорится о томъ ли другомъ срокѣ, и въ этомъ отношеніи надо отдать ему справедливость въ полной добросовѣстности, съ какою онъ старался разъяснить какъ происхожденіе, такъ и свойство всѣхъ этихъ сроковъ; тѣмъ не менѣе практическое примѣненіе ихъ изслѣдовано въ разсматриваемомъ сочиненіи неудовлетворительно.

Отъ давности по Уложенію 1649 г., авторъ почти прямо переходитъ къ давности, учрежденной Императрицей Екатериной II. Такое опущеніе странно встрѣтить у автора, столь тщательнаго въ своихъ розысканіяхъ, что имъ разработаны даже и такія свидѣтельства о тогдашнемъ юридическомъ бытѣ, въ которыхъ нѣтъ и помину о давности, единственно потому, что онъ предполагалъ найти въ нихъ какія-либо на нее указанія.

Что касается до выводовъ г. Энгельмана относительно давности, учрежденной при Екатеринѣ II, то рецензентъ находитъ многіе изъ нихъ недовольно убѣдительными. Такъ дальнѣйшія розысканія источниковъ могутъ привести къ опроверженію выражаемыхъ авторомъ мнѣній, что между давностью, учрежденною Екатериной, и тою, которая имѣла силу въ Россіи въ пред-

ществовавшее время, нѣтъ никакой связи; что мнѣніе Неволіна, принимавшаго вліяніе Литовскаго Статута на введеніе нынѣшней десятилѣтней давности, невѣрно, и что, наконецъ, выраженіе «давность владѣнія» встрѣчается въ первый разъ въ Сводѣ Законовъ 1832 г.

Какъ ни важны нѣкоторые изъ недостатковъ сочиненія г. Энгельмана, указанныхъ рецензентомъ, они не могутъ заслонить собою существенныхъ достоинствъ его труда, которыя главнымъ образомъ состоятъ въ весьма внимательной разработкѣ многихъ источниковъ русскаго законодательства въ отношеніи къ давности по гражданскому праву, въ тщательномъ соображеніи сдѣланныхъ отсюда выводовъ съ предположеніями и заключеніями, находящимися въ разныхъ юридическихъ сочиненіяхъ и даже мелкихъ статьяхъ, въ стройной систематической группировкѣ разныхъ видовъ давности, дающей читателю впервые возможность, обнять и усвоить себѣ разомъ всѣ эти виды. Наконецъ предлагаемое авторомъ толкованіе тѣхъ мѣстъ изъ манифестовъ Императрицы Екатерины II 1775 и 1787, которыя относятся къ давности, чрезъ сличеніе ихъ съ современными имъ и позднѣйшими уставами, указами, сенатскими рѣшеніями и мнѣніями Государственнаго Совѣта, составляетъ такой полезный трудъ для правильнаго пониманія не только этихъ манифестовъ, но и статей о давности въ дѣйствующемъ законодательствѣ, что имъ однимъ, по справедливости, нельзя отказать въ значеніи историко-критической монографіи, составленной съ большимъ талантомъ.

III.

Монастырскій приказъ (1649—1725 г.). Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія священника М. И. Горчакова.

Рецензія этого сочиненія была, по приглашенію Академіи, составлена профессоромъ Московскаго университета И. Д. Бѣляевымъ, который заявилъ, что, по его мнѣнію, книга отъ Горчакова, не смотря на нѣкоторые недостатки, должна быть отне-

сена къ замѣчательнымъ явленіямъ въ современной нашей историко-юридической литературѣ.

Авторъ основалъ свой трудъ на строгомъ изученіи памятниковъ, не только печатныхъ, но и древнихъ письменныхъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ. Его сочиненіе распадается на двѣ части, изъ которыхъ въ одной представлены явленія церковной, государственной и юридической жизни Россіи, вызвавшія, какъ историческую необходимость, учрежденіе Монастырскаго приказа въ 1649 и 1701 годахъ, а въ другой изображены состояніе, права, дѣятельность и исторія Монастырскаго приказа по эпохамъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ судьбѣ его и въ развитіи вопросовъ, для которыхъ онъ существовалъ.

Разсмотрѣніе обстоятельствъ, вызвавшихъ учрежденіе Монастырскаго приказа въ 1649 г., авторъ начинаетъ съ введенія Христіанства въ Россію и затѣмъ излагаетъ постепенныя измѣненія въ законоположеніяхъ о духовенствѣ, поставившія Церковь, около половины XVII столѣтія, въ неудовлетворительныя и запутанныя отношенія къ обществу. Задачею учрежденнаго тогда Монастырскаго приказа былъ, по мнѣнію от. Горчакова, не одинъ вопросъ о гражданской подсудности духовенства, который могъ бы быть разрѣшенъ отдѣльно, отмѣною судебныхъ привилегій, но и еще важнѣйшій вопросъ—объ отчужденіи отъ Церкви вотчинъ и о передачѣ ихъ государству. Но причину, породившую этотъ вопросъ, надо искать не въ запутанности отношеній, обусловленной многочисленными привилегіями, а въ измѣненіи условій землевладѣнія къ государству и службѣ. Къ сожалѣнію, на эту важную историческую причину учрежденія Монастырскаго приказа авторъ не обратилъ вниманія, вслѣдствіе чего представленный имъ разборъ явленій, подготовившихъ это учрежденіе, страдает односторонностью и какъ бы недоконченностью.

По изслѣдованію от. Горчакова, устройство Монастырскаго приказа, со времени его открытія въ 1649 г. и до его перваго упраздненія въ 1677 г., т. е. въ періодъ Уложенія, имѣло крайне неопредѣленный характеръ, и подавало поводъ къ разнымъ за-

трудненіямъ для духовныхъ лицъ въ отношеніи къ суду гражданскому, — неопредѣленность, которая выказывалась и въ отношеніи круга дѣятельности приказа. Но авторъ упустилъ изъ виду, что этотъ недостатокъ былъ общъ Монастырскому приказу со всеми другими приказами того времени: всѣ они были судебными и вмѣстѣ административными, финансовыми, и даже полицейскими учрежденіями для лицъ и мѣстъ, имъ подвѣдомственныхъ; всѣ они представляли казенное управленіе тѣмъ или другимъ вѣдомствомъ въ дѣлахъ всякаго рода. Такимъ образомъ и Монастырскій приказъ былъ казеннымъ управленіемъ надъ духовенствомъ и лицами, связанными съ нимъ; слѣдовательно тутъ была полная опредѣленность, но только не въ отношеніи рода дѣлъ, а относительно лицъ и учреждений.

Обратившись къ Монастырскому приказу Петра Великаго, до подчиненія этого присутственнаго мѣста Св. Синоду, авторъ по необходимости долженъ былъ остановиться на перемѣнѣ условій поземельнаго владѣнія, какъ на одной изъ главныхъ историческихъ причинъ, вызвавшихъ учрежденіе Петровскаго приказа — обстоятельство, на которое онъ не обратилъ должнаго вниманія въ главѣ о Монастырскомъ приказѣ по Уложенію, гдѣ, по мнѣнію рецензента, было надлежащее мѣсто изложенію этого обстоятельства. Но и здѣсь не затронуть главный и основной вопросъ — о перемѣнѣ отношеній во всѣхъ разрядахъ поземельнаго владѣнія, происходившей вслѣдствіе постоянного стремленія правительства къ тому, чтобы *земля изъ службы не выходила*, которое наконецъ привело къ тому, что къ началу XVIII столѣтія сгладилось всякое различіе между помѣстными и вотчинными землями служилыхъ людей. Вмѣсто этого общаго начала, послужившаго основаніемъ сперва къ ограниченію приобрѣтенія вотчинъ церковными учрежденіями, а потомъ къ постепенной секуляризаціи монастырскихъ и другихъ церковныхъ вотчинъ, от. Горчаковъ выставляетъ лишь частные случаи. Съ удивительнымъ стараніемъ собралъ онъ множество примѣровъ отчужденія церковныхъ вотчинъ въ пользу государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ; но какъ ни ве-

лико ихъ число, они не могутъ замѣнить указанія на начало, изъ котораго всё они вытекаютъ.

Изложеніе самой исторіи Монастырскаго приказа 1701—1720 годовъ отличается особенною отдѣлкою и тщательнымъ изученіемъ памятниковъ, такъ что весь этотъ отдѣлъ книги отъ Горчакова есть воспроизведеніе подлинныхъ свидѣтельствъ того времени, живо и наглядно изображающихъ постепенное развитіе Петровскаго приказа. Здѣсь не пропущено ничего, что могло способствовать полнотѣ изслѣдованія. Въ заслугу автору надо поставить большую подробность, съ которою онъ указываетъ на разнообразнѣйшіе предметы вѣдомства Монастырскаго приказа, и удивительное стараніе, съ которымъ онъ собралъ свѣдѣнія о постепенномъ развитіи каждаго разряда дѣлъ въ приказѣ. Читатель найдетъ здѣсь также нѣсколько весьма любопытныхъ статистическихъ данныхъ о числѣ крестьянскихъ дворовъ, бывшихъ въ разное время въ завѣдываніи приказа, и о числѣ дворовъ, оставленныхъ за монастырями и прочими церковными учрежденіями. Авторъ, на основаніи собранныхъ имъ данныхъ, начерталъ живую и вѣрную картину безпорядковъ, происходившихъ въ управленіи имѣніями, перешедшими въ вѣдѣніе приказа, обстоятельно прослѣдилъ распоряженія его по устройству и обезпеченію церковныхъ учрежденій, имѣнія которыхъ поступили подъ его смотрѣніе, мѣры, принятыя приказомъ по устройству школъ, печатанію и продажѣ книгъ и по дѣламъ благотворительности.

Самую обширную отрасль дѣятельности Монастырскаго приказа въ эту пору составляли дѣла по финансовой части, въ виду которой главнымъ образомъ онъ и былъ возстановленъ Петромъ Великимъ. Разсматривая эти дѣла и перечисляя различные сборы, поступавшіе въ приказъ, авторъ представилъ немало статистическихъ данныхъ, помогающихъ изученію Петровскаго времени, хотя и не избѣгъ нѣкоторыхъ промаховъ и неудачныхъ объясненій, безъ которыхъ впрочемъ почти нельзя обойтись, работая, подобно отъ Горчакову, надъ разнообразнымъ сырымъ матеріаломъ и при неудовлетворительномъ состояніи исторіи финансовъ въ Россіи.

Кратковременная исторія послѣдняго, или иначе, Синодальнаго Монастырскаго приказа, составлена авторомъ по архивнымъ документамъ и содержитъ въ себѣ много подробностей, превосходно характеризующихъ тогдашнюю эпоху; въ ней встрѣчаются указанія на соперничество разныхъ вѣдомствъ, которыя старались мѣшать другъ другу и чрезъ то затрудняли новоустроенный Петромъ механизмъ государственнаго управленія. Въ небольшой исторіи Монастырскаго приказа авторъ сумѣлъ отыскать такія черты времени, которыхъ историка еще не замѣчали.

Въ концѣ своей книги от. Горчаковъ помѣстилъ, въ видѣ приложения, до 50 документовъ, извлеченныхъ изъ дѣлъ Московскаго главнаго архива министерства юстиціи, и состоящихъ изъ разныхъ распоряженій и вѣдомостей приказа; они заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ данныхъ, относящихся къ первому двадцатипятилѣтію XVIII вѣка, и въ томъ числѣ такія, которыя до сихъ поръ не были извѣстны, по крайней мѣрѣ въ печати.

IV.

О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. Изслѣдованіе А. Котляревскаго.

Г. Котляревскій поставилъ себѣ задачею свести въ одно цѣлое разрозненные и доселѣ разбросанные факты, относящіеся до погребальныхъ обычаевъ языческихъ Славянъ, критически разсмотрѣть ихъ, опредѣлить настоящій ихъ смыслъ и степень значенія, и наконецъ собрать ихъ, по возможности, въ стройный порядокъ систематическаго изложенія. Имѣя въ виду нынѣшнее состояніе науки о славянскихъ древностяхъ, авторъ прямо заявляетъ, что онъ не имѣлъ притязанія ни на особую новизну выводовъ, ни на исчерпывающую полноту фактовъ. Изслѣдованіе его распадается на двѣ главныя части: первая посвящена критическому разсмотрѣнію источниковъ: языка, народнаго быта, извѣстій письменныхъ и могильныхъ памятниковъ; вторая — представляетъ си-

стематическое и отчасти историческое обозрѣніе понятій языческихъ Славянъ о посмертномъ существованіи и ихъ погребальныхъ обычаевъ.

Коммиссія, при оцѣнкѣ этого сочиненія, имѣла предъ собою отзывы о немъ г. Гануша и Академика И. И. Срезневскаго.

Почтенный Пражскій ученый, въ письмѣ на имя Академіи, незадолго до своей смерти, выражался о трудѣ г. Котляревскаго съ особенною похвалою, называя его превосходнымъ и указывая на обнаруженное въ немъ знакомство автора съ литературою предмета; но замѣчаетъ, что этимъ однако онъ не хочетъ сказать, чтобы мы достигли конечнаго результата изслѣдованій о предметѣ. Правда, мы знаемъ многіе и любопытные погребальные обычаи Славянъ: извѣстія о нихъ собраны, но многимъ изъ этихъ извѣстій не достаетъ полноты и цѣлости, такъ что ихъ пониманіе еще не дошло до органическаго опредѣленія, которое обнимало бы ихъ начало и развитіе. По замѣчанію г. Гануша, у языческихъ Славянъ, кажется, существовала не одна религіозная система, и именно въ отношеніи къ мѣсту и времени. Такъ напр. система о упыряхъ вовсе не совпадаетъ со временемъ славянскихъ религіозныхъ системъ, и славянская религіозная система сожиганія мертвыхъ тѣлъ противоположна системѣ погребанія ихъ, такъ какъ та и другая предполагаютъ различные взгляды на огонь и землю. Необходимо было бы посредствомъ монографій разобрать научнымъ образомъ эти несходныя между собою религіозныя системы и различить по мѣсту и времени то, что различно по формѣ и содержанію. Рецензентъ считаетъ, что нѣтъ никакой причины довольствоваться обыкновеннымъ раздѣленіемъ для отличенія періода каменнаго отъ бронзоваго и желѣзнаго, такъ какъ оно основывается не на фактахъ, а только на предположеніи, которое по нѣсколькимъ случайнымъ даннымъ приводитъ къ заключенію о цѣломъ. Весьма мѣтно замѣчаетъ онъ, что еще слишкомъ мало обращается вниманія на вліяніе древней торговли, которая между прочимъ могла заносить предметы, относящіеся до погребенія и сожиганія мертвыхъ, такъ

что того, что мы находимъ въ землѣ, еще нельзя безъ дальнѣйшаго разбора принимать за продуктъ славянскій, литовскій или нѣмецкій: часто это продуктъ, занесенный торговлею, но откуда — неизвѣстно.

Академикъ Срезневскій, отзываясь весьма одобрительно о книгѣ г. Котляревскаго, замѣтилъ, что въ ней мы имѣемъ полный сводъ данныхъ о древнихъ славянскихъ погребальныхъ обычаяхъ и понятіяхъ — сводъ, оживленный мыслію и свидѣтельствующій объ основательномъ знакомствѣ автора не только съ источниками, но и со всѣми важными трудами, относящимися къ избранному имъ предмету. Все это заставляетъ смотрѣть на книгу г. Котляревскаго съ особеннымъ уваженіемъ и внушаетъ снисхожденіе къ тѣмъ пробѣламъ и ошибкамъ, которые въ ней встрѣчаются, въ особенности съ точки зрѣнія филологической.

V.

Изслѣдованіе объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, В. Макушева.

Свой приговоръ объ этомъ сочиненіи, составляющемъ плодъ болѣе чѣмъ четырехлѣтнихъ трудовъ автора по собиранію и работкѣ историческихъ матеріаловъ, Коммиссія основала на отзывѣ одного изъ членовъ своихъ, Академика И. И. Срезневскаго. Кромѣ того Коммиссія имѣла въ виду рецензію, составленную Н. А. Поповымъ, къ которому Академія обращалась съ просьбою сообщить его мнѣніе объ этомъ сочиненіи.

Авторъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія одинъ изъ городовъ Адриатическаго моря, имѣвшихъ наиболѣе важное значеніе въ средневѣковой исторіи того края и въ исторіи южныхъ Славянъ; главною его цѣлью было указать и по мѣрѣ важности описать и оцѣнить источники для исторіи Дубровника, значительная часть которыхъ отчасти оставалась неизвѣстною. Разсмотрѣнію этихъ источниковъ онъ счелъ необходимымъ предпослать обзоръ исторіи Дубровника, его устройства, быта и отношеній къ

другимъ городамъ и государствамъ. Какъ ни кратокъ этотъ обзоръ, не отличающійся въ добавокъ и систематическимъ изложениемъ фактовъ, а касающійся преимущественно лишь нѣкоторыхъ вопросовъ, которые авторъ считалъ спорными, однако онъ представляетъ большой интересъ по множеству входящихъ въ него эпизодовъ изъ бытовой исторіи Дубровника и по оживленности, которую авторъ сумѣлъ придать своему изложенію.

Что касается до самыхъ источниковъ Дубровницкой исторіи, то авторъ собралъ и описалъ преимущественно такіе, которые относятся къ исторіи внѣшней. Можно было бы пожелать и здѣсь болѣе стройности и послѣдовательности въ распредѣленіи предметовъ и въ способѣ ихъ изслѣдованія; въ иныхъ случаяхъ г. Макушевъ ограничивается сообщеніемъ біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ и краткимъ изложеніемъ содержанія ихъ сочиненій, а въ другихъ старается пополнить свѣдѣнія, представленныя его предшественниками въ этомъ дѣлѣ, дѣлаетъ выписки изъ ихъ сочиненій, особенно неизданныхъ, и только въ немногихъ случаяхъ подвергаетъ болѣе или менѣе подробной критикѣ сочиненія, приводимыя имъ въ общемъ обзорѣ.

Вообще сочиненіе г. Макушева можно упрекнуть въ неполнотѣ, въ слишкомъ общихъ и внѣшнихъ приемахъ изслѣдованія и въ неоправдываемыхъ прочными доводами сужденіяхъ о трудахъ другихъ ученыхъ. Не смотря на то, эта книга, какъ первый въ русской литературѣ опытъ изученія исторіи одной изъ отраслей славянскихъ племенъ въ обширныхъ размѣрахъ, имѣетъ значеніе полезнаго пособія для занимающихся славянствомъ.

VI.

Происхожденіе Русскихъ былинъ. Сочиненіе В. В. Стасова.

Это сочиненіе, при появленіи своемъ въ свѣтъ, обратило на себя, въ нашихъ ученыхъ и литературныхъ кругахъ, всеобщее вниманіе и послужило поводомъ къ горячимъ литературнымъ спорамъ, которые ясно показали, что сочиненіе касается весьма

важныхъ вопросовъ о Русской старинѣ и высказываемыми въ немъ взглядами затрогиваетъ не одни чисто научные интересы.

Это обстоятельство налагало на Коммиссію обязанность приложить особенную заботу о томъ, чтобы при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ этого сочиненія были устранены все другія соображенія, кромѣ ученыхъ. Коммиссія полагаетъ, что она исполнила эту обязанность, избравъ въ рецензенты сочиненія г. Стасова: Академикъ Ѳ. И. Буслаевъ и А. А. Шифнера.

Въ разборѣ, составленномъ первымъ изъ нихъ, подробно разсмотрѣны положенія автора, съ которыми критикъ не находитъ возможности согласиться, и обращено вниманіе на недостатки метода, приложеннаго авторомъ къ его изслѣдованію; но вмѣстѣ съ тѣмъ высказано, что трудъ г. Стасова, по новости проводимаго имъ взгляда и по обширности собраннаго матеріала, заслуживаетъ вниманія.

Академикъ Шифнеръ съ своей стороны, какъ оріенталистъ и какъ ученый специально изучавшій исторію мифовъ и сказокъ у разныхъ народовъ, подвергъ критическому разбору главныя положенія автора о восточномъ происхожденіи Русскихъ былинъ, причѣмъ доказалъ, что, въ нынѣшнемъ положеніи нашихъ знаній по этому предмету, не только нельзя согласиться съ главнымъ выводомъ изслѣдованія г. Стасова о томъ, что все наши былины заимствованы отъ Тюрковъ и Монголовъ, но что напротивъ русскіе рассказы, вмѣстѣ съ чужими элементами Скандинавскаго сѣвера, занесены къ тюркскимъ и монгольскимъ племенамъ посредствомъ Новгородскихъ промышленниковъ и удалыхъ казаковъ. Въ заключеніе своей рецензіи, г. Шифнеръ замѣчаетъ, что хотя г. Стасовъ не успѣлъ доказать восточное происхожденіе Русскихъ былинъ, совершившееся, будто бы, въ сравнительно довольно позднее время, т. е. начиная съ XIII вѣка, черезъ вліяніе монгольскихъ и тюркскихъ племенъ, обладающихъ большимъ числомъ древне-азіатскихъ мотивовъ въ позднѣйшей буддійской редакціи, и хотя должно напротивъ признать, что буддійская редакція древнѣе другихъ редакцій и ближе къ древне-арійскимъ

первообразамъ, такъ что уже этимъ самымъ могло бы объясняться то большое сходство, которое г. Стасовъ находить въ нихъ съ нѣкоторыми чертами Русскихъ былинь, тѣмъ не мѣнѣ трудъ г. Стасова весьма замѣчателенъ. Въ особенности заслугою его надобно признать критическій взглядъ на Русскихъ богатырей. Возставъ противъ выводовъ прежнихъ изслѣдователей, усиливавшихся видѣть въ Добрынѣ, Ильѣ Муромцѣ и другихъ богатыряхъ представителей разныхъ сторонъ древне-русскаго быта, г. Стасовъ заставилъ правильнѣе взглянуть на особенности нашей эпической поэзіи, подлежащей впрочемъ общимъ законамъ этого рода народнаго творчества, и тѣмъ приобрѣлъ несомнѣнное право на признаніе за нимъ заслуги въ отношеніи къ русской словесности. Къ этому нельзя не прибавить, что г. Стасовъ, при помощи своей обширной начитанности, успѣлъ изобразить съ большою подробностью богатырскій бытъ, какимъ онъ является въ Русскихъ былинахъ и въ произведеніяхъ восточной поэзіи.

VII.

Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Самина, препод. Игумена Волоцкаго. Соч. И. П. Хрущева.

По вызову Академіи, разборы этого сочиненія составлены Членомъ Корреспондентомъ Академіи К. И. Невоструевымъ и Членомъ Археографической Коммиссіи Н. И. Костомаровымъ.

Первый, въ весьма пространной, составленной имъ рецензій, показалъ, что достоинства сочиненія г. Хрущева особенно обнаруживаются во *Вступленіи*, при обзорѣ источниковъ, а также трудовъ новѣйшихъ ученыхъ, въ 1-й главѣ—въ очеркѣ основателей монастырей въ сѣверовосточной Руси въ XIV и XV вѣкахъ, и въ частности Пафнутія Боровскаго, и затѣмъ въ жизнеописаніи самого Іосифа, отъ поступления его въ Пафнутіевскій монастырь до полнаго устроенія собственной обители на правилахъ общежитія, съ обзорѣнемъ устава его и разныхъ посланій

къ частнымъ лицамъ. Рецензентъ одобряетъ также сдѣланное авторомъ, во 2-й главѣ, изложеніе борьбы Іосифа съ ересью, замѣчая, что оно отличается полнотою и правильностію расположенія частей; хорошо и съ употребленіемъ источниковъ изложено въ 3-й главѣ дѣло Іосифа съ Серапіономъ Новгородскимъ. Наконецъ, по мнѣнію рецензента, нельзя не одобрить плана и полноты и остальныхъ частей; кромѣ того все сочиненіе имѣетъ и литературное достоинство—въ очертаніи лицъ и дѣйствій, въ отдѣлкѣ и въ чистомъ и легкомъ языкѣ. Но при такихъ достоинствахъ, книга имѣетъ и значительные недостатки. При полнотѣ своей, она содержаніемъ своимъ далеко уклоняется отъ своего названія. Въ заглавіи обѣщано изслѣдованіе о сочиненіяхъ преп. Іосифа, т. е. трудъ литературный, а на самомъ дѣлѣ представленъ трудъ болѣе историческій, въ которомъ преимущественно обращено вниманіе на жизнь и дѣятельность Іосифа и на другія сопрякосновенныя обстоятельства, изъ которыхъ нѣкоторые, подробно раскрываемыя, мало относились къ задачѣ. Между тѣмъ самыя сочиненія Іосифа не опѣнены достаточно, ни въ литературномъ, ни въ богословскомъ отношеніи. Въ изложеніи автора, г. Невоструевъ замѣтилъ большіе или меньшіе недостатки и ошибки.

Н. И. Костомаровъ, въ своей рецензіи, не причисляетъ книгу г. Хрущова къ такимъ произведеніямъ, которыя высказывали бы о данномъ предметѣ все, что, послѣ предшествовавшихъ работокъ его, можетъ назваться послѣднимъ словомъ науки въ данное время, или которыя научнымъ образомъ разрѣшали бы важные вопросы. Напротивъ, по замѣчанію рецензента, авторъ обходитъ крупныя, объединительныя вопросы, которые сами собою возникаютъ при занятіи предметомъ, а гдѣ по необходимости онъ касается нѣкоторыхъ, тамъ ему удается меньше, чѣмъ при разсмотрѣніи и изложеніи мелочныхъ подробностей. Такъ напримѣръ, желая уяснить значеніе Іосифа Санина въ ряду русскихъ подвижниковъ и основателей монастырскихъ общинъ, авторъ имѣлъ намѣреніе собрать воедино разсѣянныя черты и возсоздать изъ нихъ общій типъ подвижника. Рецензентъ называетъ хорошимъ на-

чало, сдѣланное г. Хрущевымъ для осуществленія этой задачи; нѣкоторыя черты найдены и сопоставлены удачно. Но авторъ не достигъ своей цѣли въ научномъ отношеніи, потому что къ типу XV вѣка, которымъ онъ занимается, онъ примѣшалъ то, что принадлежитъ именамъ XIV, XVI и даже XVII вѣковъ, не указавъ сходства и различія между признаками равныхъ и позднѣйшихъ временъ, не подвергъ критикѣ житія, служація ему источникомъ, и не опредѣлялъ, что въ каждомъ изъ нихъ есть самобытнаго и что въ нихъ болѣе или менѣе одинаковаго, откуда эта одинаковость, и какъ изъ одной въ другую переходили общепринятія черты. Наконецъ, авторъ не показалъ преемственнаго происхожденія нашего подвижничества съ востока и не опредѣлялъ, на сколько оно приняло мѣстныхъ свойствъ и является своеобразнымъ, и чѣмъ отличается отъ подобныхъ явленій въ иныхъ странахъ. Такого же рода недостатки усматриваетъ г. Костомаровъ у автора и тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ уставѣ Іосифа Волоцкаго и его сочиненіяхъ, касающихся устройства монастырскаго быта; важность ихъ, и самихъ по себѣ, и по сравненію съ другими явленіями монашескаго строя, требовала того, чтобы къ ученому разбору ихъ было приложено болѣе труда. Подобное же требованіе заявляетъ рецензентъ и по поводу нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, входящихъ въ составъ избранной авторомъ задачи, и которые много выиграли бы, если бы были озарены свѣтомъ философской мысли. Книгу же г. Хрущева можно назвать лишь указателемъ къ сочиненіямъ Іосифа и вмѣстѣ біографіею послѣдняго. Читатель изъ нея узнаетъ: въ какихъ рукописныхъ сборникахъ находятся писанія самого Волоцкаго игумена и другихъ, писавшихъ о немъ, и о предметахъ, касающихся его, а равно и о томъ, гдѣ нѣкоторыя напечатаны. Кромѣ того въ книгѣ изложены: содержаніе Іосифовыхъ словъ и посланій, поводы, служившіе къ ихъ написанію, и обстоятельства, сопровождавшія ихъ. Въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Хрущева, по сознанію рецензента, можно назвать удовлетворительнымъ на столько, что оно должно будетъ служить на-

стольнымъ указателемъ для того, кто вознамѣрился бы написать ученое изслѣдованіе объ Іосифѣ Санинѣ. Принимая во вниманіе, что сочиненіе г. Хрущова, какъ специальное о твореніяхъ и жизни Іосифа, есть все таки самое полезное для будущихъ писателей по этому предмету, что несмотря на важные недостатки, оно есть плодъ труда усидчиваго и добросовѣстнаго и наконецъ, что это — первое произведеніе автора, человѣка молодаго, для котораго награда будетъ служить поощреніемъ къ дальнѣйшей ученой дѣятельности, рецензентъ считаетъ его достойнымъ награды.

На соисканіе Уваровскихъ наградъ за драматическія произведенія, въ нынѣшнемъ году было представлено *семь* пьесъ: двѣ печатныхъ и пять рукописныхъ.

Коммиссію, на которую Общимъ собраніемъ Академіи было возложено рассмотреть эти сочиненія и произнести о нихъ приговоръ, составляли, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, — Академики А. В. Никитенко, Я. К. Гротъ, И. И. Срезневскій, П. П. Пекарскій, А. Ѳ. Бычковъ, Н. Г. Устряловъ и В. В. Вельяминовъ-Зерновъ. Впослѣдствіи, по причинѣ болѣзни г. Пекарскаго и отсутствія г. Вельяминова-Зернова изъ Петербурга, вмѣсто ихъ къ составу Коммиссіи принадлежали Академики А. А. Куникъ и Н. И. Кокшаровъ.

По обстоятельномъ разсмотрѣніи конкурсныхъ пьесъ, Коммиссія единогласно постановила, что въ нынѣшнемъ году нѣтъ повода присудить кому-либо премію за драматическое сочиненіе.

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, Академія сочла своимъ долгомъ публично выразить свою признательность постороннимъ рецензентамъ, оказавшимъ ей содѣйствіе сообщеніемъ отзывовъ о порученныхъ имъ разсмотрѣнію сочиненіяхъ, и четыремъ изъ нихъ, а именно Н. В. Калачову, К. И. Невоструеву, И. Д. Бѣляеву и А. И. Артемьеву присудила установленныя для сего золотыя Уваровскія медали.

Въ заключеніе имѣемъ честь довести до общаго свѣденія, что Академія положила возобновить приглашеніе о доставленіи отвѣтныхъ сочиненій на предложенныя ею въ 1867 году задачи для совсканія поощрительной Уваровской преміи (въ 500 руб.). Эти задачи суть слѣдующія:

- 1) Исторія древнерусскихъ княжествъ.
- 2) Объ историческихъ отношеніяхъ польскаго народа и государства къ русскому племени.
- 3) О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ литовскихъ гѣтописей.
- 4) Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ Русскими въ Сѣверо- и Юго-Западномъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVIII столѣтій.

ЗАДАЧИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ НА СОВСКАНІЕ ПООЩРИТЕЛЬНЫХЪ ПРЕМІЙ ГРАФА УВАРОВА.

Независимо отъ большихъ и малыхъ наградъ графа Уварова, Положеніемъ объ этихъ наградахъ установлена особая *поощрительная премія* (500 р.) за удовлетворительное рѣшеніе задачъ, предлагаемыхъ Академіею по исторіи и древностямъ русскимъ.

На нынѣшній разъ Академія предлагаетъ слѣдующія задачи.

I.

Исторія древне-русскихъ княжествъ.

Монографіи, касающіяся исторіи древне-русскихъ княжествъ, вообще не многочисленны и не всѣ удовлетворяютъ условія со-

временной науки. Принимая это во вниманіе, Академія приглашаетъ желающихъ заняться изслѣдованіями по этому предмету. Имѣя въ виду обширность задачи, Академія предоставляетъ конкурентамъ — самимъ избрать себѣ предметомъ то или другое княжество и дать своему сочиненію болѣе или менѣе обширный объемъ. Хотя наша историческая литература еще нуждается въ хорошихъ сочиненіяхъ касательно исторіи княжествъ: Кіевскаго, Полоцкаго, Смоленскаго, Владимірскаго, Тверскаго и пр., однако къ конкурсу допускаются, кромѣ сочиненій объ этихъ достояніяхъ Рюриковой династіи, и изслѣдованія о литовско-русскихъ княжествахъ Гедиминовой династіи.

II.

Объ историческихъ отношеніяхъ польскаго народа и государства къ русскому племени.

Предметъ этотъ уже самъ по себѣ столь богатъ важными эпизодами, что, предлагая соискателямъ заняться имъ, Академія предоставляетъ ихъ произволу избрать себѣ какой-либо специальный предметъ по этой отрасли исторической науки. Не излишне однако замѣтить, что здѣсь, подъ историческими отношеніями, разумѣются не исключительно войны и дипломатическія сношенія Польши съ Россіей, но и литературныя, юридическія и церковныя дѣла, преимущественно великаго княжества Литовскаго, въ которыхъ отразилась борьба польскаго и русскаго элементовъ. Само собою разумѣется, что авторъ, разбирая эту борьбу, долженъ соблюдать строгое безпристрастіе въ оцѣнкѣ историческихъ личностей и событій.

Хотя Академія не желаетъ стѣснять конкурентовъ въ выборѣ специальныхъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью разъяснить историческія отношенія польскаго племени къ русскому, однако она сочла полезнымъ на этотъ разъ обратить особенное вниманіе ученыхъ на два слѣдующіе предмета:

III.

О составѣ Западно-Русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ, лѣтописей.


Въ ряду источниковъ отечественной исторіи занимаютъ не послѣднее мѣсто Западно-Русскія лѣтописи о великомъ княжествѣ Литовскомъ. До насъ дошло нѣсколько ихъ списковъ; изъ нихъ одинъ напечатанъ, другіе остаются еще въ рукописяхъ; сверхъ того, есть указанія въ польскихъ историкахъ на существованіе лѣтописей этого же разряда, болѣе подробныхъ, чѣмъ тѣ, которыя находятся теперь у насъ въ рукахъ. Академія предлагаетъ на разрѣшеніе слѣдующую задачу: опредѣлить по печатнымъ спискамъ, а, если угодно, и по рукописнымъ, время составленія дошедшихъ до насъ Западно-Русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ, лѣтописей и ихъ составъ, и показать, какими извѣстіями изъ этихъ лѣтописей воспользовались съ одной стороны составители Русскихъ лѣтописныхъ сборниковъ, а съ другой польскіе историки какъ на прим.: Длугошъ, Стрыйковский, Бѣльскій и другіе. При этомъ, изъ польскихъ историковъ необходимо сдѣлать выборку событій, имѣющихъ отношеніе къ Западно-Русскому краю и не находящихся въ напечатанныхъ спискахъ Западно-Русскихъ лѣтописей; расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и привести соответствующія имъ мѣста, если таковыя имѣются, изъ Сѣверно-Русскихъ и Южно-Русскихъ лѣтописей, и указать, какія изъ этихъ извѣстій и на какомъ основаніи должны были находиться въ Литовскихъ лѣтописяхъ.

IV.

Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ русскими въ Сѣверо- и Юго-Западномъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVIII столѣтій.

Сочиненія эти хотя и касаются по большей части богословскихъ предметовъ, однако въ то же время заключаютъ въ себѣ

не мало характеристическихъ чертъ и указаній для исторіи политическихъ отношеній, нравовъ и просвѣщенія помянутой эпохи. вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ сохранены свѣдѣнія о писателяхъ и дѣятеляхъ, въ настоящее время или забытыхъ, или очень мало извѣстныхъ. Все это имѣетъ значеніе не только по отношенію къ исторіи русской литературы, но и для уразумѣнія духа и направленія умовъ въ тѣхъ краяхъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ изслѣдованіи нельзя пройти безъ вниманія польско-латинскія книги и брошюры, которыя или вызывали, или преслѣдовали полемическія сочиненія бѣлорусскія и малорусскія; но такъ какъ о первыхъ есть уже обстоятельныя описанія въ польской литературѣ (въ трудахъ Іохера, Вишневецаго, Мацѣевскаго и друг.), то о нихъ въ обзорѣнн можно говорить лишь на столько, на сколько эти книги и брошюры служатъ матеріаломъ для разъясненія бѣлорусскихъ и малорусскихъ произведеній.



ОТЗЫВЪ

О СОЧИНЕНІИ В. СТАСОВА:

«Происхожденіе русскихъ былинъ.»

Академика О. И. Буслаева.

Порученное мнѣ для разбора сочиненіе имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе о восточномъ, и именно о монгольскомъ и тюркскомъ происхожденіи русскихъ былинъ. Это изслѣдованіе привело автора къ тому результату, что «какъ въ отношеніи состава, такъ и подробностей, наши былины — довольно тощій и сильно кастрированный экстрактъ восточныхъ поэмъ и пѣсенъ, и при томъ точно такой же, какъ и наши сказки» (часть 3-я, гл. IX, стр. 634). «Коренныхъ подробностей дѣйствительно славянскаго и русскаго національнаго быта и жизни — въ нашихъ былинахъ нѣтъ». — «Передъ нами картина, вся составленная изъ азіатскихъ подробностей. Здѣсь у насъ передъ глазами: климатъ жаркой азіатской полосы, безъ зимы, морозовъ, льда и снѣга; вездѣ азіатскія степи и горы; табуны коней кочевыхъ народовъ; слоны, барсы, львы, соболи, чуть не на улицахъ городскихъ; *блокаменныя* палаты азіатскихъ народовъ; чисто-азіатскіе купеческіе корабли и чисто-азіатскій купеческій бытъ; азіатская ранняя письменность и грамотность, условленная брахманствомъ и буддѣйствомъ; монастыри, странствія и омовенія, по преимуществу буддѣйскаго характера; богатыри всегда верхомъ; вооруженіе, способъ боя, чисто-азіатскіе; богатырши — совершенно азіатскаго характера; казни, образъ жизни и привычки азіатскія; рѣчи, эпическія выраженія, наконецъ характерныя числа и многія имена — все это не русское, а азіатское. И мало того, что все это азіатское вообще: мы на каждомъ шагу убѣждаемся,

что подробности и обстановка эта всего чаще имѣютъ фizioномію монгольскую и тюркскую, времени буддійскаго» (ч. 3-я, гл. XIII, стр. 336). Если русскія былины и имѣютъ нѣкоторое сродство съ эпическими преданьями другихъ индо-европейскихъ народовъ, то потому только, что это первобытное сродство, эти общіе зародыши эпическихъ сказаній прежде уже существовали въ тѣхъ азіатскихъ, монгольскихъ и тюркскихъ оригиналахъ, которые потомъ были съ разными искаженьями пересказаны русскимъ народомъ въ его былинахъ. Потому, между русскими былинами и эпическими сказаньями германскими, литовскими, греческими, нѣтъ прямой, непосредственной связи, равно какъ и съ эпическими пѣснями другихъ славянскихъ племенъ (ч. 3, гл. XIV, стр. 343). Русская Авдотья Лиховидьевна или вѣщяя дочь Микулы Селяниновича могутъ имѣть нѣкоторое сродство съ скандинавскою Валькирією или съ вѣщею дочерью ляхо-чешскаго Крака или Крока, но не сами по себѣ, а благодаря нѣкоторой миусинской татаркѣ, или же монгольской вѣдьмѣ, которыя воплотили въ себѣ ранній идеалъ какой нибудь индійской богини (ч. 2-я, I, 667; II, 677). Какъ произведенья заносныя, перенятая у азіатскихъ кочевниковъ, наши былины не коренятся на родныхъ преданьяхъ русской земли; не имѣютъ онѣ ни чего общаго съ древними національными сказаньями, каково напримѣръ Слово о полку Игоревѣ (3, XIII, 339). Онѣ предлагаютъ рядъ неудачныхъ и часто бессмысленныхъ передѣлокъ того, что самостоятельно, органически и разумно сложилось у тѣхъ кочевыхъ ордъ, которыя во времена татарщины внесли на Русь буддійскую мудрость (3, XIV, 343). Чтобъ уяснить себѣ самый смыслъ нашихъ былинъ, надобно возвести ихъ къ ихъ первообразу въ пѣсняхъ и сказаньяхъ монгольскихъ и тюркскихъ (3, IX, 626 и слѣд.). Въ сравненіи съ этимъ первообразомъ «наши былины, въ отношеніи мотивовъ психическихъ и иныхъ, оказываются чѣмъ-то урѣзаннымъ, кастрированнымъ» (3, IX, 629). По своему психологическому развитію герой русской былины стоитъ на одной степени съ собакою и кошкою; «едва-ли не единственныя душевныя движенія, приписываемыя былинами нашимъ богатырямъ — какъ сказано въ рукописной вставкѣ къ выше означенной страницѣ — состоятъ въ томъ, что тотъ или другой между ними *пріужажется* или же *не пріужажается*; что у него *разорится сердце ретивое и раскинется кровь молодецкая*; что ему станетъ *зарко* или *досадно*. Но все это чувства самыя, можно сказать, первоначальныя и грубыя, еще общія чело-вѣку съ низшими животными: испугаться, разгорѣться сердцемъ

почувствовать зоркость и досаду способна и собака, и кошка, и птичка, точно так же, какъ Добрыня или Дунай». Иное дѣло — «пѣсни киргизскія, сибирско-татарскія, телеутскія, сагайскія, монгольскія, калмыцкія. Здѣсь можно было-бы набрать гамму самыхъ разнообразныхъ психическихъ движеній и настроеній» (3, IX, 628).

I.

Таковы результаты, извлекаемые авторомъ изъ сравненія нашихъ былинъ съ эпическими сказаньями и пѣснями азиатскихъ народовъ, начиная отъ Индійцевъ и Персовъ до минусинскихъ татаръ и киргизовъ.

Изслѣдованье дѣлится на три части. Въ первой разсматриваются двѣ сказки: о Ерусланѣ Лазаревичѣ и Жарь-птицѣ. Первая сближается съ эпизодами Шахъ-Намэ о Рустемѣ, вторая — съ сказкою Сомадевы. Во второй части, сравнительно съ восточными оригиналами, разобрано нѣсколько русскихъ былинъ, а въ третьей предложены общіе выводы о составѣ былинъ и о бытѣ, въ нихъ изображенномъ.

Изъ былинъ разобраны слѣдующія: о Добрынѣ, Потокѣ, Иванѣ гостинномъ сынѣ, о Ставрѣ бояринѣ, о Соловьѣ Будимировичѣ, Садкѣ, о Сорока каликахъ съ каликою, объ Ильѣ Муромцѣ, Дунаѣ и о Ванькѣ вдовкиномъ сынѣ.

Методъ, принятый въ разборѣ, хотя состоитъ въ сравненіи, но не можетъ быть названъ *сравнительнымъ* въ томъ смыслѣ, какъ онъ принятъ въ сравнительной грамматикѣ, въ сравнительныхъ изслѣдованіяхъ мѣологии и народнаго безъискусственаго эпоса. Собственно сравнительный методъ извлекаетъ изъ сравненія родственныхъ національностей общія имъ всѣмъ первобытныя основы въ языкѣ, преданьяхъ, вѣрованьяхъ и бытѣ, и затѣмъ отличаетъ индивидуальныя, характеристическія особенности, которыми различаются между собою всѣ эти національности въ слѣдствіе самостоятельнаго, историческаго развитія каждой изъ нихъ въ отдѣльности. По методу сравнительному языки, преданія и вѣрованія могутъ быть между собою родственны только въ общихъ чертахъ и различны въ подробностяхъ; напр. сказанія о Егоріи Храбромъ, о Скандинавскомъ Зигурдѣ, объ англо-саксонскомъ Беовульфѣ, о нашемъ Добрынѣ Никитичѣ, между собою родственны по борьбѣ съ Змеемъ, но различаются по множеству подробностей, зависящихъ отъ дѣлаго ряда временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ,

при которыхъ развивались эти сказанія въ той или другой народности. Что же касается до метода, принятаго авторомъ «Происхожденія русскихъ былинъ», то это методъ *историческій*, то есть, такой, посредствомъ котораго опредѣляется случайное, историческими обстоятельствами вызванное заимствованіе одною національностью у другой — языка, вѣры, нравовъ, обычаевъ, сказаній. Такъ изслѣдуется, на примѣръ, переходъ грамматическихъ формъ и лексикологическаго запаса языка латинскаго въ языки романскіе, вліяніе греческаго языка на славянскій въ переводѣ церковныхъ книгъ, распространеніе повѣстей и анекдотовъ по разнымъ странамъ въ средневѣковыхъ новеллахъ, *fabliaux*, *Aventueuer* и т. п. Если сказаніе заимствовано изъ чужеземнаго оригинала, то оно съ нами сходится не только въ общихъ чертахъ, но и въ подробностяхъ, болѣе или менѣе искаженныхъ при заимствованіи и при передачѣ заимствованнаго. Такъ духовный стихъ объ Алексѣѣ Божіемъ человекѣкъ согласуется и въ цѣломъ и въ подробностяхъ съ житіемъ этого святаго.

Заимствованіе сказанія однимъ народомъ у другаго соотвѣтствуетъ вообще всякому *литературному* заимствованію и происходитъ по большей части путемъ литературнымъ, то есть, посредствомъ вліянія *письменнаго*. Такъ распространялись въ средніе вѣка и на западѣ и на востокѣ сказанія объ Александрѣ Великомъ, о Соломонѣ, Римскія Дѣянія, Притчи о семи мудрецахъ и т. п.

Разумѣется, чѣмъ даровитѣе и развитѣе заимствователь, тѣмъ самостоятельнѣе разрабатываетъ онъ заимствованное, тѣмъ умнѣе понимаетъ онъ цѣлое и тѣмъ искуснѣе группируетъ подробности, присовокупляя къ заимствованному свое собственное.

Въ разбираемомъ мною сочиненіи русскія былины разсматриваются, какъ слабыя копія чужихъ оригиналовъ, бессмысленно пересказывающія и цѣлое и подробности. Не только нашъ Добрыня Никитичъ — индійскій Кришна, который тоже поразилъ змія, но и «свирѣпый звѣрь Скимонъ (левъ), прибѣжавшій со стадомъ дикихъ звѣрей въ минуту рожденія Добрыни — это передѣланный рассказъ о царѣ Кансѣ, прибѣжавшемъ со своими свирѣпыми воинами, тотчасъ послѣ рожденія Кришны, чтобы схватить и растерзать Кришну»; и племянница князя Владиміра, которую освобождаетъ Добрыня отъ змія — это сынъ наставника Кришны. *Балконы*, съ которыхъ ордынскій царь, въ русской былинѣ, смотритъ на борьбу богатырей — это ложа въ театрѣ, подробно описанномъ въ Гаривансѣ. Добрыня въ карманѣ у Настасьи Микулишны — это Ми-

лусивскій татаринъ Агъ-ай въ раскаленной печи; Добрыня отрубилъ у чародѣйки Марины руку, ногу, губы и груди — это Кришна откусилъ грудь у Чародѣйки Путаны (2, I, 655 — 667).

Не только Потокъ Михайло Ивановичъ — брахманъ Руру изъ Магабгараты, но и Лебедь-Бѣлая — невѣста Руру, Прамадвара, потому что въ санскритскомъ оригиналѣ характеризуется она эпитетомъ *бѣлая*, и сравнивается съ бѣлою лиліею и съ бѣлымъ лотосомъ. Потокъ бьетъ змія въ могилѣ своей жены — это Руру, который бьетъ змія на дорогѣ (2, II, 674). Ставрѣ-бояринъ — это алтайскій татаринъ Алтанъ-Саянъ-Саламъ, между прочимъ, потому что «Ставрѣ навлекаетъ на себя гнѣвъ князя, и за то его сажаютъ въ глубокіе погреба: это не что иное, какъ не много измѣненный рассказъ о томъ, какъ Алтанъ свалился съ коня и былъ потомъ положенъ, мертвый, въ каменную скалу»; и еще потому, что «Ставрѣ *свои* *человѣкъ*, который садится на коня, скачетъ къ Василисѣ и рассказываетъ ей о случившемся — это въ первоначальномъ рассказѣ, Алтановъ конь, который несется во всю прыть къ Алтайновой сестрѣ и рассказываетъ ей о смерти своего господина» (2, IV, 692). Сверхъ того нашъ Ставрѣ-бояринъ — индійскій Яйти, потому что этотъ послѣдній, по Магабгаратѣ, свергнуть съ неба на землю, какъ русскій ботатырь — изъ чертоговъ царскихъ въ погребѣ (2, IV, 695). Соловей Будимировичъ сооружаетъ въ одну ночь палаты въ саду Запавы — это, по рассказу Сомадевы — Сомапрабха въ одну же ночь насаждаетъ чудесный садъ. Не мать Соловья Будимировича молится въ новопостроенныхъ хоромъ, а отецъ индійскаго героя собирается идти въ храмъ на молитву (2, V, 705—6). «Нашъ новгородскій купецъ Садко есть не что иное, какъ являющійся въ русскимъ формахъ индѣйскій царь Яду, индѣйскій богатырь-брахманъ Видушана, тибетскій брахманъ Джинна-Ченпо, тибетскій царевичъ Гедонъ» и проч., а «музыка Садки въ подводномъ царствѣ—это проповѣдь правой вѣры, буддѣйскимъ героемъ, въ царствѣ змѣевъ, злыхъ духовъ (2, VI, 239). Садко у Морскаго царя видитъ дѣвицу *Чернаву*: это по Магабгаратѣ, индѣйская подземная дѣва, которая прядетъ *черными нитками*: олицетвореніе ночи (стр. 244). Русскія былины о Дунаѣ объясняются однимъ рассказомъ изъ Гаривансы. «Двѣ наши королевшни, изъ которыхъ одна выходитъ за князя Владимира, а другая за Дуная, это, въ первоначальномъ рассказѣ, жены одного и того же лица: первая 27 женъ Сомы, уступленная добровольно, это первая наша королевшна, уступленная добровольно; вторая его жена, Тара, взя-

тая сплой — это вторая наша королевина взятая сплой. Но такъ какъ въ русской былинѣ, временъ христіанскихъ, не могло уже быть рѣчи о многоженствѣ, то у насъ первую королевину отдала въ жены особому лицу, князю Владиміру, и изъ этого произошелъ, безъ сомнѣнія, весь эпизодъ о сватовствѣ этого князя. Ничего незначущая стрѣла, которую у насъ мечутъ Дунай и его жена, и которую, наконецъ, первый убиваетъ послѣднюю — это божественная стрѣла, которую мечетъ богъ Рудра, защитникъ похищенной жены, Тары, въ мужа-похитителя, Сому... Наконецъ, самоубійству Дуная и потомъ появленію его — какъ бы возрожденію — въ видѣ быстрой, широкой и глубокой рѣки, этому всему вполне соответствуетъ, въ Гаривансѣ, рассказъ о томъ, что богъ Сома, въ сознаніи своего грѣха, потерпѣлъ великое изнуреніе, потерю силъ, такъ что дискъ его умалился, но потомъ онъ снова получилъ всю свою силу и заблесталъ въ прежнемъ блескѣ и величіи» (2, IX, 679—680).

Такого рода смѣлые приемы сравненія, по которымъ посадить въ погребъ — тоже что свалиться съ коня или упасть съ неба на землю, открываютъ автору такой обширный просторъ, что онъ никоимъ образомъ не можетъ уже затрудниться въ каждомъ русскомъ богатырѣ подмѣтить татарскую подкладку, послѣ того, какъ для него стала одно и тоже — рѣка Дунай и луна, лютый звѣрь Скименъ и индѣйскій царь Канса, карманъ и печка.

Впрочемъ, эти и другія имъ подобныя натяжки получаютъ видъ нѣкоторый убѣдительности, когда два разсказа, нашъ и чужеземный, имѣютъ большее или меньшее сходство въ общихъ чертахъ, каковы напримѣръ, столь обычная въ эпическихъ преданьяхъ борьба съ змеемъ или какимъ другимъ чудовищемъ, чудесное прибываніе или убываніе силы, добываніе коня и чудодѣйственный его бѣгъ, единоборство богатыря съ женщиною или съ своимъ не узнаннымъ сыномъ, переодѣванье женщины въ мужское одѣянье и т. п. Для большаго удобства можно двухъ или трехъ иностранныхъ героевъ соединить въ одномъ изъ своихъ, или наоборотъ двухъ-трехъ своихъ въ одномъ иностранномъ. Если сравниваемые разсказы предлагаютъ недостаточное количество точекъ соприкосновенія, то берется два-три иностранныхъ, и сближаются они съ однимъ русскимъ, или наоборотъ два три русскихъ — съ однимъ иностраннымъ.

Какъ легко съ такими приемами усмотрѣть сродство двухъ или нѣсколькихъ эпическихъ произведеній разныхъ народностей, возьму на выдержку англо-саксонскаго Беовульфа, съ тѣмъ чтобы

доказать происхождение русских и вообще славянских сказаний от англо-саксонских или наоборот — англо-саксонских от славянских и от русских в особенности.

Вопервых самое имя *Beowulf* (biēpenwolf) т. е. *picus*, *дятель*, нѣбѣтъ у Славянъ такое же, какъ и у Германцевъ, мнѣологическое и эпическое значеніе. Какъ Беовульфъ ведетъ свой родъ отъ бога Одина или Водана, такъ и по чешскимъ глоссамъ Ваперада: *Picus, Saturni filius* — переводится *страчениъ Ситтиратовъ сынъ*, и Я. Гриммъ въ своей нѣмецкой Мнѣологіи, на стр. 342—343, по 2 изд., сближаетъ англо-саксонскаго Беовульфа съ чешскимъ *страконутомъ*, а птицу *страчениъ* съ славянскими божествами Кртомъ и Радигостомъ. Можно доказать, что славяне видѣли въ Беовульфѣ представителя всѣхъ германскихъ племенъ, потому ли что знали о немъ эпическія сказанія или потому что эти сказанія были одинаково народны и у Славянъ, и у Германцевъ. А именно. Въ старинныхъ славянскихъ рукописяхъ попадаетъ любопытное исчисленіе народовъ, въ которомъ каждый изъ нихъ характеризуется племенемъ какого нибудь животнаго; напр. *Фрляъ* — *левъ*, *Аламаниъ* — *орелъ*, *Саракиминъ* — *вепрь*, *Турчинъ* — *змѣя*, и пр. По одной рукописи XIV—XV стол., приводимой Шафарикомъ въ его Старожитностяхъ, *Нѣмь* характеризуется славянскимъ переводомъ имени Беовульфъ, т. е. *серака*, Сербская форма, вм. рус. *сорока*, чешск. *Страчениъ*.

Вовторыхъ, между предками Беовульфа, по инымъ сказаніямъ, между его потомками, встрѣчается не только *Финнъ*, указывающій на финскія племена, но и *Тетва* (*Tætwa*), собственное имя, которымъ въ Судѣ Любуши, названъ родоначальникъ двухъ тяжущихся братьевъ: они были Кленовичи, «рода стара *Тетвы* Попелова, ея-же приде съ плѣкы съ чеховыми въ сеже жирне власти прѣсь три рѣкы».

Приводимое мною сродство основныхъ преданій славянскаго и англо-саксонскаго эпоса можетъ указывать на первоначальное происхождение этого послѣдняго въ мѣстности, общей племенамъ славянскимъ и германскимъ, въ странахъ по низовьямъ Эльбы, по берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей и на островахъ послѣдняго. Частію не отсюда ли заходили на Русь и Варяги, и своимъ вліяніемъ скрѣпили связь славянскаго эпоса съ нѣмецкимъ, основанную на первобытномъ индо-европейскомъ сродствѣ?

Если уже въ самыхъ именахъ собственныхъ находимъ мы такое сродство между нѣмецкими и славянскими эпическими преданіями; то еще больше сходнаго встрѣтимъ въ ихъ содержаніи:

такъ что изъ сличенія русскихъ былинъ и другихъ сказаній съ англо-саксонскимъ Беовульфомъ можно бы вывести еще болѣе очевидныя доказательства о вліяніи этого послѣдняго на русскую народность, нежели тѣ, которыя приводитъ авторъ «Происхожденія русскихъ былинъ» о вліяніи монгольскомъ, татарскомъ и киргизскомъ, если бы только такой приѣмъ могъ быть примѣненъ къ изученію народной поэзіи.

И такъ обратимся къ содержанію Беовульфа.

Въ странѣ Дановъ было смутное, тяжелое время. Внутренніе раздоры грозили страшною гибелью народу, угнетаемому жестокимъ Геремодомъ. Но сами боги спасли страну, пославъ избавителя въ лицѣ нѣкотораго чуднаго младенца, которому въ послѣдствіи суждено было управлять этою страню. Это былъ Скильдъ, сынъ Скеафа. Однажды береговой стражъ видитъ на волнахъ ладью, которая, безъ парусовъ и мачты и безъ кормчаго, причаливаетъ къ берегу. Сбѣгается народъ и видитъ — въ лодкѣ лежитъ мальчикъ, окруженный оружіемъ. Такъ прибылъ Скильдъ, неизвѣстно откуда, въ страну, которою онъ потомъ управлялъ; тѣмъ же путемъ онъ и скрылся, когда померъ. Трупъ его положили въ ладью, окруживъ всякими драгоценностями, и спустили въ море.

Уже самое начало поэмы объясняетъ намъ два русскихъ сказанія, которыя относятся у насъ къ различнымъ лицамъ и имѣютъ различный характеръ. Одно — легенда объ Антоніи Римлянинѣ, который, какъ и Скильдъ, чудесно приплылъ въ новгородскія страны по морю, на камнѣ, который можетъ соответствовать ладѣ, не имѣющей ни мачты, ни парусовъ, ни кормила. Какъ оружіе воинское прибыло съ мальчикомъ, который долженъ охранять свой народъ мечомъ, такъ оружіе духовное, церковная утварь прибыла вслѣдъ за Антоніемъ по морю же. Положимъ, такое сближеніе оружія будетъ натяжка: но чѣмъ она хуже татарской печи, превратившейся въ русскій карманъ?

Другое сказаніе касается Ильи Муромца и Добрыни Никитича, которые навсегда скрылись изъ Руси на кораблѣ, такъ же какъ и трупъ царя Скильда. Это обстоятельство для насъ особенно важно потому, что въ Беовульфѣ мы могли бы усмотрѣть первообразъ обоихъ этихъ русскихъ богатырей, если бы рѣшились допустить теорію автора «Происхожденія русскихъ былинъ» объ искусственныхъ вліяніяхъ въ народномъ эпосѣ.

Продолжаю о содержаніи Беовульфа.

Отъ Скильда произошелъ знаменитый король Дановъ, благодушный Гродгаръ, образецъ доблестныхъ норманскихъ князей. Онъ окруженъ витязями, его товарищами на войнѣ и собесѣдниками на пирахъ: это его *соучастники при очагѣ и за столомъ* (*heord-gemeátas, beóðgeneátas*). Таковъ же былъ и нашъ князь Владиміръ съ своими богатырями. Онъ постоянно съ ними пируетъ. Еще Несторъ повѣствуетъ объ этихъ пирахъ. Пиромъ начинается каждая былина о томъ или другомъ изъ богатырей князя Владиміра. За ласку и доброту всѣ любили Градгара: такъ и нашего Владиміра прозвали *ласковымъ*. Всѣ повиновались Гродгару и по одному его слову готовы были на всевозможные подвиги; онъ былъ неограниченный повелитель и господинъ всему. Такъ и Владиміръ русскихъ былинъ безусловно распоряжается не только услугами своихъ богатырей, но и имуществомъ всѣхъ и каждого.

Для пировъ съ своими витязями Гродгаръ соорудилъ на горѣ огромный чертогъ, отличавшійся несказаннымъ великолѣпіемъ. Онъ былъ съ золотою кровлею, такъ же какъ и наши эпическія терема, по былинамъ, именуются *златоверхими* или *златоверхозатыми*. Къ зданію вела дорога, вымощенная разноцвѣтными камнями, и называлась *медвяною стезею* (*medustig*). По ней ежедневно ласковый король съ своею молодою женою и съ дружиною отправлялся въ чертогъ пировать. Во время пиршества раздавались звуки лютни и пѣсня поэта, служившая, какъ и во времена Гомера, украшеніемъ пира. Такъ и по нашимъ былинамъ, на пирахъ князя Владиміра играли на гусяхъ и пѣли гусельники и скоморохи, и даже имѣли свое опредѣленное *мѣсто скоморошье*. Когда, послѣ заката солнца, Гродгаръ съ своею королевою удалялся, витязи оставались въ чертогахъ и тамъ же ложились спать: и не было у нихъ никакой заботы, ни горя: жили они въ весельи и радости, словомъ — ежедневно пировали, какъ наши богатыри съ своимъ княземъ Владиміромъ.

Большаго сходства съ нашими былинами трудно найти! Какъ русская былина начинается веселымъ пиромъ, такъ и поэма о Беовульфѣ; какъ у насъ за пиршествомъ слѣдуетъ богатырский подвигъ, помутившій веселье, такъ и въ англо-саксонскомъ сказаніи.

Не долго наслаждались спокойствіемъ и всякими утѣхами въ палатахъ Гродгара его храбрые витязи. Каждую ночь повадился къ нимъ страшный Грендель; онъ душилъ и пожиралъ витязей и пилъ изъ нихъ кровь. Это какое-то таинственное существо, въ

своей основѣ — личность миѳическая, но значительно сглаженная подѣ вліяніемъ библейскимъ, и потому нѣсколько отвлеченная.

Этотъ Грендель, живущій въ болотахъ и омутахъ, и нарушающій пиршественное веселье Градгара и его витязей — первообразъ нашихъ Тугариновъ Зміевичей, Идолицъ Поганыхъ, которые своимъ присутствіемъ оскверняютъ пиры князя Владиміра. Какъ Грендель пожираетъ витязей Градгара, такъ и страшный Зміѣ, живущій тоже въ водѣ, похитилъ у князя Владиміра его племянницу или сестру, и держалъ у себя въ пещерахъ.

Какъ въ англо-саксонскомъ эпосѣ, такъ и у насъ въ былинахъ долженъ былъ явиться герой для очищенія страны отъ враждебныхъ чудовищъ. Въ англо-саксонскомъ эпосѣ — это Беовульфъ, который во владѣніяхъ Гродгара поражаетъ Генделя и его мать, а въ своей землѣ — страшнаго Змія; въ русскихъ былинахъ подвиги Беовульфа раздѣлены между Ильєю Муромцемъ, который поражаетъ Соловья-разбойника, и между Добрынею Никитичемъ, побѣдителемъ семиглаваго Змія.

Беовульфъ пріѣзжаетъ въ страну Гродгара *на быгутъ по волнамъ* (т. е. на кораблѣ) *по стезѣ лебедей* (т. е. по морю). Это тоже, что *соколъ-корабль* Соловья Будимировича, и *стезя лебедей* должна объяснять намъ, почему въ Словѣ о полку Игоревѣ *два плещетъ лебедиными крылами на синемъ морѣ*, и почему Потокъ Михайло Ивановичъ встрѣтилъ именно *на морѣ* свою Авдотью Лиховидьевну въ видѣ *Бѣлой Лебеди*.

Какъ «Происхожденіе русскихъ былинъ» все темное и неудобопонятное объясняетъ изъ татарщины; такъ и мы, тѣмъ же путемъ смѣлыхъ, ни чѣмъ не стѣсняющихся натяжекъ, можемъ приурочить къ Беовульфу и поѣздку Соловья Будимировича и всѣ морскія и приморскія сцены нашихъ былинъ. Наше сближеніе *Бѣлой Лебеди на синемъ морѣ* съ *лебединою стезею* чѣмъ хуже извѣстнаго уже толкованія той же *Бѣлой Лебеди* индійскою Прамадварою, потому только, что она въ Магабгаратѣ уподобляется *бѣлой млии* и *бѣлому лотосу*?

Держась приемовъ автора «Происхожденія русскихъ былинъ», я буду слѣдить сравниваемыя произведенія шагъ за шагомъ, въ мелкихъ подробностяхъ, для того чтобы въ нашихъ былинахъ доказать не первобытное сродство съ Беовульфомъ, а копию этого англо-саксонскаго оригинала.

Какъ нашъ князь Владиміръ остается въ бездѣйствіи въ виду

общей опасности, и предоставляет подвиги другимъ; такъ и Гродгаръ въ англо-саксонскомъ эпосѣ.

Какъ Илья Муромецъ и другіе русскіе богатыри, являясь ко двору князя Владимира, похваляются своими подвигами; такъ и Беовульфъ между витязями Гродгара.

Какъ Илью встрѣчаютъ въ Кіевѣ недружелюбно и не вѣрятъ его похвальбѣ; такъ и Беовульфу не вѣрятъ при дворѣ Гродгара.

Илья Муромецъ до прибытія въ Кіевъ побѣдилъ Соловья-разбойника и его вѣщихъ, мнѣческихъ дочерей; Беовульфъ до прибытія къ Гродгару поразилъ морское чудовище и девять Никсъ.

Но такъ какъ, придерживаясь приемовъ «Происхожденія русскихъ былинъ», мы хотимъ видѣть въ нашихъ эпическихъ разсказахъ бессмыслицу и путанницу, происшедшія отъ неудачнаго и глупаго пересказа иноземныхъ оригиналовъ; то въ этомъ подвигѣ Беовульфа можемъ усмотрѣть оригиналъ и другаго русскаго сказанія, именно о томъ, какъ Добрыня погубилъ Змія. Чтѣ мудренаго, что русскіе пересказчики въ лицѣ Беовульфа смѣшали Илью съ Добрынею, послѣ того какъ они въ каждомъ изъ своихъ богатырей перепутали самымъ бессмысленнѣйшимъ образомъ героев Магабгараты и Рамааны со всевозможными татарскими и киргизскими дикарями?

Чтѣ въ Беовульфѣ, согласно съ жизнію и бытомъ отважныхъ моряковъ, представляется на самомъ широкомъ планѣ, который дается цѣлымъ моремъ-океаномъ, то въ нашей былинѣ сокращено въ мелкіе размѣры ребяческаго удалства Добрыни на Сафатъ-рѣкѣ или на Израй-рѣкѣ.

Какъ Беовульфъ еще въ своей молодости отличился искусствомъ плаванья по морямъ и битвою съ морскимъ чудовищемъ; такъ и Добрыня Никитичъ въ ранней молодости просился у своей матушки — впрочемъ не болѣе, какъ искупаться въ Сафатъ-рѣкѣ. Но матери это дѣло казалось почему-то опаснымъ: она боялась третьей струи въ этой рѣкѣ, и не пускала своего сына купаться. Впрочемъ Добрыня ея не послушался, и съ своею храброю дружиною отправился на Израй-рѣку, и шутя говорилъ своимъ товарищамъ:

А и гои еси вы молодцы удалые!
Не мнѣ вода грѣтъ, не тѣшити ея.

И хотя всѣ молодцы разоболокались, но никто изъ нихъ въ воду неидеть, никто не смѣетъ. Только Добрыня отваживается на смѣлый подвигъ.

А поплыль Добрынюшка за первую струю,
Захотѣлось молодцу и за другую струю,
А двѣ-то струи самъ переплыль,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла въ пещеры бѣлокаменныя.

Въ этихъ-то пещерахъ и жилъ Змій Горынчище, котораго по-
разилъ Добрыня.

У лютаго Змѣнща Горынчища,
Нашель онъ много злата-серебра,
Нашель въ палатахъ у Змѣнща
Свою онъ любимую тетушку,
Тоя-то Марью Дивовну.

Слѣдуя принятому методу, мы должны видѣть въ нашей бы-
линѣ вялую и бессмысленную копію. И въ самомъ дѣлѣ, какой
смыслъ имѣеть это ничѣмъ предшествующимъ не вызываемое
желанье искупаться въ Израй или въ Сафать-рѣкѣ? Чего стра-
шится мать и почему не купается дружина Добрынина? Какія мо-
гутъ быть пещеры или палаты Змія Горынчища на малой рѣчонкѣ?
Зачѣмъ въ этихъ пещерахъ злато-серебро? Какъ туда попала
Марья Дивовна?

Всѣ эти бессмыслицы глупой копіи становятся ясны въ ея ан-
гло-саксонскомъ оригиналѣ. Это не Добрыня Никитичъ, а морской
герой Беовульфъ; жалкія струи русской рѣчонки — это страшныя
морскія волны, борьбу Беовульфа съ которыми такъ энергически
описываетъ англо-саксонскій эпосъ. У насъ — полныя и вытер-
тыя краски малярной копіи, тамъ — яркая картина природы; у
насъ — бессмыслица пересказа, тамъ — сама жизнь въ очію.

Русскій пересказчикъ скомкалъ въ одинъ комокъ два подвига
Беовульфа, одинъ изъ его молодости, другой изъ его послѣднихъ
дней, когда онъ, управляя готскою землею, спасъ ее отъ страш-
наго змія. Этотъ змій жилъ на берегу моря, въ пещерѣ, гдѣ былъ
скрытъ, съ незапамятныхъ временъ, великій кладъ.

Отсюда вполне явствуетъ подвигъ нашего Добрыни. Въ англо-
саксонскомъ эпосѣ Змій называется *стражемъ горы* (beorges weard):
потому онъ и у насъ *Горынчище*. Живеть онъ при морѣ, у насъ
при Сафать-рѣкѣ. Хранить кладъ: потому Добрыня и нашель въ
его пещерахъ много злата-серебра.

Что же касается до Марьи Дивовны, то это не что иное, какъ

безмысленное смѣшеніе матери Гренделя съ сестрою князя Владиміра или съ теткою Добрыни. Копія удержала только намекъ на родство какой-то женщины, и вмѣсто *матери* передала *тетку*. Превратилась же въ «Происхожденіи русскихъ былинь» — вѣрная и героически-преданная жена Ставра боярина въ татарскую его сестру, которая сосватала ему разомъ двухъ женъ (Ч. 2-я, IV, 692).

Слѣдуя методу «Происхожденія русскихъ былинь», мы не должны затрудняться и тѣмъ, что мать Гренделя — чудовище, враждебное Гродгару, а Марья Дивовна — сестра князю Владиміру. Вопервыхъ всякая нелѣпость въ русской былинѣ объясняется безмыслицею копій; вовторыхъ, въ Марьѣ Дивовнѣ позволительно видѣть вообще похищаемыя чудовищемъ жертвы изъ чертоговъ Гродгара: сократились же въ «Происхожденіи русскихъ былинь» — цѣлыя двадцать семь женъ Сомы въ одну королевишну, на которой женился князь Владиміръ (2, IX, 679); наконецъ, самое имя Марья *Дивовна* заставляетъ предполагать въ этомъ лицѣ *дивовище*, т. е. чудовище, по крайней мѣрѣ съ тѣмъ же вѣроятіемъ, какъ въ «Происхожденіи русскихъ былинь» въ дѣвицѣ *Чернаѣ* усматриваются *черныя нитки*.

Но мы забыли объ Ильѣ Муромцѣ. Это другая половина цѣльной личности англо-саксонскаго Беовульфа.

Беовульфъ поражаетъ Гренделя въ морскомъ омутѣ, срубаетъ ему голову и доставляетъ ее въ чертоги Гродгара. Точно такъ же и Ильѣ Муромецъ, въ доказательство своего подвига, привозитъ въ Кіевъ изкалѣченнаго Соловья-разбойника. Болота и морскія глубины англо-саксонскаго эпоса соотвѣтствуютъ лѣспытымъ дѣбрямъ русской былины. И тамъ и здѣсь дорога залегла отъ чудовищъ. Голову Гренделя несутъ четверо. Такъ же громадна была голова великана Нахвальщика, котораго убилъ Ильѣ. Эту голову онъ —

Воткнулъ на копье булатное,
Повезъ на заставу богатирскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца,
Со своей братьей приборною.
Ильѣ бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:
«Ѣздилъ въ похѣ тридцать лѣтъ, —
«Экаго чуда не наѣзживалъ!»

Наконецъ, что Ильѣ Муромецъ и Добрыня совокупно выражаютъ

одну и ту же личность англо-саксонскаго героя, положительно доказывается тою былинною у Кирши, въ которой повѣствуется,

Какъ изъ славнаго города, изъ Кіева
Поѣзжали два могучіе богатыри:
Поѣзжалъ Илья Муромецъ
Съ своимъ братомъ названьемъ,
Съ молодымъ Добрынею Никитичемъ.

Хотя въ эту былинну, какъ эпизодъ, вставленъ рассказъ объ единоборствѣ Ильи съ его сыномъ, но главное его содержаніе — борьба обоихъ богатырей съ бабою Горыниной. Сначала драся съ нею Добрыня и изнемогъ въ борьбѣ, потомъ подоспѣлъ Илья и побѣдилъ Горынинку, наконецъ Добрыня срубилъ ей голову. Въ ея погребѣхъ глубокихъ нашли они золотую казну. По принятому нами методу храбрыхъ натяжекъ — эта Горынинка, во-первыхъ, мать Гренделя, во-вторыхъ, родня Змію *Горынишу*, на что указываетъ самое имя ея — *Горынинка*, и, въ-третьихъ, упомянутая Марья Дивовна, потому что она тоже находилась въ пещерѣ, наполненной златомъ-серебромъ.

Точно такое же сравненіе нашихъ былинъ можно бы сдѣлать съ сказаньями изъ цикла Дитраха Бернскаго, Карла Великаго, Артура; но довольно и этого. Я позволилъ себѣ обратить сравнительный методъ въ праздную забаву, чтобы на примѣрѣ наглядно показать, какъ легко сравнивать въ народной поэзіи все, что угодно, и какъ мало такой приемъ относится къ серьезной наукѣ.

Изъ этого примѣра Беовульфъ оказывается точно такимъ же и въ той же мѣрѣ оригиналомъ нашихъ былинъ, какъ и пѣсни татарскія или киргизскія. Притягивая наши былинны ухищренными натяжками къ мнимымъ чужеземнымъ оригиналамъ, мы естественно должны будемъ извращать смыслъ первыхъ по мѣркѣ послѣднихъ. Все, что разумно и просто въ Беовульфѣ, то негѣпо и неумѣстно въ Ильѣ Муромцѣ и въ Добрынѣ Никитичѣ, и именно по тому самому, что намъ вздумалось въ этихъ русскихъ богатыряхъ видѣть копіею англо-саксонскаго героя. Мы сами навязываемъ нашимъ былинамъ безсмысленность и пошлыя урѣзки и недомолвки, потому что сближаемъ ихъ не съ тѣмъ, съ чѣмъ слѣдуетъ, и не такъ, какъ слѣдуетъ. Это тоже самое, если бы кто называлъ безсмысленнымъ иностранный фракъ, полагая его урѣзанною и искаженною копіею русскаго кафтана.

Итакъ, не въ фактахъ, а въ точкѣ зрѣнія на нихъ, въ способѣ обращенія съ ними, надобно видѣть объясненіе слѣдующихъ результатовъ, къ которымъ приходитъ «Происхожденіе русскихъ былинъ».

«Мудрено искать въ нашихъ былинахъ коренныхъ, самостоятельныхъ чертъ содержанія, скелета и подробностей.»

«Главное мѣсто здѣсь занимаетъ *особенность выбора*, былинами, матеріала изъ среды иноземныхъ элементовъ. Мы уже выше указывали, какъ много былины отбрасываютъ совершенно вонъ изъ этого матеріала, и какъ мало оставляютъ для своего употребленія. Вездѣ мы видимъ рамки самыя тѣсныя, самыя ограниченныя, добровольное сокращеніе своихъ средствъ, размѣровъ, горизонта».

«Что касается до самого дѣйствія, то и тутъ (какъ мы уже выше указывали) встрѣчаются на каждомъ шагу въ былинахъ непостижимое добровольное ограниченіе и урѣзываніе. Вездѣ уничтожены психическіе мотивы, выпущены вонъ внутреннія причины дѣйствія, рассказъ совсѣхъ сторонъ укороченъ, сжатъ. Нашей былинѣ, словно какому нибудь дѣловому человѣку—прозаику, рассказывающему о событіяхъ, съ нимъ случившихся, только и важны, что *начало* и *конецъ* дѣла. Она быстро шагаетъ отъ событія къ событію, стремится поскорѣе дойти до конца, до развязки и постоянно урѣзываетъ какъ можно больше *середину*, столько же всего рассказа, какъ и каждой отдѣльной его части. Вся лирическая, эпическая и драматическая обработка фактовъ ей ни по чемъ — ей важенъ только самъ сырой фактъ» (3, XII, 314—315).

Насильственное приравниванье русскихъ былинъ къ иностраннымъ оригиналамъ, упорно проводимое шагъ за шагомъ по всѣмъ подробностямъ, не только не убѣждаетъ въ сходствѣ сравниваемыхъ произведеній, но еще уклоняетъ отъ открытія между ними дѣйствительнаго сродства, если только оно существуетъ на основѣ общаго происхожденія языка и миеовъ сравниваемыхъ народностей. Безъ сомнѣнія, есть кое что общее въ нашихъ былинахъ съ восточными сказаньями, но это общее затеряно авторомъ «Происхожденія русскихъ былинъ» въ необозримой массѣ мелочныхъ сближеній, вовсе не идущихъ къ дѣлу, точно такъ же какъ оно затеряно въ приведенномъ мною опытѣ насильственной параллели между русскими былинами и Беовульфомъ. Такимъ образомъ, *сравнительной методѣ*, которому современная наука обязана великими открытіями, исчезаетъ въ этой массѣ болѣе или менѣе остроум-

ныхъ сравненій, своею капризною случайностью только уклоняющихъ изслѣдователя отъ истины; потому что *comparaison n'est pas raison*.

II.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что хотя и увлекается авторъ «Происхожденія русскихъ былинь», ненужными сравненями, все же въ основу имъ думаетъ онъ положить научныя основы сравнительнаго метода.

Вотъ главнѣйшія положенія, принятые имъ въ руководство:

Первое, о необходимости возводить средство сказаній отъ *братьевъ* и *сестеръ* къ средству по *родителямъ*: «Нельзя оспаривать пользы изученія нашихъ былинь сравнительно съ литовскими, чешскими или сербскими пѣснями и сказками, съ рассказами скандинавской Эдды или германскихъ Нибелунговъ, финнской Калевалы, или англо-саксонскаго Беовульфа; нельзя сомнѣваться въ томъ, что такое изученіе приводитъ къ убѣжденію въ значительномъ сходствѣ *миѳологическомъ* и *бытовомъ* тѣхъ и другихъ. Такое изученіе не только полезно, но необходимо. Оно многое разъясняетъ, многое показываетъ въ настоящемъ свѣтѣ, и безъ него не слѣдуетъ, да и нельзя приступать къ изслѣдованью о происхожденіи нашихъ былинь. Но все-таки въ концѣ концовъ, мы добываемъ здѣсь только тѣ черты родства и сходства, которыя всегда существуютъ между *братьями* и *сестрами*; т. е. мы приходимъ тутъ только къ убѣжденію въ одинаковомъ, общемъ ихъ происхожденіи. А этого, мнѣ кажется, мало, потому что мы имѣемъ теперь возможность восходить до самыхъ корней и первоначальныхъ основъ нашихъ былинь, можемъ указать *родителей*, отъ которыхъ пошли всѣ эти братья и сестры» (2, 638).

Такъ какъ доисторическое происхожденіе мифовъ и основныхъ зародышей эпическихъ преданій и условливается, и сопровождается зачатіемъ и развитіемъ самого языка, почему сравнительное изученіе мифологии и эпоса и ведется въ нераздѣльной связи съ сравнительнымъ изученіемъ языка: то это первое положеніе съ точки зрѣнія лингвистической, какъ болѣе точной и опредѣленной, должно быть понято такимъ образомъ. Доселѣ сравнивались между собою языки арійскіе, классическіе, нѣмецкій, кельтскій, литовскій и славянскій, какъ бы братья или сестры, происшедшіе отъ одного общаго имъ родителя. Это изученіе не только полезно, но и необ-

ходило; однако оно недостаточно. Теперь слѣдуетъ приступить къ открытію того идеальнаго родоначальника, въ общихъ чертахъ котораго находили бы свой источникъ и санскритъ, и греческій языкъ, и прочіе ихъ индо-европейскіе братья. Тоже надобно разумѣть и о мифологіи и объ эпосѣ, и, конечно, въ предѣлахъ только индо-европейской семьи народностей, потому что, по языку, мифологіи и эпосу, только въ этой семьѣ наука достаточно объяснила между народностями братское сродство. Если авторъ «Происхожд. русскихъ былинъ» такъ понимаетъ это дѣло, какъ оно доселѣ принято въ сравнительномъ изученіи индо-европейскихъ народностей, то напрасно помѣщаетъ онъ въ семью братьевъ и сестеръ финскую Калевалу, которая столько же чужда этой семьѣ, какъ и пѣсни киргизовъ или минусинскихъ татаръ. Если же въ братское сродство ставить онъ національности всего міра, то, при современномъ состояніи лингвистики, едва ли еще возможно мечтать объ этомъ общемъ имъ всѣмъ идеальномъ прародителѣ. Во всякомъ случаѣ, отыскиваніе этихъ *родителей* Эдды, Беовульфа, Калевалы, нашихъ былинъ — по малой мѣрѣ задача странная, для сравнительной лингвистики неисполнимая.

Второе положеніе касается развитія народностей изъ *чужихъ зародковъ*. Вотъ слова автора: «Въ томъ именно и заключается, быть можетъ, главная разница западно-европейскаго и нашего славяно-русскаго національнаго духа, что тамъ чужой матеріалъ столько же охотно воспринимается, какъ и у насъ, но немедленно подвергается самостоятельной переработкѣ, органическому претворенію въ собственную плоть и кровь; а у насъ чужой матеріалъ бываетъ воспринятъ, съ большею жадностью и любовью, но потомъ не испытываетъ никакого процесса національнаго претворенія и развитія, и только очень тщательно оберегается отъ всякаго существеннаго измѣненія и возрастанія. Первоначальный матеріалъ Калевалы, Нибелунговъ, Эдды, Одиссея, Илиады — *не самостоятельный*, не возникъ на финской, германской, скандинавской, греческой почвѣ: онъ *дитя Азии*, онъ заключаетъ въ корню своемъ зерна древнѣйшихъ арійскихъ легендъ и сказаній. Но къ этому первоначальному эмбрионному матеріалу, каждая изъ національностей, его принявшихъ въ очень стародавнее время, прибавила вновь столько своего, народнаго самобытнаго, такъ измѣнила его сообразно съ условіями своихъ понятій, вѣрованій, народнаго чувства и вкуса, внесла туда такую громадную массу разнообразныхъ подробностей, выразившихъ ея отечественную мѣстность, исторію, бытъ и при-

вычки, что вышедшее изъ національнаго горнила новое произведеніе, по всей справедливости, должно считаться въ высшей степени самостоятельнымъ и народнымъ. Съ нашими былинами этого не случилось. Не только матеріалъ, но и весь составъ ихъ, со всѣми подробностями (кромѣ не многихъ исключеній) заимствованы отъ монгольскихъ и тюркскихъ племенъ и несравненно позднѣе, чѣмъ одинъ только арійскій матеріалъ — тѣми народами. Уже и одна поздность заимствованія, сама по себѣ могла быть важною помѣхою самостоятельному національному творчеству: оно любитъ періодъ ранняго отроческаго состоянія народнаго. А къ этому прибавился еще и особенный складъ народнаго духа, по преимуществу консерваторскій въ отношеніи къ чужеземнымъ заимствованіямъ и врагъ новой самостоятельной обработки ихъ. Ясно, что эти причины и должны были образовать огромную разницу между нашими былинами и эпическими произведеніями другихъ европейскихъ народовъ арійскаго же семейства.» (3, XIII, 337—338).

Если въ теченіи своего изслѣдованья авторъ не отказался отъ трудной задачи отыскать родителей индо-европейскимъ эпическимъ преданьямъ, то, кажется, въ этомъ второмъ положеніи мы найдемъ разгадку непонятнаго для насъ термина. Во всѣхъ этихъ преданьяхъ первоначальный матеріалъ *чужой*: «онъ *дитя* Азіи, онъ заключаетъ въ корню своемъ зерна древнѣйшихъ *арійскихъ* легендъ и сказаній». Надобно думать, что мы стоимъ теперь на пути къ родословному древу индо-европейскаго эпоса. И Эдда, и Беовульфъ, и Одиссея — это, по первоначальному матеріалу, дѣти Азіи; но эти дѣти находятся — какъ всѣми учеными принято — *не въ сѣноземѣ, а въ братскомъ* отношеніи къ Магабгаратѣ, Рамаянѣ, къ эпизодамъ Шахъ-Намэ и т. д. Кто же именно въ Азіи родители этихъ эпическихъ дѣтей? Авторъ «Происхожд. русскихъ былинъ» отвѣта на этотъ вопросъ нигдѣ не даетъ; такъ что мы остаемся только при загадочныхъ *зернахъ древнѣйшихъ арійскихъ легендъ и сказаній*.

Творческая сила эпоса возрастаетъ на языкѣ и мифѣ, она развивается и продолжаетъ творчество языка и мифа. По выраженію автора — зерна древнѣйшихъ индо-европейскихъ (а не однихъ восточныхъ арійскихъ) легендъ и сказаній содержатся въ древнѣйшемъ матеріалѣ языка и мифовъ. Но всѣ языки индо-европейскіе находятся между собою въ братскомъ отношеніи, равно какъ и древнѣйшія основы быта и вѣрованій. Греки, нѣмцы, латва, славяне, не заимствовали свой языкъ у азіатскихъ Арійцевъ, какъ чужой матеріалъ; онъ былъ такая же ихъ собственность, какъ у

азиатскихъ-арійскихъ народовъ санскритъ, языкъ Зендавесты. Въ-стѣ съ языкомъ, европейскіе народы вынесли изъ своей прародины понятія быта семейнаго, земледѣльческаго, пастушескаго: они не заимствовали у азіатскихъ арійцевъ семью или паханье земли, уходъ за скотомъ, но все это имѣли свое, когда жили въ древнѣйшей прародинѣ. Наше слово *смы* не происходитъ отъ санскритскаго *суну*, или *орати* отъ лат. *arare*.

Съ другой стороны, разнообразіе въ мнѣологической терминологіи народовъ индо-европейскихъ служить намъ самымъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, какъ уже рано разошлись эти народы въ своихъ мнѣическихъ представленіяхъ. Вишну, Кришна, Зевсъ, Кронось, Юпитерь, Діана, Одинъ, Торъ, Фрея, Локи, Перунъ, Волось — какое разнообразіе звуковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представленій! И всѣ эти звуки разныхъ языковъ находятъ себѣ цѣлые ряды родственныхъ звуковъ и представленій въ другихъ соплеменныхъ имъ языкахъ индо-европейскихъ. Искомыя авторомъ «Присхожд. рус. былинъ» *зерна древнѣйшихъ арійскихъ легендъ и сказаній* относятся именно къ той незапамятной порѣ, когда изъ общей массы языковъ и мнѣовъ, только что начинали выдѣляться Зевсы, Одины, Перуны и другіе мнѣическіе представители столько же сродства, сколько и различія индо-европейскихъ народностей.

Впрочемъ, я не предъявляю требованья, чтобы изслѣдователь русскихъ былинъ пускался въ темную область изысканія доселѣ никѣмъ еще не отысканныхъ зеренъ древнѣйшихъ легендъ и сказаній; но желаю выставить на видъ только ту мысль его, что Эдда, Одиссея, Калевала, первоначально усвоили себѣ *чужой матеріаль*, и потомъ самостоятельно его развили, точно такъ же, какъ чужой же матеріаль, только позднѣе, заимствовали себѣ и наши былины, но не умѣли его развить. Русскіе взяли *чужое* у монголовъ въ XIII столѣтіи, точно такъ какъ и греки или нѣмцы тоже взяли *чужое* у азіатскихъ Арійцевъ, только во времена до-историческія. Въ этомъ взглядѣ, очевидно смѣшивается *первобытное* сродство съ *историческимъ* заимствованьемъ, а авторъ историческое заимствование переноситъ, въ отношеніи грековъ или нѣмцевъ, на первобытное сродство. Если бы это было не такъ, то раннія основы національности народовъ Европейскихъ онъ не назвалъ бы *чужими*.

Авторъ «Присхожд. рус. былинъ», очевидно, не различаетъ громадной разницы между *естественнымъ* и *искусственнымъ* образованьемъ эпическихъ сказаній. По его возрѣнію пѣсни древней Эдды такъ же слагались, какъ французскія *Chansons de Geste* или

итальянскія *Reali di Francia*. И въ тѣхъ и другихъ берется чужой матеріалъ, и потомъ самостоятельно разрабатывается. Сверхъ того, когда отыскиваются зерна древнѣйшихъ арійскихъ легендъ и сказаній; когда мысль пслѣдователя поднимается до такой маститой высоты, то уже нельзя ставить на одномъ ряду древнѣйшія преданья Эдды съ позднѣйшими передѣлками, къ какимъ относится пѣснь о Нибелунгахъ. Точно также, когда идетъ рѣчь объ основахъ индо-европейскаго эпоса, то принимается не Одиссея или Илиада, въ ихъ настоящемъ, полномъ развитіи, а та *миѳическая суть*, которую лингвистическая критика извлекаетъ изъ этихъ гомерическихъ поэмъ.

Какъ бы то ни было, но мысль о національности эпическихъ сказаній въ «Происхожденіи рус. былинъ» недостаточна выяснена.

Впрочемъ, третье положеніе, приводимое авторомъ, по Максу Мюллеру, о *первичныхъ* и *вторичныхъ* сказкахъ, должно бы было внести въ пслѣдованіе бѳльшую точность относительно пониманія народной поэзіи, между тѣмъ какъ своимъ противорѣчіемъ двумъ первымъ положеніямъ производитъ оно новую запутанность. Вотъ эти слова Макса Мюллера: «Первый родъ сказокъ — это тѣ легенды, которыя были извѣстны первоначальной арійской расѣ, прежде чѣмъ она раздѣлилась на индѣйцевъ, грековъ, римлянъ, кельтовъ; ихъ можно назвать *первичными* или *органическими*. Второй родъ сказокъ — тѣ, которыя въ болѣе позднее время принесены изъ одной литературы въ другую; ихъ можно назвать *вторичными* или *неорганическими*. Первые представляютъ одинъ общій древній пластъ языка и мысли, идущій отъ Индіи до Европы; послѣднія состоятъ изъ обломковъ разныхъ пластовъ, перенесенныхъ разными естественными и искусственными путями изъ одной страны въ другую. Въ каждомъ арійскомъ языкѣ мы различаемъ *общія* и *чужія* слова: первыя составляютъ древнее наслѣдство арійской расы, а послѣднія заимствованы римлянами отъ грековъ, германцами отъ римлянъ, кельтами отъ германцевъ. Такъ точно мы должны дѣлать различіе между *общими*, *первородными* арійскими легендами, и легендами *заимствованными* и *пересажеными* въ позднѣйшее время» (3, XIII, 328). Мысль, какъ всякій видитъ, вовсе не новая; и неизвѣстно, для чего облекается она здѣсь въ авторитетъ Макса Мюллера. Это не болѣе, какъ общее мѣсто о различіи между первороднымъ сродствомъ и историческимъ заимствованиемъ. Но для насъ нужно было повторить эту мысль для того, чтобы показать противорѣчіе ей, содержащееся въ обоихъ пер-

вѣхъ положеніяхъ. Напрасно авторъ думалъ искать *рочителей* европейскимъ эпическимъ сказаньямъ, напрасно предполагать въ нихъ первоначальный матеріалъ *чужой и несамостоятельный*, когда съ полнѣйшею вѣрою приведе слова Макса Мюллера, по которымъ матеріалъ этотъ — *одинъ общій древній пластъ языка и мысли, идущій отъ Индіи до Европы*.

Четвертое положеніе, извлекаемое изъ предыдущихъ, гласитъ, что *наши былины* относятся къ сказаньямъ или сказкамъ *оторичнымъ*, т. е. къ заимствованнымъ въ эпоху историческую.

«Сравнивая былины съ восточными первообразами — говоритъ авторъ, — мы замѣчаемъ, что онѣ двухъ родовъ. Однѣ изъ нихъ имѣютъ близкое сходство, сплошь, цѣликомъ, съ однимъ которымъ-либо восточнымъ оригиналамъ. Такъ, напримѣръ, былина о Волшанѣ Волшановичѣ очень близко подходитъ къ 4-й главѣ поэмы «Гессеръ-Ханѣ»; былина о Ставрѣ-боляринѣ и его женѣ — къ алтайской пѣснѣ объ Алтайнѣ-Саянѣ-Саламѣ и его сестрѣ; былина объ Иванѣ Гостинюмъ сынѣ — къ одной пѣснѣ томскихъ шоровъ; былины о Соловьѣ Будимировичѣ — къ разсказамъ Сомадевы и т. д. Напротивъ того, другіе былины представляютъ много сходства заразъ съ нѣсколькими восточными оригиналами, какъ бы наизванными у насъ вмѣстѣ, одинъ послѣ другаго. Такъ, наприм. мы не можемъ указать той восточной поэмы или пѣсни, которая заключала бы всю, отъ начала и до конца, исторію Ильи-Муромца, или Дуная, или Потока, или Сорока казникъ съ казикою, рѣшительно со всѣми ихъ эпизодами, лицами, событіями, въ одной не прерывной послѣдовательности. Отдѣльныя части (какъ бы главы) исторіи Ильи Муромца мы встрѣчаемъ то въ Магаванси (крестьянство и необыкновенныя работы въ полѣ), въ разныхъ сибирскихъ и въ томъ числѣ киргизскихъ пѣсняхъ, въ Шахъ-Намѣ и Джангаридѣ (подвиги и смерть). Первую половину разсказовъ о Потокѣ мы отыскиваемъ въ Магабгаратѣ, вторую въ Гессеръ-Ханѣ. Отдѣльныя части былины о Дунаѣ мы находимъ въ Гаривансѣ, Магабгаратѣ и сказкахъ Сомадевы» (3, VIII, 622—3).

Итакъ, всѣ эти разрозненные, разнятые члены (*disjecti membra poëtae*) — выражаясь словами Макса Мюллера — *обломки разныхъ пластовъ, перенесенные разными естественными и искусственными путями изъ одной страны въ другую*.

Вопреки видимому вышесказанному сходству, авторъ не можетъ указать прямаго, непосредственнаго заимствованія (и въ особенности заимствованія *письменнаго, книжнаго*). Въ разныхъ мѣстахъ

настоящаго ислѣдованія — продолжаетъ онъ — я впередъ уже протестовалъ противъ такого истолкованія; теперь же, обозрѣвая разобранныя мною былины всѣ вмѣстѣ, за одинъ разъ, мы тѣмъ менѣе имѣемъ возможность останавливаться на мысли о прямомъ заимствованіи русскихъ былинъ именно изъ тѣхъ самыхъ оригиналовъ, которые мы были въ состояніи здѣсь привести для сравненія. Находящіеся въ нашемъ распоряженіи восточные матеріалы все-таки еще малочисленны и бѣдны, мы не обладаемъ ими въ полнотѣ сколько-нибудь удовлетворительной, и потому, не имѣя всѣхъ необходимыхъ звеньевъ на лицо, мы лишены, покуда, возможности показать всю цѣпь перехода того или другаго сказанія изъ древней Азіи въ новую Россію. Но не смотря на такую неполноту, мы все-таки на каждомъ шагу убѣждаемся въ одномъ и томъ же главномъ фактѣ: какого бы рода ни было сходство нашихъ былинъ съ восточными рассказами, болѣе ли близкое, гдѣ у насъ азіатскихъ первообразовъ больше, или менѣе близкое, тамъ гдѣ этихъ первообразовъ меньше, — во всякомъ случаѣ былины наши идутъ отъ которыхъ-то изъ нихъ, или отъ имъ подобныхъ» (3, VIII, 623—4).

Итакъ, какъ кажется, историческое, позднѣйшее *заимствование* нашими былинами авторъ допускаетъ, только не изъ тѣхъ оригиналовъ, съ которыми онъ ихъ сравнивалъ. Онъ еще мало имѣетъ подъ руками матеріаловъ, и не смѣетъ сказать ничего рѣшительнаго. Но далѣе (3, XIII, 330) онъ набирается смѣлости, и, противорѣча вышесказанному, опредѣлительно указываетъ тотъ разрядъ оригиналовъ, откуда наши былины заимствованы: «Съ древнѣйшими рассказами древнѣйшихъ арійскихъ племенъ и народовъ наши былины хотя и имѣютъ, безъ сомнѣнія, много общаго, но только въ главныхъ мотивахъ; съ рассказами арійскихъ народовъ болѣе новаго времени онѣ имѣютъ общаго уже не однѣ только главные мотивы, но и главныя развитія этихъ мотивовъ и множество частныхъ подробностей; еще болѣе имѣютъ онѣ сходства съ позднѣйшими рассказами арійскихъ народовъ позднѣйшаго времени; а наибольшее, ближайшее сходство оказывается у нихъ съ рассказами тѣхъ народовъ вовсе не *арійскаю* племени, которые получили отъ *арійскихъ* народовъ первоначальные эпическіе мотивы и выработали, развили ихъ сообразно съ условіями своей исторіи и быта».

На это мѣсто нельзя не сдѣлать двухъ замѣчаній.

Вопервыхъ, если авторъ открылъ въ нашихъ былинахъ сходство съ восточными оригиналами и по развитію мотивовъ и по множеству частныхъ подробностей, если онъ усмотрѣлъ съ нѣкоторыми

изъ нихъ самое *ближайшее сходство*: то сдѣлалъ это открытіе не на основаніи предложенныхъ имъ фактовъ, а такъ, гадательно; ибо, какъ онъ самъ выше сказалъ — наши былины не заимствованы не посредственно изъ тѣхъ восточныхъ оригиналовъ, съ которыми въ изслѣдованьи онѣ сличены, и онъ, авторъ, не обладаетъ въ надлежащей полнотѣ фактами, чтобы въ точности опредѣлить это заимствование. То наша былина во всемъ согласуется съ восточнымъ оригиналомъ, до мельчайшихъ подробностей, то она заимствована не изъ этого оригинала, а изъ какого-то другаго, автору еще неизвѣстнаго.

Противорѣчіе замѣчательное! Впрочемъ, его не стоило бы здѣсь приводить, если бы это былъ просто логическій промахъ. Это значило бы придираться къ мелочамъ, значило бы говорить не о дѣлѣ. Въ этомъ противорѣчьи авторъ невольно высказалъ, что онъ не особенно доволенъ своими сближеньями русскихъ былинъ съ восточными оригиналами; ему хотѣлось бы, чтобы между ними было *ближайшее сходство*, а изъ предложенныхъ имъ сравненій, намъ уже извѣстныхъ, оказывается больше натяжекъ, нежели дѣйствительнаго сходства.

Вовторыхъ, авторъ положительно утверждаетъ, что народы *не арійскаго* племена, передавшіе намъ свои сказанія, заимствовали ихъ у народовъ арійскихъ. Но это надобно было доказать путемъ многостороннихъ сравнительно-лингвистическихъ и историческихъ изслѣдованій. Это вопросъ настоящей необходимости. Въ нѣкоторыхъ мотивахъ былины о Потокѣ доселѣ мы видѣли сродство то съ бретонскими сказаньями, то съ пѣснями Эдды. Намъ говорить, что эти мотивы, общіе всѣмъ арійскимъ народамъ, русская былина взяла изъ какой-то татарской пѣсни, въ которую они перешли изъ сказаній арійскихъ. Спрашивается: какъ, когда и для чего? «Находящіеся въ нашемъ распоряженіи восточные матеріалы — отвѣчаетъ авторъ — все таки еще малочислены и бѣдны, мы не обладаемъ ими въ полнотѣ сколько нибудь удовлетворительной, и потому не имѣя всѣхъ необходимыхъ звеньевъ на лицо, мы лишены, покуда, возможности показать всю цѣпь перехода того или другаго сказанія изъ древней Азіи въ новую Россію.» На какомъ же основаніи послѣ этого можно утверждать, что народы *не арійскіе* передали въ наши былины *арійское* содержаніе?

Если это одно только предположеніе, не основанное на фактахъ, то къ такимъ же теоретическимъ предположеніямъ надобно отнести и слѣдующую *цѣль перехода* сказаній изъ Азіи въ Россію: «Бы-

лины наши представляютъ наиболѣе сходства съ тѣми восточными рассказами, которые менѣе древни, и притомъ съ такими, которые мы находимъ у народовъ, по географическому положенію своему ближе придвинутыхъ къ Россіи, и скорѣе могшихъ имѣть непосредственное съ нею соприкосновеніе. Такимъ образомъ, русскія былины больше сходятся съ рассказами и подробностями буддійскаго времени и характера, чѣмъ съ такими же, времени и характера брахманскаго или зороастровскаго; онѣ сходятся съ рассказами и подробностями сибирско-татарскими, киргизскими, монгольскими и калмыцкими болѣе, чѣмъ съ рассказами индѣйскими и персидскими» (3, XI, 639).

Для ясности надобно здѣсь привести нѣсколько выдержекъ изъ «Происхожд. русскихъ былинь», чтобъ показать, что называетъ авторъ въ нашихъ былинахъ брахманствомъ и буддійствомъ.

Богатырь Алеша слыветъ въ былинахъ *Поповичемъ*. Онъ сынъ соборнаго попа Ростовскаго. Въ его лицѣ осмѣиваются нѣкоторыя слабости сословія, къ которому онъ принадлежитъ. Онъ завистникъ, сплетникъ, бабій пересмѣшникъ, нахалъ. Качества эти не разъ развиваются во многихъ былинахъ, что хорошо извѣстно всякому, кто перелистывалъ собранія Рыбникова и Кирѣевскаго. Смотри Указатель къ Пѣснямъ Кирѣевскаго подъ словомъ *Алеша*, *Олеша Поповичъ*. И не смотря на очевидные факты въ самыхъ былинахъ, наперекоръ еще болѣе очевидному перечню этихъ фактовъ въ Указателѣ, авторъ «Происхожд. русскихъ былинь» рѣшается утверждать, что Алеша Поповичъ нигдѣ въ былинахъ, на дѣлѣ, не выражаетъ тѣхъ качествъ, которыя только голословно ему приписаны. «При томъ мудрено предположить, — присовокупляетъ авторъ — чтобы при князѣ Владимірѣ, только что принявшемъ христіанство, могли уже образоваться такія ироническія понятія о духовномъ сословіи. Кажется нельзя сомнѣваться, что всѣ эти выраженія (т. е. «глаза завидуши, руки загребуши» и т. п.) принадлежатъ періодамъ позднѣйшимъ». Для чего приведенъ этотъ аргументъ? Не ужели кто нибудь изъ понимающихъ народную поэзію, какъ слѣдуетъ, когда нибудь могъ усомниться въ томъ, что словенныя различія введены въ былины многими столѣтіями позднѣе князя Владиміра? Былина не исторія; критики она не знаетъ, и приписываетъ старинѣ то, что живетъ въ то время, когда оналагается. Это общій законъ, на основаніи котораго развивались наши былины, точно такъ же какъ развивались французскія *Chansons de Geste*, испанскіе романы о Сидѣ и т. п. Но объ этомъ рѣчь впереди;

а теперь по смотримъ, какъ въ лицѣ Алеши Поповича авторъ видитъ брахманство русскихъ былинь. «Что касается до самого прозвища *Поповичъ*, то оно повидимому есть потерявшій первоначальное свое значеніе отголосокъ *чужихъ оригиналовъ*, и, если мы пройдемъ въ памяти тѣ оригиналы, съ которыми намъ приходилось сравнивать русскія былины, то безъ труда откроемъ, какихъ именно. Нашъ *богатырь-поповичъ*, вѣроятно, не что иное, какъ послѣднее эхо *богатырей-брахмановъ*, какими наполнены брахманскія и буддійскія поэмы и пѣсни. Въ древней Азіи мы встрѣчаемъ богатырей изъ касты духовныхъ (т. е. брахмановъ), какъ встрѣчаемъ богатырей изъ касты царей-воиновъ (т. е. кшатріевъ), и если однимъ изъ представителей послѣднихъ у насъ является Добрыня, то однимъ изъ представителей первыхъ мы можемъ считать — Алешу Поповича» (3, V, 615—616).

Странно, почему авторъ, которому такъ дорого брахманство нашихъ былинь, не воспользовался при этомъ случаѣ письменными источниками древне-русской литературы о браминахъ? Свѣдѣнія объ этой кастѣ были распространяемы между нашими предками и въ хронографахъ, и въ Александрии, и въ спеціальныхъ по этому предмету сочиненіяхъ. Если бы авторъ велъ дѣло по фактамъ, тогда догадка его объ Алешѣ имѣла бы значеніе. Безъ этого же намъ остается только на вѣру принять, что составители русскихъ былинь, хотя и безграмотные, были настолько образованы, что умѣли истолковать себѣ индѣйскаго брахмана домороженнымъ попомъ. Это очень лестно для древне-русской цивилизаціи, но недостаточно доказано, чтобы мы могли этимъ питать свою національную гордость.

Теперь о буддизмѣ. Оно, между прочимъ, но съ особенною силою доказывается сравненіемъ нашихъ Сорока Каликъ съ ихъ азіатскою братьею.

«Кромѣ главной цѣли — подачки и угощенія (которая отчасти является мотивомъ и въ нашей былинь о Сорока Каликахъ со Каликой), у древнихъ азіатскихъ странниковъ была еще, обыкновенно, и другая цѣль странствія: посѣщеніе святыхъ мѣстъ, для того, чтобъ поклониться священнымъ зданіямъ съ заключенными тамъ священными предметами и искупаться въ священныхъ водахъ. Смыслъ этого омовенія былъ тотъ, что погруженіе въ священныя воды омываетъ всѣ грѣхи и преступления. Предпринимая подобное путешествіе, странники обыкновенно налагали на себя обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и воздержанія. Соблюденіе цѣломудрія — вообще одинъ изъ первыхъ обѣтотъ и законовъ буддизма для всякаго

духовнаго; а для того разряда буддѣйскихъ духовныхъ, которые составляютъ нѣчто среднее между духовными и свѣтскими людьми, существуютъ пять главныхъ религіозныхъ правилъ: 1) не убивать никакого живаго существа, 2) не красть, 3) не прелюбодѣйствовать 4) не лгать, 5) не пьянствовать; и, по буддѣйской казуистикѣ, четыре первые грѣха — грѣхи неизгладимые, не прощаемые. Окончивъ свое благочестивое путешествіе, странники эти обыкновенно возвращались въ монастыри, лѣса и пустыни, откуда вышли на странствіе, и гдѣ проводили всю свою жизнь. Всѣ эти черты исполнѣны повторены въ нашей былинѣ а Сорока Каликахъ со Каликой. По этой пѣснѣ, Калики живутъ въ монастырѣ, въ пустынѣ, и оттуда отправляются въ свое странствіе, а, по окончаніи его, снова возвращаются въ монастырь: «А изъ пустыни было Ефимьевы, изъ монастыря Боголюбова, начинали Калики наряжаться къ святому граду Іерусалиму»; а въ концѣ: «Собрались они и въ путь пошли, до своего монастыря Боголюбова, и до пустыни Ефимьевы». Цѣль ихъ странствія: «Святой святынѣ по молитися, Господню Гробу приложитися, въ Ердань-рѣкѣ искупатися» — это, переложенныя на христіанскіе нравы, черты изъ обычаевъ индѣйскихъ монаховъ-странствователей» и т. п. (2, VII, 271—2).

Игуменъ Даниилъ Паломникъ тоже изъ монастыря пошелъ въ Іерусалимъ, и потомъ въ монастырь воротился; съ тою же цѣлью ходилъ онъ въ Іерусалимъ. Слѣдовательно и онъ индѣйскій монахъ-странствователь. Такихъ индѣйцевъ много было на Руси еще въ XII вѣкѣ, какъ свидѣтельствуемъ Кюрикъ въ слѣдующихъ словахъ: «Ходили бяху ротѣ, хотяче въ Іерусалимъ. Повеіѣ ми опитемью дати: та бо, рече, рота губитъ землю сію».

И такъ, письменныя свидѣтельства не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что буддѣйство Каликъ переходящихъ существовало на Руси до Татаръ, и въ большомъ размѣрѣ.

На переборъ историческимъ свидѣтельствамъ авторъ «Пронск. русскихъ былинъ», утверждаетъ: «Наши былинны имѣютъ преимущественно холорить буддѣйскій, или жѣ языческій, а это объясняется именно тѣмъ, что буддѣйцами и язычниками были тѣ монгольскія и тюркскія племена, которыя нахлынули на Россію начиная съ XIII вѣка, и цѣлыхъ два столѣтія налагали на нее печать своего присутствія» (3, XIV, 343).

Такимъ образомъ, не смотря на существованіе на Руси монастырей въ XI и XII столѣтіяхъ, съ уставами и обѣтами *бдности, целомудрія и воздержанія*, не смотря на церковныя постановленія о

милостыи́ и нищенствѣ, наши предки познакомились со всѣми этими идеями и порядками не раньше, какъ въ XIII вѣкѣ, черезъ монголовъ, которые внесли къ намъ буддѣйство. Богатырей-Каликъ и богатырей-монаховъ отшельниковъ, Василья Буслаева, Данила Игнатьевича (Кирѣевск. 3, стр. 39 — 51) расказчики были́ переняли изъ татарскихъ пѣсенъ и сказокъ о подвигахъ индѣйскихъ брахмановъ, подновленныхъ буддѣйскимъ колоритомъ? Не отсюда ли взялись и Пересвѣтъ и Ослябя въ Мамаевомъ побоищѣ. Не индѣйскимъ ли богатырямъ-монахамъ подражали и тѣ предпримчивые подвижники, которые въ XV, XVI и даже въ XVII столѣтїи пролагали по Руси пути, и въ непрестанной борьбѣ съ мѣстными жителями, тамъ и сямъ строили часовни и пустыни?

Нѣтъ сомнѣнїя, что разныя ученїя древняго Востока могли перейти въ древнюю Русь, что эти ученїя могли кое гдѣ затаяться въ преданїяхъ церкви и литературы; но все же на Русь пришли они черезъ Византїю вмѣстѣ съ Синайскимъ и Скитскимъ Патериками, съ Исторїею о Варлаамѣ и Іоасафѣ Царевичѣ, съ арабскими сказками и т. п.

Но авторъ разбираемаго мною сочиненїя не хочеть знать никакихъ письменныхъ источниковъ для нашихъ были́нъ. Эти народныя разказы передали въ копїи монгольское буддѣйство, но какимъ путемъ они его переняли — остается неизвѣстнымъ.

Судя по малымъ, самымъ ничтожнымъ остаткамъ татарщины въ нашемъ языкѣ, надобно полагать, что общенїе между русскими и монголами, умственное и литературное, было самое не значительное. Какимъ же образомъ, въ XIII или въ XIV столѣтїи, монгольскїй оригиналъ, безъ знанїя самого языка, могъ быть усвоенъ русскими расказчиками? Кто имъ его перевелъ? Какїя имѣемъ мы на это историческїя данныя? Правда, что высшїя власти, князья и духовенство, сносились часто съ монголами, но заимствовали ли отъ нихъ пѣсни и сказки, въ такомъ количествѣ, чтобъ составить цѣлый циклъ были́нъ — на то мы не имѣемъ въ лѣтописяхъ никакихъ намековъ. Если же такїе намеки имѣются, хотя бы въ незначительномъ числѣ; то почему авторъ не привелъ ихъ? А если бы кому изъ русскихъ случайно и были извѣстны монгольскїя сказанїя, то какимъ образомъ, въ глуши древней Руси, эти сказанїя могли низойти до престонородья и охватить своимъ влїянїемъ громаднаго пространства населенїя?

Если такъ могущественна оказалась монгольская сила въ Русскихъ были́нахъ, почему не проявилась она въ письменной словес-

ности нашей XIII и XIV вѣковъ? Почему монгольскій духъ не распространился въ русскихъ житіяхъ и легендахъ? Правда, Татарщина проглядываетъ, напримѣръ, въ житіи Петра Царевича Ордынскаго и въ нѣкоторыхъ другихъ, на что я обратилъ вниманіе въ «Историческихъ Очеркахъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ же, указываю я еще болѣе сильное вліяніе на наши легенды — западное, начиная уже съ XI или XII столѣтія.

Если Татарщина такъ мила была нашимъ расказчикамъ и всему русскому народу, что онъ усвоилъ ее себѣ, въ былинахъ, какъ національную собственность; то какимъ же это образомъ, въ тѣхъ же былинахъ, татарщина является въ самомъ гнусномъ и часто смѣшномъ видѣ, что татаринъ изображается обыкновенно пошлымъ дуракомъ, и что русскіе богатыри особенно любятъ колотить татаръ?

Если русскіе расказчики, въ такомъ видѣ, систематически умѣли передѣлать свои татарскіе оригиналы; то наши былины вовсе не такъ глупы и бессмысленны, какъ онѣ рекомендуются въ «Происхожденіе русскихъ былинъ».

III.

Чтобы очистить критическій обзоръ этого сочиненія отъ разныхъ могущихъ возникнуть недоразумѣній, надобно коснуться тѣхъ давнихъ, болѣе или менѣе крупныхъ, которые, въ сравнительной параллели между Русью и Татарщиною, приводитъ авторъ въ 3-ей части своего изслѣдованья.

Прослѣдимъ эту параллель въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Вообще о цѣломъ циклѣ нашихъ былинъ въ изслѣдованіи сказано: «То, что по прежнимъ понятіямъ, было признаваемо *исключительно* нашимъ достояніемъ, народнымъ нашимъ созданіемъ, такимъ созданіемъ, гдѣ въ самомъ корнѣ выразились національныя наши особенности — приходится признать теперь произведеніемъ *только* иноземнымъ»; и за тѣмъ приводится общезвѣстная мысль о сродствѣ народовъ по сказаніямъ, для пущей важности скрѣпленная авторитетомъ Бенфея (II, 595).

Изслѣдователи, какъ хорошо извѣстно всякому занимающемуся литературою этого предмета, — въ основѣ преданій о Добрынь, Дунаѣ, Ильѣ Муромцѣ, видѣли общія индо-европейскія начала; но въ общей системѣ русскихъ былинъ не могли видѣть *произведенія только иноземнаго*; потому что система эта твердо прикрѣплена къ русской землѣ и къ русской исторіи, и осмотрительно выдержана

во взаимномъ отношеніи богатырей между собою и къ князю Владимиру.

Князя Владимира русскихъ былинь авторъ приравниваетъ къ восточнымъ царямъ (V, 609); но тоже самое онъ могъ бы сказать и о Кельтскомъ Артурѣ, и англо-саксонскомъ Гродгарѣ; во многихъ Chansons de Geste рисуется самъ Карлъ Великій такъ же не привлекательно, какъ нашъ князь Владимиръ въ былинахъ. *Пирь* Владимира авторъ называетъ *чертою слишкомъ ничтожною и несущественною* (V, 608). Напрасно. Это черта очень существенная, какъ показываютъ и пирь Гродгара и Круглаго Стола, и особенно тѣмъ для насъ важная, что ея наши былины прикрѣпляются къ древнѣйшему свидѣтельству лѣтописи объ этихъ пирахъ.

Странное дѣло: всѣ наши былины, въ разсыпную — копія татарскихъ оригиналовъ, самыя пошлыя и бессмысленныя, каждая порознь, а всѣ вмѣстѣ сгруппировались около богатырей старшихъ и младшихъ, около князя Владимира въ Киевѣ, и независимо отъ него — въ Новгородѣ. Вотъ именно этотъ-то процессъ, въ силу котораго былины такъ сложились, и даетъ имъ высокое національное значеніе. Пусть Илья — крещеный татарченочекъ, пусть Алѣша — ренегатъ брахманъ, только оба они какою-то неудержимою силою тянутъ къ Киеву, къ ласковому князю Владимиру, не знаютъ, не вѣдаютъ ни брахманства, ни буддѣйства, и терпѣть не могутъ татаръ и татарщины. Пусть всѣ наши богатыри — народъ заѣзжій съ далекаго Востока, только всѣ они познакомились между собою, сблизились и породнились на пирахъ князя Владимира, у него на службѣ.

Авторъ не преписываетъ никакого значенія географическимъ названіямъ въ нашихъ былинахъ. Киевъ, Новгородъ, Ильмень, Дунай — все это имена подставныя, бессмысленная замѣна разныхъ мѣстностей далекаго Востока (IV, 603 и слѣд.).

Мы уже знаемъ, на основаніи какихъ сближеній выведены эти результаты. Съ той же точки зрѣнія, Рязань — родина Добрыни, стала у насъ странкою морскихъ Готовъ, откуда явился Беовульфъ; Киевъ — столица Гродгара и т. д.

Подставныя русскія названія для восточныхъ оригиналовъ не могли явиться вдругъ. Нельзя, чтобы гдѣ нибудь въ нашихъ былинахъ не проглядывали, подъ позднѣйшею реставраціею, черты первоначальнаго оригинала. По чему авторъ не сдѣлалъ микроскопическихъ наблюдений надъ этими, можетъ быть, едва замѣтными чертами, и почему, къ явной выгодѣ для своей теоріи, не

сложили ихъ всё вмѣстѣ? Сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ — иное дѣло: тамъ самыя уже собственныя имена говорятъ въ пользу иностраннаго происхожденья. Напротивъ того, въ былинахъ мы вездѣ видимъ географическія имена русскія, и многія изъ нихъ, — напр. въ мѣстностяхъ, откуда происходятъ богатыри, какъ и куда ѣдутъ — систематически выдержаны.

По нашимъ былинамъ, князь Владиміръ, какъ князь Великій, постоянно пребываетъ въ Кіевѣ, и даритъ своихъ подручниковъ *юродами съ природоками и селами съ приселками* (Рыбн. 1, 18, 261). Лѣтописная память о частыхъ сношеніяхъ между Кіевомъ и Черниговомъ часто выражается сближеніемъ этихъ городовъ (Рыбн. II, 178), распрями между ними, какъ бы изъ временъ удѣльныхъ междоусобій (Кир. III, 34). Кіевъ соперничествуетъ съ Вольныю (Рыбн. 1, 299 — 301). Дороги къ Кіеву и Новгороду (Кир. IV, 108) — это двѣ главныя; другія, относящіяся къ циклу Владимірову, три дороги — въ Муромъ, Черниговъ и въ Кіевъ (Кир. II, 70). Отношенія Новгорода къ Пскову и Москвѣ упоминаются въ былинахъ о Васильѣ Буслаевѣ (Рыбн. 1, 344); тамъ же городскія междоусобія на Волковскомъ мосту (Рыбн. 1, 346, 351). Все это и множество другихъ мѣстныхъ подробностей, которыхъ можно набрать на цѣлую монографію — служитъ неоспоримымъ доказательствомъ тому по крайней мѣрѣ, что Русскій народъ умѣлъ прочно и широко прикрѣпить къ своей землѣ чужія сказки. Впрочемъ и самъ авторъ не разъ упоминаетъ, какъ ловко приурочиваетъ русская былина къ своей мѣстности чужое содержаніе. «Въ (восточной) легендѣ — говоритъ онъ — сокровища и драгоцѣнности, послужившія къ обогащенію героя, изображены подъ видомъ сандалнаго дерева, составляющаго одну изъ главныхъ статей торговли въ Индіи, и выброшеннаго моремъ: въ нашей былинѣ (о Садкѣ) — посредствомъ рыбы, добытой изъ Ильмена-озера, и принадлежащей къ числу важныхъ предметовъ новгородской торговли» — «Оба героя», индѣйскій и русскій, богатые купцы, члены особой купеческой гильдіи или общины: Садко — членъ «братчины Никольщины» въ Новгородѣ, Пурна — членъ «купеческаго общества» (*corps des marchands*, по Бюрнуфу) въ Сурпаракѣ» (2, VI, 257). И такъ, русская былина, даже по самому снисходительному сужденію автора, все же рисуетъ, не совсѣмъ глупо, русскій бытъ, прикрѣпляя индѣйскую сказку къ мѣстности Новгорода и къ условіямъ его жизни. Съ другой стороны, такъ же мѣтко характеризуютъ новгородскую жизнь былины о Васильѣ Буслаевѣ. А это то

именно и значить, что былины служили для русскаго народа продолженіемъ лѣтописи, замѣняли ее. Если бы даже согласиться съ авторомъ, что всѣ собственныя имена географическія, съ ихъ характеристиками, въ нашихъ былинахъ замѣняли собою восточные оригиналы: то сколько надобно предполагать въ нашемъ народѣ тѣхъ, здраваго смысла и познаній, чтобы ориентироваться въ путаницѣ татарской тарабарщины, и извлечь изъ нея Кіевъ и Черниговъ — съ ихъ междоусобіями, Новгородъ съ рыбною торговлею и съ драками на Волховскомъ мосту и множество другихъ мѣстныхъ, этнографическихъ подробностей, которыя доселѣ всѣми изслѣдователями принимались за чистую монету?

Если все это переводъ восточныхъ названій, то пусть сдѣлаетъ намъ авторъ уступку, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что русская былина не такъ глупа и пошла, какъ она ему кажется.

Въ былинахъ упоминаются горы. «Но какое же значеніе — говоритъ авторъ — имѣютъ горы въ разказахъ тѣхъ, въ чьемъ отечествѣ (какъ у русскихъ средней и южной Россіи) ихъ нѣтъ на лицо?» (2, IV, 605). А точно такое же, отвѣчаемъ, какъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ, которое ему особенно нравится по правдѣ исторической и мѣстной. «О русская земля! уже за *шеломянемъ* еси». Это въ Словѣ о п. И.; а вотъ въ былинѣ:

А поѣдешъ ты, Михайло, во чисто поле,

Выѣдешъ ты на *шеломя* на оватисто,

А по русскому — на *юру* да на *высокую* (Кир. III, 46).

«Переходя къ дружинѣ княжеской и земской, — сказано въ изслѣдованьи (V, 610) — мы находимъ, что былины не даютъ намъ возможности выводить заключенія о томъ, что такое была та и другая у насъ на Руси, *въ древнѣйшее время*, и именно *во время Владимірово*. Это было бы то же самое, что по романсамъ о Сидѣ составлять понятіе о его времени, или по Chansons de Geste XII или XIII столѣтія объ отношеніяхъ Карла Великаго къ его вассаламъ. Неужели авторъ «Происхожденія рус. былинъ» полагаетъ что поэмы о Дитрихѣ Бернскомъ или пѣсни о Нибелунгахъ составились во времена Теодорика и Зигурда? Еще разъ повторяемъ: былина не исторія; она критики не знаетъ и составляется часто многими столѣтіями позднѣе тѣхъ событій, о которыхъ повѣствуетъ. Раннія преданія, на которыхъ она нѣкогда основалась, пропали безвозвратно, и былина воспѣваетъ старину по старой памяти, но на новый ладъ.

Таковы въ нашихъ былинахъ сословія; такова и дружина. Въ ней есть и *атаманъ*, и *подъатаманье*, и *есаулъ* (Рыбн. 1, 2; Кир. IV, 6), и многія другія подробности, которыя по вѣкамъ и по принадлежности сортируетъ историческая и лингвистическая критика.

«Что касается до *заставъ* богатырскихъ, сказано въ изслѣдованьи (V, 613) — такъ часто упоминаемыхъ нашими былинами, что это опять-таки чисто-восточная подробность азіятскихъ поэмъ и пѣсенъ». Откуда бы это учрежденіе ни шло, съ востока или запада, но ему соответствуетъ въ Русской исторіи цѣлая система *сторожевой* охраны.

«Въ былинахъ — говоритъ авторъ (VI, 620) мы не имѣемъ описаній татарскихъ нашествій на древнюю Русь и изображеній татарской эпохи въ нашемъ отечествѣ». — «Тутъ не оказывается ничего списаннаго съ природы, ни чего взятаго изъ дѣйствительности, совершавшейся въ XIII и XIV вѣкѣхъ на поляхъ и въ городахъ русскихъ» — «Это не только не картина нашествія татаръ на наше отечество или предшествовавшихъ имъ казаръ или печенѣговъ, но даже и не какое бы то ни было опредѣленное нашествіе: это вообще нападеніе одного азіятскаго племени на другое» и т. д.

Лирическій элементъ, столько говорящій въ пользу исторической правды былинъ о татарщинѣ, авторъ *откидываетъ*, какъ *постороннюю вставку*, которая, будто бы, не касается настоящаго вопроса.

Но эту-то именно *постороннюю вставку* я и принимаю за главное выраженіе той идеи, которая лежитъ въ основѣ сказанныхъ былинъ, которая вдохновляла пѣвцовъ и воспитывала въ массѣ слушателей національное чувство.

Не дошелъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становися Калинь у быстра Дѣбра,
Сбиралось съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.

А зачѣмъ мать сыра земля не пошеетъ?

Зачѣмъ не разступится?

А отъ нару было отъ коннаго

А и мѣсяцъ-солнце померенуло,

Не видать луча свѣта бѣлаго;

А отъ духу татарскаго

Не можно крещенымъ намъ живымъ быть (Кирш. у Кирѣевск. I, 70).

Тотъ же мотивъ, за выпускомъ лирическаго элемента, не разъ повторится въ былинахъ, въ новомъ развитіи. Напр.

Нагнано-го силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ чернаго ворона;
И не можетъ проскатъ красное солнышко
Между паромъ лошадинымъ и человѣческимъ;
Вѣшнимъ долги́мъ денечкомъ
Сѣрому волку вокругъ не обрыскати,
Меженнымъ долги́мъ денечкомъ
Черну ворону этой силы не обгратьи (Рыбн. 1, III).

Не ужели и эта похвальба татарскаго хана — *божьи церкви на дымъ спуститъ, чудны иконы съ плавъ рѣки* — взята изъ восточнаго оригинала двухъ воюющихъ языческихъ племенъ?

А это торжество національнаго чувства, въ повѣствованіи о томъ, какъ разбитые на голову татары

..... на побѣгъ бѣгутъ,

Сами они заклинаются:

Не дай Богъ намъ бывать ко Киеву,

Не дай Богъ намъ видать русскихъ людей!

— Не ужели и это вставочный, *лирический элементъ, не касающійся настоящаго вопроса?* На какомъ же основаніи постоянно чувствуется онъ въ русской былинѣ? Для чего повторился онъ въ рассказѣ о Крымскомъ нашествіи, въ запискахъ англичанина Джемса: «Побѣждалъ еси, собака Крымскій царь, не путемъ еси не дорогоу, не по знамени не по черному?»

Пусть уступить мнѣ авторъ «Происхожд. рус. былинъ» эти не многія *вставки*, по его мнѣнію, не идущія къ дѣлу. Для меня важны онѣ потому, что въ нихъ я вижу жизненность и живучесть нашихъ былинъ о татарщинѣ. Пусть эти былинны передѣланы изъ восточныхъ оригиналовъ, но онѣ передѣланы такъ умно и ловко, что цѣлыя столѣтія могли читать въ русскомъ народѣ отвращеніе къ своимъ татарскимъ завоевателямъ?

Еще одно слово о татарщинѣ. Авторъ ищетъ въ нашихъ былинахъ опять современной картины татарскихъ погромовъ XIII и XIV столѣтій, и опять впадаетъ въ ту же непонятную для насъ теорію, по которой испанскій романсъ, сложившійся въ XVI столѣтіи, долженъ рисовать точный портретъ суроваго рыцаря XI вѣка.

«Нельзя дѣлать изъ былинь выводовъ о христіанскомъ элементѣ на Руси во Владимірово время» — сказано въ изслѣдованьи (VII, 621), очевидно въ назиданіе тѣмъ, которые, вмѣстѣ съ авторомъ, держатся упомянутой теоріи.

Правда, что ставянофилы уже слишкомъ щедро надѣляли нашихъ богатырей христіанскою благодатью. Илья Муромецъ, Добрыня, да и самъ пѣсенный князь Владиміръ — не богѣе, какъ тѣ же русскіе люди, которыхъ старинныя «Христіолюбцы» обличали въ *двоестрїи*. Но сказать, что въ нашихъ былинахъ — «всѣ формы, на видъ какъ будто бы христіанскія, не что иное, какъ переложеніе на русскіе нравы и русскую терминологию, разсказовъ и подробностей вовсе не-христіанскихъ и не-русскихъ» (VII, 621) — это уже другая, еще горшая крайность.

Но опять пусть останется за авторомъ открытіе, что наши былины — копїи восточныхъ оригиналовъ. Мы уже знаемъ, на какихъ параллеляхъ зиждется это открытіе. Пусть же и онъ оставитъ за нами, по малой мѣрѣ, въ переложеніи на русскіе нравы, слѣдующія черты въ нашихъ былинахъ.

Илья Муромецъ проситъ у своего отца благословенья:

Охъ ты гой еси, родимой, милой бабушка!
Дай ты мнѣ свое благословеньце,
Я поѣду въ славной, стольной Кѣевъ градъ,
Помолитесь чудотворцамъ Кѣевскимъ,
Заложитесь за князя Володиміра,
Послужить ему вѣрой-правдою,
Постоять за вѣру Христьянскую (Кирѣевск. I, 34).

Съ вѣрою нашъ богатырь соединяетъ добрыя дѣла:

Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
Еще богѣ я стоялъ за церковь Божию;
Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за безмужнихъ женъ, —
Благочестивыя жены, вдови безмужнія,
Онѣ были богомольныя,
День и ночь онѣ Богу молятся (Кир. IV, 16).

Потому онъ не щадитъ тѣхъ, которые немилосердны къ слабымъ и несчастнымъ:

Всталъ Илья на раздѣльцѣ чисте поле,
Срубилъ Соловью буйну голову,
Рубилъ ему голову, выговаривалъ:
Полно-тко тобѣ слезить отцевъ-матерей,
Полно-тко вдовить женъ молодыхъ,
Полно спущать сиротатъ малыхъ дѣтушекъ (Рыби. I, 61).

Такое же глубокое религиозное чувство челоѣколюбія, проникнутое горькимъ раздумьемъ о своемъ жестокомъ для ближнихъ назначеніи, выражаетъ Добрыня Никитичъ въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ матери:

Ахъ ты ей, государни, родна матушка!
Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
Спородила бы, государни родна матушка,
Ты бы бѣленькимъ горячимъ меня камешкомъ,
Завернула въ тонкой въ льняной во рукавичекъ,
Спустила бы меня во сине море:
Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
Я не ѣдилъ бы Добрыня по чисту полю,
Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
Не пролилъ бы крови я напрасныя,
Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей,
Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,
Не пускалъ сиротатъ малыхъ дѣтушекъ (Кирѣевск. II, 30—31).

И это тоже тѣ *рубилъ, обилъ челоѣку съ низшими животными*, чувства, больше которыхъ авторъ ничего не видитъ ни въ Добрынь, ни въ другихъ нашихъ богатыряхъ? Но объ этомъ рѣчь впереди; а теперь, ограничиваясь немногими выдержками изъ былинъ о христіанскомъ въ нихъ элементѣ, повторяю, что во всякомъ случаѣ, не смотря на искренность христіанскихъ чувствъ, все же наши гѣльцы и герои ихъ къ христіанству примѣшиваютъ язычество, какъ и весь православный людъ древней Руси, отлично охарактеризованный терминомъ *двоевѣрія*.

Это историческій фактъ, множество разъ засвидѣтельствованный въ писаніяхъ русскаго духовенства. Авторъ «Происхожденія русскихъ быльвъ», подмѣчая въ нашихъ быльвахъ татарщину съ брахманствомъ и буддѣйствомъ, напрасно, для своей цѣли, не смотрѣлъ критически эти старинныя свидѣтельства. Въ нихъ онъ

долженъ бы былъ найти на свои вопросы отвѣтъ утвердительный или отрицательный.

Идемъ далѣе.

«Побудительныя причины дѣйствій у богатырей — сказано въ изслѣдованьи (IX, 627) — никогда не собственная удаля, не желаніе добыть себѣ геройскую славу — а только исполненіе княжескаго повелѣнія: князь приказалъ то-то или то-то, и богатырь, родъ военнаго раба или кондотьера, идетъ исполнять это приказаніе».

Напротивъ того, Добрыня, еще въ молодости, до своего прибытія въ Кіевъ, изъ собственной удали убилъ чудовищнаго змія; Илья Муромецъ, еще по пути въ Кіевъ, покорилъ Соловья-разбойника; оба они изъ удали же побиваютъ Бабу-Горынирку. Какъ прилично муромскому богатырю званіе военнаго раба, исполняющаго волю своего тирана, когда этотъ герой переколотилъ всѣхъ богатырей и такъ припугнулъ самаго князя, что тотъ не зналъ, куда дѣваться?

«Наши богатыри — сказано въ изслѣдованьи (IX, 629) — въ былинахъ не чувствуютъ никогда ни стыда, ни ревности, ни любви, ни удивленія, ни состраданія, ни радости, ни горести, не чувствуютъ потребности ни въ великодушіи, ни въ мщеніи, ни въ благодарности». И вотъ именно здѣсь то и присовокуплена та рукописная замѣтка, въ которой богатыри наши, по своему психологическому развитію, постановлены на ряду съ *кошками и собаками*.

Предоставляя другимъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, провѣрить критически всю эту *гамму* чувствованій и душевныхъ движеній, въ которыхъ авторъ отказываетъ нашимъ богатырямъ, а равно и другимъ дѣйствующимъ лицамъ въ былинахъ, — я приведу на выдержку изъ былинъ нѣсколько мѣстъ, изъ которыхъ будетъ явствовать, что эпические идеалы нашихъ предковъ были вовсе не такъ звѣроподобны.

Вся былина о единоборствѣ Ильи съ своимъ сыномъ проникнута самыми нѣжными ощущеніями *предчувствія, жалости и любви* отческой и супружеской (Кирш. Дан., смотр. у Кирѣевск. I, 12—14). Пусть утверждаетъ авторъ, что она заимствована изъ Шахъ-Намэ. Здѣсь это вопросъ посторонній, и рѣшится онъ можетъ только въ связи съ вопросомъ о происхожденіи знаменитой пѣсни о Гильдебрантѣ. Для насъ важно то, что въ русской копіи (какими автору кажутся наши былинны) удержаны и развиты благородныя, гуманныя отношенія и чувствованія.

Илья Муромецъ великодушно прощаетъ разбойникамъ ихъ злоумышленіе противъ него (Кирѣвск. I, 15—18, 23—24).

Онъ же мститъ боярамъ измѣнщикамъ (Кирѣвск. I, 70).

Сынъ мститъ за мать свою, которая на пирю была оскорблена своею знакомою (Кирш. Дан., у Кирѣвск. IV, 69—70).

Добрыня, изъ любви къ матери, тоже мститъ Алешѣ Поповичу и свои мужская символика чувства выражаетъ въ слѣдующихъ безподобныхъ словахъ:

«А во другой винѣ тебѣ, братецъ, не прощу:
Какъ приѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть лѣтъ;
Привозилъ ты вѣсточку не радостну,
Что вѣтъ жлва Добрыни Никитича, —
Убить лежитъ во чистомъ поли,
Буйна голова испроломана,
Могучи плечи испрострѣлены,
Головой лежатъ чрезъ ракетовъ кустъ, —
Такъ тогда государыня родна матушка
Желешенько съ по мнѣ плакала,
Слезилъ свои очи лясня,
Скорбила свое лицо бѣлое:
Съ этой вины тебѣ не прощу!»
Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернеть Алешку чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Алешку о кирпичень мость.... (Кирѣвск. II, 39).

Нѣжную заботливость и любовь жены къ мужу былина выражаетъ, напр., въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ Садиѣ его женою:

Ай же ты, любимая семейшка!
Полно тебѣ ѣздить по синю морю,
Тосковать мое ретливое сердечушко
По твоей по буйной по головушѣ:
У насъ много есть имѣнья-богачества,
И ростеть у насъ малое дѣтнще (Рибн. I, 370).

Въ нашихъ былинахъ, по автору, «мѣсто любви, влюбленія, занимаетъ одна физическая похоть.... богатыри никогда не влюбляются, а только берутъ себѣ женъ или любовницъ» (IX, 627). Утонченностей рыцарскаго обожанія, конечно, никто изъ понимаю-

щихъ древнюю Русь и ея поэзію не станеть искать въ нашихъ былинахъ, которыя, впрочемъ, въ этомъ отношеніи не многимъ уступаютъ нѣкоторымъ изъ самыхъ крупныхъ произведеній эпической поэзіи Романской, хотя и развивавшейся въ рыцарской обстановкѣ; каковы напр., эпизоды въ поэмѣ о Сидѣ, имѣющіе своимъ содержаниемъ отношеніе дочерей этого героя къ ихъ мужьямъ, или эпизодъ въ *Chanson de Geste* о грубомъ выраженіи страсти Роланда къ его невѣстѣ.

Но припомните, напримѣръ, какъ глубоко и трогательно наша былина выражаетъ тоску любви въ слѣдующихъ словахъ:

Ой ты мать сыра земля, розступися,
Небеса вы снѣгъ, раздайтеся,
Облака-гучп, во едину не скопляйтеся!
Томнеховько богатырской снаѣ приходится,
Круто ему люто горе приключается:
Горемично стало Шарку-великану свою жизнь коротати,
Свою буйну голову по сырой землѣ таскати:
А вотъ первое-то горе, — палъ его могучій ковь;
А второе того горѣ (*т. е. юрше*), — изломался его тяжелый мечъ;
А третье-то горе, — *обулаа имъ страсть побидная*,
Примылулася ему Марья, Лебедь Бѣлая (Рыби. II, 128).

«Въ числѣ утратъ нашихъ былинъ, сравнительно съ восточными оригиналами — сказано въ изслѣдованіи (IX, 632) — нельзя не указать на утрату большей части описаній природы. Наши былины довольствуются однимъ лаконическимъ упоминаніемъ о днѣ, ночи, вечерѣ или утрѣ, и *никогда* не останавливаются на самыхъ картинахъ дня, ночи, вечера или утра».

Неправда. Вотъ тому доказательства:

Тутъ зари зарумянилась,
Бѣдня облака закуривились:
Выѣзжае на поле на зеленое
Дюкъ Степановичъ на добромъ конѣ (Рыби. I, 313).
На зарѣ-то было, зарѣ утренней,
На разсвѣтничѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ-то солнца яснаго,
Отъ сна Илья пробуждается (Кирѣевск. I, 7).

Продолжаю выписку изъ «Происхожденія русскихъ былинъ»:

«При ихъ стремленіи (т. е. нашихъ былинъ) рассказать только голый, сырой фактъ, всякія поэтическія подробности излишни, неудобны. Совсѣмъ другое дѣло въ поэмахъ и пѣсняхъ Востока... Въ пѣсняхъ разныхъ южно-сибирскихъ народовъ тюркскаго племени рѣдкая пѣсня не содержитъ такихъ фразъ и выраженій; какъ: «Взошла желтая заря, поднялось сверкающее солнце, началось голубое утро, поднялось лучезарное солнце» и т. д. Въ киргизскихъ пѣсняхъ мы тоже читаемъ: «Сдѣлалось темно, наступила ночь, потомъ опять стало свѣтлѣть, началъ заниматься день, и, краснѣя багровымъ свѣтомъ, поднялось солнце»; «Краса рѣки — это зелень деревьевъ; краса человекѣка — это одежда и богатый скотъ». Въ пѣсняхъ минусинскихъ татаръ очень часто можно встрѣтить такія картинныя мѣста, какъ напримѣръ: «Тутъ богатырь Ала-Картага поскакалъ такъ шибко, что всѣ земли качались, какъ вотъ качается люлька, — качались тоже и моря, что лежали по дорогѣ»; или: «качаясь задрожала черная земля, стали ломаться деревья по лѣсу, пошелъ вой и грохотъ въ воздухѣ, и съ ревомъ поднялись волны морскія и залили степь». Можно ли указать на что-нибудь подобное въ нашихъ былинахъ?» (IX, 632—633).

Конечно, можно. Напримѣръ:

Побѣжалъ тутъ Алеша черезъ широку степь.
 Среди той широкой степи
 Стоялъ сухой дубъ крѣковистый.
 На томъ дубу, на крѣковистомъ,
 Тутъ сидѣла птица вѣщая,
 Птица вѣщая — черенъ воронъ.
 Онъ съ крыла на крыло перелетываетъ,
 Съ ноги на ногу воронъ переступываетъ (Кирѣевск. II, 80).
 Прямоѣзжая дороженька заколodiла,
 Заколodiла дорожка, замуравила;
 Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскивать,
 Черный воронъ не пролетывать:
 Какъ у тоя у Грязи у Черныя,
 У тоя у березы у покляпныя,
 У славнаго креста у Леванидова,
 У славненькой у рѣчки у Смородинки,
 Сидитъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ спитъ.
 Свищетъ Соловей онъ по-соловьему,
 Вскрѣтитъ-те онъ, злодѣй, по звѣрному:

Темны лѣсушки въ землѣ преклоняются,
 Что есть людешекъ, все мертвы лежать (Рыби. I, 55).
 А сидѣло это чудище на девяти дубахъ,
 Чтѣ вершиннами въ небо виваются;
 Засявотить чудище въ полствнота —
 Замреть листъ въ зеленомъ лѣсу (Карѣвск. IV. 3).
 Изъ-подъ дуба, дуба, дуба сѣраго,
 Изъ-подъ того камешка, сподъ яхонта,
 Выходила-выбѣгала мати Волга рѣка,
 Устьемъ бѣжить-то въ сине море (Рыби. I, 326).
 Какъ прѣзжали они ко рубежу Московскому,
 Раздернули они шатры бѣлополотняны,
 Спустили добрыхъ коней
 Во Московскія въ травки во шелковыя,
 Во Московскія пшеницы бѣлояровы,
 И стоять-дожидаютъ осени богатя,
 Богатя осени хлѣбородныя,
 Когда будетъ баранъ тученъ, овесъ ядренъ,
 Когда повиростутъ пшеницы бѣлояровы (Рыби. I, 432).

«Но едва ли не самая замѣчательная утрата нашихъ былинъ, въ сравненіи съ восточными ихъ первообразами — сказано въ изслѣдованьи (IX, 633) — состоитъ въ томъ, что изъ былинъ, въ числѣ разныхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, выкинутыхъ вонъ, какъ что-то несущественное, совершенно исчезъ вездѣ и *народъ*». Въ рукописной при этомъ вставкѣ дѣлается исключеніе для эпизодовъ, будто бы заимствованныхъ изъ Еруслана Лазаревича, — въ былинахъ о Саулѣ Леванидовичѣ и о Васильѣ Буслаевѣ.

Исключеній наберется гораздо больше, и такихъ, въ которыхъ является народъ, какъ дѣйствительная сила, политическая и нравственная. Напримѣръ: мужики Бекетовцы или Черниговцы предлагаютъ Ильѣ Муромцу быть у нихъ воеводою (Рыби. I, 46, 55). Безподобная былина о томъ же богатырѣ, у Рыби. во II-мъ томѣ, стр. 323—345, вся проникнута протестомъ народныхъ элементовъ противъ преобладанія князя и его дружины. Дюкъ Степановичъ отправляется въ Кіевъ —

..... Богу молитися,
 Со честнымъ народомъ вольно-Кіевскимъ гоститися (Рыби. II, 131).

Народъ не терпитъ богатырей. Князь Владиміръ беретъ сторону народа, и отсылаетъ богатырей на Куликово поле:

Отправлялись тутъ могучіе богатыри
Что на поле на Куликово.
Вѣдь въ Кіевѣ-то нельзя имъ жить:
Разгуляются, распотѣшатся,
Распотѣшатся, станутъ всѣхъ толкать;
А такіа потѣхи богатырскія
Народу было не вытерпѣть,
Котораго толкнуть — тому смерть да смерть:
Отправляя тутъ ихъ Владиміръ князь (Кирѣевск. I, 63).

Приравнивая архитектурныя данныя въ нашихъ былинахъ къ восточнымъ образцамъ, авторъ, между прочимъ говоритъ слѣдующее о поляхъ: «Про нашъ полъ говорится, что онъ серебряный, про монгольскіе и калмыцкіе, что они лаписъ-лазуревые: и тѣ и другіе должны изображать настоящую воду. Этотъ мотивъ поля, будто-бы состоящаго изъ воды, очень древенъ на Востокѣ. Уже въ Магабгаратѣ мы читаемъ, что царь Судіодхана, разсматривая дворецъ братьевъ Пандуидовъ, полный разнообразныхъ чудесъ и неожиданностей, пришелъ въ одну залу, гдѣ полъ былъ хрустальный. Не подозрѣвая этого, онъ сказалъ про себя: да это вода! приподнялъ полы платья, и обошелъ такимъ образомъ всю залу кругомъ, но упалъ по нечаянности, и тутъ только узналъ свою ошибку, а между тѣмъ хозяева хохотали надъ нимъ... Этотъ-то самый мотивъ древне-азіятскихъ дворцовъ перешелъ изъ позднихъ его редакцій, монгольскихъ или калмыцкихъ, и къ намъ, и такимъ-то образомъ мы получаемъ объясненіе одного выраженія нашихъ былинъ: «полъ — середа одного серебра». Взятое само по себѣ, отдѣльно, это выраженіе темно и непонятно; но оно становится вполне ясно при сравненіи съ восточными оригиналами: *середина*, сдѣланная изъ серебра, изображала собою воду, а *кружомъ* этого подобія настоящей воды, шла полоса поля, уже не похожая на воду». (XI, 644.)

Если бы авторъ не разбросался въ своихъ изслѣдованьяхъ по далекимъ степямъ монгольскимъ и калмыцкимъ, а сосредоточился бы на источникахъ ближайшихъ; то его изслѣдованье много бы выиграло въ точности и въ научной обработкѣ предмета. Тогда не нужно было бы попусту тратить остроуміе въ этихъ опытахъ надъ *водяною серединою*; не нужно бы было черезъ далекія степи

азіятскія пересылать къ намъ изъ Магабгараты этотъ анекдотъ о принятіи прозрачнаго пола за воду. Если автору «Происхожд. русскихъ былинъ» *темно и непонятно* выраженіе *поль-середа*; то это еще не значитъ, что никто изъ говорящихъ по русски его не понимаетъ, и что для объясненія его надобно тянуться до самой Магабгараты. Русскій народъ, по областному говору, и доселѣ употребляетъ *середь, среда* — въ смыслѣ пола, потому *среда* можетъ быть не только *серебряная*, т. е. походящая на воду, но и *кирпичная*, на водѣ нисколько не походящая; напр. «По *середу* *кирпичьному* онъ захохаживалъ» (Кирѣевск. III, 42). Что же касается до анекдота изъ Магабгараты, будто бы принесеннаго къ намъ монголами и калмыками; то, чтобы утверждать это, сначала надобно было бы критически изслѣдовать соотвѣтствующее этому анекдоту, въ византійскихъ хронографахъ повѣствованіе о Царѣ Соломонѣ и о Южской Царицѣ: «слышавъ же Соломонъ пришедшую царицу сѣдъ на полатахъ *стекла бѣлаго*, хотя бо искусити ю; она же видѣ, яко *въ водѣ сѣдятъ царь*» и т. д. (По рукоп. 1494 г. въ Румянц. Муз. № 453).

Извѣстную подробность въ нашихъ былинахъ при описаніи палатъ: «На небѣ солнце — въ теремѣ солнце» и т. д., которую Профессоръ Шевыревъ сближалъ съ описаніемъ Гомерическимъ, — авторъ «Происхожд. русскихъ былинъ» объясняетъ восточными сказаньями о свѣтящихся камняхъ (XI, 648), и далѣе, въ другомъ мѣстѣ, самый эпитетъ камня *самоцѣтный* весьма остроумно принимаетъ за *самосвѣтный*, т. е. свѣтящійся самъ собою и освѣщающій (XI, 306). Дѣйствительно, Востокъ былъ родиною сказаньямъ и самосвѣтныхъ и другихъ чудодѣйственныхъ камней; но опять-таки на Русь пришли эти сказанья черезъ Византію, еще въ Изборникѣ Святославовомъ 1073 г., изъ котораго статья Епифанія *О дѣтнѣнати камяхъ* не переставала быть популярною на Руси даже до XVII столѣтія включительно, чему доказательствомъ служатъ наши Азбуковники и Лѣчебники, куда эта статья вносились. Въ трехъ стрѣлахъ Дюка Степановича было вставлено въ ухахъ *по тирону каменю*, по дороге *самоцѣтному*. И потому *въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горятъ*. Тоже самое въ сказанной статьѣ Епифанія повѣствуется о камнѣ анфраксѣ: ночью издалека онъ свѣтится, будто уголь съ искрами.

Пусть занесли въ наши былинны самоцѣтный камень полчища Чингисхана; но авторъ разбираемаго мною сочиненія обязанъ былъ упомянуть, что этотъ подарокъ для нашихъ предковъ былъ уже не новостью.

О вораждѣ, въ какомъ князь и его собесѣдники сидятъ за столомъ на пиру въ изслѣдованьи сказано: «Почетнѣйшимъ мѣстомъ почитается у насъ мѣсто *сверху стола*, не почетное мѣсто — *снизу, по край стола*. Это самое мы встрѣчаемъ въ *Гессеръ-Ханъ* и въ *Джанлути*» (XI, 652). Какъ въ былинахъ, такъ доселѣ и въ областномъ быту слыветъ *большой уюль* или *большо-уюль* — гдѣ поставлены иконы, *верно-уюль* (*дверной уюль*) — ближе ко дверямъ, *печноюль* — противъ устья печки (Рыби. 1, 339). Кромѣ того, у князя Владиміра были за столомъ мѣста *для бояръ* и *для боярскихъ дѣтей* (Кирѣвск. IV, 47).

Если и устройство русской избы, въ которой ориентуруется русский людъ иконами и печкою, если и мѣстничество на пирахъ — занесено къ намъ татарами; то относительно былинь все же можемъ мы утверждать, что онѣ выражаютъ то, что въ наличности предлагала русская жизнь. Татарщина создала русскую избу и русское мѣстничество, а былина то и другое передала въ своихъ разсказахъ. Стало быть — она не копія татарскихъ оригиналовъ, а возсозданіе отатарившейся русской жизни.

По поводу яствъ на богатырскихъ пирахъ, въ изслѣдованьи сказано: «*гуси — лебеди*, обычный предметъ охоты нашихъ богатырей и лакомое блюдо на пирахъ, играютъ такую же роль и въ тюркскихъ, особенно киргизскихъ поэмахъ и пѣсняхъ» (XI, 654). Что же отсюда слѣдуетъ? И авторъ Слова о полку Игоревѣ заставляетъ своего героя «избивать *гусей и лебедей* къ завтраку, обѣду и ужину»; а это произведеніе, по своимъ высоко поэтическимъ достоинствамъ, какъ возсозданіе русской жизни, особенно чувствуется въ «Происхожд. русскихъ былинь». Если гуси — лебеди прилетѣли на Русь вмѣстѣ съ татарскими полчищами; то какъ же они попали въ Слово о полку Игоревѣ? Если авторъ изслѣдованья особенно чувствуетъ это Слово, то почему забылъ о немъ тамъ, гдѣ такъ легко было о немъ вспомнить?

Особенно въ богатырскомъ *конѣ* авторъ видитъ рѣшительное вліяніе монгольскихъ сказаній на наши былины. Воины древней Руси, говоритъ онъ: «были по преимуществу пѣхотинцы или ѣздили на судахъ: въ противоположность этому, богатыри русскихъ былинь никогда не являются пѣшими или на судахъ, и всегда описываются конными. Конь у нихъ столько же неизбѣженъ, играетъ точно такую же важнѣйшую роль, какъ и у Персовъ, а еще болѣе какъ у Монголовъ, Калмыковъ, Киргизовъ, Татаръ и всѣхъ сибирско-тюркскихъ народовъ, по ихъ поэмамъ и пѣснямъ».

«Вслѣдствіе заимствованій у этихъ послѣднихъ народовъ, наши былины и наполнены безчисленными подробностями, свидѣтельствующими о такомъ значеніи коня, какового въ нашей дѣйствительности никогда не было, такъ какъ русскій народъ кочевымъ не былъ, и никогда не проводилъ жизни среди конскихъ табуновъ» (XI, 656—657).

Очень вѣроятно, что нѣкоторыя подробности о бытѣ наѣздническомъ въ русскомъ эпосѣ развились подъ вліяніемъ сосѣднихъ степныхъ кочевниковъ, начиная отъ Печенѣговъ и Половцевъ и оканчивая позднѣйшими племенами монгольскими, татарскими и др. Но первоначально, не зависимо отъ восточныхъ кочевниковъ, конь всегда былъ существенно принадлежностью русскаго героя. Древнѣйшее преданье еще Олегу Вѣщему приписываетъ любимаго коня. Въ Русской Правдѣ есть особая статья о томъ «Оже кто всядетъ на чужь конь». Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поученіи дѣтямъ» свидѣлствуетъ что и самъ онъ и его дѣти ѣзжали на коняхъ. По Слову о полку Игоревѣ, Сѣверскіе князья отправились въ походъ противъ Половцевъ на коняхъ: князь Всеволодъ говорить Игорю: «Сѣдай, брате, свои *бръззи кономы*, а *мом* ти готови, осѣдани у Курьска напереди». Игорь и изъ Половецкаго плѣна возвращается на конѣ же. Въ лѣтописяхъ употребляются даже эпическія выраженія, взятые изъ быта наѣздническаго. Какъ *путь шеломомъ* значило идти въ походъ по рѣкамъ, совершать подвиги, такъ и *поить коня*; напр. въ лѣтоп. Новгород. «не выдадите ли (бояръ), а я *поилъ* есмь конѣ Тхверью, а еще Волховомъ *напою*» — такъ говоритъ князь Георгій Новгородскимъ посламъ, стр. 41. Какъ дорожили наши предки знаменитыми конями, видно изъ свидѣтельства лѣтописи о томъ, какой шерсти были нѣкоторые кони у князей. Такъ у Мстислава былъ *сивый*, у Данила *итдой*, смотр. Ипат. ст. 161, 174. Князья воздавали честь своимъ любимымъ конямъ погребеньемъ: «Конь же его, язвенъ велии, увесь господина своего, умре; князь же Андрей, жауя комоньства его (*вариантъ*: коня своего) повегѣ и погresti надъ Стыремъ» Ипат. 47.

Не отъ татаръ наши предки заимствовали преданья о чудодѣйственныхъ коняхъ. Эти преданья испоконъ вѣку существовали у Славянъ. Въ кипищѣ бога Свѣтовита помѣщался *блмий конь*. Только верховный жрецъ могъ его кормить и на немъ ѣздить. Тутъ же хранились *узда* и *сѣдло*. Славяне вѣрили, что на этомъ *конѣ Свѣтовитъ ведетъ войну*; потому конь, на ночь оставляемый въ стойлѣ, часто по утру былъ покрытъ пѣною и грязью, будто онъ во-

ротился изъ далекаго пути. При наступающей войнѣ коня спрашивали объ устьѣхъ войны — слѣдующимъ образомъ: передъ храмомъ втыкали жрецы въ землю тройной рядъ копій, острымъ концомъ. По совершеиіи торжественной молитвы, жрецъ за узду выводилъ Свѣтовитова коня изъ воротъ: если конь шагнулъ черезъ копыя сначала правою ногою, а потомъ лѣвою, — это былъ счастливый знакъ; а если наоборотъ — лѣвою, то — несчастный. Въ Сербскомъ эпосѣ юнацкіе кони еще чудодѣйственнѣе, чѣмъ въ русскихъ былинахъ у нашихъ богатырей. Между Сербскими конями, напримѣръ, пользовался знаменитостью *крылатый конь* Момчила. А достался ему этотъ конь слѣдующимъ образомъ. Около одного озера паслись кобылы Момчиловы. И повадился по ночамъ выбѣгать изъ озера Крылатый конь (праотець нашей *Внучей Бурки*), и гонялся за Момчиловыми кобылами, и послѣ каждого раза, чтобъ кобыла не ожеребилась крылатымъ приплодомъ, вышибалъ ей зародышъ, ударяя ногами въ животъ. Но разъ случилось удержать вѣщаго коня отъ роковаго удара, и кобыла ожеребилась крылатымъ конемъ, который сверхъ того умѣлъ и говорить человѣческою рѣчью.

Наконецъ, чтобы разширить эти славянскія преданья сродствомъ индо-европейскимъ, укажу на греческаго Пегаса, Скандинавскихъ Свадильфари и Слейпнира и т. п.

Пусть татарщина одѣла русскаго богатырскаго коня въ татарскую сбрую, но самъ онъ въ нашихъ былинахъ — доморощенный, племени и заводу индо-европейскаго, вмѣстѣ съ кочами Момчила, Одана и другихъ героевъ индо-европейскаго эпоса.

«Былины наши — сказано въ изслѣдованьи (XI, 663) — не говорятъ про мечъ, обоюду-острое коренное оруженіе Славянъ, извѣстное уже и Нестору: постоянно упоминаются *сабли*, оружіе восточное». Правда, это противоположеніе мы встрѣчаемъ и у насъ, въ извѣстной сказкѣ о Казарахъ, и на Западѣ, напримѣръ, въ Вальтерѣ Аквитанскомъ. Но съ какою цѣлью приводитъ это отличіе авторъ «Происхожд. русскихъ былинъ»? Если съ тою, чтобы скрѣпить любимую свою мысль о татарщинѣ нашихъ былинъ; то опять обличаетъ его столько чтимое имъ Слово о полку Игоревѣ, которое положительно свидѣтельствуетъ, что у воиновъ сѣверскаго князя Всеволода были *сабли изъострени*.

Сверхъ того въ былинахъ не только дерутся мечами, но и *мечами кладенцами* (Рыбн. II, 128—129).

«Соболя у насъ, на югѣ, не водилось, по крайней мѣрѣ около

Кіева — сказано въ изслѣдованьи (XI, 293), — а между тѣмъ, въ былинахъ онъ занимаетъ точно такое же мѣсто, какъ въ пѣсняхъ сибирско-тюркскихъ». Это опять та же теорія, по которой позднѣйшая *chanson de Geste* должна быть вѣрнымъ зеркаломъ бытовыхъ подробностей времени Карла Великаго. Если будемъ искать намековъ въ до-исторической древности, то укажемъ на свидѣтельства восточныхъ писателей о торговлѣ на Руси соболями; если, какъ и должно, сблизимъ былины съ русскимъ бытомъ XVI и XVII столѣтій, то не оберемся историческихъ данныхъ, указывающихъ на употребленье нашими предками собольихъ мѣховъ.

Вообще надобно замѣтить, что къ числу подновленій въ нашихъ былинахъ принадлежитъ и костюмъ.

«Важную и видную роль въ былинахъ играетъ *побратимство* богатырей — сказано въ изслѣдованьи (XI, 298): этотъ обычай извѣстенъ всей древней Азіи, но, кажется нигдѣ онъ такъ часто не встрѣчается, какъ въ поэмахъ и пѣсняхъ монгольскихъ и тюркскихъ.» — Что же изъ этого слѣдуетъ? Обычай этотъ господствовалъ и въ Скандинавіи, между обрядами древнѣйшими, еще языческими. Его находимъ и у соплеменныхъ намъ Славянъ. Сверхъ того, побратимы въ русскихъ былинахъ *крестами братаются* и называютъ другъ друга *братцами крестовыми* (Рыбн. I, 277. 280). И все это татарщина?

«Особенность нашихъ богатырскихъ боевъ та, что побѣдитель (естественнымъ образомъ, *всегда* русскій богатырь) хватаетъ своего врага и бросаетъ его «выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго», садится побѣжденному на грудь и убиваетъ его своеобразнымъ способомъ: «скоро споролъ ему груди бѣлая, *вынималъ у него сердце* съ печенью, скоро затмилъ очи ясныя». Все это — сказано въ изслѣдованьи (XI, 300) — боевые приемы монгольскихъ о тюркскихъ поэмъ и пѣсенъ, особенно тюркскихъ». — Вырѣзывать у врага сердце — исконный обычай въ скандинавской жизни и поэзіи, какъ подробно описалъ его Вейнгольдъ въ своей превосходной книгѣ, изъ которой сравненія съ русскими литературными источниками я предложилъ въ 1-мъ томѣ «Историческихъ Очерковъ».

Какъ противорѣчіе русскому быту въ былинахъ, авторъ изслѣдованья указываетъ на то, что наши пѣвцы и музыканты поютъ или играютъ на гусяхъ *по одиночку*, а не *хоромъ*. «Между тѣмъ — присовокупляетъ онъ (XI, 301) — *тѣмъ хоромъ*, эта отличительная черта всѣхъ славянскихъ народовъ, и особенно русскаго, непременно должна бы стоять на первомъ планѣ, при описаніи пировъ,

пиршествъ и всякихъ вообще праздниковъ, еслибъ былины созданы были кореннымъ нашимъ народнымъ творчествомъ». Въ Словѣ о полку Игоревѣ авторъ видитъ коренное народное творчество, а и этотъ памятникъ свидѣтельствуесть намъ объ *одиночномъ* Бояновомъ пѣніи и игрѣ на гусяхъ.

«Едва ли не единственное исключеніе — здѣсь же прибавлено авторомъ въ примѣчаніи — составляютъ веселые скоморохи, цѣлой толпой играющіе на гусяхъ и поющіе, въ пѣснѣ о *юсть Теремщицѣ*». — А на свадьбѣ у Алеши Поповича, какъ свидѣтельствуесть былина?

Вокъ въ гудки играютъ, и вси увеселяють,
Надали гудосьниковъ удабривать и проч. (Кирѣевск. II, 13).

«Сибирско-тюркскія пѣсни говорятъ намъ про *горизонтально лежащія арфы* — сказано въ изслѣдованьи (XI, 301): значить, мы подъ ними и должны разумѣть наши многострунныя гусли». Рѣшительно нельзя понять, для чего это сказано. Если не болѣе, какъ для того, чтобы сообщить новость о сибирскомъ бытѣ, то она не лишена нѣкотораго интереса. Если же для того, чтобы и русскія гусли вывести изъ татарскихъ степей; но сначала надобно было бы доказать, что оттуда же добылъ себѣ *горизонтально лежащую арфу* царь Давидъ, на миниатюрѣ славянской рукописи Козмы Индикоплова XVI вѣка. Смотр. снимокъ въ «Историч. Очеркахъ» II, стр. 325.

Играть въ шахматы наши богатыри, по мнѣнію автора, выучились тоже у Татаръ (XI, 303). Какъ бы то ни было, но древняя Русь слышала объ этой игрѣ еще изъ Византіи, а потомъ въ былинахъ прослыла эта игра *тавлемъ тмечкими*, а *тавлемъ*, по Миклошичу: лат. *tabula*, новогреч. *таβλί, таβλα*, древне-верхне-нѣм. *zabal, tavala*, средне-нѣм. *zabel, tavele*. Спрашивается: съ какою цѣлью расказчики татарскую игру назвали европейскимъ словомъ? Вѣдь сначала надобно рѣшить именно это самое, чтобы потомъ утверждать то, что утверждаетъ авторъ. Этому требуетъ лингвистическая критика, которая служить основой изслѣдованьямъ по народной поэзи.

Касательно слова *богатырь* существуютъ два мнѣнія. Одни ученые видятъ въ немъ восточное слово, принесенное къ намъ монголами; другіе — собственно русское, родственное восточному по первобытному индо-европейскому сродству. Приводимыя авторомъ

доказательства въ пользу перваго мнѣнія (въ рукописной вставкѣ къ XI, 309) — не новость въ наукѣ, и я, остаюсь при прежнемъ убѣжденіи (высказанномъ мною въ рецензіи на Словарь Иностран. словъ Миклошича, въ Журн. Мин. Нар. Просв.), что это слово славяно-русскаго самороднаго происхожденія.

Авторъ полагаетъ, что *характерныя числа*, т. е. 3, 7, 9, 30, 40, 41, вошли въ наши былины тоже изъ татарскихъ пѣсенъ (XI, 309—314). Едва ли требуетъ опроверженія эта непонятная для меня крайность увлеченія татарщиною. Во всемъ индо-европейскомъ эпосѣ, по всѣмъ его національнымъ развѣтвленьямъ, встрѣчаемъ мы характерныя числа 3, 7, 9, 30. Чтожъ мудренаго, если тоже встрѣчается и въ пѣсняхъ азіатскихъ кочевниковъ? *

«Характеристическую черту тюркскихъ поэзій и пѣсенъ — говорить авторъ — составляетъ число 40». Что же изъ этого? И скандинавы, по Вейнгольду, считали пушныя мѣха *сороками*, какъ у насъ въ былинахъ гонорится въ эпической формѣ: «сорокъ сороковъ черныхъ соболей». Но здѣсь вотъ на что слѣдовало бы автору «Происхожд. русскихъ былинъ» обратить вниманіе. Всѣ числа, состоящія изъ десятковъ, выражаются у насъ словами сложными, чисто славянскаго происхожденія, каковы *два - двать, три - дцать, пять - десять, шесть - десять* и т. д., и въ этой-то лѣствицѣ чиселъ только одно *сорокъ* стоитъ особнякомъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, происходитъ отъ новогреч. *сарáκοντα*. Не вѣрнѣе ли этимъ путемъ искать рѣшенія вопроса о характерномъ у насъ числѣ *сорокъ*? Во всякомъ случаѣ, авторъ изслѣдованія долженъ былъ предупредить это возраженіе, для того, чтобы потомъ сознательно обратиться къ тюркскимъ нарѣчіямъ.

«Здѣсь (т. е. въ нашихъ былинахъ) *зима, ледъ, морозъ*, не только не играютъ никакой роли, но даже вовсе не упоминаются, гочию будто дѣло происходитъ не въ Россіи, а въ какомъ то жаркомъ климатѣ Востока». При этомъ авторъ изслѣдованья дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «о *зимѣ и снѣгѣ* говорится въ былинахъ *едва-ли не всего одинъ только разъ*, а именно въ одномъ разсказѣ о Чурилѣ Пленковичѣ: «что съ вечера пороша порошила» и проч. (XIII, 335). Опять не точность. Въ былинѣ объ Аленѣ Поповичѣ читается:

Пойдемъ, братецъ, по двору,
Сожмемъ снѣгу по кому (Кирѣевск. II, 65).

Въ былинѣ объ Иванѣ Гоудиновичѣ:

Винала пороха снѣгу бѣлаго,
По той по порохѣ, по бѣлу снѣгу,
И лежать три слѣда звѣринье и проч. (Кирш., у Кирѣевск. III, 22).

«Ни *мховъ* и *болотъ*, ни плодородныхъ земледѣльческихъ мѣстностей былины *нидѣ* не рисуютъ» — утверждаетъ авторъ изслѣдованья (XIII, 335), забывая эти превосходныя характеристики, которыми, то начинаются, то оканчиваются наши былины:

А мхи были болота въ Поморской стороны,
А тая эта забель въ Поль-сверной стороны,
Гольныя щелья въ Вѣду-Оверу... (Рыбн. I, 325).
Сильше-могучіе богатыри въ Киевѣ,
Церковное пѣнье въ Москвѣ городѣ;
Славный звонъ въ Новѣ-городѣ;
Сладкіе подѣлуи Новоладожанки;
Гладкіе мхи въ синю морю подошли;
Щальѣ-каменѣ въ Сѣверной сторонѣ (Рыбн. II, 44).

Если авторъ скажетъ, что это только прелюдія, случайныя вставки; то все же входятъ онѣ въ былины; а хлѣбородная осень, какъ было показано, рисуется въ самой былинѣ. Наука прежде всего требуетъ точности и осмотрительности; потому не слѣдовало автору утверждать, что всего этого былины *нидѣ* не рисуютъ.

Автору «Происхожденія русскихъ былинъ» не нравится Микула Селяниновичъ (XIII, 335). О вкусахъ не спорять; но чтобъ признать былины объ этомъ богатырѣ ничтожными въ разсужденіи характеристики русскаго быта, то слѣдовало автору сначала, для своего мнѣнія, очистить мѣсто строгою критикою мнѣній другихъ изслѣдователей; и сверхъ того не утверждать такихъ вопіющихъ сущности дѣла противорѣчій: «онъ показывается все *мушиковъ*, чѣмъ самымъ проводится рѣзкая черта между ими и имъ самимъ».

Можно ли голословно, безъ оговорки, имѣть рѣшимость такъ рѣзко противорѣчить фактамъ, когда сама былина устами самаго Микулы Селяниновича говоритъ слѣдующее объ отношеніи его къ *мушикамъ*:

Ай же, Вольга Святославовичъ!
А я ржи напашу, да во скырды слошу,
Во скырды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дема вымолочу.

Драни надеру, да и пива паварю,
Пива паварю, да и мужичком напою.

Станутъ мужички меня покликивати:

Молодой Микулушка Селяпниковичъ (Рыбн. I, 21—22).

«Деревянныхъ построекъ въ былинахъ нѣтъ — сказано въ изслѣдованьи, все на той же страницѣ: кромѣ случайнаго развѣ упоминанiя, *вскользь*, избы морскаго царя въ подводномъ царствѣ: но это лишь одинъ изъ позднихъ вариантовъ. Терема же Соловья Будимировича произведение не русскихъ, а иностранныхъ, прѣѣзжихъ работниковъ». Авторъ смотритъ на народную былинку рѣшительно какъ на исторiю, и требуютъ отъ нея такой этнографической точности, чтобы въ ней каждый народъ строилъ себѣ хоромы по своему, на точныхъ правилахъ архитектуры.

Любопытно бы было приложить эту теорiю къ французскимъ *Chansons de Geste!*

«Коренныхъ подробностей дѣйствительно славянскаго и русскаго національнаго быта и жизни — въ нашихъ былинахъ, по мнѣнiю автора — также нѣтъ» (XIII, 336).

Чтобы опровергнуть это голословное обвиненiе нашихъ былинъ въ отсутствiи подробностей національнаго быта, слѣдовало бы привести здѣсь всѣ эти подробности. Но такой трудъ составилъ бы обширную монографiю, которая по объему не уступила бы разбираемому мною сочиненiю. Предоставляя это дѣло другимъ, ограничиваюсь здѣсь немногими выдержками.

Описанiе того, какъ пожни чистятъ и какъ пашутъ:

Пошелъ Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую,
Очистить надо пахъ отъ дубья-колоды:
Онъ дубье-колоды все повирубилъ,
Въ глубокую рѣку повигрузилъ (Рыбн. I, 35).
А тутъ Микулушка пахалъ да орагъ:
Сосенки да елочки въ борозду валилъ,
Ржи напахалъ да домой выволочилъ,
Домой выволочилъ, дома вымолотилъ (Рыбн. II, 1).

Какъ рубятъ хоромы изъ дерева:

Взимали топоряки булатнiе,
Сѣгли дубья-то, колоды-то,
Мелки вусточки вонъ вырли (Рыбн. I, 330).

Описаніе русскаго города:

Ажно въ Кіевѣ да не по нашему:
Церкви-ты у васъ вси деревянныя,
У васъ намовки на церквахъ всѣ основныя,
А мостовныя у васъ черною землею засыпаны,
Подняло водою ихъ дождевою-ди,
Сдѣлалась грязь-то по ко колѣну-ди (Рыбн. I, 300).

Какъ въ Кіевѣ, т. е. вообще на Руси, пекутъ калачи:

Печки у тебя биты глиняныя,
А подъяки кирпичныя,
А помелечко мочальное,
Въ лохань обмакивають (Кирѣевск. III, 104).

Для свадебныхъ обрядовъ:

Агрофена свата дарила шириночкой,
Другой дарила свахыньку:
Олѣшку-ту дарила каленой стрѣлой (Кирѣевск. II, 15).

Для пляски, пѣнья и гудьбы:

Красныя дѣвушки хороводъ водять,
А мелка четь въ присядку пошла (Рыбн. I, 369).
Что ваше мѣсто скоморошское
На той на печки на муравленой,
На муравленой печки — на запечки (Кирѣевск. II, 37).
Некому играть въ гусли на честномъ пиру,
Игрѣ играть, напѣвожъ напѣвать
Про старыя времена и про нынѣшныя,
И про всѣ времена досюлешныя (Рыбн. I, 249).

Въ рукописной вставкѣ къ XIII. 339, авторъ восторгается Словомъ о полку Игоревѣ и не находитъ ничего общаго между этимъ древнимъ произведеніемъ и былинами. Это — тоже въ числѣ доказательствъ татарщины этихъ послѣднихъ. Если бы авторъ былъ внимательнѣе къ тому, что онъ такъ высоко ставитъ, то не впалъ бы въ указанныя мною выше противорѣчія. Сверхъ того, чтобъ

утверждать такъ настойчиво, онъ обязанъ былъ подвергнуть строгой критикѣ приводимыя профессоромъ Тихонравовымъ, въ его изданіи Слова о полку Игоревѣ, сближенія нашихъ былинь съ этимъ произведеніемъ.

Наконецъ авторъ отказывается нашимъ былинамъ во всякомъ сродствѣ съ пѣснями другихъ славянскихъ племенъ, ссылаясь въ особенности на эпосъ сербскій.

О сродствѣ русскихъ былинь съ эпическими сказаньями прочихъ славянъ въ ученой литературѣ писано довольно. И въ этомъ случаѣ автору слѣдовало очистить себѣ путь строгою критикою. А такъ какъ этого не сдѣлано; то на нѣтъ — и суда нѣтъ.

IV.

Не смотря на все вышесказанное, считаю своею обязанностью замѣтить, что «Происхожденіе русскихъ былинь» могло бы имѣть въ нашей ученой литературѣ и нѣкоторую положительную цѣнность, если бы авторъ построилъ свою критику на болѣе точныхъ *литературно-историческихъ* основахъ.

Русскій народъ въ теченіе столѣтій могъ соприкасаться съ національностями разныхъ кочевыхъ племенъ. Большая часть былинь записана на сѣверо-восточныхъ окраинахъ Европейской Россіи. Сами былины многократно свидѣтельствуютъ о вліяніи на ихъ составъ — языка и быта азіатскихъ кочевниковъ. На это надобно было обратить вниманіе и специально изучить былины съ этой точки зрѣнія. Честь инициативы безспорно принадлежитъ автору «Происхожденія русскихъ былинь». Онъ откинулъ ложную чопорность, смотрѣвшую на татарщину съ презрѣніемъ, и усмотрѣлъ въ пѣсняхъ и сказаньяхъ азіатскихъ кочевниковъ много прекраснаго; потому что, какъ блестяще доказала школа братьевъ Гриммовъ, въ народной поэзіи все хорошо, потому что все безъискусственно, все истинно. Но, не владѣя филологическою критикою, авторъ не умѣлъ анализировать историческаго наслоенія въ нашихъ былинахъ, и новѣйшее, позднѣйшее смѣшалъ съ древнѣйшимъ. Потому и пришлось ему, безъ всякихъ положительныхъ данныхъ, возвести происхожденіе нашихъ былинь къ XIII и XIV столѣтіямъ, между тѣмъ какъ, по своему теперешнему виду, онѣ носятъ на себѣ очевидныя слѣды болѣе поздняго состава.

Нѣтъ сомнѣнія, что филологическая критика откроетъ въ бы-

линахъ элементы ранніе, далеко восходящіе за времена татарщины. Но это будутъ немногіе драгоценныя осколки давно обрушившагося зданія, развалины котораго поросли новыми порослями.

Множество вариантовъ въ былинахъ ясно говорятъ объ упомянутомъ выше историческомъ наслоеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ о порчѣ древнѣйшаго оригинала позднѣйшими подновленьями. Напрямѣвъ слѣдующее мѣсто было бы рѣшительною нелѣпостью:

Какъ началъ онъ гуселокъ налаживати,
Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града
И третью съ Ерусалима,
Тонцы онъ повель-то великіе (Рыби. II, 31) —

— если бы не было у насъ чтенія древнѣйшаго, въ высокой степени важнаго для исторіи поэзіи и быта:

Сигришь сыгралъ Царя-града,
Танцы навелъ Іерусалима,
Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того игралъ Еврейскій стихъ (Кирш. у Кирѣевск. IV, 67).

По одному чтенію Добрыня «насыпалъ колпакъ *земли греческой*» (Кирѣевск. II, 25) — чистая нелѣпость; по другому — чрезвычайно важный бытовой фактъ: «надѣлъ на себя *шляпу земли греческой*» (ibid. 50).

Иногда вариантъ является въ видѣ глоссы; напр.

Сидятъ мураи-улиновья,
По нашему сибирскому дружки сливать (Кирѣевск. III, 23).

Какъ татарскій *колпакъ* оказался вариантомъ греческой шляпы, такъ и *кулакъ* очутился глоссою въ слѣдующемъ мѣстѣ:

Что *кулакъ* и панцирь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота,
А *кулаку* и панцирю цѣна лежатъ три тысячи (Кирѣевск. III, 101).

Эти глоссы производятъ иногда замѣчательную путаницу въ географическихъ опредѣленіяхъ; напр.

Сварзалеа Дюкъ Степановичъ, княжецецкій сынъ,
Изъ славнаго богатаго *Волыи-города*,
Изъ тоа *Индюшск* богатыя (Рыбн. 283).

Вариантами же и позднѣйшимъ наслоеніемъ объясняется смѣшеніе Орды съ Литвою. По языку былинь, вмѣсто: откуда ты? — можно сказать не только: ты коей Орды? Но и «съ коей Литвы?» (Рыбн. I, 71, 72). Потому въ землѣ Литовской живетъ мурза-татаринъ (Рыбн. II, 26).

Авторъ изслѣдованья въ наѣздничествѣ богатырей видитъ только татарщину, а былины воспѣваютъ какія-то *студла латинскія* (Рыбн. 266).

Добрыня Никитичъ купается то на Сафать-рѣкѣ, то на Израй-рѣкѣ, то просто на рѣкѣ (Кирѣвск. II, 41, 50). Одно и то же событіе совершается, то въ Кіевѣ при князѣ Владимірѣ, то въ Іерусалимѣ при царѣ Константинѣ (Кирѣвск. IV, 19, 22).

Къ позднѣйшимъ вариантамъ, на примѣръ, принадлежатъ: *бу-маа ирбовая* (Рыбн. II, 202), *толожня*, *ружье доложитное*, *балкота*, которымъ, между прочимъ, такую важность, какъ мы видѣли, приписываетъ авторъ «Происхожденія русскихъ былинь».

Вотъ именно къ этимъ-то наноснымъ вариантамъ и позднѣйшимъ глоссамъ принадлежитъ то небольшое, что въ этой книгѣ можно принять за дѣйствительное вліяніе кочевниковъ на наши былины.

Утверждаю такъ потому, что былины, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагають намъ въ своемъ составѣ цѣлые ряды наслоенія разновременныхъ вліяній. Для примѣра возьму нѣсколько данныхъ на выдержку.

Преданіе о первобытныхъ великанахъ, сохранившееся въ сказаньяхъ о старшихъ богатыряхъ, запечатлѣно въ былинахъ тѣмъ же эпитетомъ, которымъ Несторъ характеризуетъ великановъ-Обровъ, именно эпитетомъ *юрдыи*: «самъ пѣшо иде къ великану *юрдому*» (Рыбн. I, 314). Единоборство Мстислава съ великаномъ Редедю, описанное Несторомъ и воспѣтое Бояномъ, сохранило по себѣ слѣдъ въ цѣломъ рядѣ подвиговъ нашихъ богатырей въ былинахъ; напр. въ единоборствѣ Дюка Степановича съ Шаркомъ-Великаномъ (Рыбн. I, 313).

Былина помнитъ и сношенья древней Руси съ *Половцями*. Саулъ Леванидовичъ поѣхалъ «въ дальну орду, въ *Половецку* землю» (Кирѣвск. III, 118).

Суровыя картины браннаго поля, усѣянаго трупами и костями,

въ Словѣ о полку Игоревѣ — «орли клеткомъ на кости звѣря зовутъ» — «дружину твою, княже, птиць крылы приодѣ, а звѣря кровь ползааша» — повторились, напримѣръ, въ слѣдующихъ очеркахъ былины:

Первую частичку рубилъ онъ на мелки куски,
И рилъ онъ по раздольцу чисту полю,
Кормилъ эту частичку сѣрмихъ волкамъ;
А другую частичку рубилъ онъ на мѣлки куски,
Рилъ онъ по раздольцу чисту полю,
Кормилъ эту частичку чернимъ воронамъ (Рыбн. I, 74—75).

Измѣреніе проѣханнаго пространства церковною службою, для означенія быстроты ѣзды, употребленное въ Словѣ о полку Игоревѣ: «тому въ Полотскѣй позвонивша заутренюю рано у святыя Софя, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша» — является въ былинахъ постоянною энической формой:

Стоялъ-то я заутрену въ Муромѣ,
Поспѣвалъ-то къ обѣднѣ въ стольно-Кіевъ-градъ (Рыбн. I, 59).

См. у Кирѣевск. I, 29, 38, 77.

Владиміръ Мономахъ въ Поученіи дѣтямъ говорить о своей охотѣ именно на тура, *вепря* и, что особенно замѣчательно, на *лютаго зятря* (такъ онъ называетъ волка). Былина, какъ созданіе вполнѣ національное, не забыла и эту черту древне-русской охоты:

И лежить три слѣда звѣринне:
Первый слѣдъ гнѣдаго тура,
А другой слѣдъ лютаго звѣря,
А третій слѣдъ дикаго вепря (Кирѣевск. III, 22).

Объ охотѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ и въ былинахъ на *мусей* и *лебедей* было уже сказано.

Для Даниіла Заточника особенно ненавистно положеніе *болрскою холопа*: «не холопъ въ холопѣхъ — говоритъ онъ — кто у холопа работаетъ», и во всемъ предпочитаетъ службу при князѣ. Былина, вѣрная воззрѣніямъ древне-русской литературы, противопоставляетъ богатырей, какъ почетную дружину княжескую, — *холопимъ юстодской* или *холопимъ дворянской* (Рыбн. I, 279, 280).

Не смотря на всё искаженія и подновленія, былина воспоминаетъ еще объ отношеніяхъ древней Руси къ Цареграду. Она знаетъ не только *цареградскіе стихи* (Кирѣевск. IV, 67), но и камку — *хитрости Цареграда*, какъ бы по старой памяти о тѣхъ *цареградскихъ паволокахъ*, о которыхъ повѣствуетъ еще Несторъ (Кирѣевск. IV, 101).

Богатыри въ былинахъ играютъ на гуслихъ и поютъ, между прочимъ, *Еврейскій стихъ* (Кирѣевск. IV, 67). Этимъ сама былина указываетъ на свою связь съ такъ-называемыми *Духовными Стихами*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣми элементами книжнаго просвѣщенія древней Руси. Потому-то въ былинахъ народа безграмотнаго богатыри его учатся грамотѣ. Былина знаетъ *Осипа Прекраснаго* и ставитъ его на ряду съ Дюкомъ Степановичемъ, Тугариномъ Змиевичемъ и другими личностями народнаго эпоса (Рыбн. II, 21); знаетъ и библейскаго *богатыря Самсона*: «у него на головѣ семь власовъ ангельскихъ» (Рыбн. I, 35); помнитъ библейское сказаніе о войнахъ, которые пьютъ изъ рѣки воду припадкою (Рыбн. I, 435, 441); богатыря *Святоюра* помѣщаетъ на *Святыхъ юрахъ*, можетъ быть, подъ вліяніемъ сказаній о Святой горѣ — Афонской (Рыбн. I, 38).

Вообще должно замѣтить, что изученіе нашихъ былинъ сравнительно съ духовными стихами, легендами, повѣстями и сказаньями древне-русской письменности должно привести къ самымъ существеннымъ результатамъ. Легенда о *Змиевомъ валѣ* сосредоточиваетъ на себѣ и сказанья о Борисѣ и Глѣбѣ и множество мифовъ въ былинахъ. Стихъ о *Еюри Храбромъ* цѣликомъ входитъ въ разрядъ богатырскихъ былинъ. *Толкучія горы* этого стиха, напримѣръ, дословно повторяются въ разказахъ о другихъ богатыряхъ:

Первая застава великая:

Стоять тутъ горы толкучіи;

Тни жь какъ горы врозь растолкнутся,

Врозь растолкнутся, вмѣстѣ столкнутся;

Тутъ тебѣ Дюку не проѣхать (Рыбн. I, 296).

Чудесное плаванье Садки по водѣ на доскѣ — мотивъ изъ самыхъ популярныхъ въ мѣстныхъ легендахъ новгородскихъ, какъ это объяснено мною въ «Русскомъ богатырскомъ эпосѣ».

Мѣстное преданье Кіевское о *нерушимой стѣнѣ* — *Богородити*, изображеніе которой помѣщено въ абсидѣ Софійскаго Собора, въ

былинах приурочено къ сказаньямъ о Татарщинахъ. Это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ въ русскомъ эпосѣ, проникнутый мѣстнымъ колоритомъ и національнымъ чувствомъ (Рыбн. I, 107. 174; II, 40).

Новгородское сказаніе о мѣстѣ *Святаго роя*, на горѣ съ *денсу-сомъ*, сообщаемое въ Посланіи Новгородскаго Архіепископа Василя къ владыкѣ Тверскому Теодору, запечатлѣнное въ народной памяти пословицею, русскій эпосъ сохранилъ въ эпизодѣ о смерти Василя Буслаева, когда онъ на камнѣ Латырѣ прыгалъ къ образу Преображенскому (Рыбн. I, 362).

Заговоры на лихорадку наложили на былины свой слѣдъ въ названіи именно старшей изъ дочерей Соловья Разбойника: *Нееел*, по имени тоже *старшей* изъ сестеръ — лихорадокъ (Рыбн. I, 57).

Стоглавъ (въ гл. 92), между прочими забавами, прокликаетъ игру *шахматы* и *тавлем*, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что эта игра существовала не въ воображеніи только расказчиковъ, отуманенномъ татарщиною, но въ дѣйствительной жизни древней Руси, и что въ XVI вѣкѣ носила эта игра названіе греко-латинское или нѣмецкое: *тавлем*, какъ она слыветъ и въ былинахъ.

Иконописный Подлинникъ, эта сокровищница энциклопедическихъ свѣдѣній нашихъ предковъ, свидѣствуетъ въ пользу былинъ слѣдующее: «У князя Владиміра Кіевскаго была сильніи мужіе богатыри: 1) Янъ Усмошвецъ, Переславецъ, что печенѣжскаго богатыря убилъ; 2) Рагдай удалый противъ трехъ сотъ могъ выходить на бой; 3) Александръ Поповичъ; и всѣхъ ихъ было 37 богатырей» (по сборному Подлиннику Графа С. Г. Строганова).

При этомъ замѣчу одну любопытную подробность въ былинахъ, указывающую на вліяніе иконописныхъ изображеній на фантазію нашихъ расказчиковъ. Какъ икона святаго непременно сопровождается *надписью* его имени; такъ въ одной былинѣ представляется тоже съ *надписью* Ильи Муромецъ:

..... въ углу спить богатырь,

Спать-то храпить, какъ порогъ шумить;

Поглядѣлъ ему на *надпись богатырскую*:

Ажно спить старшій казакъ Илья Муромецъ (Рыбн. I, 275).

При этомъ невольно приходитъ на мысль иконописное изображеніе Ильи Муромца между старопечатными рисунками къ Печерскому Патерику.

Славно царство Индійское и Индія богатая — вошли въ наши

былины изъ Хронографовъ или изъ Александіи (Рыбн. I, 12. 13. 276); изъ баснословнаго сказанія о Соломонѣ — цѣлая былина (Рыбн. II, 277), эпизодъ о Романѣ Митріевичѣ (Рыбн. I, 426); изъ Хронографа упомянутый анекдотъ о томъ, какъ царица Южская приняла хрустальный полъ за воду, въ сказкѣ о князѣ Владимірѣ и Чурилѣ (Рыбн. I, 311); намекъ на Притчу о Семи мудрецахъ, можетъ быть, сохранился въ повѣствованіи о томъ, что Вольгу Все-славьевича отдавали на выучку *семи мудрецамъ* (Рыбн. I, 7); изъ Бестиаріевъ или Физиологовъ вошли въ былины свѣдѣнія о *львѣ*, *слонѣ*, о *ногъ-птицѣ* (Рыбн. I, 3) и о другихъ тому подобныхъ ди-ковинкахъ. Впрочемъ уже и само Священное Писаніе вносило въ фантазію народа и въ его языкъ иноземные образы природы. Въ этомъ отношеніи былина шла по слѣдамъ гѣтописи, которая знаетъ и *львовъ*, и *коркидиловъ* и *пардусовъ*. Потому напрасно авторъ «Происхожденія русскихъ былинъ» ограничиваетъ зоологическія свѣдѣ-нія нашихъ предковъ татарскою школою. Въ былинѣ попали львы и слоны тѣмъ же путемъ, по которому зашло *пардусе тмъдо* — въ столько чтимое авторомъ Слова о полку Игоревѣ.

Точно такъ и *восточный* или *азиатскій* элементъ надобно будетъ признать за одинъ изъ наносныхъ слоевъ на первобытной, родной почвѣ нашихъ былинъ, и при томъ, съ строгимъ отличіемъ тѣхъ путей, по которымъ этотъ элементъ входилъ на Русь, то есть, посредственно ли, черезъ Византію и вообще черезъ литературу переводную, или непосредственно — отъ азиатскихъ кочевниковъ.

Сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ — какъ и многія другія сказки, открываемыя въ древне-русской письменности — могла имѣть вліяніе на наши былины. Но авторъ «Происхожденія рус. былинъ», приписывая такое важное значеніе азиатскому элементу въ русскомъ эпосѣ, обязанъ былъ показать, какимъ путемъ зашла къ намъ эта сказка — отъ Татаръ, изъ Византіи, или съ Запада.

Уже и тотъ Сборникъ, въ которомъ сохранилось Слово о полку Игоревѣ, содержалъ въ себѣ сказаніе объ *Индіи богатой*, воспѣ-ваемой въ нашихъ былинахъ, и *арабскую сказку* о Синагрипѣ, царѣ Адоровѣ, судя по языку древнѣйшихъ редакцій, очевидно, переве-денную съ греческаго.

Что касается до азиатскаго вліянія на наши былины, непосред-ственнаго, то въ немъ должно различать два слоя: древнѣйшій — отъ временъ до—монгольскихъ и отъ періода татарщины, и слой позднѣйшій, наброшенный въ недавнее время восточными кочев-никами по ихъ сосѣдству съ русскимъ населеніемъ.

Но для рѣшенія вопроса объ этомъ двоякомъ вліяніи необходимо *строгий филологическій методъ*, основанный на знаніи восточныхъ языковъ. Потому, вмѣстѣ съ авторомъ разбираемаго мною сочиненія «не могу при этомъ не выразить убѣжденія, что во всякомъ случаѣ дальнѣйшая судьба вопроса о нашихъ былинахъ— въ рукахъ нашихъ ориенталистовъ, и что отъ нихъ должно зависѣть разсмотрѣніе и рѣшеніе всего, касающагося этого предмета» (3, XIV, 344).

Заключая этииъ свой отзывъ, я вмѣняю себѣ въ обязанность присовокупить, что порученное мнѣ для разбора сочиненіе, не смотря на недостатки въ методѣ и на отсутствіе лингвистическихъ свѣдѣній и филологической критики, этииъ существенныхъ пособій, безъ которыхъ невозможна научная разработка народной поэзіи, не смотря на увлеченія, доходящія до странныхъ крайностей и очевидныхъ противорѣчій, — все же, по новости взгляда и по обширному матеріалу, заслуживаетъ *почетнаго отзыва*.

РАЗСМОТРѢНІЕ

КНИГИ И. ХРУЩЕВА:

«Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преподобнаго игумена Волоцкаго», Спб. 1868.

К. И. Невоструева.

О жизни, дѣяніяхъ и сочиненіяхъ преп. Іосифа Волоколамскаго довольно уже у насъ издано коренныхъ источниковъ, сочиненій, изслѣдованій и отдѣльныхъ статей. Болѣе другихъ замѣчательны здѣсь статьи объ Іосифѣ Волоколамскомъ въ Словаряхъ митроп. Евгенія и архіеп. Филарета, въ книгѣ г. Руднева: «О ересяхъ и расколахъ», Москва 1838 г., статья VI о жидовской ереси, Изслѣдованія г. Казанскаго: «Іосифъ Волоколамскій» и «Писанія Іосифа Волоколамскаго» въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ 1847 года, и нѣкоторыя посланія Іосифа съ надлежащими предисловіями имъ же изданныя въ Чтеніяхъ Московскаго Историческаго Общества, 1847 г., ч. I и др.; въ «Исторіи Россіи» Соловьева въ V томѣ, гл. 5, статья о ереси жидовствующихъ и литературѣ при Іоаннѣ III, тамъ же на стр. 452—456 о благодѣяніяхъ Іосифа всей Волоцкой странѣ, о дѣлѣ его съ княземъ Феодоромъ Борисовичемъ Волоцкимъ и архіепископомъ Серапіономъ и проч. Во многихъ мѣстахъ говорится о жизни, дѣятельности и писаніяхъ преп. Іосифа у Шевырева въ Исторіи Русской словесности, изд. 2, Москва 1860 г., а въ 1865 г. придворнымъ священникомъ Н. А. Булгаковымъ написано особое «Церковно-историческое изслѣдованіе» о преп. Іосифѣ Волоколамскомъ. Изъ коренныхъ источниковъ изданы многія посланія Іосифа Волоколамскаго въ Древн. Росс. Вивлюэнкѣ, въ Актахъ Историческихъ (т. I) и Прибавленіяхъ къ нимъ (т. I), въ

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1866 г., и въ Памятникахъ Старинной Русс. литературы, вып. IV, 1862 г. въ Православн. Собесѣдникѣ издавъ Просвѣтитель Іосифа Волоколамскаго, а 1865 г. въ Читеніяхъ Моск. Общества любителей духовнаго просвѣщенія и отдѣльными книжками—три житія преп. Іосифа Волоколамскаго. Г. Хрущевъ во Вступленіи самъ подробно показываетъ всѣ эти и другіе источники своего труда. Не смотря на такія пособія, коими авторъ болѣе или менѣе руководствуется, Изслѣдованіе его составляетъ замѣчательное явленіе въ нашей ученой литературѣ, вообще отличается тщательностію, часто смотритъ на предметъ съ новыхъ сторонъ и по мѣстамъ представляетъ важныя открытія. Но въ то же время оно имѣетъ и большіе или меньшіе недостатки.

Сочиненіе состоитъ изъ *Вступленія*, стр. I—XLVI, и слѣдующихъ *Главъ*: а) Іосифъ основатель и устроитель монастыря на Волкѣ-Ламскомъ (1479—1515 г.), стр. 1—100; б) Іосифъ въ борьбѣ съ ересью т. е. жидовствующихъ (1488—1505 г.), стр. 101—202; в) Іосифъ и архіепископъ Новгородскій Серапіонъ — въ спорѣ между собою (1506—1509 г.), стр. 203—239; г) новая борьба Іосифа съ ересью и инокъ Вассіанъ (1511—1515 г.), стр. 240—254. За тѣмъ сдѣланы Приложенія нѣкоторыхъ замѣчательныхъ и неизданныхъ еще посланій преп. Іосифа и перечень указываемыхъ только въ коренныхъ источникахъ, но теперь утраченныхъ, сюда же относящихся памятниковъ, стр. 255—266. Изъ этого плана видна правильность въ расположеніи Изслѣдованія и полнота его.

Во Вступленіи содержится краткое обозрѣніе славянорусской литературы до временъ Іосифа и потомъ характеристика его сочиненій. Оно написано искусно, со внѣшнею отдѣлкою и въ отношеніи къ Іосифу представляетъ иногда мѣткія замѣчанія. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи въ немъ оказываются положенія несообразныя или сбивчивыя, сужденія свободныя и взгляды на Іосифа невѣрные. Въ обозрѣніи древнерусской литературы до временъ Іосифа авторъ стр. 1 отъ начала христіанства въ Россіи до XIV в. представляетъ извѣстными и употребительными въ ней одни только древніе славянскіе переводы свящ. Писанія, богослужбныхъ книгъ и твореній отеческихъ. Надобно было еще поставить на видъ явившіяся въ это время собственно русскія произведенія—поученія и посланія пастырей, житія нѣкоторыхъ святыхъ и лѣтописи тѣмъ болѣе, что и преп. Іосифъ нѣкоторыми изъ нихъ пользовался. Далѣе говорить, что въ XIV в. вышепоказанный запасъ

пополнился многими новыми переводами, изъ которыхъ видное мѣсто занимаютъ переводы Толкователей свящ. Писанія. Но въ XIV в. ни одного такого перевода не явилось, а сдѣланы они были частію въ XII и XIII в., частію же въ XV в. Къ послѣднимъ относятся сдѣланные на Аеонѣ переводы толкованія Златоустаго на кн. Бытія и Олимпіодора на Іова (Описаніе синод. рукописей, отд. 2, ч. I, стр. 50—54). Ихъ-то, какъ видно изъ послѣдующаго, и разумѣетъ авторъ, но въ вѣкѣ ошибается. Несправедливо дагѣ къ тому же XIV в. отнесены переводы Аеонскихъ иноковъ, раскрывавшихъ въ своихъ сочиненіяхъ опыты духовной жизни и умнаго дѣланія—Григорія Синаита и Григорія Паламы, послѣдній притомъ и не писалъ такихъ аскетическихъ сочиненій, а только полемическія—противъ Латинъ (Опис. синод. рукоп., отд. 2, ч. 2, стр. 469—471 и слѣд.). Къ тому же XIV вѣку на стр. II приурочиваются возобновившіяся путешествія нашихъ во св. Гору, плодомъ коихъ было распространеніе въ отечествѣ вывезенныхъ оттуда рукописей и вообще грамотности.—Это опять было въ XV в., какъ и самъ авторъ говоритъ ниже стр. 173. Въ подтвержденіе того, что Русскіе такимъ образомъ только пользовались чужими переводами, а не дѣлали своихъ, тамъ же приводятся слова изъ сборника XV в. Но слова эти, составляющія заглавіе статьи: Толкованіе неудобопознаваемыхъ въ писаніяхъ рѣчей (см. и Калайдовича Іоаннъ ексархъ Болгарскій, стр. 196) относятся не къ переводамъ съ греческаго на русскій какихъ-нибудь книгъ и статей, но къ объясненію отдѣльныхъ въ древнихъ славянскихъ переводахъ встрѣчающихся болгарскихъ, сербскихъ или чисто греческихъ словъ, неудобопонятныхъ для русскаго читателя.—Потребность защищать со времени Флорентійскаго собора ученіе православной Церкви противъ латинистовъ очень нехорошо названа потребностію защищать *укоренившіяся ствроанія*, точно такъ же какъ это самое выраженіе на стр. VI употреблено о православіи, защищаемомъ преп. Іосифомъ противъ жидовствующихъ еретиковъ. Положимъ—это выраженіе: но выраженіе означаетъ мысль. Іосифъ защищалъ догматы о св. Троицѣ, о Божествѣ Иисуса Христа и Духа Святаго, о второмъ пришествіи Христовомъ, о важности писаній апостольскихъ и отеческихъ. Ужели все это не богѣе, какъ укоренившіяся въ Россіи вѣрованія, а не основные догматы Церкви вселенской, за которые страдали и проливали кровь свою мученики и исповѣдники? Такого же свойства, какъ эта несообразность, мѣсто на стр. III: «въ связи съ такими обстоятельствами (политическими — съ

усиленіемъ Москвы) явилась потребность прославить пѣсногѣніемъ новыхъ Московскихъ чудотворцевъ и жизнеописаніями увѣковѣчить ихъ подвиги», а на стр. 180 сіе болѣе или менѣе приписывается политикѣ Іоанна III.—Службы и житія Московскихъ святителей и другихъ угодниковъ составлены не по политическимъ обстоятельствамъ, а по ихъ общезвѣстной жизни и подвигамъ и прославленію свыше. Авторъ самъ долженъ былъ сознаться, что въ тоже время «увѣковѣчены были подвиги и другихъ русскихъ святыхъ, какъ древнихъ такъ и новыхъ». О преподобномъ Іосифѣ на стр. V хорошо сказано, что на Библии воспиталъ онъ строгость своихъ приговоровъ и ревность о Богѣ противъ еретиковъ; однако сказано это не вполнѣ. Не одна Библия, а и писанія отцевъ, правила и практика древней Церкви христіанской и частію русской были въ основаніи у Іосифа. На стр. VII не безъ цѣли сравнивается Іосифъ съ французскимъ монахомъ Пьеромъ Vaulx-Cerpaux, въ началѣ XIII в., яко бы писавшимъ противъ Альбигойцевъ.—Этотъ монахъ (Petrus Sarnensis) писалъ не обличеніе какъ Іосифъ, а исторію Альбигойской священной войны, и по суду новѣйшей критики сказанія его, какъ сказанія очевидца, весьма важны (Bibliotheca Historica medii aevi, von Avg. Potthast, Berlin 1862. p. 491—492). Тоже *простодушное негодование*, говоритъ авторъ, тотъ жестрахъ у Іосифа, что у того Пьера.—При отрицаніи жидовствующихъ столь многихъ и самыхъ важныхъ догматовъ вѣры, при такомъ поруганіи ихъ надъ предметами священнѣйшими оставаться хладнокровнымъ значило бы быть индифферентистомъ. Какъ видно, съ тою же цѣлію униженія преподобнаго за тѣмъ замѣчено: «его строгое ученіе сдѣлалось достояніемъ той массы книжниковъ, которая полтора вѣка спустя послѣ Іосифа воспротивилась новшествамъ Никона». Нѣтъ, ученіе Іосифа, столь ясное и чистое въ разсужденіи отвергаемыхъ жидовствующими догматовъ, приемлется не раскольниками, а самою православною Церковію, признающею въ Іосифѣ отцевъ красоту, разсужденія свѣтильника и ересемъ посрамителя (тропарь преподобному). Когда на соборѣ 1554 г. противъ Башкина Кассіанъ епископъ Рязанскій, сочувствующій обвиняемымъ, сталъ порицать книгу Іосифа Волоколамскаго на ересь Новгородскихъ еретиковъ: то «ей тогда принесеннѣй бывши на соборъ на обличеніе еретикомъ и зѣло похвали ю боговѣнчанный царь, преосвященный Макарій митрополитъ и весь соборъ священный, свѣтило ту нарѣкоша быти православію». (Чтенія Моск. Общ. древностей 1847 г., № 3, «Московскіе соборы на еретиковъ

XVI вѣка»). См. о семъ еще ниже, въ концѣ Разсмотрѣнія. «Политическіе взгляды Іосифа, говорится на стр. VII, имѣли сильное вліяніе на вел. князя Василя Ивановича. На взглядахъ этихъ воспитанъ Грозный». И въ подтвержденіе указывается на совѣтъ племянника и ученика Іосифова, епископа Вассіана Топоркова, данный Грозному, какъ оный передаетъ Курбскій, а на стр. 202 въ одномъ мѣстѣ Наказанія княземъ, сходномъ съ словами Іосифа, и автору почему-то не понравившемся, указывается «образчикъ тѣхъ понятій, на которыхъ воспитанъ Грозный». Такимъ образомъ слагается на преподобнаго почти вся отвѣтственность за Іоанна. Скажемъ на это, что 1) Іосифъ не имѣлъ никакихъ политическихъ взглядовъ, а какъ отецъ и учитель духовный въ своихъ сочиненіяхъ раскрывалъ иногда по ученію Библии значеніе и обязанности царей, давалъ князьямъ христіанскіе уроки мудрости, кротости и правосудія, на коихъ зиждется благосостояніе царствъ (послания къ вел. князю, къ кн. Юрію Ивановичу, къ вельможѣ о милованіи рабовъ и др.); 2) конечно при такой близости Василя Іоанновича къ преподобному и его обители, по которой онъ и воспріемникомъ отъ купели Іоанна избралъ Кассіана Босова, Іоаннъ Грозный могъ читать сочиненія Іосифа и испытывать на себѣ его вліяніе. Но кто скажетъ, чтобы это было худое, а не доброе вліяніе? Отсюда можно производить особенную любовь Іоанна къ отеческимъ писаніямъ, такъ ему извѣстнымъ, и къ иноческимъ обителямъ, часто посѣщаемымъ, и вообще то благочестіе, какое мы видимъ въ немъ въ первые годы царствованія, ту ревность о вѣрѣ, съ какою онъ тотчасъ по покореніи царства Казанскаго основалъ и укрѣплялъ въ немъ Церковь и впоследствии лично защищалъ православіе предъ іезуитомъ Поссевиномъ. Но конечно нельзя производить отъ Іосифа ни послѣдующей наклонности царя къ пьянству и разврату, ни подозрѣній и жестокости, ни опричины, одно съ другимъ соединяющихся; 3) въ объясненіе передаваемой Курбскимъ бесѣды Іоанна съ Вассіаномъ надобно припомнить съ одной стороны извѣстную неприязнь Курбскаго къ партіи Іосифлянъ, съ другой, что Вассіанъ имѣлъ въ виду тѣ злоупотребленія боярской Думы въ малолѣтство Іоанна, отъ коихъ страдало государство, частныя лица и самъ Вассіанъ, какъ соучастникъ митрополита Данила (Сказанія князя Курбскаго, изд. 2, стр. 42). Между тѣмъ бесѣда Вассіана, какова бы она ни была, можемъ противопоставить слова воспріемника Іоаннова Кассіана, смѣло сказанныя отцу его Василю Іоанновичу, когда онъ сурово встрѣтилъ стар-

довъ по дѣлу князя Юрія: не тако подобаетъ державному яро вопрошати, но подобаетъ державному прежде съ кротостію и смиреніемъ увѣдѣти отъ устъ глаголемая, и аще будемъ достойны вины по дѣломъ нашимъ — въ твоей державной власти. И князь великій вставъ и мало осклабися рече: простите старцы, яко поглумихся (Житіе Іосифа Волоколамскаго, составленное Саввою Чернымъ, стр. 56. 57). Неосторожно и не въ положеніи автора сказаны наконецъ послѣднія слова Вступленія стр. VIII: не касаясь ни въ чемъ предмета съ духовной точки зрѣнія я вмѣстѣ съ тѣмъ не внесъ въ трудъ свой *личною взгляда* на тѣ или другія *спорованія*. И однако мы увидимъ, что авторъ нарушаетъ это обѣщаніе, явно или прикровенно проводя свой взглядъ на спорные съ еретиками и другіе пункты вѣры.

Ко Вступленію присоединено *Обозрѣніе источниковъ*, т. е. сперва собственныхъ сочиненій Іосифа и потомъ постороннихъ, его касающихся, заключенныхъ въ разныхъ сборникахъ, и житій его. Между первыми прежде всѣхъ, естественно, представляется Провсвѣтитель Іосифа, причемъ опредѣляется происхождение этого впоследствии даннаго сочиненію названія и показываются разные списки его въ библіотекахъ, но находящійся въ Московской Епархіальной Библіотекѣ несправедливо признанъ автографомъ Іосифа (о чемъ скажемъ ниже). Затѣмъ показываются другія сочиненія самаго Іосифа или его касающіяся — въ Макаріевской четъ-минеѣ и, какъ сказано, въ сборникахъ библіотекъ — Императорской Публичной, Московской Духовной Академіи, Московской Епархіальной Библіотеки и Троицкой Лавры: всѣхъ сборниковъ въ нихъ разсмотрѣно тринадцать. Наконецъ означаются житія, именно изданныя нами въ 1865 году три житія преп. Іосифа, составленные Саввою Чернымъ, Неизвѣстнымъ и краткое, называемое надгробнымъ словомъ, Досифея Топоркова. Всѣ изложенные источники, не говоря о внутреннемъ ихъ содержаніи, имѣютъ полную важность по древности и исправности списковъ, и за исключеніемъ двухъ или трехъ всѣ принадлежали прежде Іосифову Волоколамскому монастырю. Въ каждой рукописи показаны всѣ статьи, къ дѣлу относящіяся, причемъ относительно изданныхъ замѣчено, гдѣ, когда и въ какомъ видѣ онѣ отпечатаны, неизданныхъ показывается содержаніе и дѣлаются иногда большія или меньшія изъ нихъ выписки, грамоты сходныя сличены между собою, именно въ сб. II грам. Геннадія Новгородскаго къ Прохору Сарскому и къ Іоасафу Рост., другая его грамота Нифонту Сузд. въ сбор. IV, какъ

неизданная еще и любопытная, отпечатана вся. Въ замѣчаніяхъ о сборникѣ VI, содержащемъ «Житіе преп. Пафнутія Боровскаго, списанное ученикомъ его Вассіаномъ, архіепископомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ» и нашими учеными обыкновенно приписываемое знаменитому Вассіану I Рыло (1468—1481), подтверждается и доказывается мысль г. Шевырева (Исторія Рус. Словесности ч. III, 1858, предисл.), что это былъ не онъ, а бывший послѣ него 1506—1515 г. изъ архимандритовъ Симонова монастыря Вассіанъ II Санинъ, родной братъ препод. Іосифа Волоцкаго (Исторія Росс. Іерархіи, изд. 2 т. I, стр. 248). Доказательства автора убѣдительны и ясны. При обзорѣннй вышепомянутыхъ трехъ житій преподобнаго Іосифа стр. XXXII и слѣд. дѣлаются замѣчанія о характерѣ и изложеніи каждаго изъ нихъ. Приложенныя къ житію, составленному Саввою Чернымъ, три случая чудесъ Іосифа (т. е. объ Андреѣ, въ монашествѣ Арсеніѣ Квашнинѣ-Невѣжѣ, инокѣ Исихіѣ, о боярскомъ сынѣ и Новгородскомъ іереѣ, — выходятъ четыре! стр. 68—76) «имѣютъ (будто бы) характеръ карательный за недоброжелательство къ Іосифу и недоувѣріе въ его святость». Подобное замѣчено и на стр. 100. Такими чудесами, по замѣчанію автора на стр. XXXVII и XXXVIII, обыкновенно наполняются житія Русскихъ святыхъ. О житіяхъ Русскихъ святыхъ, обносимыхъ и ниже, однажды навсегда скажемъ, что хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, волею или неволею писателей, дѣйствительно есть сомнительныя чудословія и даже ложныя извѣстія, но отъ такихъ исключеній дѣлать общее заключеніе — весьма нелогично: ложь обличалась и въ свое время, а правда имѣетъ твердыя основанія. (См. Предисловіе къ житіямъ Русскихъ святыхъ преосв. Филарета, Черниговъ 1861, въ явн. книжкѣ). Что касается до житія Саввы: то, скажемъ не обинуясь, превратно представляетъ г. Хрущовъ вышепом. достовѣрныя и назидательныя сказанія. Изнѣженный въ мірѣ бояринъ Квашнинъ и въ монастырѣ сперва роскошествовалъ и порицалъ строгій уставъ Іосифа; потомъ хотя вразумился краткими увѣщаніями братій и тронуть былъ ихъ любовію, но отпросился въ Кириллобѣозерскую обитель, не внявъ на пути духовной бесѣдѣ и вел. князя Василя Ивановича, но пороптавшій былъ пораженъ при самой ракъ чудотворца Кирилла; одинъ многолѣтній и честный старецъ, сродникъ Арсенія (Квашнина), видя это, немедленно велѣлъ возвратить его въ Іосифовъ монастырь: братія приняли его обратно со всею радостію, самъ Арсеній въ сокрушеніи омочилъ слезами землю, получилъ исцѣленіе, но до конца жизни былъ косноязыченъ «и часто

хода на гробъ преподобнаго и каяся о своемъ нетерпѣннѣи — предадеся игумену въ послушаніе безъ всякаго разсужденія и нача тружатися, болѣвъ (т. е. болящимъ) по келіямъ ясти носити на раму своею на всякъ день и вечеръ... и дотолика предаде себя на терпѣніе, яко свитка (рубашка), иже бѣ на немъ, яко посыпана вошми, и когда братія, видя такое его страданіе и терпѣніе, отъ жалости силою и моленіемъ хотѣли снять и перемѣнить свитку, онъ не хотя съ ними прекословити, давалъ имъ волю, укоряя себя, яко чловѣкомъ являся (т. е. что подвигъ его видимъ чловѣками) и щету себѣ вмѣняя». Такъ онъ трудился до смерти своей и чрезъ десять лѣтъ и тѣло и одежда его найдены невредимыми, какъ бы вчера былъ погребенъ. Здѣсь и всѣ обстоятельства и чрезвычайный въ виду всѣхъ подвигъ говорятъ сами за себя: надъ великими сосудами своими благодать Божія являетъ и великія знаменія, вразумляющія и укрѣпляющія ихъ. Самъ собою ясенъ и другой случай: Новгородскій священноиннокъ Исаія ненавидѣлъ Іосифовъ монастырь (по отношенію, конечно, Іосифа къ ереси Новгородскихъ поповъ) и взятый архіепископомъ въ Москву (они часто сюда вызывались) на пути заболѣвъ, вопреки волѣ архіепископа, не хотѣлъ остановиться въ Іосифовой обители. Проболѣвъ все время въ Москвѣ онъ хотѣлъ возвратиться въ Новгородъ, какъ въ ночь передъ отъѣздомъ получилъ сильнѣйшій припадокъ и внушеніе свыше, ѣхать въ Іосифовъ монастырь. Здѣсь, покаявшись, черезъ двѣ недѣли онъ умеръ. Съ такою опредѣленностію рассказываетъ это Савва Черный. Но надобно замѣтить, что преслѣдуя главную цѣль повѣствованія — дѣла Божія, онъ какъ и другіе сказатели, болѣе или менѣе опускаетъ чловѣческія отношенія или тѣ историческія принадлежности, недостатокъ которыхъ въ житіяхъ святыхъ заставляеть нашихъ неологовъ подвергать сомнѣнію самые факты. Въ одной рукописи Моск. Епархіальной Библіотеки, которую мы назовемъ Погостовскою, есть болѣе обстоятельный рассказъ объ этомъ чудѣ и нѣкоторыхъ другихъ, вѣроятно, изъ первоначальныхъ записокъ того же Саввы Чернаго. По нему безымянный архіепископъ Новгородскій былъ Феодосій, вызываемый въ Москву на соборъ въ 1557 г., и онъ самъ рассказалъ все бывшее съ Исаіею. Такъ какъ это повѣствованіе важно и для біографіи самаго архіепископа и по указанію, какъ и по какимъ источникамъ составлялись житія нашихъ святыхъ: то мы и передаемъ оное въ особомъ къ сему Приложеніи. О прочіихъ двухъ чудесахъ — надъ инокомъ Исихіемъ и боярскимъ сыномъ нѣтъ нужды и говорить: они вовсе не

приводятъ къ той мысли о карѣ, какую приписываетъ имъ авторъ. Далѣе сравниваются у г. Хрущова житія Іосифа съ житіями прочихъ Русскихъ святыхъ, основавшихъ монастыри. Въ этомъ сравненіи онъ выражаетъ свой взглядъ на таковыя житія, стр. XXXVI—XXXVIII, въ которомъ мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе хотя на нѣкоторые болѣе рѣзкіе пункты. «Отсутствіе свѣденій о семьѣ святаго почти *всегда* замѣняется библейскимъ разказомъ о его рожденіи отъ бесплодныхъ родителей, которые вымолили себѣ чадо отъ Бога», т. е. другими словами: не имѣя ближайшихъ свѣденій о семьѣ святаго составители житій почти всегда прибѣгали къ благочестивому обману относительно благодатнаго его рожденія? Чтобы сдѣлать такой рѣзкій, общій приговоръ, надлежало бы представить хотя нѣсколько ясныхъ примѣровъ, но ихъ нѣтъ ни одного. А въ этихъ сказаніяхъ, которыхъ иногда и не чѣмъ повѣрить, т. е. ни подтвердить, ни опровергнуть, речательствомъ, намъ кажется, служатъ самое то, что тѣ угодики съ раннихъ лѣтъ посвящали себя Богу, какъ чада самимъ рожденіемъ не отъ похоти плотскія опредѣленные на служеніе Ему. Затѣмъ поставляется на видъ нѣсколько «пророческихъ видѣній» родительницъ относительно будущихъ чадъ ихъ, подобно видѣніямъ объ Іоаннѣ Предтечѣ, Николаѣ чудотворцѣ, Ефремѣ Сиринѣ. На это скажемъ: въ наученіе какъ должны впослѣдствіи матери поступать съ сими дѣтми, по простотѣ и благочестію самыхъ матерей и были имъ откровенія, утаеваемыя отъ премудрыхъ и разумныхъ и являемыя младенцамъ (Матѣ. 11, 25). Эти представленія или видѣнія другихъ матерей, говоритъ авторъ, *не оказываютъ вліянія* на разказъ о рожденіи Іосифа. Т. е. и здѣсь допускается возможность вымысла, мистификаціи? Видѣніе матери Іосифовой передъ смертію трехъ Марій признается «фактомъ, заимствованнымъ изъ живаго преданія». — Савва Черный стр. 30 прямо говоритъ, что «сію тайну сама пѣзъяви, яко отъцде съ Маріями въ животъ вѣчный». А объ иноческихъ подвигахъ ея въ теченіи 30 лѣтъ, по человѣчески ручающихся за такой фактъ, повѣствуетъ Досноей (Надгр. слово, стр. 11). «Въ сказаніяхъ о *бѣсноватыхъ*, чудесно псѣзъяемыхъ, каковыми по преимуществу являются женщины и отроки», усматриваются, «черты народнаго быта», т. е. такія представленія относятся лишь къ народнымъ суевѣріямъ? къ бѣсноватымъ причисляются «и юные, новопостриженные иноки, по понятіямъ монашескимъ не одолѣвшіе діавола, которыхъ мучатъ безобразныя видѣнія». Мысль эта неоднократно высказывается и въ другихъ мѣстахъ стр. 5. 38. 55. Что касается до перваго: то

хотя извѣстно, что въ древнемъ простонародіи нѣкоторыя болѣзни, напримѣръ черная немочь или падучая, считались прямо дѣйствиємъ бѣсовскимъ, но по этому нельзя, однакоже, вообще отвергать всѣ дѣйствія бѣсовъ, когда они являютя и въ Евангельской исторіи, и въ церковныхъ требникахъ есть особыя послѣдованія на изгнаніе бѣсовъ. А отвергать вліяніе и дѣйствія бѣсовской силы на юныхъ подвижниковъ, считать оныя ихъ личнымъ только представленіемъ и воображеніемъ — несправедливость еще очевиднѣйшая. Противъ этого говорятъ всѣ писанія и исторія иноковъ-подвижниковъ, начная примѣрно съ Василія великаго. (См. Творенія св. отцевъ Церкви въ Рус. переводѣ т. IX, стр. 45 Слово Василія великаго подвижническое и увѣщательное объ отреченіи отъ міра). Искусителя мы видимъ при самомъ Спасителѣ въ началѣ всемірнаго Его подвига, и хотя теперь онъ былъ отраженъ, но тѣмъ не менѣе отшелъ только *до времени* (Лук. 4, 13). Мы не испытываемъ надъ собою непосредственныхъ усиленныхъ дѣйствій лукаваго: потому что не выходимъ изъ общаго ряда и не опасны ему.

Послѣ коренныхъ источниковъ на стр. XXXIX—XLVI показываются труды новѣйшихъ писателей, которые писали о жизни или сочиненіяхъ препод. Іосифа Волоколамскаго. Здѣсь указаны Карамзинъ, писавшій объ Іосифѣ въ VI т. въ гл. 4 Исторіи Государства Россійскаго, мптр. Евгенийъ — въ Словарѣ духовныхъ писателей, г. Рудневъ въ книгѣ «О ересяхъ и расколахъ, проф. Казанскій, похвѣстившій въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ 1847 двѣ статьи: Іосифъ Волоколамскій, и Писанія Іосифа Волоколамскаго, проф. Соловьевъ — въ Исторіи Россіи т. V гл. 5, Филаретъ архіеп. Черниговскій — въ Обзорѣ духовныхъ писателей, Православный Собесѣдникъ — 1859 въ статьѣ: Просвѣтитель Іосифа Волоколамскаго, Шевыревъ — въ Исторіи Русской словесности т. IV, и свящ. Булгаковъ, написавшій сочиненіе «Преподобный Іосифъ Волоколамскій». Тщательно показано содержаніе и источники каждаго изъ этихъ сочиненій, съ критическими замѣчаніями. Только въ заключительномъ сравненіи взглядовъ г. Казанскаго и свящ. Булгакова мы находимъ невѣрность автора самому себѣ. Первый, по словамъ его, говоритъ объ Іосифѣ точно также, какъ говорятъ о святомъ древніе авторы житій; второй же беретъ на себя защиту Іосифа и пр. Но объ этихъ составителяхъ житій авторъ выше отозвался стр. XXXV, XXXVI: «такъ какъ мнѣнія и дѣйствія Іосифа возбуждали противъ него многихъ современниковъ, то авторы житій (Савва

и Незвѣстный) берутъ на себя защиту его мнѣній и образа дѣйствій».

Глава I. *Иосифъ основатель и устроитель монастыря на Волокы-Ламскомъ*. Изложенію этого предпосылаются:

Во первыхъ, обзорѣніе сказаній о прочихъ таковыхъ основателяхъ обителей, предшествовавшихъ или современныхъ Іосифу (стр. 1—14). «Явленіе игуменовъ-основателей, говорилъ авторъ въ Предисловіи стр. VIII, въ то время было столько же народное, сколько и церковное — и я посвятилъ нѣсколько страницъ предлагаемаго сочиненія на обзоръ этого явленія». Здѣсь собраны въ одно свѣдѣнія о семь изъ житій, именно показаны основатели монастырей сѣверо-восточной Руси въ XIV и XV в., ихъ значеніе, родъ или происхожденіе, черты ихъ дѣтства, юности, постриженіе, странствованіе, окрестные жители, основаніе монастыря, разбойники или инородцы, нападающіе на него, два рода иночества — пустынное и общежительное, и въ заключеніи сдѣланы нѣкоторыя общія замѣчанія. Хотя уже у Шевырева въ *Исторіи Русской Словесности* т. IV, лекція 17 находится эскизъ такой картины, но и нашему изслѣдователю не мало требовалось труда и искусства, чтобы представить ее въ томъ видѣ, въ какомъ она у него является: для этого, по собственнымъ словамъ, онъ читалъ какъ самыя житія въ рукописяхъ разныхъ библиотекъ, такъ и изложенія ихъ у Филарета Черниговскаго «Русскіе святые», въ *Словарѣ Русскихъ святыхъ* и др. (см. стр. 2, примѣч. 1). Но съ искусною обрисовкою и лучшими по мѣстамъ замѣчаніями встрѣчаются здѣсь и нѣкоторыя несообразности съ предметомъ и неосновательныя или сомнительныя мысли. Таково, стр. 2, сравненіе иноковъ съ какими-то богатырями въ народной былинѣ, стр. 5, вліяніе бѣсовъ на подвижниковъ представляется однимъ только субъективнымъ понятіемъ иноковъ, и двусмысленное мѣсто на стр. 8 «циклъ сказаній о вѣровѣ и медвѣдѣ проходитъ черезъ многія житія», чѣмъ какъ будто подрывается достовѣрность сказаній, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ ничто не препятствуетъ допустить повтореніе этихъ явленій у людей, находящихся въ одномъ и томъ же положеніи и отношеніяхъ.

Во вторыхъ, предшествуетъ жизнеописанію Іосифа (стр. 14—25) довольно обстоятельное изложеніе жизни и дѣяній учителя его препод. Пафнутія Боровскаго, особенно отношенія его къ удѣльному князю Боровскому и Московскому великокняжескому семейству, характеръ его. Свѣдѣнія о всемъ этомъ, почерпнутыя изъ

житія преп. Пафнутія, прекрасно составленнаго помянутымъ Васіаномъ Ростовскимъ, ученикомъ Пафнутія и братомъ преп. Іосифа, а также изъ повѣсти о кончинѣ преподобнаго, написанной другимъ ученикомъ его Иннокентіемъ, хорошо сводятся, дополняются и изъясняются указаніями современныхъ актовъ, отпечатанныхъ въ Собраніи Госуд. грамотъ и договоровъ, въ Актахъ историческихъ и Дополненіяхъ ихъ. За тѣмъ помѣщены свѣдѣнія о старѣйшей братіи Пафнутіева монастыря, оставшейся по смерти Пафнутія, между которыми былъ и Іосифъ, заступившій мѣсто его въ управленіи монастыремъ. На стр. 21, замѣтимъ, что много уже сказано о мягкости и снисходительности Пафнутія, при которой онъ (стр. 33) будто бы и дѣйствовалъ на братію только примѣромъ своимъ и только примѣромъ возбуждалъ къ подвигу. Нынѣшняя гуманность, все предоставляющая волѣ каждаго, вообще была не въ обычаѣ тѣхъ строгихъ временъ и не въ положеніи настоятеля. Хорошо знающій Пафнутія преп. Іосифъ Волокол. въ 10-й главѣ своего Устава о святыхъ отцахъ — подвижникахъ Русской земли дѣлаетъ такой отзывъ о преп. Пафнутіѣ: «бѣше же щедръ и милостивъ, егда подобаетъ, и жестокъ и напрасенъ (т. е. вспылчивъ) егда потреба». Точно также здѣсь Іосифъ отзывается и о блаженномъ Саввѣ Тверскомъ, въ которомъ авторъ видитъ верхъ строгости стр. 57. За тѣмъ и замѣчаніе о какой-то добродушной, ученикамъ понятной улыбкѣ Пафнутія неосновательно: «ослабился» обыкновенное славянское выраженіе о всякомъ чловѣкѣ.

Теперь въ жизнеописаніи самого Іосифа подробно излагаются (стр. 25—100) происхожденіе или родъ преподобнаго и жизнь его до смерти Пафнутія, настоятельство въ Пафнутьевомъ монастырѣ, странствованіе по разнымъ обителямъ для изученія общежитія, основаніе собственнаго монастыря на Волокѣ-Ламскомъ, устройство его и постепенное обогащеніе, знатные постриженники и подвижники, отношенія Іосифа къ мірянамъ, особенно какъ учителя многихъ и питателя окрестныхъ жителей во время голода, введеніе новаго общежительнаго устава и бытъ монастыря, библіотека монастыря времени Іосифова и забота его о средствахъ обители. За тѣмъ рассмотрѣны самый Уставъ монастыря, написанный Іосифомъ Волоколамскимъ, восемь посланій Іосифа къ разнымъ лицамъ по разнымъ обстоятельствамъ и два небольшихъ наставленія.—Изъ этого видно, какъ послѣдовательно и обстоятельно ведется дѣло. Здѣсь, конечно, у автора гораздо болѣе было подъ руками прямыхъ пособій, чѣмъ въ предъидущемъ: но надобно отдать ему

справедливость и въ употребленіи ихъ и въ дополненіи своими соображеніями, свѣдѣніями по нѣкоторымъ не тронутымъ прежде рукописямъ, и справками въ Собраніи Государственныхъ грамотъ, въ Актахъ Историческихъ, Юридическихъ и Западной Россіи, Собраніи Русскихъ лѣтописей и др. Глава о библіотекѣ монастырской при Іосифѣ Волоколамскомъ, хотя и небольшая и не совсѣмъ удачная, составлена вновь.

Теперь мы войдемъ въ частнѣйшее разсмотрѣніе вышеозначенныхъ главъ или сторонъ въ жизни преп. Іосифа, здѣсь раскрываемыхъ.

Въ главѣ о происхожденіи Іосифа родоначальникъ фамиліи его Саня иначе названъ Александромъ, какъ и доселѣ говорятъ въ просторѣчій: въ Надгробномъ словѣ Іосифу Досвѣея Топоркова по авторитетному списку, съ коего сдѣлано изданіе, стр. 10 читается: прадѣду же его пришедшу на Русь *Александру Саню*. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь одно имя объясняетъ другое. Далѣе въ семействѣ отца Іосифова у автора представляются слѣдующіе сыновья: 1) Іоаннъ въ иночествѣ Іосифъ, самъ преподобный, 2) *Вассіанъ*, 1506—1515 г. архіепископъ Ростовскій, 3) *Акакій*, юный инокъ въ монастырѣ Пафнутія, впоследствии епископъ Тверской 1525—1546 г. (несправедливо, по Исторіи Россійской Іерархіи нужно: 1522—1567 г.) и 4) *Емгазаръ*, упоминаемый у Саввы міряниномъ, умеръ монахомъ. О Ростовскомъ архіепископѣ Вассіанѣ это несомнѣнно, что онъ былъ родной братъ Іосифа. Что же касается до Акакія: то хотя мы и сами въ изданіи житія Іосифова, составленнаго Саввою, стр. 17 приняли его за епископа Тверскаго, но теперь отъ сего отказываемся — по слѣдующимъ основаніямъ: 1) Савва, писавшій житіе Іосифа въ 1546 г., безъ сомнѣнія поименовалъ бы и этого Акакія епископомъ, еслибъ онъ былъ таковымъ, какъ это замѣтилъ о Вассіанѣ. А онъ говоритъ такъ: «пристапа къ нимъ въ совѣтъ иные старцы: братъ Іосифовъ Акакіе и Касіанъ рекомый Босой и другіи братъ Вассіанъ иже бысть архіепископъ въ Ростовѣ». 2) Въ книгѣ дачь или вкладовъ въ Волоколамскій монастырь, писанной около 1554 г. (рукоп. Московской Епархіальной Библіотеки № 687—изъ Волоколамскихъ) на оборотѣ 71 листа записанъ вкладъ этого святителя слѣдующимъ образомъ: Помнати во вседневномъ спискѣ родители Тверскаго владыки Акакія, *отца его священноерея Василья, да мать его иноку Іулію*. . . . на всякъ годъ мѣсяца Генваря 1-го дня на память св. великаго Василія Кесарійскаго, *доколь владыка Акакіе живъ*, а какъ преставится вла-

дыка Акакіе, ино его написать въ повседневной списокъ. Тѣже самое сказано о вкладѣ и родителяхъ Акакія Тверскаго въ другой дачной книгѣ Іосифова монастыря № 685 (Епархіальной Библиотеки) XVI же вѣка, но по смерти уже Акакія, л. 107 об. 3) Въ 1584—1585 г. Рязанскій епископъ Леонидъ, самъ постригшійся въ Іосифовомъ монастырѣ, въ челобитной своей къ царю Θεодору Ивановичу такъ писалъ о знаменитыхъ постриженникахъ того же монастыря: изъ Осифова монастыря на Москвѣ былъ Данилъ митрополитъ всеа Русіи и въ Ростовѣ на архіепископѣ Васьянъ, братъ Іосифу чудотворцу... въ Новгородѣ на архіепископствѣ былъ Θεодосей Іосифовъ же постриженникъ, да во Твери епископъ Окакой, да на Крутицахъ Савва Черный» (Акты Истор. т. I, № 216). Изъ всего этого видно, что Акакія Тверской былъ вовсе не братъ, а только постриженникъ Іосифовъ или его монастыря, а къ въ послѣдствіи былъ дѣйствительный братъ Іосифовъ Акакія и когда скончался, это остается неизвѣстнымъ. Четвертаго сына Елеазара авторъ предполагаетъ въ послѣдствіи инокомъ Евеніемъ, значущимся въ Синодикѣ Іосифовомъ, и считаетъ его также отцемъ Досіея и Вассіана Топорковыхъ. Оставя первое предположеніе, на послѣднее мы можемъ возразить: если Досіей и Вассіанъ были дѣти Елеазара: то отъ чего же прозывались не Савваны, а Топорковы? Это послѣднее прозваніе въ современныхъ актахъ усвоится тому и другому: о Досіеѣ см. въ нижеприведенной (въ Приложеніи о библиотекѣ Іосифова времени) описи 1545 года, о Вассіанѣ Сказанія Курбскаго изд. 2, стр. 46.

Такъ какъ у Іосифа съ самаго отрочества завязалась дружба съ вельможнымъ отрокомъ Борисомъ Кутузовымъ, продолжавшаяся чрезъ все время ихъ жизни, при откровенной съ нимъ перепискѣ Іосифа и всегдашнемъ къ Іосифу сочувствіи, вкладахъ въ его обитель и наконецъ постриженіи въ ней самого Бориса: то, говоря объ отрочествѣ Іосифа, г. Хрущевъ справедливо обращаетъ особенное вниманіе на родъ и службу Кутузовыхъ и приводитъ родословную ихъ таблицу (см. стр. 27, прим. 42). Здѣсь не лишнимъ считаемъ объяснить, почему въ изданіи Житія Сазвы Чернаго стр. 7, прим. 26, мы признали Бориса Кутузова подъ конецъ жизни принявшимъ монашество въ обители Іосифовой, на чемъ основанъ и г. Хрущевъ. Доказательство тому нашли мы теперь гораздо яснѣе указаннаго въ томъ примѣчаніи мѣста изъ Синодальной рукописи № 289 л. 64 об. (ошибка, чит. № 829 л. 63 об.). Въ той же дачной книгѣ № 687, писанной 1554 г., на об. 24 л.

въ главѣ 12 записанъ вкладъ «Князя Семена Ивановича Бѣльскаго... и далъ на то князь полтораста копѣ грошей, да сто рублевъ денегъ, и тѣми деньгами поставили церковь святое Богоявленіе Господа нашего Иисуса Христа, да трапезу, да хлѣбно кирпичны; да приложили къ тому 100 рублевъ, что далъ по себѣ Борисъ Кутузовъ, а въ иноцѣхъ Аврамій». За тѣмъ въ особой 13 главѣ: «помянати Бориса Кутузова, а въ иноцѣхъ Аврамій... а далъ на то Аврамій по себѣ 100 рублей денегъ, и та 100 рублей пошла въ трапезу». Бѣльскій, Семень Ивановичъ, первый изъ сего рода по преданности православію выѣхалъ изъ Литвы въ подданство Россіи 1500 г. (см. Никонову лѣтопись VI, 160). Князь скончался 7017 (1509) Августа 4 (по Синод. рукоп. № 678, см. Описание Синод. Б—ки отд. 3, ч. 1, стр. 306) и о вкладѣ его упоминалъ еще самъ преп. Іосифъ въ посланіи къ вдовѣ, а церковь Богоявленская значится уже въ описи монастыря 1545 г. За вкладомъ князя Бѣльскаго и Бориса Кутузова въ дачной книгѣ № 687 по хронологическому порядку слѣдуетъ въ гл. 14 вкладъ Геннадія архіепископа Новгородскаго.—Сдѣланная у г. Хрущева въ родословной таблицѣ ошибка въ показаніи, что дочь Андрея Михайловича Кутузова (внучка Борисова) была въ замужствѣ за царемъ Симеономъ *Бекбулатовичемъ*, справедливо поправлена въ началѣ послѣ Предисловія, что она за-мужемъ была за царемъ Симеономъ Касаевичемъ. Въ означенной книгѣ дачъ XVI в. № 685, л. 82 об. такъ записана дача ея матери: дача въ домъ пречистыя Богородицы въ Осифовъ монастырь Евдокея Семенова дочь Ивановича Воронцова Андреева жена Михайловича Кутузова, въ иноцѣхъ Евфросинія по себѣ и по своихъ родителейъ, по мужѣ своемъ и по дочерѣхъ своихъ по княгинѣ Маріи, княжа Ѳедоровой Андрѣевича Куракина, да по *царити Маріи Симеоновы Касаевича* сельцо Васьяново и проч. См. объ этомъ Симеонъ Касаевичъ Карамзина Истор. Гос. Росс., изд. Эйнерлинга, т. VII, стр. 123 и прим. 368.

На стр. 30 замѣчено, что Іосифъ отличался физическою силою, по которой и опредѣлили его тотчасъ въ поварню, а потомъ въ пекарню. На стр. 40 физической же силѣ Іосифа приписывается и тотъ подвигъ его, что онъ почти ежедневно мололъ хлѣбъ своими руками. Но въ томъ и другомъ надобно видѣть не столько физическую силу, сколько рѣшимость и твердость духа Іосифова, его униженіе и терпѣніе, коими вели его и коими самъ онъ потомъ шелъ къ иноческому совершенству (см. Надгробн. слов. стр. 17. 18). Этимъ путемъ шли почти всѣ великіе иноки наши.

Далѣ на стр. 30 сказано, что по дозволеніи Іосифу принять въ Пафнутевъ монастырь престарѣлаго отца своего, *старцы* сдѣлали другую уступку нѣжности сыновней любви — послали матери Іосифа грамотку. Тоже сказано и выше въ Вступленіи стр. XXXVII и въ самомъ концѣ книги стр. 265 это мнимое посланіе старцевъ Боровской обители къ Маринѣ Санной поставляется въ числѣ утраченныхъ актовъ. — Странно, какъ вкралась такая ошибка: не старцы, а самъ Іосифъ, получивъ отъ Пафнутія дозволеніе принять къ себѣ отца своего, послалъ къ матери своей грамоту, какъ видно, убѣждая ее въ ней также поступить въ монастырь, чтобъ и не оставаться одной безъ всякой помощи. Въ житіи Саввы Чернаго стр. 11 объ этомъ говорится такъ: Іосифъ же взя отца своего повѣщеніемъ преподобнаго, къ матери же пославше посланіе, грамоту. И егда принесоша къ матери грамоту, она же прочеть со слезами глаголаше: чадо мое возлюбленное! *сотворю тобою повелѣнное*: и пострижеся во обители святаго Власія на Волоцѣ.

На стр. 36 и въ прим. 49 говорится, что основатель, а не игумень посѣщеннаго странствовавшимъ Іосифомъ Тверскаго Саввина монастыря Савва I, Ера-Бороздинъ, передъ отшествіемъ своимъ въ Аѳонскую Гору избралъ настоятелемъ въ оный извѣстнаго подвижника Савву II, а по возвращеніи оттуда основалъ (новый) монастырь близъ Новгорода на рѣкѣ Вишерѣ, гдѣ и скончался. — Коренное мѣсто, на которомъ основываются эти слова, находятся въ 10-й главѣ Устава преп. Іосифа. Отъ неправильнаго уразумѣнія его у автора произошли три ошибки. Во 1-хъ, у основателя Саввы напрасно отнимается настоятельство: начальникъ обители онъ былъ и настоятелемъ ея и, отправляясь въ св. Гору, сдѣлавъ преемникомъ по себѣ не Савву II (другая ошибка), а брата его Варсонофія, который, какъ вслѣдъ за симъ говорится, и игуменствовалъ 5 лѣтъ, а потомъ сдалъ начальство означенному брату своему. Въ 3-хъ, Савва Ера-Бороздинъ смѣшанъ съ Саввою Вишерскимъ, который, какъ гласитъ житіе его, самъ принялъ иночество въ основанной тѣмъ Саввою Ера обители, но избѣгая челоувѣческой славы, оставилъ ее и, странствуя нѣсколько времени въ предѣлахъ Новгорода, наконецъ остановился на рѣкѣ Вишерѣ и положилъ здѣсь начало своей Савво-Вишерской обители, а на Аѳонѣ отнюдь не былъ:

На стр. 44 указывая вкладчиковъ въ Іосифовъ монастырь при самомъ основателѣ его преп. Іосифѣ, авторъ говоритъ: дошла до насъ данная *какого-то* Андрея Даниловича на сельцо Темниково и

деревню Лучниково (чит. Лучниково) и ссылается на Акты Юридического быта т. 1, № 63.— Этот вкладчик — вышепомянутый бояринъ Андрей Квашиниъ, въ иночествѣ подвижникъ Арсеній Невѣжа. Въ дачной книгѣ № 685, л. 168 записано: *Дача старца Арсенія Невѣжи*. Далѣ старецъ Арсеній Невѣжа Жоховъ въ домъ пречистыя Богородицы въ Осифовъ монастырь... по себѣ и по своихъ родителейхъ... сельцо Темниково да двѣ деревни Лучниково да Резаново. Тоже записано въ дачной книгѣ № 687 л. 28 об.: Поминаніе Арсенія Невѣжино (безъ прибавленія: Жоховъ), равно и въ Синодальной рукописи № 829, л. 74.

За тѣмъ сдѣлано замѣчаніе, что особенно выгодно было для монастыря постриженіе изъ князей и бояръ и торговыхъ людей, и что писатели житія Іосифова обращаютъ на это особенное вниманіе, а на стр. 72-й прямо сказано, что игуменъ (Іосифъ) сильно былъ озабоченъ приобрѣтеніемъ селъ и употреблялъ къ тому свое вліяніе. Гдѣ именно говорятъ въ этомъ смыслѣ о постриженіи бояръ и другихъ жизнеописатели Іосифа, авторъ не показываетъ и мы не можемъ сказать, кромѣ слѣдующаго мѣста изъ Житія Невѣжнаго стр. 20—22, которое онъ, конечно, и имѣлъ въ виду. Но это мѣсто, объясняя дѣло, бросаетъ не тѣнь какую нибудь, но особенный свѣтъ на преподобнаго и на его обширное, благотворное вліяніе. «Бѣаше бо Іосифъ благоговѣніемъ украшенъ и устнама благоувѣтливъ имѣя разумъ священныхъ книгъ... и добръ полезенъ бесѣдоу: тѣмъ и благочестивый князь (Борисъ Волоцкій) зѣло любляше Іосифа.. и слышашеся Іосифъ во градѣ и окрестъ жительствомъ чернечьскимъ изряденъ и словомъ удобренъ и извѣстенъ твердою жизнію. Елико бояръ иже отъ палаты княжи и елико отъ воеводъ его и отъ воинъ честныхъ вси желаніемъ влекомы къ нему взыскаваху лица его и къ нему приходяще пользовавхуся отъ него священными словесы... и много радовахуся о немъ, и всѣхъ извѣстующе, яко зѣло пользовавшемся отъ него. Мнози же сановницы часто съ нимъ бесѣдующе и словеси его повинувшеся нравы своя дивіяющыяся (дикіе, грубые) на кротость приложише удобришася жизнію. И бѣ видѣти (ихъ) благочестія свѣтомъ сіяюща и добродѣяными умножающася, толико же блисташе о немъ добротою благодѣянія и честная воинства и вси на добродѣяніе и кротость словомъ мужа сего яко ведомы ведяхуся... Вся же тогда Волоцкая страна къ доброй жизни прелагашеся». А что Іосифъ съ любовію приѣмля всѣхъ, какъ и объ этомъ прямо говоритъ Невѣжный стр. 27, обращалъ особенное вниманіе на строгихъ старцевъ

изъ благороднаго и образованнаго класса, къ этому была у него глубокая мысль, которую онъ самъ выражаетъ. Нилу Сорскому: аще у монастырей сель не будетъ, како честному и благородному челоуѣку постричися, и аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополию, или архіепископа, или епископа и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ поколебаніе (см. статью въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ 1851 ч. 10, стр. 505: Отношенія иноковъ Кириллова Бѣлозерскаго и Іосифова Волоколамскаго монастыря въ XVI вѣкѣ). Дѣйствительно Іосифовъ монастырь былъ въ свое время расадникомъ просвѣщенія и далъ отъ себя весьма многихъ пастырей, учителей и писателей Церкви (см. вышепоминутую челобитную Леонида Рязанскаго въ Актахъ Историческихъ т. 1. № 216).

На стр. 45 великій и необычайный примѣръ самоотверженія князя Голенина просто названъ явленіемъ «интереснымъ для характеристики Іосифа и его времени», притомъ интереснымъ не въ добрую сторону: потому что далѣе, излагая постриженіе Голенина, авторъ нѣкоторыми выраженіями бросаетъ на это какую-то тѣнь, а на стр. 72 об. кладетъ подозрѣніе на самаго Іосифа. Между тѣмъ кромѣ двухъ житій, такъ разительно изобразившихъ поступленіе въ монастырь и подвиги Голенина съ полною свободою (Саввы стр. 66. Незвѣстнаго 51), величіе души его и чрезвычайныя обстоятельства, рѣшившія участь его, изложены еще въ особой рукописи Волоколамскаго монастыря (нынѣ Моск. Епархіальной Библіотеки) № 664, которую можно назвать Патерикомъ Волоколамскимъ. Господь взялъ къ себѣ отца и потомъ двухъ сыновей его, братьевъ Голенина, одного за другимъ, показавъ въ видѣніи благочестивой матери его блаженное ихъ состояніе. Это особенно, по погребеніи матери, побудило Андрея Голенина обречь себя Богу. Въ кормовыхъ книгахъ № 829 (Синодальной Библіотеки) л. 67 об. къ заглавію: по благовѣрному князю иноку Арсенію Голенинѣ, да по матери его княгинѣ Марѣѣ иноку прибавлено противъ всѣхъ другихъ родовъ: *стра великая къ Богу и къ пречистой Богородици.*

Слишкомъ также смѣло и оскорбительно для глубокаго благочестія князя Бориса, столько поэтому любившаго преподобнаго и имъ почитаемаго, объясненіе причины иночества Епифаніева на стр. 47. Незвѣстный повѣствователь объ этомъ самъ даетъ другую высшую мысль (Житіе Незвѣстнаго стр. 49). Въ Прологѣ есть подобный примѣръ отъ самообольщенія и соблазновъ красоты своей

скрывшагося въ монастырь и обезобразившаго себя, чему, вѣроятно, и послѣдовалъ Епифаній.

Несправедливо сказано на стр. 48, что Тверской бояринъ Квашинъ, въ иночествѣ Арсеній Невѣжа, подвизался въ затворѣ: онъ служилъ болящимъ въ виду всѣхъ (Житіе Саввы, стр. 72).

Стр. 49. Въ порученіи великому подвижнику Кассіану *знатною по происхожденію* Ионы Головы, а сему князю Голенина и *вельможною* Епифанія со стороны Іосифа признается какой-то *тактъ*. — Конечно это тактъ, но не мірской какой нибудь, на знатности основанный, но тактъ духовной прозорливости, коею обыкновенно отличаются отцы, и по коей эти великіе подвижники отданы были въ обученіе и великимъ учителямъ. Ясно на это указываетъ и самый жизнеописатель — Неизвѣстный, стр. 27: и сіи вси постригающесе первіе предаеми бываху мнихомъ, иже уже житіемъ продолженомъ и искусномъ бывшемъ и имѣющимъ дарованіе судити помышленія.

На стр. 55 и слѣд. въ общемъ обзорѣніи состоянія, въ какое привелъ свою обитель Іосифъ общежительнымъ уставомъ, хотя и указаны рѣзкіе примѣры подвижничества, но, намъ кажется, не довольно еще раскрыта добрая сторона обители, равно какъ заслуги и подвижническая дѣятельность самого Іосифа, напротивъ преувеличена худая сторона. По изображеніямъ у Саввы (стр. 22 и дал.) и Неизвѣстнаго (стр. 20 и дал. 25 и дал.) при самомъ преподаномъ высшія иноческія доблести — непрестанныя въ трудѣ напряженія и особенныя еще подвиги, нищета, самоуничженіе, строгое воздержаніе процвѣтали въ его обители, самъ онъ во всемъ подавалъ собою примѣръ даже и въ черныхъ работахъ, нищетѣ и самоуничженіи, самъ привлекалъ къ себѣ словомъ и жизнью всѣхъ, начиная съ князей и бояръ, самъ возбуждалъ, развивалъ и укрѣплялъ въ нихъ доблести иноческія. Такимъ образомъ находимъ мы неумѣстными слова автора, что «на постриженіе къ Іосифу (какъ бы сами собою) шли мужи религіозные, проникнутые идеей спасенія, что съ такими подвижниками, какъ впоследствии они являлись, легко было вести дѣло; за Іосифомъ остается умѣнье привлечь ихъ къ себѣ». Далѣе въ укоръ Іосифова монастыря авторъ почти ничего не нашелъ сказать, а указываетъ нѣкоторые частныя или исключительныя случаи преступленій и безчинія (притомъ иногда неправильно понятыя) вообще изъ быта монастырей Русскихъ, не опредѣляясь ни мѣстомъ ни временемъ. Къ неправильному представленію, на стр. 56, относимъ мы случай съ инокомъ Исихіемъ въ Іосифовой обители, выходъ изъ церкви во время чтенія каенісмъ

въ Кирилловой, «неподобныя рѣчи и скверныя слова въ трапезѣ» Саввинской Тверской обители. У Саввы прямо сказано, стр. 8, что это было не за братскою общею трапезою, когда соблюдается строгое молчаніе и читается поученіе, но въ особой трапезѣ странникъ, и было отъ мирянь, т. е. отъ тѣхъ же странникъ. Можетъ быть и ручную расправу, такъ поражающую современную деликатность, скорѣе можно объяснить простотою, а не грубостію нравовъ и не развращеніемъ. Такой опытъ, по нѣкоторымъ сборникамъ, сдѣланъ былъ и святителемъ Московскимъ Іоною надъ преп. Пафнутіемъ, и самого Іосифа хотѣлъ, однажды, якобы заушить Герасимъ Черный, старецъ житія крѣпкаго, пребывающій въ постѣ и молитвахъ паче же въ безмолвіи (Житіе Саввы Чернаго, стр. 16. 18). Наконецъ и воспрещеніе входа въ монастырь женщѣнамъ и отрокамъ не относится прямо къ характеристикѣ того времени: эти правила предосторожности—исконн монастырскія, строго соблюдаемыя на Аѳонѣ, и указываемыя еще св. Василиемъ великимъ (Творенія св. отцевъ, ч. IX стр. 68: Слово о подвижничествѣ). Другое дѣло — примѣры развращенія древнихъ уставовъ и обычаевъ самими настоятелями или совершенно непокорною братіею, также указываемыя авторомъ.

На стр. 59—62. выбрано изъ устава Іосифова и житій его все, что касается образа жизни и обычаевъ монашествующихъ; на стр. 64—71 показана библіотека времени преп. Іосифа, т. е. собственно-ручно писанныя имъ книги, бывшія въ его владѣніи или при немъ приложенныя въ обитель разными вкладчиками. Перечень этотъ, надобно сказать, не всегда правиленъ и далеко не полонъ. Указанное на стр. 65, № 1, Евангеліе въ 4 д. находится въ Московской Епархіальной Библіотекѣ подъ № 26 (по описи Іосифова монастыря), Синодикъ подъ № 2 — не тамъ, а въ Библіотекѣ Волоколамскаго монастыря. Богородичникъ подъ № 3 хранится въ Іосифовомъ же монастырѣ по описи № 138, Трїодъ постная подъ № 4 — тамъ же подъ № 119. Книги Ветхозавѣтныя подъ № 5, хранящіяся въ Московской Духовной Академіи по описи Волоколамской № 9 (Акад. 6), какъ увидимъ ниже, писаны не самимъ преподобнымъ Іосифомъ, а только для него, равно какъ и Пятюкнижіе съ другими статьями подъ № 6, по всей вѣроятности, писано (1494 г.) для него же Іосифа. Далѣе къ собственноручнымъ Іосифа отнесенъ экземпляръ *Просвѣтителя*, хранящійся въ Епархіальной Библіотекѣ, въ 4 д., о коемъ авторъ сказалъ и въ Предисловіи, стр. X, но номера рукописи не означилъ ни тамъ ни здѣсь. Между тѣмъ въ Епархіальной Библіотекѣ вовсе нѣтъ автографа Просвѣтителя, а объявляется

только за подлинникъ въ отношеніи къ изданію Новикова въ Древней Вивлюевикѣ, ч. XIV стр. 128—146, списокъ Просвѣтителя подъ № 478, 4 д., XVI в. Но онъ не можетъ назваться автографомъ, потому что писанъ двумя или тремя разными почерками иногда на одной страницѣ, и ни одинъ изъ нихъ не сходенъ съ почеркомъ собственноручнаго вышеупомянутаго Евангелія въ той-же Библіотекѣ подъ № 1, по описи № 26. Другой списокъ Просвѣтителя въ Епархіальной Библіотекѣ № 479 XVI в., 4 д., почерка, очевидно, уже не Іосифовскаго и позже его. Притомъ въ древнихъ описяхъ 1545, 1591 г. и др., показывающихъ собственноручныя книги Іосифа, между ними никогда не значился Просвѣтитель. *Уставъ*, данный Іосифомъ монастырю своему, въ той-же Епархіальной Библіотекѣ, но не означенный у автора ни форматомъ, ни вѣкомъ написанія, ни номеромъ, также несправедливо отнесенъ къ автографамъ. Такого устава или духовной грамоты его въ 14 главахъ, описанной у автора стр. 75 и дал., въ Епархіальной Библіотекѣ одинъ только списокъ подъ № 483, 4 д., XVI в. Но сей уставъ первоначально составлялъ вторую часть рукописи, приложенной въ 1566 году княземъ Дмитріемъ Оболенскимъ Нѣмымъ, а въ первой части было житіе препод. Іосифа, составленное Неизвѣстнымъ; см. Предисловіе къ этому житію, изданному нами 1865 года. Другіе два списка № 482 и 484 — въ Московской Духовной Академіи и не автографы же. Въ описяхъ 1545, 1591 и др. между рукописями, писанными самимъ преподобнымъ, также нѣтъ его устава. *Сборникъ*, описанный у автора на стр. 69, можетъ быть признанъ автографомъ Іосифа, какъ значитъ и въ описяхъ 1545, 1591 и др. Евангеліе-тетръ конца XV в. съ символическими изображеніями евангелистовъ по Академической номераціи подъ № 14, по Волоколамской описи 17, не относится ко времени Іосифа, такъ какъ по подписи приложено Симоновскимъ архимандритомъ Герасимомъ Замыцкимъ, настоятельствовавшимъ уже гораздо спустя по смерти преподобнаго. Показанная за симъ книга прор. Даніила, какъ написанная по повелѣнію преемника Іосифова игумена Даніила, также сюда не относится. Евангеліе Бориса Кутузова, конечно, современно преподобному, но отъ Кутузова есть и другія книги, приложенныя въ Іосифовъ монастырь. Тоже надобно сказать и о вкладышахъ Васіана Ростовскаго. Фотій, ученикъ Кассіановъ, переписчикъ многихъ книгъ, въ Іосифовѣ монастырѣ постриженъ самимъ препод. Іосифомъ и, какъ увидимъ ниже, при немъ былъ въ обители 5 лѣтъ, а послѣ него 40 лѣтъ. Слѣдовательно, часть его переписки могла

относиться ко времени Иосифа, а прочее къ позднѣйшему. Далеко не полно и отчасти невѣрно показаны на стр. 69 и 70 книги, писанныя по повелѣнію Иосифа или въ его настоятельство. Изъ числа первыхъ въ сборникѣ, пис. 1487 г., слова подписи приведены не-вполнѣ, съ опущеніемъ существенно важныхъ, и номеръ показанъ не тотъ: рукопись эта по Волоколамской описи подъ № 657, а по Академической 232. Апостолъ, приложенный клирошаниномъ Варлаамомъ Двиняниномъ, отнесенъ ко времени Иосифа: но изъ подписи на другой рукописи этого Варлаама по Волоколамской описи № 624, по Академической 211, видно, что онъ былъ ученикъ Евѣмія Туркова, поздняго пнока, учившагося у постриженника Иосифова, впоследствии архіепископа Новгородскаго Феодосія и бывшаго 1573—1586 г. игуменомъ Иосифова монастыря. Такая неполнота и невѣрность въ показаніи современныхъ Иосифу рукописей, а съ другой стороны важность разъясненія этого вопроса побудили насъ по означеннымъ древнимъ описямъ 1544 и 1591 г., въ связи съ нынѣшнею описью Волоколамскихъ рукописей, въ особомъ къ сему Приложеніи сдѣлать свое обозрѣніе библіотеки, современной Иосифу, т. е. рукописей какъ писанныхъ имъ самимъ, или по повелѣнію его, такъ и приложенныхъ въ его настоятельство.

На стр. 72 авторъ слишкомъ свободно выражается и разсуждаетъ о приобрѣтеніи средствъ Иосифомъ къ существованію обители. «Самымъ значительнымъ подспорьемъ, говоритъ онъ, были села и *игумень былъ сильно озабоченъ приобрѣтеніемъ ихъ...* Выше мы видѣли, какъ выгодно было монастырю, когда въ немъ постригались богатые люди, и какъ Иосифъ постригъ Голенина». (На то и другое съ нашей стороны данъ отвѣтъ въ замѣчаніяхъ, на первое къ стр. 44, на второе къ стр. 45). «Практичность Иосифа, продолжаетъ авторъ, выражается и въ слѣдующемъ его поступкѣ». И за тѣмъ, не обинуясь скажемъ, совершенно въ превратномъ видѣ представляется одинъ изъ возвышеннѣйшихъ и важнѣйшихъ случаевъ съ крестникомъ Иосифа молодымъ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Волоцкимъ. «Когда привезли въ монастырь большаго князя, и бояре и отроки подняли плачь, Иосифъ велѣлъ замолчать всѣмъ, всѣхъ выславъ вонъ, оставивъ при себѣ и больномъ только одного старца Кассіана Босаго. Князь успѣлъ покаяться и умеръ, завѣщавъ тѣло свое обители Иосифа со вкладомъ села Спаскаго. Духовная грамота его дошла до насъ; она писана въ предсмертные часы его; у грамоты сидѣлъ игумень Иосифъ. Вліяніе Иосифа на грамоту замѣтно. Заботливость его о монастырскомъ хозяйствѣ

выражалась тѣмъ, что кромѣ дачи монастырю села Спасскаго по грамотѣ даны Іосифу деньги и лошади».—Понятно, до какой степени унижена здѣсь личность и характеръ преподобнаго. Но это самое обстоятельство весьма ясно и трогательно рассказано у Саввы Чернаго стр. 31—33, а въ помянутой на стр. 91. Погостовской рукоп. въ числѣ чудесъ преподобнаго поставлено первымъ, съ нѣкоторыми дополненіями. Князь Иванъ Борисовичъ, по этимъ источникамъ, отъ отца наследовалъ благочестіе и усердіе къ Іосифовой обители изъ уваженія къ ея основателю, и когда внезапно заболѣлъ и вельми изнемогъ, велѣлъ вести себя въ эту обитель. Бояре, опасаясь, чтобъ тамъ онъ не принялъ иноческаго образа, возвѣстили о томъ дядѣ его, великому князю, который и запретилъ Іосифу постригать юношу, по этой самой молодости его. Когда князя привезли въ монастырь и за слабостію его отнесли въ келью: Іосифъ, по сказанію Погостовской рукописи, поиде въ церковь, нача молебная совершати. Князь же въ это время изнемогъ еще болѣе, яко уже безъ дыханія и мертву быти ему. Видя это князи и бояре и отроки подняли столь страшный плачь и вой о добродѣтельномъ и всѣми любимомъ князѣ, что «отъ великаго ихъ вопля подвигошася вся братія и стекошася вси. И прииде игумень Іосифъ и повелѣ имъ престати отъ плача, и видѣ князя безъ дыханія и вопроси, аще покааяся (исповѣдывался ли) и причастися? И отвѣщаша ему вси: ни покааяся, ни причастися. И о семъ Іосифъ зѣло оскорбися, съ въздыханіемъ слезы испущая, и высла всѣхъ вонъ, остави единаго старца Кассіана, рекомаго Босого: и помолися Господу Богу и пречистой Его Богоматери, и абіе князь яко отъ сна възбнувъ, сверже одѣяло и нача звати велиимъ гласомъ отца Іосифа, просить покаанія (т. е. исповѣди)». Такимъ образомъ обстоятельство имѣетъ весьма разительное сходство съ воскрешеніемъ дочери князя Іанра, изложеннымъ у ев. Матѳея 9, 23—26 и Луки 8, 40—42, 49—56. Какъ тамъ Спаситель изгналъ всѣхъ малодушныхъ и невѣрующихъ, плачущихъ по умершей, оставивъ при себѣ только трехъ ближайшихъ учениковъ своихъ: такъ точно для сосредоточенія духа и Іосифъ выславъ всѣхъ и только извѣстнаго подвигами Кассіана сдѣлавъ свидѣтелемъ и участникомъ чудодѣйственной своей молитвы. И какъ Спаситель говорилъ смущающимся: не умре бо дѣвица, но спитъ, и запретилъ имъ разглашать объ этомъ: такъ Іосифъ говорилъ теперь сътовавшимъ: что смущени бысте, князю мало задремавшу? зрите, яко живъ есть, и запрети имъ сего не глаголати. Іосифъ исповѣдалъ князя и сподобилъ святаго при-

частія, и слышалъ какъ отъ него, такъ и отъ изумленной свиты его выраженія живѣйшей благодарности: что ти, отче господине, души моей помощниче, воздамъ, еже не остави погыбнути океанную душу мою? Богъ тебѣ воздастъ противу трудовъ твоихъ. Онъ приказалъ погребсти себя въ монастырѣ, отказалъ оному село Спасское, учинилъ всему имѣнію своему розряду, не скрывая говорить Савва, и тутъ же скончался. Въ этомъ назначеніи села Спасскаго и за тѣмъ денегъ и лошадей въ пользу обителя авторъ видитъ влияніе Іосифа. Но сохранившаяся грамота (Собраніе Госуд. грам. и догов. т. 1, № 132), на которой онъ думаетъ основаться, показываетъ, что князь подобныя вклады селами, деньгами и вещами сдѣлалъ почти во всѣ тогдашніе монастыри и церкви, числомъ болѣе 25: села и деревни онъ далъ и на Москвѣ къ архангелу (Кремлевскому Архангельскому собору, гдѣ погребенъ былъ отецъ его) и въ Рузу къ церкви Іоанна Богослова, ангела своего, и въ Волоколамскій Возницкій монастырь; денегъ, какъ видно, взятыхъ въ заемъ, кромѣ Іосифа, приказалъ выдать и многимъ другимъ частнымъ лицамъ, между прочимъ *Лагутѣ кузнецу*, также какъ Іосифу, 50 рублей; наковецъ и лошади раздѣлены пополамъ между Іосифовымъ монастыремъ и Левкѣевымъ — Волоколамскаго же уѣзда.

Смутно и превратно изложены за тѣмъ правила поминовенія въ монастырѣ покойниковъ: авторъ не объясня самаго дѣла, поставляетъ на видъ только требующіеся за поминовеніе взносы, не говоритъ, что это было въ общемъ обычаѣ монастырей и церквей, и иначе быть не могло, и своимъ изложеніемъ неволью приводитъ мысль къ такъ названной у него «практичности Іосифа». «Поминовеніе было, говоритъ онъ, въ прямой зависимости отъ количества взноса. Кто вписывалъ своихъ покойниковъ въ *юдовое* поминаніе, обязывался каждый годъ въ извѣстные сроки давать опредѣленный денежный взносъ или опредѣленное количество хлѣба, если онъ не далъ монастырю въ вѣчное владѣніе села съ деревнями. Покойниковъ, записанныхъ въ годовое поминовеніе поминали въ дни ихъ кончины и дни ангела ихъ; творили имъ память отдѣльнымъ богослуженіемъ и кормомъ большимъ или малымъ. За меньшіе вклады вносились имена умершихъ въ Синодикъ, но поминали ихъ въ общіе поминальные дни вмѣстѣ со всѣми. Но и тутъ количество именъ должно быть соразмѣрнымъ платѣ». — Мы объяснимъ это дѣло по помѣщенному у самаго автора въ концѣ книги г. 255—260, посланію къ вдовѣ и по Обиходнику Іосифова монастыря —

въ Синод. бібліотекѣ подѣ № 829, XVI в. л. 38—45. Во первыхъ Іосифъ писалъ вдовѣ, что многихъ бѣдныхъ (строевъ), погребенныхъ въ монастырѣ, поминали и даромъ, а что условія простирались только на богатыхъ. Имянъ первыхъ (т. е. безмездныхъ) изъ сенаника вѣчнаго не загладятъ и до вѣка, сказано въ № 829, л. 40. Во вторыхъ, подѣ годовымъ поминовеніемъ у автора смѣшаны два постоянныхъ поминовения, одно, простиравшееся на *неопредѣленное* число лѣтъ, другое на вѣчное время, доколѣ монастырь стоитъ. За первое требовался денежный взносъ, и какой же? по рублю на годъ за имя. Имя сіе вносилось въ повседневный списокъ и еще въ Синодикъ на *урочные іуды*. Кто давалъ 50 рублей, того вписывали въ *вѣчной* Синодикъ для всегдашняго поминанія. Дача села или деревни или взносъ, начиная со ста рублей, обусловливали *вѣчное* поминовение, но особеннаго рода. Оно отличалось отъ предъидущаго и всѣхъ другихъ тѣмъ, что въ дни кончины и ангела покойниковъ совершалась отдѣльная заупокойная по нимъ литургія и были кормы или столы большіе или малые. Кромѣ повседневнаго списка и вѣчнаго Синодика имена ихъ вносились еще въ кормовыя книги. Что касается до самаго поминовения: то въ обители на каждой недѣлѣ были по три соборныхъ панихиды, подѣ начальствомъ самого игумена, и по девяти литій заупокойныхъ. На тѣхъ и другихъ читались какъ повседневные списки, такъ и синодники и кормовыя книги, равно какъ читались всѣ они на всѣхъ вечерняхъ и на утрняхъ, а повседневные списки кромѣ того на каждой литургіи. Такимъ образомъ, по словамъ самого Іосифа, въ панихидный день каждое имя воспоминалось по десяти или по девяти разъ, а въ непанихидные по шести. При поминовеніи записанныхъ въ кормовыя книги требовались особенныя издержки какъ на торжественное по покойномъ богослуженіе, такъ и на общій или соборный столъ. Конечно, по самому уставу преподобнаго здѣсь не было никакихъ винъ, но монастырскою трапезою, какъ говоритъ самъ же Іосифъ, пользовались иногда шесть сотъ, иногда семь сотъ душъ, а по Обходнику № 829, л. 44 об. большой таковой кормъ стоилъ 12 рублей, средній 6 или 7 руб., меньшій 5 руб., да къ нему на квасъ медвеной требовалось 2 руб., на сыченой 1 руб. или 20 алтынъ.

Одно изъ лучшихъ произведеній Іосифа есть Уставъ или духовная грамота, часто исполненный прекрасныхъ и возвышенныхъ мыслей, съ трогательными примѣрами. Подробное и точное изложеніе (даже въ сличеніи съ прочими таковыми уставами) ближай-

нимъ образомъ относится къ задачѣ автора. Но на стр. 75—84 это исполнено слабо и съ особой точки зрѣнія. Не показывая существенныхъ достоинствъ Устава, авторъ какъ бы ищетъ въ немъ однихъ темныхъ мѣстъ. Мы укажемъ здѣсь только на нѣкоторые таковыя примѣры. Въ главѣ первой, не упоминая о прекрасныхъ выпискахъ изъ Златоуста и другихъ отцевъ, ни о собственныхъ Иосифа столь же сильныхъ и хорошихъ мысляхъ, авторъ указываетъ только на какіе-то *карательные* примѣры изъ Патериковъ, которые по его отрывочному изложенію въ глазахъ невѣдующихъ могутъ болѣе компрометировать благочестиваго, умнаго и глубоконачитаннаго Иосифа. Во второй главѣ о трапезномъ благоговѣніи у Иосифа также есть очень хорошіе примѣры и мысли изъ отцевъ церкви, но авторъ объ ней замѣчаетъ только: во второй главѣ Иосифъ, запрещая бесѣду за трапезой, *безцеремонно* указываетъ на свинью, которая ѣстъ хрюкая... и въ угрозу тѣмъ, кои тайно въ кельѣ насыщаются, приводитъ въ примѣръ смерть одного монаха, котораго змѣй связалъ по рукамъ и по ногамъ, а главу вложилъ въ уста. Скажемъ, что въ первомъ случаѣ Иосифъ приводитъ лишь слова Іоанна Колова, на трапезѣ выведеннаго изъ терпѣнія болтливымъ братомъ, а другой случай взятъ изъ Григорія Бесѣдовника. Пересказывая изъ 6-й главы (а не изъ 5-й, какъ пишетъ авторъ), разные опыты послушанія Павла Простаго, которые могутъ казаться нынѣшнему человѣку странными и жесткими, авторъ иронически замѣчаетъ, что Иосифъ восхищается послушаніемъ Павла. Скажемъ на это, что безпрекословное послушаніе есть одна изъ коренныхъ добродѣтелей инока, что этихъ опытовъ послушанія требовалъ отъ ученика своего Антоній Великій, и что таковыя чисто-духовныя вещи, по апостолу, разсуждаются не душевнѣ, а духовнѣ (1 Кор. 2, 14)*.

На 10-й главѣ Устава, содержащей сказанія о св. отцахъ Русскихъ монастырей, авторъ справедливо останавливаетъ вниманіе, и разсмотрѣнію ея посвящаетъ нѣсколько страницъ. Но ссылаясь

*) Какъ этотъ примѣръ Павла Простаго, такъ и прочіе въ настоящей главѣ авторъ почему-то приписываетъ отцамъ *Малой Азіи*, о чемъ говоритъ и во Вступленіи стр. V: «кромя житій *Мало-Азіатскихъ* и *Греческихъ* (?) Иосифъ пользовался и житіями Сербскихъ святыхъ». Въ настоящей главѣ приведены примѣры Іоанна Савванта — въ Лаврѣ св. Саввы Освященнаго, Дослеса — въ Палестинской обители, Іоанна Дамаскина и Павла Простаго — въ Оивадской пустынѣ. Ни одного нѣтъ изъ Малой Азіи.

на заглавіе ея: *отцыцаніе любозазорнымъ и сказаніе о краткѣ о святыхъ отцахъ* и проч., очень странно и на перекоръ всему онъ находитъ здѣсь двѣ и даже три разныя части, изъ коихъ средняя—Сказаніе объ отцахъ Русской земли—не только будто бы не имѣетъ отношенія къ прочимъ по своему содержанію, но и писана гораздо раяѣ ихъ. Тогда какъ весь Уставъ преданъ писмени предъ самою кончиною Іосифа, почему и называется иначе духовною грамотою, Сказаніе объ отцахъ, говоритъ онъ, писано въ отвѣтъ на возникшіе въ первыхъ годахъ XVI столѣтія *укоры Русскому монашеству*. Несоотвѣтствіе частей указываетъ въ слѣдующемъ: *любозазорные* противники Іосифова Устава, утверждаемаго теперь письменемъ, говорили, что древніе Русскіе отцы учили не писаніемъ, а преданіемъ, а въ отвѣтъ на это въ Сказаніи о сихъ отцахъ у Іосифа со стороны отцевъ въ опроверженіе не представляется никакого письменнаго устава.—Намъ кажется, что только предзанятая идея противъ монастырей, часто обнаруживаемая въ сочиненіи (см. и на ближайшей 77 стр.), не дозволила автору видѣть или признать ясное и правильное теченіе рѣчи и связь частей въ настоящей главѣ. Мы изложимъ содержаніе ея по печ. изданію: Сказанія о Русскихъ и Славянскихъ святыхъ, извлеченныя изъ великихъ Мнѣй-Четивхъ, ч. I. Спб. 1868. стр. 235—268. Вся глава говоритъ объ общежительномъ уставѣ монастырскомъ и противъ нарушителей его. Въ началѣ противъ возраженія любозазорныхъ братій, что общежительныя преданія уже древніе отцы (восточные) изложили, и потому нынѣ остается учить только словомъ, приводятся свидѣтельства изъ Никона Черногорца, Лѣствичника и другихъ, что настоятелю въ обители, или пастырю свои учительства и наказанія надобно передавать не только словомъ, но и письменемъ, колыми паче въ нынѣшнія слабыя времена, прибавляетъ къ этому Іосифъ (л. 235—239). Потомъ рѣшается другое возраженіе, что по крайней мѣрѣ Русскіе отцы, основатели монастырей, не писали своихъ уставовъ, но учили только словесно. Противъ этого возраженія, коимъ любозазорные собственно хотѣли подрить вводимый Іосифомъ строгій уставъ общежитія, Іосифъ далѣе развивааетъ прекрасную картину, какъ устанавливали и крѣпко держали Русскіе отцы наши общежительныя свои правила и преслѣдовали нарушителей ихъ. Читатель въ тоже время видитъ, что правила ихъ тѣ же самыя, какія предавалъ теперь писмени Іосифъ. Въ отвѣтъ такимъ образомъ обращается вниманіе не на форму передачи устава (словесно или письменно), а на самое дѣло. Іосифъ сперва

вообще замѣчаетъ, что святые отцы наши, основавшіе обители, какъ сами богоугодно пожиша, такъ и сущихъ подѣ ними также и учаще и наказующе (стр. 240). Потомъ въ частности указываетъ 1) на Печерскій монастырь, на пощенія и злостраданія и христоподобную нищету подвижниковъ его (т. е. что по уставу относится къ пищѣ и одеждѣ) и замѣчаетъ: а еже имѣяху попеченіе о монастырскомъ благочиніи и благоговѣнствѣ и крѣпости, никтоже можетъ нынѣ сіе словомъ или дѣломъ показати: никогда бо монастырь (не имѣли) отворенъ, но всегда заключенъ, яко самому державному князю Изяславу не давати входъ кромѣ благословенія настоятелева (тоже требовалось и Уставомъ Іосифа); 2) о преподобномъ Сергіѣ Радонежскомъ, сподвижникахъ и преемникахъ его говорить, что они толику бодрость и тщаніе имяху о паствѣ, яко ни мало небреженіе или преслушаніе презрѣти... непослушающая не оставяху своимъ волямъ послѣдовати, но всячески возбравяху и отъ церкви и отъ трапезы отлучяху, толику нищету и нестяжаніе имѣяху, яко и самыя книги на берестѣхъ писаху, самъ блаженный Сергіе ризы худы и искропаны ношаше... *) (стр. 241. 242). Святаго же Кирилла (говорится за нимъ 3) о Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ) что имамъ писати или изглаголати? Колико о семъ (уставѣ) попеченіе имѣяше, свидѣтельствуютъ и нынѣ въ обители его хранима преданія и ученія... и якоже самъ блаженный Кириллъ опасно попеченіе имѣяше *о блаочиніи монастырскомъ и инокескомъ*, таковы бяху и ученицы его, иже по немъ... никакоже не попускающе безыиннымъ, презоривымъ и небрегутимъ святаго Кирилла преданія. И за тѣмъ показываются нѣкоторые изъ этихъ безчинныхъ и презоривыхъ настоятелей, вопреки общезительному уставу избранныхъ изъ чужихъ монастырей, которыхъ съ твердостію обличали истинные ученики Кирилла (стр. 242—245). Тоже говоритъ далѣе 4) о Симоновомъ монастырѣ, что и тамъ были архимандриты, иже нѣкоторая обычая и преданія основателей его — блаженнаго Феодора и Кирилла развращаху, — и излагаетъ эти правила, принятія Іосифомъ и въ свой Уставъ. Обычай бо баше того монастыря таковъ: въ кѣліяхъ не ядаху, ниже пяху, ниже виѣ монастыря исхождаху безъ благословенія настоятелева, ниже отрочата въ монастыри живяху, ниже на дворцѣхъ: но вся

*) Такъ какъ Іосифъ былъ занятъ только уставомъ преподобнаго Сергія, а не вообще житіемъ его: то было ли ему извѣстно составленное тогда житіе Сергія, или нѣтъ — предположеніе объ этомъ автора, стр. 82, неумѣстно.

у нихъ бѣяху по свидѣтельству божественныхъ писаній и общежительныхъ преданій. И здѣсь показаны примѣры обличенія, когда были «обычая монастырская измѣняемы и благочиніе отмѣтаемо», и въ лицѣ блж. Варсоломея ревность «къ монастырскому строенію, прежде убо духовному, потомъ же тѣлесному: непрестанно бо обходя и вездѣ смотряше, на монастыри же и въ трапезѣ и въ поварнѣ и въ хлѣбнѣ и на дворцѣхъ и въ кѣліяхъ»... (стр. 245—248)

5) Въ Саввинѣ Тверскомъ монастырѣ является строгій игуменъ Савва, жезломъ блюдущій уставъ общежительный, и забывающій личную, тѣлесно ему нанесенную, поносную обиду. Іосифъ при семъ случаѣ передаетъ и нѣкоторыя другія драгоцѣнныя черты этого великаго старца Саввы и брата его Варсонофія, при коихъ въ монастырѣ «вся быша благочинно и кротко наказаніемъ и ученіемъ ихъ». Одному изъ игуменовъ, изъ чужаго монастыря взятому и развратившему сѣи преданія, Савва явился и по смерти своей съ такими словами: «како окаянне нимало попечеса о монастырскомъ и иноческомъ благочиніи и благоговѣнствѣ, но вся попра и ни во чтоже положи»? (стр. 248—254). Такъ говорится и о прочихъ монастыряхъ — Андроньевѣ, Колязинскомъ, Пафнутьевѣ. Такъ какъ въ этомъ изложеніи довольно представлялось примѣровъ безчинія и нарушенія уставовъ: то въ заключеніи Іосифъ говоритъ (стр. 261) что все это онъ писалъ не унижая Русскихъ монастырей и иноковъ *), а имѣя въ виду только себя и сущихъ подъ нимъ, для своего исправленія требующихъ побудительныхъ поученій, примѣровъ, писаній и преданій. Писаній, говоритъ, тѣмъ болѣе, когда не занесенныя въ нихъ преданія такъ легко забываются и ни во чтоже вмѣняются, и когда нынѣшнему роду такъ тягостны кажутся эти преданія, что хотѣлось бы ему жить, идѣже законы и правила не жительствоуютъ (не существуютъ) и нѣсть ни которыя тягости, ни нужда, ни запрещенія, но якоже кто вскопцетъ, якоже произволитъ, тако и живетъ: не мѣсто бо (по ихъ мнѣнію) спасаетъ, но произволеніе благо. За симъ словами отцевъ обличается такое мудрованіе плоти и въ концѣ дается увѣщаніе братіи. Такимъ образомъ оказывается самый естественный порядокъ мыслей и связь частей всей главы. А г. авторъ не видитъ никакой связи и послѣдней части — заключенія со второю (стр. 83)!

*) Сдѣлаемъ при этомъ замѣчаніе: какъ же бы могъ написать Іосифъ такія слова и изложить вышепоказанные примѣры безчинія, еслибъ настоящая глава его, по мнѣнію автора, написана была въ защиту Русскихъ монастырей, на укоры имъ современнаго общества?

Теперь слѣдуетъ разборъ посланій преп. Іосифа.

Въ посланіи къ брату, *еже сохранили заповети* на стр. 85 въ наставленіи, послѣ трапезы «не оставаться въ трапезѣ, за послѣднюю трапезу ѣсти не ходити и въ щогнушу не лазати, ниже нити въ щогнуши», слово щогнуша несправедливо объяснено о банѣ. Это наставленіе буквально читается во 2-й главѣ Устава Іосифова по печ. изданію его 1868 г. стр. 173: «послѣ трапезы не оставатися въ трапезѣ и въ щегнушу не входити безъ благословенія и безъ великія нужда», а въ сокращенномъ видѣ той же главы, печ. стр. 329 надзирателямъ въ трапезѣ велѣно смотрѣть между прочимъ за тѣмъ, аще кто почнетъ ходити въ трапезу, или изъ трапезы щогнушными дверьми. Въ составленной еще при Грозномъ царѣ описи Іосифова монастыря № 689 а) на л. 48 при церкви Боговленской значится щегнуща каменная, съ двумя чуланами, изъ конхъ въ одномъ хлѣбъ и суды трапезные держать, а въ другомъ гостей кормятъ. И такъ эта щогнуша есть ничто иное, какъ наша кухня, какъ и объяснено это слово у Памвы Берынды: щегнуша, щедля, або кухня (Сахарова Сказанія Русскаго народа кн. 5, стр. 116).

Въ разборѣ посланія къ четыремъ лицамъ о разстриженіи чертъ можно поставить на видъ слѣдующее мѣсто на стр. 88. «Надо думать, что это посланіе писано ранѣе борьбы Іосифа съ ересью (жидовствующихъ). Въ противномъ случаѣ поступокъ Неровнаго (отца разстригагося черпа) вызвалъ бы обвиненіе въ ереси (!): не пускаетъ одного сына въ церковь, другаго взялъ изъ монастыря». — Что касается до проклятія, къ которому подводитъ Неровнаго Іосифъ: то слагающихъ съ себя монашество прямо подвергаетъ оному правилу собора Халкидонскаго, которое приводитъ и Никифоръ Константинопольскій въ своемъ Собраніи церковныхъ правилъ (см. Кормчую гл. 57), указываетъ и Іосифъ, принимаютъ и всѣ комментаторы правилъ. О такихъ разстригахъ вотъ что писано неизвѣстнымъ въ древней Русской или даже Славянской Церкви: аще кто хочетъ оставити своего отца (игумена) и братью, той не створитъ иного ничтоже, развѣ на Бога хулы. О горе тебѣ: чѣмъ ты приложу (т. е. съ кѣмъ сравню)? приложу ты Іудѣ, иже остави Христа и ученики Его и шедше удавися... Не вѣдѣ, что реку (о тебѣ), не вмѣститиися въ уста слово. *Связанный на земли и на небеси связанъ есть* (Мате. 18, 18)—преже повѣдаю вамъ. (Духовный Вѣстникъ, 1863 г., Харьковъ, Матеріалы для Исторіи Русской Церкви, т. 2, с. 20. Древнерусскія поученія объ иноческой жизни).

Туже «поражающую строгость требованій Іосифа» авторъ находитъ и въ *посланияхъ Іосифа къ мирянамъ объ епитиміяхъ*, стр. 88—90. Изъ болѣе обстоятельнаго описанія сихъ посланій у свящ. Булгакова (Преподобный Іосифъ Волоколамскій, стр. 192—195) видно, что г. Хрущевъ обратилъ свое вниманіе на третье посланіе, по епитиміи сильнѣйшее прочихъ, отлучающее грѣшника на три года отъ святаго причастія.—Судить объ епитиміяхъ, дѣлѣ чисто духовномъ, надобно не по плоти или духу нынѣшняго времени, а знаяши во первыхъ церковныя правила на сей щетъ, и во вторыхъ нравственное состояніе и степень преступленія подвергшагося епитиміи лица. Правилами соборовъ и святыхъ отцевъ за грѣхи болѣе или менѣе важные опредѣлены епитиміи въ постѣ, молитвѣ, милостынѣ, или отлученіе — на годъ, два, три, даже до семи, а за великія и тяжкія преступленія на 10, 15 и болѣе лѣтъ, съ разрѣшеніемъ до срока только въ смертномъ случаѣ. Сюда преимущественно относятся правила Никейскаго и Халкидонскаго соборовъ, посланія Василія Великаго, Григорія Нисскаго и др., помѣщенные въ Кормчей книгѣ, Номоканонъ Іоанна Постника, патр. Константинопольскаго (VI в.), отличающійся большею кротостію и снисходительностію и помѣщаемый въ изданіяхъ требника и др. (о послѣднемъ см. въ Опытѣ курса церк. законовѣденія, архим. Іоанна, Спб. 1851 г., т. 2, стр. 586 и слѣд. См. еще Собраніе-таковыхъ правилъ въ Синод. рукоп. № 818, л. 382—410. № 593, л. 270—321, у Калайдовича въ Памятникахъ XII в. Вопросы Кирика). Всѣ эти правила, особенно Номоканонъ Іоанна Постника, постоянно употреблялись Восточною Церковію, и духовнымъ отцамъ виѣнялось въ обязанность безъ лицепріятія дѣйствовать по истинѣ Христовой (Василія Вел. Наказаніе пресвитеру о нерадащихъ объ епитиміяхъ, см. Кормчей гл. 24). Важность епитиміи объясняли протестантамъ въ отвѣтъ своему на Аугсбургское исповѣданіе патр. Іеремія. Если мы слачпимъ съ сими правилами не требованія, какъ говоритъ авторъ, а совѣты Іосифа, даваемые по просьбѣ недоумѣвающихъ: то они окажутся во всемъ съ ними сходными, не только не превышающими ихъ строгостію, но еще явно умѣренными (см. посланіе 1-е и ниже 4-е). Кроткій, по мнѣнію автора, отецъ Пачнутій Боровскій, видно, въ этомъ отношеніи не былъ же снисходителенъ, когда у князя Георгія Васильевича каждый разъ, какъ онъ приходилъ къ нему на исповѣдъ, былъ трепеть и ужасъ и подгибались колѣна. Что касается до склоненія такихъ запрещенныхъ къ монашеству: то это не была какая нибудь особая тактика

Іосифа, какъ проиически представляеть сіе г. Хрущевъ, а преподобный въ этомъ случаѣ буквально повторялъ правило Іоанна Постника. Въ облегченіе епитимій Постникъ внушаетъ священнику: аще каайся винное питіе отсѣцаетъ, и ты гѣто о семъ отъими (т. е. изъ уваженія къ такому воздержанію сократи ему годъ епитиміи), аще масло подобіѣ, аще множество поклона творить, также аще сыра и яиць удалатися обѣщаваетъ, по коемуждо сихъ отъемли, паче же аще прїидеть пострищисъ и (ты) съкращенно прощеніе даждь образа ради, занеже хочеть даже до смерти трудитисъ (Ж 818, л. 400 об., въ Русск. переводѣ Опытъ церк. законовѣденія 2, 588). Если бы такимъ путемъ воздержанія и молитвы постепенно приближающагося къ иночеству челоувѣка стали отвергать и не вмѣнять въ заслугу или подвигъ окончательное поступленіе его въ монашество: то что же бы это была за Церковь? И Іосифъ, повторяя Постника, конечно, писалъ это къ такому лицу, можетъ быть, въ родѣ князя Голенина или Квашнина, въ которомъ видѣлъ залого подвижничества.

Въ изложеніи *посланія Іосифа къ вельможѣ о постриженномъ имъ рабѣ* его стр. 91, авторъ справедливо замѣтилъ *исключительность* того сожалѣнія Іосифа, что въ нашей Русской земли нѣтъ такого обычая, чтобы господинъ своего отрока на шестнадцатомъ году или женилъ или отпускалъ въ монашество, смотря по расположенію самого отрока. Но авторъ не показалъ другой крайности и ошибки Іосифа—въ сравненіи иночества съ крещеніемъ и даже предпочтеніи его таинству, хорошо раскрытой отцемъ Булгаковымъ, стр. 169—174. Въ объясненіе ея скажемъ впрочемъ, что это въ извѣстной степени справедливое сравненіе, явившееся еще у Лѣствичника, если не раяѣ, встрѣчается и у другихъ отцевъ и писателей церковныхъ и не рѣдко въ нашей древней духовной литературѣ (см. въ журналѣ: Духовный Вѣстникъ, 1862 г. Древнерусскія поученія объ иноческой жизни 2-е). Далѣе г. Хрущевъ обращаетъ вниманіе на «часто встрѣчающееся у Іосифа выраженіе о душѣ: *скаже не достойтъ весь міръ*—и симъ понятіемъ, говоритъ, объясняются многія изъ его дѣйствій». Замѣтимъ, что это выраженіе весьма хорошо взято изъ апостола Евр. 11, 38 и въ томъ же примѣненіи, какъ у Іосифа, часто употребляется Златоустымъ. (Толкованія на Матвея бес. 4, на Іоанна бес. 16, къ Стагирію кн. 3 и др.).

Неудовлѣтвительно и превратно изложено на стр. 93 и 94 *посланіе къ вельможѣ о милованіи рабовъ*. Г. Хрущевъ поставляетъ на видъ только нѣкоторыя и притомъ общія и побочныя мысли,

а что еще горше — какую-то уклончивость и подобострастие Иосифа къ вельможѣ, а не раскрываетъ того христіанскаго, человѣколюбиваго и практическаго взгляда преп. отца на общественную жизнь и отношенія господъ къ рабамъ, который и въ настоящее время даетъ этому сочиненію высокое мѣсто. См. свящ. Булгакова: Преподобный Иосифъ Волоколамскій стр. 165—167.

Есть неточности въ изложеніи и *посланія къ князю вдовѣ* стр. 97—99. Самое посланіе вполне напечатано у автора въ Приложеніяхъ стр. 255—260, а мы имѣемъ оное подъ руками еще въ Синод. рукоп. № 927, л. 147 об. — письмо извѣстнаго Волоколамскаго переписчика и собирателя Вассіана, впоследствии Возьмитскаго архимандрита, ученика тѣмъ же тамъ славившагося Фотія. Вдова, къ которой писано посланіе, справедливо у автора признана матерію вышепоказаннаго изъ князей съ чудною рѣшимостію и самоотверженіемъ подвижника Арсенія (въ мѣрѣ Андрея) Голенина. Дѣло было такъ: по смерти сына своего Ивана, княгиня прислала въ Иосифовъ монастырь 11 рублей и пару коней на поминовеніе князя Аванасія (это былъ мужъ ея Андрей Федоровичъ, Аванасіемъ названный въ постриженіи, см. дачную книгу № 685, л. 97 об.), отца ея Ивана, да преставльшагося теперь сына Ивана. Имена всѣхъ ихъ, согласно писму ея, внесли въ синодикъ для всегдашняго поминовенія на нѣсколько лѣтъ, смотря по тому, какъ впоследствии она своими вкладами, по монастырскому положенію, будетъ поддерживать оное или однимъ какимъ нибудь большимъ вкладомъ установить вѣчное ихъ поминовеніе. Такое положеніе было во всѣхъ прочихъ монастыряхъ и церквахъ. По смерти другаго сына своего, Семена, она и по немъ прислала шубу и пару коней, — и его вписали въ тотъ же синодикъ. За тѣмъ особаго еще вклада по мужѣ ея, какъ пишетъ авторъ, не было, а по временамъ давала княгиня то на обѣдню, то на панхиду, или молебень, то на кормъ. Покойниковъ ея, записанныхъ въ тотъ синодикъ, по особому уставу обители (см. сказанное о семъ выше стр. 108) и поминали постоянно въ продолженіи цѣлыхъ 15 лѣтъ, какъ вдругъ княгиня, не только не сдѣлавъ никакого распоряженія для вѣчнаго поминовенія, но, какъ видно, не поддерживая своими приношеніями и дальнѣйшее погодное поминовеніе, вошла въ претензію, что покойниковъ ея не поминуютъ такъ, какъ вѣчно поминаемыхъ, не совершаютъ по нимъ въ извѣстные дни отдѣльныхъ панхидъ и кормовъ (см. выше тамъ же). Ей представляли, что и за семь лѣтъ погоднаго поминовенія съ одного имени (вѣроятно, втораго ея сына Семена), по по-

ложенію, въ вознагражденіе слѣдуетъ 8 рублей (кон, можетъ быть, только и уплачивались вышепомянутымъ за него вкладомъ шубы и коней), а для вѣчнаго поминовенія съ отдѣльными службами и кормами требуется особое сообразно тому пожертвованіе *). Взысканная княгиня, не разсудивъ дѣла, назвала сіи условія жестокими и высчитала, что въ теченіи 15 лѣтъ на погребеніе, кормъ, на поминовеніе деньгами и натурою (хотя преувеличенно оцѣненной), потомъ на особыя заказываемыя панихиды и молебны всей суммы отъ нея пошло уже въ монастырь болѣе 70-ти рублей. На это укорительное письмо Іосифъ и отвѣчалъ ей настоящимъ посланіемъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ, исполненнымъ спокойнаго тона и снисходительной подробности въ объясненіи дѣла. Къ замѣчаніямъ автора можно присовокупить болѣе полное изложеніе посланія у свящ. Булгакова стр. 179—182, но время написанія посланія правильнѣе опредѣляется у г. Хрущева смертію князя Ивана Борисовича Волоцкаго 1503 г. Жестоко погрѣшили бы мы, если бы изъ этого посланія заключили что нибудь невыгодное о характерѣ или благочестіи княгини, или о притязательности Іосифа и добрыхъ ихъ между собою отношеніяхъ. Княгиня вдова отличалась благочестіемъ и преданностію обители, равно и Іосифъ былъ снисходителенъ, близокъ и уважителенъ къ ней: авторъ отчасти замѣчаетъ это изъ простодушнаго и искренняго тона посланія, а мы имѣемъ на все сказанное другія фактическія основанія. Настоящее обстоятельство было только случайная временная вспышка, — вразумленіемъ Іосифа все дѣло уладилось. Въ помянутой на стр. 101 рукоп. Волокол. монастыря № 664—Патерикъ Волоколамскій на л. 157 и далѣе, весьма трогательно разсказано, какъ однажды эта княгиня Голенина, по смерти перваго сына своего Ивана, по обѣднемъ времени стихословивъ псалтирь и утрудився, поклонися мало почити, и воздремався видѣла этого сына своего, узнала о блаженномъ состояніи его за гробомъ и на вызовъ: возми и мене къ себѣ, чадо, получила въ отвѣтъ, что сіе опредѣлено другому сыну ея Симеону, который вскорѣ и скончался, далѣе, какъ по немъ творила она милостыню и священныя службы, утѣшаясь лишь

*) У автора, какъ въ разборѣ посланія стр. 98, такъ и въ самомъ текстѣ его стр. 257 стоитъ 20 рублей. Но въ нашемъ Синод. спискѣ, по самому виновнику его имѣющему полной авторитетъ, л. 150 читается: а что еси писала е тои что дати и (8) рублевъ на семъ лѣтъ и проч. И это чтеніе 8-ми, а не 20-ти рублей за семь лѣтъ согласно съ положенною въ обители цѣною годоваго поминовенія по 1 руб. съ имени, см. сказанное о семъ выше стр. 108.

послѣднимъ сыномъ Андреемъ, и за тѣмъ сама скончалась. Мужъ, отецъ и дѣти ея погребены были въ Іосифовѣ монастырѣ и сама она, Марія, предъ смертію постриглась подъ именемъ Марыи.

За симъ стр. 99 поставляется на видъ самимъ авторомъ названное сочиненіе: *Роспись (писанная для вельможъ) по какимъ днямъ держать какой постъ*, и цитруется 288-й листъ въ Толстовской рук. отд. 2, № 68. По описанію свящ. Булгакова стр. 194 эта статейка есть четвертое посланіе препод. Іосифа объ епитиміяхъ, случайно отдѣленное отъ прочихъ: потому что выше въ рукоп. л. 211 написано *четыре* посланія объ епитиміяхъ къ вельможамъ, между тѣмъ какъ тамъ помѣщено ихъ только три, а четвертое припискою указано на особомъ мѣстѣ. И содержаніе этого посланія совершенно согласно съ тремя прочими. Объясненіе о. Н. Булгакова мы можемъ подтвердить еще тѣмъ, что въ вышепомянутой Синод. рукоп. Васіана Возьмицкаго № 927 на л. 139 подъ заглавіемъ: *старца Іосифа о вельможахъ* помѣщено сперва это самое, по Толстовской рукоп. оказывающееся четвертымъ, посланіе, а вслѣдъ за нимъ подъ строку на л. 140 первое изъ тѣхъ же посланій объ епитиміяхъ. Такимъ образомъ странно, что г. Хрущевъ, тогда какъ выше на стр. 88 самъ упомянулъ о четырехъ посланіяхъ объ епитиміяхъ и разбиралъ ихъ, это послѣднее здѣсь на стр. 99 отдѣлилъ отъ нихъ, какъ совершенно особое, не имѣющее съ ними и связи. Притомъ неточно дано ему здѣсь заглавіе: «Роспись, писанная для вельможъ по какимъ днямъ держать какой постъ». Не всѣ вельможи, какъ бы какой отдѣльный классъ въ Церкви православной, осуждены преподобнымъ на такой строгій постъ, о которомъ здѣсь говорится, а только по епитиміи удаленные отъ Церкви и причастія св. Таинъ. Посланіе начинается такъ: *Аще кому не мощно зазора дея людскаго въ церковь (не) *) ходити (т. е. если кто изъ запрещенныхъ правилами не можетъ вынести того зазора, чтобъ въ церковь не ходить), ино въ церковь (можетъ онъ) входити, а въ олтарь и въ жертвенникъ не входити, а доры и Пречистыя хлѣба и просферы и т. д., тѣ же самыя условія, что и у г. Хрущева стр. 88, 89 показаны въ третьемъ посланіи объ епитиміяхъ. Замѣтимъ здѣсь*

*) При стеченіи двухъ отрицательныхъ не другое не у Іосифа обыкновенно выбрасывается. Дополн. Акт. Ист. I, 360: пищею не токмо довольни (чит. не довольни) но и гладомъ тають. И Серапіонъ въ посланіи къ Симону пишетъ (см. разсматриваемаго сочиненія стр. 216): и нашего благословенія ни мало отъ насъ принялъ.

кстати, что Іосифъ такимъ образомъ самъ ослабляетъ строгость церковныхъ постановленій, между тѣмъ авторъ винитъ его въ противномъ. Наконецъ, новая странность обнаруживается въ томъ, что г. Хрущевъ изъ этого посланія о вельможахъ на стр. 99 въ доказательство, что оно относилось именно къ вельможамъ, приводитъ слова: напередъ удоволи своихъ людей, чтобъ съ голоду и съ наготы не плакали, а отъ лихихъ дѣлъ (ихъ) уимати. Между тѣмъ сіи слова по Синод. рукоп. № 927, л. 141 об., читаются не въ четвертомъ, а въ первомъ посланіи объ епитиміяхъ.

Глава II. *Іосифъ въ борьбѣ съ ересью* (жидовствующихъ) отъ 1488 до 1505 г.

Здѣсь раскрываются сперва отношенія Іосифа, по положенію обители его въ Новгородской епархіи, къ владыкамъ Новгородскимъ и въ особенности къ Геннадію, излагаются свѣдѣнія о Геннадіѣ и отношеніяхъ его къ митрополиту Геронтію до вступленія на Новгородскую кафедру, равно какъ положеніе дѣлъ въ Новгородѣ, начало ереси жидовствующихъ и проявленія ея до пріѣзда туда Геннадія, открытіе ереси, доносъ и посланія о ней Геннадія въ Москву, отвѣтъ оттуда и смерть митрополита Геронтія. Все это со многими соприкосновенными обстоятельствами, хорошо излагается по кореннымъ источникамъ — Собраніямъ лѣтописей и современныхъ актовъ, посланіямъ Геннадія и сказанію Іосифа о Новгородской ереси (стр. 101—114). За тѣмъ показывается ересь жидовствующихъ въ самой Москвѣ, занесенная туда двумя переведенными изъ Новгорода священниками, и сильные представители ея — оба эти священника Алексій Благовѣщенскій и Діонисій Архангельскій, зять перваго Иванъ Максимовъ, совратившій въ ересь самую невѣстку вел. князя Елену, дьякъ великокняжескій Курицынъ, два другихъ дьяка, купецъ Кленовъ и другіе; излагается возведеніе на митрополию Зосимы изъ среды еретиковъ же, и первыя отношенія его къ Геннадію; новыя проявленія ереси въ Новгородѣ и открытіе еретика Захарія чернца, вполнѣдствіи сильно вредившаго Геннадію въ Москвѣ, рѣшительныя мѣры Геннадія и сильное посланіе къ сонму епископовъ въ Москву, вслѣдствіе коего 1490 г. состоялся первый соборъ на жидовствующихъ, осудившій ихъ. Это важное, но малоизвѣстное, недавно и не вполнѣ отпечатанное посланіе обстоятельно изложено у автора (стр. 114—122). Теперь открывается поприще дѣятельности противъ еретиковъ самого преп. Іосифа. Начало сему авторъ справедливо полагаетъ въ *посланіи Іосифа къ Нифонтѣ*, епископу Суздальскому, которое онъ относитъ къ 1493. Онъ под-

робно разбираетъ самое посланіе, состоящее изъ двухъ частей, изъ коихъ въ первой преподобный, описывая яркими красками ересь и страшныя дѣла и пороки митрополита Зосимы, возбуждаетъ Нифонта крѣпко стать за вѣру, а во второй отвѣчаетъ на вопросъ къ нему Нифонта: имѣеть ли силу проклятiе, произнесенное еретикомъ? (надобно думать, что такового опасался Нифонтъ, какъ защитникъ православiя, со стороны митроп. Зосимы). Въ припискѣ къ этому посланію, являющейся какъ въ рукописяхъ, такъ и печатномъ изданіи, авторъ остроумно открылъ и основательно доказалъ особое письмо или приписку Іосифа собственно къ брату своему, бывшему тогда архимандритомъ въ Симоновѣ монастырѣ Вассіану, чрезъ котораго, какъ видно, онъ получилъ изложенныя здѣсь свѣдѣнія о дѣлахъ Зосимы и чрезъ него же, вѣроятно, и препроводилъ къ Нифонту настоящее посланіе. Въ припискѣ этой и брата своего Іосифъ возбуждаетъ къ тому же подвигу противъ распространяющейся ереси (стр. 122—132). За посланіемъ къ Нифонту также подробно разбирается *Сказаніе Іосифа о новоявленной ереси Новгородской*, а за тѣмъ первыя 12 словъ *Просвѣтителя*. Сказаніе относится къ одному съ предъидущимъ посланіемъ времени, съ которымъ оно во многихъ мѣстахъ и сходствуетъ дословно, т. е. къ 1493—1494 г., и отдѣляется отъ словъ Просвѣтителя какъ написанныхъ такъ и собранныхъ въ одно уже послѣ. Кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, замѣченныхъ ниже, вообще нельзя не отдать чести изложенію Сказанія. Не такъ удовлетворительно изложены нѣкоторыя изъ самихъ словъ, какъ и это покажемъ ниже. Между седьмымъ и восьмымъ словами умѣстно вставлено и разобрано *Посланіе къ инокѣ иконописцу*, по всей вѣроятности, Θεодосію, упоминаемому въ житіяхъ преп. Іосифа и въ посланіи къ Третьякову (см. Чтенія Моск. Общества Исторіи и Древностей 1847 г., № 1). Изъ посланія видно, что этому самому «духовному брату Іосифа, началохудожнику сушу божественныхъ и честныхъ иконъ живописанію» первоначально написаны были три предшествующія сему слова Просвѣтителя 5, 6 и 7, трактующія о предметахъ богѣе или менѣе близкихъ къ нему, — о честныхъ иконахъ и другихъ свящ. вещахъ, порицаемыхъ Новгородскими еретиками. Потому послѣднее 7-е слово и обилуетъ нравственными наставленіями, преимущественно для инока. Дальнѣйшія слова 8, 9 и 10; писанныя по поводу несбывшагося ожиданія въ концѣ 7-й тысячи (1492 г.) втораго пришествія Христова и происшедшихъ отсюда новыхъ упрековъ православнымъ со стороны еретиковъ, относятся къ богѣе позднему

времени. Такъ какъ слѣдствіемъ 12-го слова или точнѣе вышеупомянутаго посланія къ Нифонту, взъ котораго оно передѣлано для Просвѣтителя, о недѣйствительности еретическаго проклятiя т. е. митроп. Зосимы, противъ котораго направлено все посланіе, было изведеніе съ кафедры Зосимы (1494 г.): то вслѣдъ за 12 словомъ авторъ и говорить объ этомъ сведенiи Зосимы и о его сторонникахъ (стр. 133—168). За тѣмъ «въ объясненіе вопросовъ, разъединившихъ умы въ это время» (стр. 168), обозрѣваются тогдашнія «разномыслія въ средѣ православныхъ грамотниковъ» и излагаются соборы 1500 г. о духовныхъ владѣніяхъ и 1503 г. о вдовыхъ священникахъ, въ которыхъ участвовалъ Іосифъ, личныя сношенія его по этимъ вопросамъ съ Іоанномъ III и мысли о преслѣдованiи еретиковъ. посланіе Іосифа къ духовнику великокняжескому архимандриту Митрофану, котораго просилъ преподобный употребить свое вліяніе на вел. князя по дѣлу еретиковъ. Теперь авторъ сравниваетъ образъ мыслей и дѣйствій въ отношенiи къ еретикамъ *Геннадія Новгородскаго* и *Іосифа Воложскаго* и находятъ, что послѣдній зашелъ слишкомъ далеко въ томъ, что сталъ доказывать нужду казнить еретиковъ, рассматриваетъ посланіе его съ такими мыслями къ вел. князю Василию Ивановичу въ связи съ отвѣтомъ или протестомъ на оное Заволжскихъ (Бѣлозерскихъ и Вологодскихъ) старцевъ, и за тѣмъ разбираетъ еще особое сочиненіе Іосифа, написанное въ томъ же духѣ, что не только еретиковъ надобно осуждать (вопреки мнѣнію защитниковъ ихъ), но и проклинать, а властямъ гражданскимъ заточать ихъ и казнить. Помянутое посланіе къ вел. князю и это сочиненіе, вошедшее въ Просвѣтителя подъ числомъ 13-го слова, большее или меньшее имѣли вліяніе на составленіе *второаго собора противъ ещидовствующихъ* 1504 года подъ предсѣдательствомъ самого Василия Ивановича. Потому за сѣмъ у автора и слѣдуютъ извѣстія объ этомъ соборѣ, предавшемъ казни и заточенію еретиковъ, а за тѣмъ разборъ *посланія Іосифа къ вел. князю (Ивану Васильевичу) о вышепомянутомъ еретикѣ Кленовѣ*, сосланномъ на покаяніе по соборному опредѣленію въ Іосифовъ монастырь. Со стороны Заволжскихъ старцевъ въ упрекъ Іосифа и отчасти того же собора вскорѣ явилось «любопрепятательное посланіе», что еретиковъ не слѣдуетъ разыскивать и истязать, какъ скоро они содержатъ свою ересь втайнѣ, а въ случаѣ раскаянія надобно ихъ допускать въ церковь и ко святому причастію. Въ отвѣтъ на это Іосифъ написалъ отъ лица митрополита *посланіе къ старцамъ о повинновенiи соборному опредѣленію*, въ

которомъ, соглашаясь со старцами въ самомъ положеніи или принципѣ, оспариваетъ приложеніе его къ теперешнимъ еретикамъ, въ теченіи болѣе 30 лѣтъ распространявшимъ пагубную ересь свою и не обнаружившимъ искренняго покаянія. Потому Іосифъ по этому же предмету и въ этомъ же духѣ написалъ еще три посланія, составившія послѣднія 14, 15 и 16-е слова *Просвѣтителя*. Разборомъ всѣхъ этихъ четырехъ посланій заключается у автора настоящая глава (стр. 168—202). Ему не нравятся мысли Іосифа.

Теперь сдѣлаемъ частныя замѣчанія на нѣкоторыя мѣста сей главы.

Борисъ Васильевичъ Кутузовъ могъ служить посредникомъ отношеній Геннадія Новгородскаго къ Іосифу, какъ замѣчаетъ г. Хрущевъ на стр. 104, только у него не показанъ источникъ извѣстія, что означенный Кутузовъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ ходатайствовали предъ митроп. Геронтіемъ за Геннадія. Этотъ недостатокъ цитаций, замѣчаемый и въ другихъ специальныхъ извѣстіяхъ, мы относимъ къ неаккуратности автора.

Знакома читателя съ Геннадіемъ, авторъ стр. 105 передаетъ бывший въ XV вѣкѣ споръ о хожденіи по-солонь, какъ утверждалъ Геннадій съ Вассіаномъ противъ митроп. Геронтія. Не изложивъ настоящимъ образомъ дѣла, авторъ этому хожденію по-солонь, котораго доселѣ требуютъ раскольники, даетъ предпочтеніе предъ православнымъ — противъ солнца, говоря, что первое какъ будто было осмыслено. Но какъ мало смысла и натуральности въ хожденіи по-солонь, какъ мало согласовалось оно съ уставами Аеонскими и нашими и съ общимъ древнимъ обычаемъ на Руси, который, по словамъ лѣтописца, хотѣли подорвать только нѣціи прелестницы, клеветуше вел. князю на митрополита, т. е. крамольники, все это показано между прочимъ преосв. Макаріемъ въ *Исторіи Русскаго раскола*, Спб. 1855 г., стр. 12—14 и преосв. Григоріемъ въ книгѣ: *Истинно древняя и православная Церковь*, изд. 3, Спб. 1856 г., ч. 2, стр. 209—211. На соборѣ 1666 года Восточные патриархи Павсій Александрійскій и Макарій Антиохійскій объявили и постановили, что хожденіе по-солонь — не по обычаю святыхъ Восточныхъ Церкви и что мудрствующіе, яко по солнцу подобаеъ ходити, *несмысленно* мудрствуютъ, зане не согласно есть со прочими чинами церковными, и таковыя показываютъ только суемудріе и мятежъ и расколъ (см. *Соборный свитокъ при служебникѣ 1668 г. л. 11*). Такъ какъ вел. князь настаивалъ на этой несообразности, хожденіи по-солонь, цѣлый годъ, не позволяя митрополиту иначе освящать и церквей:

то твердый Геронтий хотѣлъ совѣмъ оставить каедру, и князь никѣмъ неподдерживаемый смирился (Полн. собр. Русс. лѣтописей, т. 6, стр. 233). Авторъ, напротивъ, находитъ въ этомъ поступкѣ капрвзъ Геронтія (слич. стр. 110).

На стр. 116 опять не сдѣлано цитацій въ извѣстіи о дякѣ Курицынѣ, что онъ вывезъ повѣсть о Дракулѣ и переписалъ Лаодикійское посланіе, и не показано, чтѣ выражало то и другое въ Курицынѣ. О первомъ см. въ Описаніи Рум. Музея стр. 512, о второмъ у г. Руднева о ересяхъ и расколахъ прим. 93.

Мы замѣтили выше, что неудовлетворительно изложены нѣкоторыя слова *Простытителя*. Такъ относительно 2-го слова на стр. 148 сказано, что оно состоитъ изъ изложенія православнаго догмата объ Иисусѣ Христѣ, въ слѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ проклятіе еретиковъ и ихъ ученія о Христѣ. Первое слишкомъ неопредѣленно: объ Иисусѣ Христѣ вообще представляется много догматовъ или ученій, различныхъ между собою, смотря по разнымъ отношеніямъ: которое же изъ нихъ здѣсь раскрывается? Второе, или проклятіе еретиковъ, мимоходомъ выражено въ пяти строкахъ, почти въ началѣ слова, а отнюдь не составляетъ какой нибудь особой, значительной части въ содержаніи. Дальнѣйшее изложеніе также неясно и касается случайностей. Сущность 2-го слова, скажемъ, состоитъ въ опроверженіи мнѣнія еретиковъ, что Мессія еще не пришелъ, а признаваемый христіанами за Мессію Иисусъ былъ простой человекъ, распятъ и умеръ, но не воскресъ. Для сего сперва разбираются Ветхозавѣтныя пророчества о времени и обстоятельствахъ пришествія Мессіи и показывается исполненіе ихъ на Иисусѣ Христѣ; изъ чудесъ, творимыхъ Спасителемъ, доказывается Божественная природа Его; а за тѣмъ говорится, что и крестныя страданія Его, страданія за родъ человѣческой, и смерть, и воскресеніе, и вознесеніе — все это было согласно съ Ветхозавѣтными пророчествами, равно какъ въ нихъ же указано и чаяемое второе пришествіе Христова. — Въ изложеніи 8-го слова на стр. 159 не опредѣлена книга, глаголемая *Зерцало*, на которую между прочимъ ссылался препод. Іосифъ въ опроверженіи чаянія кончины міра по истеченіи 7000 лѣтъ. Сочиненіе эго писано на Греческомъ языкѣ и въ подлинникѣ называется *Διόπτρα* Діоптра т. е. Зерцало. Подлинникъ въ недавнее время изданъ извѣстнымъ Минемъ въ *Patrologiae cursus, series II, tom. CXXVII*. Авторъ ея — нѣкто инокъ Филиппъ, жившій въ концѣ XI в. въ Македоніи, населенной Греками. Означенное сочиненіе писано въ видѣ разговора души съ плотію о разныхъ

предметахъ, между прочимъ, по тогдашнему ожиданію, о кончинѣ міра и антихристѣ. Ученый Византійскій царедворецъ Михаилъ Пселлъ написалъ къ нему предисловіе. Преподобный Іосифъ справедливо обратилъ вниманіе на сіе сочиненіе, авторъ коего такъ хорошо разсуждаетъ о безразсудномъ ожиданіи пришествія Христа по истеченіи тысячи лѣтъ по рождествѣ Христовѣ, или шести и семи тысячъ отъ сотворенія міра. Слова въ заглавіи 10-й главы Устава Іосифа: *отъщаніе любозагорнымъ* также взяты изъ послѣдней статьи этого сочиненія Діоптры, подъ такимъ заглавіемъ: «оглаголаніе (*ἀπόλογος*) якоже къ любозагорнымъ». Свѣдѣнія о книгѣ Діоптры см. въ Описаніи Слав. рукописей Синодальной Библіотеки отд. II, ч. 2, № 170.—Въ замѣчаніяхъ на 10-е слово, стр. 160, сверхъ Моисеевыхъ и пророческихъ книгъ, изъ коихъ выписываетъ здѣсь Іосифъ, можно бы поставить на видъ *книгу Еноха*, цитуемую имъ прежде всѣхъ. Сего же почто не разумѣши, говорится о сей книгѣ къ концу слова, яко пять тысущъ лѣтъ и вящше уже преїде, егда написалъ есть о сихъ праведный Енохъ, и три тысуща лѣтъ преїдоша, егда рекъ есть о тѣхъ же великій Моисей и пр.?—Обширное и такъ прекрасно написанное 11-е слово въ защиту иночества не удостоилось разбора: авторъ ограничивается въ этомъ случаѣ ссылкой (стр. 161) на книгу священника Булгакова.

На стр. 165—168 обращено большое вниманіе на соперничество двухъ партій, — съ одной стороны невѣстки вел. князя Елены и сына ея Дмитрія, съ другой—супруги вел. князя Софіи Палеологъ и сына ея Василя Ивановича. Но такое изложеніе съ соприкосновенными обстоятельствами, не представляя ближайшихъ извѣстій о положеніи при этомъ ереси или православія, кажется намъ болѣе излишнимъ, чѣмъ нужнымъ къ дѣлу. Священникъ Булгаковъ (стр. 71) правдоподобно заключаетъ объ участіи Іосифа по крайней мѣрѣ въ паденіи князя Василя Косова (въ иночествѣ Вассіана Патрикѣева) и отсюда выводитъ постоянную и непримиримую вражду Вассіана къ Іосифу и всему Іосифовскому. Онъ могъ заразиться напр. въ Литовское посольство отъ самого дьяка Курицына, — и мы видимъ, какъ сильно впоследствии Вассіанъ защищалъ еретиковъ.

Довольно лишняго, натянутого, отчасти и несправедливаго и въ слѣдующемъ за тѣмъ обзорѣни «разномнѣній въ средѣ православныхъ во второй половинѣ XV вѣка», чѣмъ г. Хрущевъ думаетъ объяснить и соборныя рѣшенія о церковныхъ имѣніяхъ, вдовыхъ

попахъ и о еретикахъ жидовствующихъ, подвергшіяся пререка-
ніямъ. Къ такимъ разномнѣніямъ онъ относитъ 1) вышепомянутый
споръ о хожденіи по-солонь 1479 года; 2) вопросъ о двоеніи или
троеніи аллилуйи, возникшій будто бы *ex smd* за предъидущимъ.—
По недоумѣнію въ этомъ уже 1419 г. митрополитъ Фотій писалъ
во Псковъ грамоту о трегубой аллилуйи, а въ 1455 г. Евфросинъ
Псковскій ввелъ въ свой монастырь двоеніе ея, что возбудило
тогда сильныя споры, по поводу коихъ Геннадій (1493 г.) писалъ
къ Димитрію Толмачу въ Римъ справиться объ аллилуйи въ тамош-
нихъ книгахъ (Исторія Русской Церкви, преосв. Филарета, изд. 2,
Москва 1851 г., т. 3, стр. 179—184); 3) разладъ въ мѣстныхъ ре-
лигіозныхъ вѣрованіяхъ, какъ выражается авторъ, разумѣя подъ
этимъ до присоединенія отдѣлявшагося Новгорода къ Москвѣ не-
почтеніе тамъ Московскихъ святыхъ, а въ Москвѣ—Новгородскихъ;
4) различныя воззрѣнія на походъ противъ Новгорода Іоанна III
и на усиленіе Москвы—со стороны Московской и Новгородской.—
То и другое, и разладъ и воззрѣнія, не относятся къ мнѣніямъ
теоретическимъ, а къ сердечному несогласію. 5) Ожиданіе съ исте-
ченіемъ 7 тысячи страшнаго суда.—Но не смотря на выставляе-
мую авторомъ дѣятельность въ Москвѣ, яко бы на канунѣ 8 ты-
сячи, мысль эта была обща не только у насъ въ Россіи, но и на
Востокѣ и Западѣ, и не чужды были ея ни Геннадіи, ни Іосифу и
подобныя, хотя и признававшіе ея неосновательность. 6) «Крайность
религіозныхъ воззрѣній, говорятся за снмъ, была причиною тому,
что нныя видѣли преступленіе въ благоразумныхъ мѣрахъ, упо-
требленныхъ вел. княземъ противъ распространенія мороваго по-
вѣтрія. Люди съ подобными воззрѣніями смотрѣли не сочувственно
на всякія новизны и готовы были видѣть ересь во всякомъ измѣ-
неніи стараго обычая... принять враждебно всякое новое благое
начинавіе». Приговоръ слишкомъ рѣшительный, отзывающійся
своего рода крайностію! Авторъ все это написалъ противъ старца
Елеазарова монастыря Филоея, упрекавшаго въ своемъ посланіи
(Дополн. къ Актамъ Ист. т. 1, № 23) Псковскаго намѣстника дьяка
Мунехина за то, что онъ съ товарищами во время язвы, запирая
улицы и запечатывая дома, не позволялъ священникамъ надъ боль-
ными, вопреки ихъ пламенному желанію, совершать таинства покая-
нія, причащенія и другія напутствія, и внушавшаго молитву, покая-
ніе и надежду на Бога. Посланіе въ этомъ отношеніи весьма умное!
Вѣсто крайности воззрѣній не лучше ли здѣсь видѣть крайность
распоряженій властей? Въ наше время при появленіи холеры 1830 г.

были такія же строгія мѣры: но впослѣдствіи само Правительство признало ихъ бесполезность и крайность и отмѣнило ихъ. Какъ ниокъ Филоевой былъ далекъ отъ суевѣрія и по уму своему отъ всего того, чтобы противиться добрымъ начинаніямъ, видно изъ другаго его посланія къ тому же намѣстнику Псковскому, въ которомъ онъ обличалъ вѣру во вліяніе звѣздъ, переходившую къ намъ съ Запада подъ видомъ заманчивой науки астрологін, и дѣлалъ другія замѣчанія противъ Латинскихъ суемудрій (Православный Собесѣдникъ 1861 г., Май, стр. 78—96, слѣч. Филарета Обзоръ Русской духовной литературы, Харьковъ, 1859 г., стр. 185).

За симъ стр. 174—178 излагаются два собора: первый 1500 г. о монастырскихъ имѣніяхъ, не упоминаемый въ лѣтописяхъ, что, по словамъ автора, объясняется частнымъ его характеромъ, и второй 1503 г. о вдовыхъ священникахъ, при чемъ въ палатахъ великокняжескихъ секретнымъ якобы образомъ (*стихоложку!* выражается авторъ) опять разсуждали о церковныхъ нпуществахъ, а Іосифъ за тѣмъ удостоенъ былъ отъ вел. князя личной бесѣды. Мы полагаемъ, что авторъ въ слѣдъ за Карамзинымъ напрасно представляетъ такимъ образомъ два собора и разсужденіе о церковныхъ имѣніяхъ относить къ 1500 г., а потомъ опять таковое допускаетъ въ 1503 г. Карамзинъ не имѣлъ всѣхъ актовъ дѣла о церковныхъ имѣніяхъ, а г. Хрущевъ, зная и употребляя ихъ, приурочиваетъ по нимъ это дѣло къ собору 1503 года и въ то же время, противорѣча себѣ, удерживаетъ ошибку Карамзина. Противорѣчіе это замѣчается въ томъ, что авторъ, сказавъ сперва (стр. 177) «Іосифъ *исповѣдалъ на обоихъ соборахъ* и за право монастырей владѣть селами и за отрѣшеніе вдовыхъ священниковъ отъ священнодѣйствія», въ слѣдъ за тѣмъ замѣчаетъ, что Іосифъ 1503 г. *въ первый разъ* по основаніи обители своей отправился на соборъ въ Москву, и потомъ опять выражаетъ предположеніе, что Іосифъ на соборѣ по церковнымъ имѣніямъ держалъ себя умѣренно и былъ полезенъ митрополиту въ составленіи объ этомъ записки. Далѣе та несообразность, что Нилъ Сорскій является у автора и на первомъ соборѣ 1500 г., спорить съ Іосифомъ и на второмъ 1503 г. Незвѣстные Карамзину акты письма современника *о не-любкахъ* между старцами Кириллова и Іосифова монастыря (отпечатанное А. В. Горскимъ въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ 1851 г., ч. 10) и житіе Іосифа, составленное Незвѣстнымъ (также, вѣроятно, современникомъ) стр. 36, 39 ясно показываютъ, что раз-

сужденіе о церковныхъ имѣніяхъ было лишь въ 1503 г. вмѣстѣ съ дѣломъ о вдовыхъ погахъ.

Въ изображеніи аудіенціи Іосифа у вел. князя авторъ, для какого-то эффекта на стр. 180, рисуя Іоанна III предъ Іосифомъ въ 1479 году и въ настоящій моментъ, позволяетъ себѣ ироническій тонъ относительно прежняго благочестія Іоанна и нѣкоторыхъ священныхъ вещей. Напримѣръ онъ говоритъ: теперь не тотъ уже былъ Иванъ Васильевичъ, какъ прежде «когда онъ украшалъ гробы праведныхъ и, прославляя новыхъ чудотворцевъ-митрополитовъ, *подъ собственнымъ религіознымъ впечатлѣніемъ провозгласилъ святымъ благочестиваго князя Московскаго Данила* (Степ. кн. 1, 380)». Объ этомъ мнимомъ прославленіи Іоанномъ III Московскихъ святителей изъ политическихъ видовъ мы сказали выше въ замѣчаніяхъ на III стр. Вступленія: скажемъ теперь о благовѣрномъ князѣ Данилѣ. Въ указанномъ мѣстѣ Степенной книги говорится, что когда основанный Даниломъ монастырь отъ нерадѣнія постороннихъ Спасскихъ настоятелей запустѣлъ и самое мѣсто погребенія Данила совсѣмъ было забыто, благовѣрный князь, явившись проѣзжающему мимо того мѣста одному придворному при вел. князѣ Іоаннѣ III, велѣлъ передать Іоанну слѣдующія обличительныя слова: «самъ ты утѣшаешь себя, а меня забылъ; но не забылъ меня Богъ». Вслѣдствіе сего вел. князь установилъ пѣть соборныя панихиды и поминовенія по родственникамъ своихъ благочестивыхъ князьяхъ. Есть ли здѣсь что нибудь похожее на мысль автора? Панихида по комъ нибудь не показываетъ признаніе его святымъ, а напротивъ, и теперь она установлена для всѣхъ преставшихся родственниковъ вел. князя. Прежнее запустѣніе мѣста продолжалось до временъ Іоанна IV или Грознаго, и онъ уже построилъ здѣсь церковь и монастырь, въ которомъ и установилъ ежегодно совершать торжественныя панихиды въ присутствіи самого царя. Моги же благовѣрнаго князя Данила обрѣтены нетлѣнными только въ 1652 г., — и отсегѣ начинается его прославленіе (преосв. Филарета, Русскіе святые подъ 4 марта, Черниговъ, 1862 г.). Въ этой же сценѣ Іоанна съ Іосифомъ, какъ ее излагаетъ авторъ, довольно унижается личность послѣдняго.

По возвращеніи съ собора Іосифъ скоронилъ въ своей обители крестника своего князя Рузскаго Ивана Борисовича. Г. Хрущевъ стр. 183 несправедливо только полагаетъ кончину его въ сентябрѣ 1503 г. Въ 1-й Софійской лѣтописи (Поли. Собр. Русс. лѣт., т. VI, стр. 49) прямо сказано, что мать его княгиня Ульяна скончалась

въ ноябрѣ, что тогда же послѣ нея женился старшій сынъ ея Теодоръ Борисовичъ и на этой свадьбѣ младшій Иванъ Борисовичъ разболѣлся и преставился. По кормовымъ книгамъ № 829, въ настоящемъ случаѣ имѣющимъ полный авторитетъ, кончина княгини Ульяны Володцкой (л. 59 об.) вспоминалась 4 ноября, а кончина означеннаго сына ея Ивана Борисовича (л. 63 об.) ноября 28. Тоже въ дачной книгѣ № 687 л. 21 об. о княгинѣ Уліаніи: быти корму на память ея ноября 4, а л. 22 о князѣ Иванѣ Борисовичѣ: быти корму на память его ноября 28, равно и въ № 685 л. 30 об. и 31 об.

Передъ разборомъ посланія Іосифова къ архимандриту Митрофану о строгихъ мѣрахъ противъ еретиковъ, авторъ, находя оное какъ бы неумѣстнымъ, на стр. 183 замѣчаетъ, что ересь только *по немногу* распространялась теперь по городамъ и селамъ. Напротивъ, самъ Іосифъ въ этомъ же посланіи говоритъ: а еретиковъ *умножилось по всѣмъ городомъ, а христіанство православное иметъ отъ ихъ ересей* (Чтенія Моск. Общества Истории и Древн. 1847 г., № 1, Смѣсь). Кому болѣе вѣрить? За тѣмъ саркастически изложено самое содержаніе посланія, въ которомъ Іосифъ *«подобралъ рядъ примѣровъ истребленія еретиковъ по распоряженію благочестивыхъ царей восточныхъ»*. Авторъ (тамъ же) соглашается, что мнѣніе о казни еретиковъ высказалъ и Геннадій въ посланіи къ митрополиту Зосимѣ, приводя въ примѣръ Шпанскаго короля. И къ этой Испанской инквизиціи подводитъ устроенный Геннадіемъ позорный въѣздъ еретиковъ въ Новгородъ, прибавляя: если не самые еретики были сожжены, за то были сожжены вѣнцы на ихъ головахъ, а нынѣ изъ нихъ умерли послѣ того въ заточеніи.—Положимъ, что поступокъ Геннадія можно объяснять изъ полученныхъ имъ случайно свѣдѣній о преслѣдованіи еретиковъ въ Испаніи, но несправедливо сравнивать его съ инквизиціей, дѣйствовавшей совсѣмъ иначе, съ хитрою злобою и жестокостію, часто по интригамъ, а не по истинной ревности. Чѣмъ важнѣйшіе догматы колебали еретики и чѣмъ болѣе соблазнъ и вредъ наносили они вѣрнымъ, тѣмъ болѣе побуждался Геннадій къ обнаруженію ихъ, униженію и отдаленію отъ нихъ вѣрующихъ. «Сія сътвори добрый онъ пастырь, говоритъ преп. Іосифъ о поступкѣ Геннадія, хотя устрашити нечестивыя и безбожныя еретики, и не токмо сямъ, но и прочимъ ужаса и страха исполненъ позоръ, поне на сихъ зряще уцѣломудрятся» (Сказаніе о новоявленной ереси по изданію Каз. Академіи, стр. 56). «Истребивъ такимъ образомъ главныхъ враговъ своихъ

Геннадій болѣе не преслѣдовалъ ересей» — какъ будто, скажемъ мы, Геннадій преслѣдовалъ лишь враговъ своихъ личныхъ, а не самую ересь! Столь же несообразно далѣе сказано, что Геннадій, «изобрѣлъ для еретиковъ неслыханную казнь». Не смотря на это авторъ проводитъ какую-то черту различія между Геннадіемъ и Іосифомъ и послѣдняго представляетъ еще горшимъ. Геннадій, по его словамъ, считалъ нужнымъ казнить еретиковъ, но не доказывалъ изъ св. Писанія законность казни. Въ чемъ тутъ различіе мы не постигаемъ, кромѣ того только, что Геннадій мысля тоже самое, что Іосифъ, и на тѣхъ же основаніяхъ, не развилъ сихъ основаній, не имѣя особеннаго къ тому побужденія, а Іосифъ по особенному поводу и побужденіямъ развилъ оныя. Поводомъ служило, какъ далѣе самъ авторъ говоритъ, противоположное воззрѣніе нѣкоторыхъ на преслѣдованіе еретиковъ и нерѣшимость вел. князя. Авторъ въ приемъ Іосифа, т. е. что онъ сталъ доказывать надобность казнить еретиковъ, видитъ крайность. Но на это слѣдуетъ замѣтить, что а) ересь жидовствующихъ ниспровергала самые главные и коренные догматы вѣры христіанской, каковы ученіе о святой Троицѣ, о Божествѣ Іисуса Христа и Святаго Духа, о второмъ пришествіи Христовомъ, о важности апостольскихъ и отеческихъ писаній; б) жидовствующіе отвергали таинство Евхаристіи и ругались самымъ безчестнымъ и гнуснымъ образомъ надъ священнѣйшими вещами Церкви, надъ крестомъ Господнимъ и святыми иконами, позволяли себѣ всякій развратъ, соблазны и издѣванія надъ православными не только надъ простыми, но и надъ священниками и архіереями (см. 15-е слово Просвѣтителя); в) ересь эта, нѣкогда имѣя во главѣ своего самого митрополита Зосиму, нѣкоторыхъ архимандритовъ и протоіереевъ главныхъ Московскихъ соборовъ, приближеннаго къ вел. князю дьяка и другихъ сильныхъ лицъ, произвела такое смятеніе въ обществѣ, что на торжищахъ и въ домахъ стали судить вѣру и кощунствовать, глубоко проникла во дворецъ и приражалась къ самому государю; г) соборное опредѣленіе 1490 г. не только не остановило еретиковъ, но несбывшіяся ожиданія кончины міра въ 1492 г. дали имъ новый поводъ и дерзновеніе издѣваться надъ вѣрою христіанскою и надъ Спасителемъ, а Зосима, лишая православныхъ права осуждать еретиковъ, смѣлыхъ обличителей наказывалъ, лишалъ имущества и ввергалъ въ темницы; мысль его въ настоящее время нашла многихъ и сильныхъ послѣдователей. Это значитъ потрясать Церковь въ самомъ основаніи, поражать ее въ самое сердце и въ тоже время отнимать у нея

возможность защищаться и положить конец злу. Что оставалось тогда дѣлать для спасенія православія и отечества отъ потрясеній, какъ не опровергнуть парализующую мысль о терпимости еретиковъ и требовать казни виновнѣйшимъ и упорнѣйшимъ изъ нихъ? Мѣра, конечно, крайняя, но мѣра вызываемая великостію и дерзостію преступленія и происходящею отсюда опасностію. Не станемъ говорить, что она была сообразна съ строгостію того времени, въ которомъ жилъ Іосифъ, и находила подтвержденіе и въ предшествующихъ временахъ древней Россіи. Не противорѣчитъ эта казнь такихъ именно еретиковъ, каковы были теперь жидовствующие, и въ такихъ обстоятельствахъ, ни Божескимъ, ни человѣческимъ законамъ, но еще требуется ими, что и старался раскрыть препод. Іосифъ. Въ этомъ случаѣ Іосифъ, сверхъ отдѣльныхъ примѣровъ, иногда ссылается и на законы Греческихъ царей; но, скажемъ мы, по тогдашнимъ скуднымъ пособіямъ мало еще зная эти законы, благопріятствующіе его мысли. Опытъ изложенія таковыхъ законовъ, хотя только за первые три вѣка, можно видѣть въ достойной статьѣ, помѣщенной въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ, 1859 г. ч. 18, стр. 49 и слѣд.: Объ образѣ дѣйствованія православныхъ государей Грекоримскихъ въ IV, V и VI вѣкахъ въ пользу Церкви, противъ еретиковъ и раскольниковъ. Императоры подвергали смертной казни упорныхъ еретиковъ, распространявшихъ отчасти тѣ же заблужденія, что были и у жидовствующихъ, но еретиковъ, можно сказать, менѣе преступныхъ какъ по количеству, такъ и по качеству своихъ лжеученій, каковы были Манихеи, Евноміане, Монтанисты и Евтихіане (см. тамъ же стр. 102—104).

Самую краткую записку о законности казнить еретиковъ Іосифъ представилъ вел. князю Василю Ивановичу, указывая на примѣры пророковъ Моисея и Іліи, апостоловъ Петра и Павла и епископа Льва Катанскаго. Записка озаглавляется: *о томъ еже тринника или еретика руками убиты или молитвою* (какъ дѣлали святые, призвать на него судъ Божій, мученія и казнь) *едино есть*. Неизвѣстно, когда и какимъ образомъ явилось на нее опроверженіе отъ имени старцевъ Заволжскихъ т. е. Бѣлозерскихъ и Вологодскихъ монастырей,—и г. Хрущевъ намѣренно приводитъ положенія Іосифа вмѣстѣ съ этимъ опроверженіемъ на стр. 188, 189. Мы разберемъ эту параллель или сравненіе, тѣмъ болѣе, что мысли Іосифа и противниковъ его читаемъ не только въ выпискахъ у автора, но и вполне находимъ тотъ и другой документъ отпечатаннымъ въ Древней Россійской Библіоикѣ ч. 16, стр. 423—428.

Нельзя отвергать, что известная часть Заволжских инокъ по близости къ Новгороду, вѣроятно, хитростію и наружнымъ благочестіемъ жидовствующихъ введена была въ обманъ. Не только сочувствіе къ преслѣдуемымъ, но и самые слѣды ереси у этихъ старцевъ показываютъ Сказаніе о нелюбкахъ между Заволжскими и Иосифовскими иноками (Прибавл. къ Твор. отцевъ ч. 10, стр. 506, 507) и потомъ распространіе у нихъ сродной съ жидовскою ереси Бакшина, признанное и самимъ Курбскимъ (Руднева О ересяхъ и расколахъ стр. 124). Не всѣ однако Заволжскіе въ другихъ случаяхъ такъ твердые и разсудительные иноки были въ пользу жидовствующихъ и противъ Іосифа. Нилъ Полевъ, Іосифовскій постриженникъ, жившій теперь въ Сорской пустынѣ, въ посланіи къ Герману выражалъ глубокое сочувствіе преп. Іосифу, какъ въ прочихъ такъ и въ этомъ вопросѣ о еретикахъ, и не могъ терпѣть *интерванія* на преподобнаго Германовыхъ совѣтниковъ (письмо о нелюбкахъ тамъ же, стр. 524—526). Слова Нила во всякомъ случаѣ показываютъ, что здѣсь была партія противъ Іосифа. И не видно, чтобъ по вопросу о еретикахъ въ этой партіи участвовалъ самъ Нилъ *Сорскій* (см. ниже). Г. Хрущевъ весьма правдоподобно вышепоказанное опроверженіе приписываетъ князю-инюку Вассіану Патрикѣеву, какъ это предполагалъ уже издатель письма о нелюбкахъ старцевъ. Но намъ уже известно (см. выше стр. 124), въ какихъ отношеніяхъ находился этотъ невольный постриженникъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ къ Іосифу, отъ коего въ известной степени, можетъ быть, зависѣло и самое паденіе его. Вассіанъ, какъ увидимъ послѣ, и въ монашествѣ заносчивый и говорунъ, во всемъ противорѣчилъ Іосифу — и въ вопросѣ о монастырскихъ имѣніяхъ и о вдовыхъ покахъ, а тѣмъ болѣе въ настоящемъ — о еретикахъ, о коихъ впослѣдствіи печалуясь вел. князю, до того простеръ изъ-за нихъ свою ненависть къ Іосифу, что его самого называлъ еретикомъ и отступниками всѣхъ единомышленниковъ его (см. у самого Хрущева ниже, стр. 241. 246). Теперь въ своемъ протестѣ Вассіанъ, допуская, что некающихся и непокаряющихся еретиковъ вѣлѣно заточать, разсуждаетъ собственно о томъ, что кающихся и проклинающихъ свою ересь Церковь принимаетъ со всею любовію. Но въ томъ и сѣла, что Іосифъ въ запискѣ своей вовсе не имѣлъ въ виду истинно кающихся, а упорныхъ еретиковъ, на которыхъ если святые молитвою и словомъ призывали кару Божию, то можно совершить оную и руками посредствомъ гражданскихъ властей. Въ строгости требованія Іосифа руководило полное сознаніе бого-

хульства еретиковъ и *ревность* по Божѣ, *спасающая* святыхъ (Іоан. 2, 17), мысль его представляла и на самомъ дѣлѣ имѣла благія послѣдствія — въ искорененіи ереси, а Вассіанъ подѣ личиною любви христіанской увлекался болѣе духомъ прекословія, и защищая еретиковъ впалъ въ дѣйствительную и пагубнѣйшую крайность, проповѣдуемую самими еретиками, именно ту, что ихъ и судить вовсе не слѣдуетъ. Въ протестѣ духъ любопытствія и зависти выразился въ томъ, что онъ по мѣстамъ представляетъ саркастическія выходы противъ Іосифа и тѣмъ роняетъ самъ себя. Теперь въ частности разберемъ представленную авторомъ параллель мыслей Іосифа съ опроверженіемъ ихъ. 1) Іосифъ пишетъ: грѣшника или еретика руками убити или молитвою едино есть. Старцы отвѣчаютъ: кающихся еретиковъ Церковь Божія пріемлетъ простертыми дланьми, грѣшныхъ ради Сынъ Божій прииде и спасти погибшихъ.—Что Іосифъ здѣсь разумѣетъ однихъ упорныхъ еретиковъ, мы уже сказали выше, а что истинно кающихся и онъ не отвергаетъ, объ этомъ, кажется, и нѣтъ нужды говорить. Въ 13-мъ словѣ Іосифъ проводитъ мысль и подтверждаетъ ее многими примѣрами и свидѣтельствами, что съ еретикомъ, не приносящимъ никому вреда, должно обходиться кротко и терпѣливо, но совсѣмъ иначе съ погубляющими стадо Христово и распространяющими свое ученіе. Подобнымъ образомъ въ 16-мъ словѣ Іосифъ объясняетъ, что есть покаяніе истинное и противопоставляетъ его покаянію Новгородскихъ еретиковъ, которые, получивъ ослабу, снова возвратились къ ереси. «Мнози же и иніи грѣшницы, (говоритъ онъ) имѣ же нѣсть числа, покаяніемъ спасошася и донинѣ спасаются того ради, понеже, егда покаяшася, пребыша въ покаяніи и умиленіи и въ православной вѣрѣ до дне смерти своея. Нынѣшніи же отступницы по покаяніи больша зла содѣлаша».... (слич. у г. Хрущева стр. 190 и 199). 2) На то, что вопреки разбитію Моисеемъ скрижали при видѣ тельцеслуженія, по ходатайству самого Моисея Богъ не погубилъ за это Израиля, надобно сказать, что, еретиковъ сей примѣръ не поддерживаетъ: Богъ не погубилъ теперь Израиля, какъ цѣлый народъ, въ коемъ многіе, конечно, увлечены были въ преступленіе общимъ потокомъ, что не смотря на это, по повелѣнію Моисея именемъ Господнимъ, 3000 виновныхъ были убиты мечемъ Левитовъ, а другихъ самъ Господь поражалъ неизвѣстнымъ родомъ смерти (Исх. 32, 28. 35) и на ходатайство Моисея объявилъ свое удаленіе отъ жестоковѣрныхъ, а въ случаѣ новаго преступленія конечное всѣхъ истребленіе (33, 3. 5). 3) На другіе примѣры

строгости, приводимыя Іосифомъ изъ Ветхозавѣтной исторіи, Вассіанъ или старцы отвѣчали: ащеже ветхій законъ тогда бысть, намъ же въ новѣй благодати яви Владыко христіюбный союзъ, еже не осудити брату брата: *не судите и не осуждени будете* (Мате. 7, 1). Отвѣтъ весьма неосновательный, да еще заимствованный отъ самихъ еретиковъ (см. въ книгѣ стр. 190, 129)! Въ приведенномъ текстѣ говорится о пересудахъ ближняго, а отнюдь не о судахъ церковныхъ или гражданскихъ, установленныхъ самимъ Богомъ для осужденія и наказанія виновныхъ. За тѣмъ старцы говорили: «аще ты повелѣваеши, о Іосифе, брату брата согрѣшивша 'убити, то скорѣе и суббота будетъ и вся ветхаго закона, ихъ же Богъ ненавидеть»,—говорили это, а за собой не замѣчали, что съ предъидущимъ текстомъ, какъ они приводили его, они не только устраняли всякое сужденіе о еретикахъ, но изгоняли всѣ вообще суды и законы и водворяли анархію. Въ заключеніи двѣ саркастическія выходки противъ Іосифа относительно ссылки его на апостола Петра и Льва Катанскаго не стоятъ и опроверженія. Последняя изъ нихъ такъ понравилась нашему автору, что онъ приводитъ ее двукратно стр. 189 и 191. Она читается: а ты, господине Іосифе, почто не испытаеши своя святости, не связалъ архимандрита Касьяна своею мантиею, донелѣжь бы онъ сгорѣлъ, а мы бъ тебя яко единаго отъ трехъ отроковъ — изъ пламени изшелъ да пріяли (т. е. испедшаго пріяли)? Извѣстно, что архимандритъ Кассіанъ-еретикъ, по опредѣленію собора былъ сожженъ; видно отсюда, что опроверженіе писано послѣ сей казни.

Въ замѣчаніяхъ на 13-е слово Просвѣтителя, написанное Іосифомъ уже прямо противъ еретической мысли, что не подобаетъ осуждати ни еретика, ни отступника, г. Хрущевъ на стр. 190 находитъ что-то страннымъ, что Іосифъ «приписываетъ самимъ еретикамъ происхожденіе такой мысли». Мысль эта, скажемъ мы, дѣйствительно принадлежала самимъ ересеначальникамъ — протопопу Алексѣю и другимъ, да и нельзя вообразить, чтобъ кому-нибудь изъ православныхъ пришла идея равнодушія къ еретикамъ вообще и въ особенности къ такимъ, каковы были жидовствующие, вопреки ученію самого Спасителя (Мате. 18, 15—20), апостоловъ (2 Петр. гл. 2, 1 Иоан. 2, 18 и дал., Іуд. ст. 11 и дал., Гал. 1, 7. 8. 2 Сол. 3, 6. Тит. 3, 10. 11), отцевъ и учителей Церкви, вопреки всѣмъ соборамъ, вселенскимъ и помѣстнымъ, судившимъ еретиковъ. Самъ Вассіанъ, хотя въ защищеніе еретиковъ приводилъ слова Спаси-

теля, на которыхъ они теперь основывались: не судите, да не осуждени будете, соглашались однакоже, что некаящихся и непокаяющихся изъ нихъ велѣно заточать. Сказавъ, какъ Іосифъ опровергъ приводимые еретиками въ свою пользу означенный текстъ (Мате. 7, 1) и мѣсто изъ Златоуста, авторъ за тѣмъ превратно и слишкомъ мало говоритъ о существенномъ содержаніи этого сильнаго и многученаго слова.—Преподобный весьма хорошо здѣсь раскрываетъ мысль о преслѣдованіи вредъ наносящихъ еретиковъ изъ примѣровъ Ветхаго и Новаго завѣта, отъ пророковъ и апостоловъ, изъ исторіи христіанской Церкви, изъ законовъ Греческихъ православныхъ царей, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ противъ еретиковъ, равно какъ показываетъ несообразность и вредъ отъ нерадѣнія о еретикахъ.

Вышепомянутая записка или докладъ великому князю и это слово, служащее полнымъ ея раскрытіемъ, конечно, имѣли вліяніе на Василія Ивановича въ открытіи собора на еретиковъ. Но недозвольный симъ авторъ все дѣло объясняетъ тѣмъ, будто Іосифъ, воспользовавшись дряхлостію Іоанна Васильевича, напоминаніемъ Византійскихъ законовъ умѣлъ возбудить самолюбіе въ молодомъ его наслѣдникѣ и тогдашнемъ правителѣ, считавшемъ себя отраслію и преемникомъ восточныхъ императоровъ. «Доводы Іосифа, говоритъ г. Хрущевъ стр. 192, и приведенные имъ примѣры благочестивыхъ царей Греческихъ подѣйствовали на того, кто по матери былъ прямой потомокъ послѣднихъ царей Византіи. Василій Ивановичъ понялъ Іосифа и вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ царскія обязанности, о которыхъ ему писалъ Іосифъ. Послѣдній же зналъ, какую силу имѣлъ великій князь Василій у отца, уже ослабѣвшаго тѣломъ и душою».

Но сколь многія и твердыя основанія были у Іосифа къ такому строгому требованію, а у собора 1504 г. къ опредѣленію надъ еретиками, это показываетъ еще у самого автора на стр. 194—197 изложеніе *посланія къ Заволжскимъ старцамъ* о повиновеніи соборному опредѣленію. При этомъ однако же въ изложеніи Хрущева бросаются въ глаза нѣкоторыя слова и обороты, перемѣна подлиннаго текста «отступившемъ отъ вѣры *въ зрѣломъ возрастѣ*, вмѣсто: *самовольнъ* отвергшагося Христа (см. 15-е слово Просвѣтителя стр. 568), недоговорка въ извѣстіи о мусульманскомъ омовеніи жидовствующихъ (см. тамъ же стр. 573). Всѣмъ этимъ, намѣренно или ненамѣренно, ослабляются мысли и требованія Іосифа.

Тоже самое мы должны сказать и о послѣднихъ, за симъ слѣ-

дующихъ, трехъ словахъ Просвѣтителя 14, 15 и 16, т. е. что и они показываютъ правоту Іосифа и собора. Но надобно замѣтить, что у автора на стр. 197—202. словамъ этимъ сдѣланъ только общій и безцвѣтный очеркъ, и что здѣсь, какъ и въ изложеніи Устава Іосифова, не вполне раскрывая самыя основанія и не приводя характеристическія и сильнѣйшія мѣста о еретикахъ, онъ поставляетъ на видъ болѣе «лютыхъ казни и смерти еретиковъ», и такія особенности (въ примѣрахъ истиннаго покаянія, стр. 199), которыя нынѣ могутъ быть поняты превратно. Намъ кажется, что надлежало бы сдѣлать выписки изъ этихъ словъ или точнѣйшее изложеніе въ нихъ извѣстій о ереси: это раскрыло бы ту безпримѣрную глубину богохульства и разврата, дерзости и упорства, какою отличалась секта жидовствующихъ, до подлинности намъ еще мало извѣстная, и представило бы въ настоящемъ свѣтѣ какъ сужденія, такъ и дѣйствія Іосифа и собора, разсѣявъ голословное на нихъ нареканіе въ жестокости.— Не сочувствуя Іосифу авторъ на стр. 200 съ какимъ-то сомнѣніемъ отмѣчаетъ мысль его: «ясно, что *по мнѣнію Іосифа* ересь жидовствующихъ угрожала гибелью всей Русской землѣ». Но, если вѣрить сказаніямъ лѣтописей и словамъ нашихъ историковъ, что христіанство только дало политическое бытіе и силу Руси, что только твердая вѣра спасла ее въ Монгольской и другіе погромы, избавила отъ Латинскихъ и другихъ козней, скрѣпила и дала побѣду надъ всѣми враждебнымъ: то нельзя не признать, что испроверженіе коренныхъ догматовъ христіанства и осмѣяніе священнѣйшихъ предметовъ Церкви, при разливѣ распутства, какъ все это дѣлалось жидовствующими, угрожало потрясеніемъ отечеству. Вообще—это истина историческая, испытанная и не нашими только опытами.— Въ концѣ всего странная привязка къ словамъ Іосифа и еще странице по ней замѣчаніе на стр. 201. У Іосифа написано о паряхъ: «бози есте и сынове Вышняго, блюдѣтеся же да не будете сынове гяву (нарушая свои обязанности) и во пса мѣсто сведени будете во адъ». Слова эти, взятыя изъ Еврема Сирина, читаются и въ Наказаніи княземъ, иже дають волость и судъ небогобойнымъ и лукавымъ мужемъ (см. Памятники старинной Русской литературы, вып. IV). Г. Хрущевъ, замѣтивъ въ самомъ Вступленіи стр. VII, что на (мнимо) политическихъ взглядахъ Іосифа воспитывался Грозный, теперь восклицаетъ: вотъ готовый образчикъ тѣхъ понятій, на которыхъ воспитаѣтъ Грозный! Не понимаемъ, что онъ хотѣлъ сказать. Если не нравится названіе царей богами (т. е. намѣстниками Божиими на земли, по Русской пословицѣ:

царь — земной богъ): то это — учение и названіе библейское (Псал. 81, 6. слич. Иоан. 10, 34). Равно и въ прочемъ содержаніи означеннаго Наказанія княземъ нѣтъ ничего, кромѣ открытаго и умнаго наученія князей правосудію. О самомъ Іоаннѣ въ этомъ отношеніи сказано нами выше въ замѣчаніяхъ на Вступленіе стр. 88.

Глава III. *Іосифъ и архіепископъ Новгородскій Серапіонъ въ спорѣ между собою (1506—1509 г.)*

Здѣсь излагаются лучшія отношенія Іосифа къ Москвѣ, особенно съ правленія Василія Іоанновича и неблагопріятныя къ удѣльному Волоцкому князю Теодору Борисовичу, по причинѣ обидъ и притѣсненій отъ него Іосифовой обители; передача монастыря, по этимъ притѣсненіямъ, въ великое государство Московское; первоначальныя добрыя отношенія Іосифа къ мѣстному архіепископу Новгородскому Серапіону и, по проискамъ Волоцкаго князя, послѣдовавшая на Іосифа за означенное отступленіе къ Москвѣ неблагословенная грамота Серапіона. За тѣмъ представляются свѣдѣнія о самомъ Серапіонѣ, о его прежней службѣ, и оборотъ, какой приняло дѣло по означенной грамотѣ Серапіона и объясненіямъ Іосифа къ великому князю и митрополиту, содержаніе этого посланія къ митрополиту, и отвѣтъ на оное митрополита съ разрѣшеніемъ священнослуженія Іосифу; упомянуто о соборѣ, лишившемъ Серапіона каедры, и разсмотрѣно оправдательное посланіе его къ митрополиту Симону (стр. 203—217). Все это изложено очень хорошо, съ употребленіемъ лѣтописей, посланій Іосифа и другихъ коренныхъ источниковъ, съ разными соображеніями и объясненіями фактовъ. Такъ изложены поборы, наѣзды и притѣсненія Іосифову монастырю князя Теодора и подробно разсмотрѣно замѣчательное и малозвѣстное посланіе Серапіона къ Симону, въ оправданіе своего поступка съ Іосифомъ. Мы не хотимъ только допустить пры у князя Бориса Васильевича, по словамъ автора, отличавшіяся часто необузданнымъ разгуломъ (стр. 204). Мѣсто въ Житіи Неизвѣстнаго стр. 49, на которое онъ ссылается, ничего такого не представляетъ, кромѣ выраженія: «нѣкогда веселующу владыцѣ сему» и похвалы отрока своего.

За тѣмъ показываются разныя сужденія приверженцевъ и противниковъ Іосифовыхъ о неблагословеніи Серапіона и непрощеніи у него Іосифа, излагается посланіе Іосифа къ Ивану Ивановичу Третьякову, по этому поводу, и другое посланіе къ Борису Кутзову: изъ нихъ по намѣренію самого Іосифа взаимно дополняютъ одно другое. Упомянуто сюда же относящееся посланіе Ивана

Головина и показаны два противоположные взгляда на это дѣло, выразившіеся въ лѣтописяхъ, примиреніе съ Серапіономъ противниковъ его и два посланія Нила Полева по тому же спору (стр. 217—239). И это также изложено съ знаніемъ дѣла, особенно тщательно раскрыты помянутыя два посланія къ Третьякову и Кутузову.

Но тамъ и здѣсь высказанъ взглядъ автора, оправдывающій Серапіона и осуждающій Іосифа. Приступая къ разсмотрѣнію посланій г. Хрущевъ, стр. 218, выражается объ Іосифѣ слѣдующимъ рѣзкимъ и оскорбительнымъ образомъ: «друзья Іосифа не знали, какъ защищать его... самъ Іосифъ долженъ былъ придти къ нимъ на помощь съ запасомъ свидѣтельствъ изъ св. Писанія, церковныхъ правилъ и примѣровъ изъ исторіи и житій святыхъ». Что же? скажемъ мы: приведенныя свидѣтельства, правила и примѣры имѣютъ свою силу, объясненіе дѣла въ обоихъ посланіяхъ оправдываетъ Іосифа, если не вполнѣ: то и архіепископа не совсѣмъ освобождаетъ отъ вины. Во всякомъ случаѣ видно, что отлученіе Серапіономъ Іосифа было дѣло незаконное, сдѣланное поспѣшно и по интригамъ другихъ. Если (оставя безъ вниманія приводимыя Іосифомъ причины и объясненія) мы будемъ ставить Іосифу въ вину, что онъ долго не просилъ прощенія у бывшего своего владыки: то не можемъ одобрить и того, что Серапіонъ отвергъ посланнаго съ иконою Іосифовскаго старца, не хотѣлъ признать своей вины и смириться предъ осудившимъ его соборомъ. Если въ объясненіяхъ Іосифа есть мѣста, касающіяся личности Серапіона: то и у Серапіона въ посланіи къ Симону находятся самыя рѣзкія выраженія объ Іосифѣ. Говоря все это по поводу лишь замѣчаній автора противъ Іосифа, мы съ своей стороны отнюдь не хотимъ осуждать того или другаго изъ спорящихъ, а считаемъ этотъ споръ лишь дѣломъ немощи человѣческой, взаимныхъ недоразумѣній и случайностей, каковыя не безъ Промысла Божія допускаются и на самихъ великихъ избранниковъ Божіихъ. Знаемъ напримѣръ, что св. Павелъ, апостолъ языковъ, въ Антиохіи *отъ лица противосталъ* Петру, благовѣствующему въ обрѣзаніи, *яко зазоренъ бы* (Гал. 2, 11), и что у того же Павла нѣкогда изъ-за спутника Марка была *распря* съ апостоломъ Варнавою, *яко отлучитися има отъ себе* (Дѣян. 15, 39); знаемъ несогласія Златоустаго съ св. Епифаніемъ Кипрскимъ по дѣлу о Нитрійскихъ монахахъ. Не смотря на это и Петръ остался Петромъ, и Павелъ Павломъ, равно какъ и прочіе при своемъ достоинствѣ, сдѣлавшись сынами царствія, — и судить ихъ намъ

трудно. О спорѣ Іосифа съ Серапіономъ и взаимномъ примиреніи весьма хорошо и духовно разсудилъ Неизвѣстный жизнеописатель Іосифа стр. 64, и слѣдующія слова его буквально повторяетъ писатель житія Серапіонова: сія бо преподобнымъ свойственна: егда кая стропотная бывають имъ, вражду поправше на смиреніе прійти, якоже блаженный Иванъ и Елифаній, тако же и сіи отцы Серапіонъ и Іосифъ (Синод. Б — ки Милютинская четь-миня, мартъ, № 803, л. 447 об.). Надобно наконецъ замѣтить, что все дѣло получило такой размѣръ и имѣло такіа печальныя для Серапіона слѣдствія отъ того, что тутъ примѣшалась государственная политика.

На стр. 236 авторомъ замѣчено: «изъ житія Іосифа (Саввы Чернаго) узнаемъ, что по смерти его злобно отнеслись къ его памяти іерей и сынъ боярскій, — оба изъ Новгорода». Выраженіе «злобно» объ іерей Новгородскомъ употреблено уже слишкомъ рѣзко (см. сказанное о немъ выше стр. 91), а о сынѣ боярскомъ совершенно ложно, и мы недоумѣваемъ, какъ это случилось. Въ поступкѣ боярскаго сына (Житіе Саввы стр. 74) не только не видно никакой неприязни къ памяти препод. Іосифа, но, напротивъ, живая вѣра къ нему, даровавшая этому больному чудесное исцѣленіе.

Не совсѣмъ ясно и точно представлено на стр. 237 содержаніе и значеніе отвѣтнаго посланія Іосифа великому князю, лучше изложенныя у свящ. Булгакова стр. 185. Дѣло въ томъ, что великій князь, поставленный въ затруднительномъ вопросѣ, просилъ Іосифа изложить способъ, какъ уладить споръ, опредѣлить условія примиренія его съ архіепископомъ (билъ бы ему челомъ). И Іосифъ, не желая быть судіею своего противника, съ своей стороны вполнѣ довѣрился благоразумію и волѣ князя. А нынѣ, государь, моя мысль: какъ Богъ да пречистая Богородица тебѣ, государю моему, на сердце положить: *какъ ты, юсударь, велими и язъ, юсударь, такъ бью челомъ* (Серапіону), и прибавляетъ: занеже, государь, надежа и уованіе *по Бозъ и по пречистой Богородици*, ты государь. Курсивомъ набранныя слова у г. Хрущева въ выпискѣ опущены и потому она даетъ превратный смыслъ.

Изъ посланій Нила Полева, разбираемыхъ на слѣдующей 238 страницѣ, видно, какое сильное волненіе произвело и какіе превратныя возбудило толки въ самыхъ Заволжскихъ пустыняхъ Серапіоново Іосифу отлученіе. Но видно и то, что Нилъ Полевъ и подобные ему вполнѣ раздѣляли защитительныя мысли Іосифа и къ тому же убѣжденію приводили и нѣкоторыхъ своихъ противниковъ.

Глава IV. *Новая борьба Иосифа съ ересью (жидовствующихъ) и жюкъ Вассіана (1511—1515).*

Въ этой небольшой главѣ содержится возвращеніе князя-инока Вассіана Патрикѣва съ Бѣлоозера въ Москву и защищеніе имъ еретиковъ предъ великимъ княземъ, своимъ родственникомъ; вызванное симъ второе посланіе Иосифа къ Василию Ивановичу, съ убѣжденіемъ вновь принять строгія мѣры противъ жидовствующихъ, не довѣряя ихъ вынужденному лицемѣрному покаянію, какъ и поступилъ великій князь. Показывается открытіе ереси у Бѣлоозерскихъ пустынниковъ, особенно покровительствуемыхъ Вассіаномъ, и сочиненіе его противъ Иосифа, обвинявшее самого Иосифа въ ереси строгихъ Новатіанъ; жалобное на это посланіе Иосифа къ ближнему боярину В. А. Челяднину и слѣды полемики его съ Вассіаномъ. Послѣднія дѣянія и писанія Иосифа: примиреніе имъ великаго князя съ братомъ Юріемъ Дмитровскимъ, предсмертное посланіе Василию Ивановичу съ порученіемъ его милости Иосифовой обители и духовная грамота, значеніе Иосифа въ ближайшемъ и отдаленномъ потомствѣ (стр. 240—254).

Въ отношеніи литературномъ нельзя не отдать чести и этой главѣ, но вообще она вызываетъ противъ себя много замѣчаній.

Авторъ явно держитъ сторону Вассіана Патрикѣва въ полемикѣ его противъ Иосифа. Къ извѣстію о томъ, что Вассіанъ былъ ученикъ извѣстнаго пустынника Нила Сорскаго, онъ прибавляетъ стр. 240: «Нилъ Сорскій могъ за то полюбить Патрикѣва, что онъ, по своему умственному развитію, понималъ глубокомысленнаго Нила. И онъ дѣйствительно понялъ своего наставника, когда впоследствии явился защитникомъ его мнѣній». — Мы не знаемъ свидѣтельствъ и данныхъ, показывающихъ особенное расположеніе Нила къ Вассіану, а напротивъ видимъ въ характерѣ и образѣ жизни Вассіана многое такое, что должно было отталкивать отъ него строгаго Нила Сорскаго, когда сей, безъ сомнѣнія, поставлялъ *царствіе Божіе не въ словеси (Вассіана) а въ силѣ* (1 Кор. 4, 20). Правда, что Курбскій, вооруженный противъ всего Иосифовскаго и въ отзывѣхъ рѣзкій, превозноситъ сторонника своего Вассіана, уподобляя его самому Антонию великому (Сказанія кн. Курбскаго, изд. 2, стр. 4. 5). Но по справедливому изображенію въ слѣдъ за симъ у самаго г. Хрущева Вассіанъ и въ монашествѣ былъ заносчивый, смѣлый и роскошный бояринъ, говорить гораздъ. При этомъ становится яснымъ, что и въ полемикѣ съ Иосифомъ руководила Вассіана не столько любовь къ Нилу и истинѣ, сколько

любопрѣніе и духъ противорѣчія. На дѣлѣ Вассіанъ вовсе не чувствовалъ аскетическимъ мыслямъ и стремленіямъ Нила. Этотъ защитникъ нестяжательности монастырей и поборникъ аскетической жизни, — иронически говоритъ о Вассіанѣ умный ученикъ преп. Максима Зиновій, — живя въ Симоновѣ монастырѣ разнствовалъ въ пищѣ отъ прочихъ братій ради ихъ деревень (по той причинѣ, что они владѣли деревнями). Не изволи же Вассіанъ брашна Симоновскаго ясти: хлѣба ржаного и варенія, еже отъ лествія капустнаго... и монастырскаго пива чистительнаго желудка не пїяше. Ядыше же мнихъ Вассіанъ приносимое ему брашно отъ трапезы великаго князя, хлѣбы пшеничны, чисты, крупичаты и прочая брашна зѣло желаемая и многопестротнѣ застроаемая... яже отъ рыбѣ и масла, и молока, и яиць. И благоговѣйный мнихъ Вассіанъ князь разнствова въ брашнѣ отъ Симонова монастыря ради стяжанія (т. е. имѣнія у монастыря) двою тысящу вытей, ... не разнствова же Вассіанъ въ брашнѣ отъ великаго князя, имѣющаго тмы тмами вытей... пїяше же нестяжательный романію, бастръ, мушкатель, ренское бѣлое вино (Зиновія Истины показаніе, слово 45, см. въ статьѣ о нелюбкахъ Приб. Твор. отцевъ ч. 10, стр. 520. 521). Въ особенности же Вассіанъ вооружался противъ Іосифа въ мнѣніи о еретикахъ, потому что въ связи съ этимъ вопросомъ состояло самое паденіе и невольное постриженіе Вассіана (см. сказанное выше стр. 124). Изъ соборнаго суда надъ Вассіаномъ 1531 года (Чтенія Москов. Общества Исторіи и Древностей 1847 г., № 9 въ Смѣси), хотя и не вполне сохранившагося, видно, что Вассіанъ самъ нѣкоторымъ образомъ былъ причастенъ ереси жидовствующихъ. Такъ Вассіанъ обвиняется, не говоря о важнѣйшемъ, въ униженіи писаній отеческихъ, въ непочтеніи Русскихъ чудотворцевъ (въ чемъ и сознался) и въ нѣкоторомъ другомъ. Такимъ образомъ не-вѣротерпимость нашла себѣ поддержку въ Вассіанѣ Патрикѣевѣ, какъ говоритъ авторъ стр. 241, а самая ересь и мать всѣхъ ересей — гордость и непризнаніе духовной власти нашли себѣ мѣсто въ сердцѣ Вассіана, почему онъ и сталъ печаловаться о еретикахъ и всею силою вооружился противъ Іосифа Волоколамскаго. Въ этомъ случаѣ не видно, чтобъ и учитель Вассіановъ Нилъ Сорскій былъ того же мнѣнія о еретикахъ. Въ предметахъ полемики Іосифа противъ Нила и Вассіана, означенныхъ въ 3-мъ отвѣтномъ словѣ самаго Вассіана (см. у г. Хрущева стр. 248, примѣч. 220), въ этомъ пунктѣ о еретикахъ Нилъ не упоминается (какъ въ нѣкоторыхъ другихъ) вмѣстѣ съ Вассіаномъ, а Вассіанъ представляется одинъ.

По поводу печалованія о еретикахъ Вассіана и сообщниковъ его, чрезъ то дававшихъ свободу распространенія ереси, Іосифъ писалъ второе посланіе къ великому князю о еретикахъ, въ которомъ излагалъ обязанности царской власти къ охраненію Церкви, совѣтовалъ ему, не довѣряя лицемѣрному и вынужденному покаянію еретиковъ, употребить противъ нихъ строгія мѣры. Авторъ, хотя и самъ довольно раскрылъ ходъ и силу мыслей посланія, въ заключеніи успѣхъ его, какъ и успѣхъ 13-го слова Просвѣтителя (см. замѣченное выше на стр. 134), объясняетъ только внѣшнею отдѣлкою. «Витіеватость, говорить онъ стр. 244, оказала безъ сомнѣнія свое дѣйствіе на книжнаго великаго князя, въ особенности же торжественныя слова о значеніи царской власти (*васъ бо Богъ въ себе мѣсто избра на земли и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ*) должны были производить сильное впечатлѣніе на становившагося царемъ великаго князя. Такія увертки, по нашему мнѣнію, роняютъ серьезное сочиненіе. — Приведенныя о царяхъ библейскія слова автору не нравились и прежде (см. на это замѣчаніе на стр. 135. 136).

За тѣмъ ироническимъ тономъ передается «чудо преславно, какъ Богъ обнаружилъ святотатство ложно раскаявшагося еретика», которое еще болѣе побудило Іосифа писать, чтобъ не вѣрили раскаянію еретиковъ. — Чудо состояло въ томъ, что когда повѣрили лицемѣрному раскаянію одного еретика и даже поставили его въ попы, онъ, совершивъ однажды литургію, принесъ въ домъ свой потиръ съ дарами и изъ презрѣнія вылилъ оныя въ топившуюся тогда печь: по уходѣ его, жена его увидѣла въ печи Отроча мало, грозившее преступнику вѣчнымъ огнемъ, Отроча немедленно взято было на небо двумя большими птицами т. е. ангелами. Чудо это, кромѣ Саввы Чернаго (стр. 37. 38), разсказано, съ нѣкоторыми другими подробностями, и въ Патерикѣ Волоколамскомъ (рукоп. Епархіальной Б—ки, № 664, л. 126). Составитель его сперва замѣчаетъ о строгости жизни и цѣломудрія передавашаго чудо живописца Феодосія (къ которому преп. Іосифъ писалъ при особенномъ посланіи цѣлыя три слова 5, 6 и 7 изъ Просвѣтителя, см. выше стр. 120) и потомъ говорить, что этотъ еретикъ и ему самому (составителю) хорошо извѣстенъ. Но хотя бы мы и не приняли ничего чудеснаго, фактъ говорить самъ за себя. Извѣстно, что жидовствующіе отвергали таинство Евхаристіи, и потому естественно ожидать отъ еретика такого богохульства, чтобы пролилъ въ печь св. дары. Но въ тоже время такой фактъ всякому открывалъ глаза,

какого свойства эти еретики и что такое теперешнее ихъ покаяніе. Церковь съ величайшимъ благоговѣніемъ смотритъ на это святѣйшее таинство Евхаристіи, и священникамъ волею или неволею пролившимъ святыя дары опредѣлены строгія наказанія и мѣры къ исправленію вины (см. 158 правило въ номоканонѣ при требникѣ и др.). Но если всякое чудо условливается важностію обстоятельства и цѣли: то на этомъ основаніи и въ настоящемъ случаѣ возможно допустить чудесность.

На стр. 245 и 246 передается описанный въ Нелюбкахъ случай открытія ереси у Бѣлозерскихъ старцевъ, и другой, когда Вассіанъ въ палатахъ самого митрополита Варлаама ни съ того ни съ сего учениковъ Іосифовыхъ и съ учителемъ ихъ клеймилъ названіемъ отступниковъ Божіихъ (слич. посланіе къ В. А. Челяднину, у г. Хрущева стр. 260). Въ томъ и другомъ выражается характеръ Вассіана и его желчность и жестокость, въ которой обвинялъ онъ Іосифа, между тѣмъ какъ теперь самъ просилъ свидѣтеля — православнаго попа на пытку, въ которой попъ лишился жизни и однако же не отказался отъ своего показанія протпвъ покровительствуемыхъ Вассіаномъ старцевъ.

«Вассіанъ, говоритъ авторъ, сталъ писать противъ Іосифа. Отвергая свидѣтельства Ветхаго Завѣта въ дѣлахъ Церкви Христовой, Вассіанъ обвинялъ Іосифа за то, что онъ, осуждая еретиковъ, преимущественно основывался на Ветхомъ Завѣтѣ». — Не на Ветхомъ Завѣтѣ преимущественно основывался Іосифъ въ своихъ писаніяхъ на еретиковъ, а на правилахъ соборовъ и св. отцевъ и узаконеніяхъ православныхъ Грекоримскихъ государей. Что касается до Новаго Завѣта: то здѣсь содержится только общее ученіе о коренныхъ правахъ и правилахъ Церкви христіанской, только первыя предначертанія о ея устройствѣ и управленіи. А все это раскрыто, опредѣлено и примѣнено къ Церкви уже впоследствии, съ образованіемъ самой Церкви въ одно великое тѣло Христово, — вышепомянутыми соборными, отеческими и градскими правилами. Потому Іосифъ имѣлъ надлежащія основанія къ своимъ заключеніямъ, тогда какъ мысль Вассіана, если онъ хотѣлъ держаться только Новаго Завѣта, съ устраненіемъ преданія, отзывается лютеранствомъ. Къ этому лютеранству ересь жидовствующихъ вообще имѣетъ ближайшее отношеніе, изъ него она и развилась (см. Руднева О ересяхъ и расколахъ стр. 152 и слѣд.).

Таковыя рѣчи и писанія Вассіана заставили препод. Іосифа въ особомъ посланіи къ боярину В. А. Челяднину просить его, довести

сіе до свѣдѣнія вел. князя и исходатайствовать у него дозволенія Іосифу писать въ свое защищеніе. При этомъ со стороны Іосифа г. Хрущевъ (стр. 247) приводитъ слѣдующую причину: «ино, господине, намъ Божественная писанія повелѣвають трыпѣти всяка укоризна; аще ли же, господине, кто назоветъ еретикомъ, ино о томъ не вѣстно молчати». Но не привелъ авторъ другую, за симъ слѣдующую, гораздо сильнѣйшую причину: и коли хулилъ и злословилъ (меня Вассіанъ), и то, господине, было не таково (т. е. клевета), а мынѣ, юсподине, писанію предаеть, да и разсмыаеть о томъ посланія, ино уже терпѣти не возможно. Въ такомъ же точно положеніи за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, сподвижникъ Іосифовъ, Геннадій Новгородскій жаловался собору епископовъ: а Захаръ чернецъ пишетъ въ своихъ грамотахъ, что на мене послагъ по всемъ градомъ грамоты: зоветъ мя еретикомъ, а язъ не еретикъ. А и писано: аще ты кто назоветъ еретикомъ, да не приимеши (не принимай такого нареканія); аще ли пріялъ еси, отвергся естъ Христа (т. е. на самомъ дѣлѣ сталъ еретикомъ). См. Геннадіево посланіе къ собору епископовъ въ Православномъ Собесѣдникѣ 1863 г., стр. 480. Прося о дозволеніи защищаться отъ Вассіана Іосифъ пишетъ: занеже, господине, Божіею милостію естъ, чѣдъ говорити и писати противу его рѣчей. Мы, господине, по свидѣтельству святыхъ вселенскихъ седми соборъ стали на еретики, да по свидѣтельству священныхъ правилъ били челомъ великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи, какъ прежнимъ святителемъ на вселенскихъ соборѣхъ прежнимъ православнымъ царемъ били челомъ. Вотъ подлинныя основанія писаній и дѣйствій Іосифа противъ еретиковъ, а не Ветхозавѣтные законы, только въ помощь иногда имъ приводимые, какъ это дѣлается и въ соборныхъ постановленіяхъ! И государь, продолжаетъ Іосифъ, Святымъ Духомъ подвижися (эти слова изъ связи вырванныя у г. Хрущева получаютъ другое значеніе) учинилъ, якоже и прочіи православніи цари, по свидѣтельству тѣхъ же Божественныхъ правилъ. А Васьянъ супротивно всемъ Божественнымъ правиломъ сталъ съ еретики на насъ.

Въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1863 г., ч. 3, стр. 95—112, 180—210 отпечатаны сохранившіяся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ сочиненія Вассіана, — три отвѣтныхъ слова его съ предисловіемъ. Послѣднее слово стр. 200¹—210 представляетъ по пунктамъ отвѣты Вассіана на сказанія Іосифа, направленныя противъ Вассіана, а иногда выѣстъ и противъ учителя его Нпа. Нѣкоторыя изъ сихъ сказаній или обвинительныхъ пунктовъ встрѣчаются въ словахъ

Просвѣтителя, а другихъ 9-ти тамъ вѣтъ,—и г. Хрущевъ стр. 248 полагаетъ, что эти послѣдніе явились вслѣдствіе испрошеннаго позволенія Іосифу защищаться противъ Вассіана и составляли Дополненіе къ Просвѣтителю. Они касаются того, что подобаетъ учительство приводить отъ Вѣтхихъ писаній, что Вассіанъ, требуя оставить еретиковъ на волю Божию, призывающую всѣхъ къ покаянію, даетъ поводъ къ распространенію ими своей ереси, что казненные изъ нихъ, по его мнѣнію, суть мученики, что Нилъ и Вассіанъ похулили Русскихъ чудотворцевъ и по невѣрію отвергли чудеса ихъ, также говорили, что не слѣдуетъ храмы украшать серебромъ и золотомъ и монастырямъ имѣть вотчины. Но странно, что этихъ сказаній Іосифа противъ Вассіана и Нила не видно ни въ рукописяхъ Волоколамскаго монастыря, поступившихъ въ Московскую Академію и Епархіальную Библіотеку, ни въ другихъ извѣстныхъ намъ библіотекахъ, судя по описаніямъ ихъ. Подъ сказаніями вообще не точный въ языкѣ Вассіанъ не разумѣетъ ли одни устно высказанныя Іосифомъ положенія, а не разсужденія или статьи писмени преданья? Вассіанъ, говоритъ за тѣмъ Хрущевъ, въ своемъ отвѣтномъ словѣ (3-мъ) рѣзко опровергая эти *положенія* Іосифа постоянно ссылается на свои «тетради» — обширное сочиненіе въ защиту Заволожскихъ убѣжденій. — Мысль объ этихъ тетрадяхъ Вассіана взята авторомъ изъ предварительнаго Введенія къ вышешюмянутымъ въ Православномъ Собесѣдникѣ 1863 г. изданнымъ полемическимъ сочиненіямъ Вассіана стр. 97 и слѣд. Казанскіе издатели послѣднее въ сихъ сочиненіяхъ слово на стр. 200 вопреки подлинному его заглавію: Собраніе на Іосифа Волоколамскаго отъ святыхъ правилъ и многихъ книгъ, назвавъ *сокращеніемъ* всей полемики между Іосифомъ и Вассіаномъ, говорятъ, что изъ этого сокращенія видно между прочимъ, что Вассіанъ въ защиту своихъ идей написалъ цѣлую книгу, состоящую болѣе, чѣмъ изъ 10-ти словъ, и что онъ подавалъ голосъ противъ Іосифа по всѣмъ церковно-іерархическимъ вопросамъ, занимавшимъ тогда наше духовное и мірское Правительство. Такое заключеніе, безъ другихъ прямыхъ свидѣтельствъ, мы находимъ поспѣшнымъ. Правда, что при многихъ отвѣтахъ этого слова авторъ ссылается на тетради и другія слова, но эти ссылки указываютъ не на особую какую нибудь книгу изъ десяти и болѣе словъ, а на тѣ же самыя три слова отвѣтныхъ съ предшествующимъ имъ предисловіемъ, которыя изданы въ Православномъ Собесѣдникѣ, именно на стр. 102 предисловіе, стр. 104 слово отвѣтно противу клевету-

дихъ истину евангельскую и о проческомъ житіи, — слово 1-е, стр. 180 собраніе на Іосифа Волок. отъ правилъ Никонскихъ — слово 2-е, л. 200 собраніе отъ святыхъ правилъ и многихъ книгъ — слово 3-е. Сами издатели въ послѣднемъ словѣ тамъ, гдѣ начинается рядъ положеній Іосифа съ отвѣтами Вассіана не съ 1-го, а съ 4-го, на стр. 200 замѣчаютъ, что первыя три числа означаютъ предшествующія ему два слова съ предисловіемъ: но напрасно они предисловіе вводятъ въ счетъ и такимъ образомъ послѣднее слово, съ положеніями Іосифа, представляютъ четвертымъ, а не третьимъ. Теперь мы разберемъ самыя ссылки, — и тотчасъ увидимъ, что подъ именемъ тетрадей и словъ въ нихъ означаются два предъидущія слова и (въ счета) предисловіе, какъ мы выше распредѣлили. Такъ въ отвѣтѣ 4-мъ (печ. стр. 201) Вассіанъ ссылается: яко подобаетъ еретиковъ святителемъ прокляпати, царемъ же и княземъ сихъ подобаетъ заточати и казнити, якоже писано *въ сихъ тетратехъ напреду*, во 2-мъ словѣ; дѣйствительно объ этой казни, но не во главу, говорится въ означенномъ нами 2-мъ словѣ на стр. 198. 199. Въ 5 отвѣтѣ требуя убіенія еретиковъ молитвою, а не оружіемъ, Вассіанъ опять ссылается на это же 2-е слово и на то же въ немъ мѣсто: якоже напреду изъявлено о семъ въ сихъ тетратехъ во 2-мъ словѣ. Также ссылается и въ 8 и 9 отвѣтахъ въ доказательство того, что кающихся еретиковъ надобно принимать и что казенные еретики суть мученики. Въ 7-мъ отвѣтѣ говоря о томъ же покаяніи еретиковъ Вассіанъ прямо означаетъ показанное 2-е слово: о семъ писано покаянія еретикомъ (т. е. о семъ покаяніи еретиковъ) во второмъ словѣ *ответно(мъ)*, отъ святаго писанія въ сихъ тетратехъ. Въ 10 отвѣтѣ Вассіанъ говоритъ, что онъ съ Ниломъ Сорскимъ почитаетъ Русскихъ святыхъ, понеже жили по Евангелію и Апостолу, а не якоже ты, Іосифе, и твои ученицы преступивъ заповѣди Божіи, не токмо яко мѣртви челоуѣцы живутъ, но и горши того, якоже въ *Предисловіи* о тебѣ и о твоихъ ученицѣхъ писано сихъ тетратей. Здѣсь разумѣтся или собственное *Предисловіе* къ настоящимъ тремъ отвѣтнымъ словамъ (въ печ. на стр. 102), гдѣ словесами худыми, лихоглаголаніемъ, тропарями и въ пѣніи гласомъ быстрѣйшимъ и сломленнымъ, предвѣтіями, проклятіями, сѣдальными и т. д. Вассіанъ, конечно, оуждаетъ торжественное и продолжительное богослуженіе Іосифа съ братією, — вопреки уставу скитскому, или же разумѣются начала или вступленія 1, 2 или 3 отвѣтнаго слова, также съ укорицами на Іосифа съ братією: языкъ Вассіана вообще неточенъ, неправиленъ и

темень. Въ 11 отвѣтѣ говорится: и о селѣхъ (что) не подобаетъ монастыремъ держати селѣ, о семъ писано въ 3-мъ словѣ сихъ тетрадей. Вѣроятно, здѣсь ошибка писца: вмѣсто 3-го нужно было поставить 2-е слово, главнымъ образомъ дѣйствительно разсуждающее о вотчинномъ владѣніи монастырей, а о еретикахъ, относительно чего доселѣ ссылался на оное Вассіанъ, здѣсь говорится немного. Особенно рѣзки слѣдующія двѣ ссылки: въ 12 отвѣтѣ въ рѣчи о томъ же отнятіи селѣ у монастырей сказано: *о семъ писано въ первомъ-надесяте словѣ сихъ тетрадей*, въ 13-мъ о нехуленіи Вассіаномъ Русскихъ чудотворцевъ: *о семъ писано въ десятой главѣ сихъ тетрадей*. То и другое дѣйствительно находится въ 11 и 10 положеніи или пунктѣ сего самого 3-го слова. Только пункты эти въ неточномъ 'выраженіи Вассіана сперва названы словомъ, потомъ главою! Такимъ образомъ всѣ основанія къ предположенію обширнаго творенія Вассіана по современнымъ вопросамъ оказались ложными, и выходитъ, что авторъ (Вассіанъ) только хвалитъ и обманываетъ самъ себя, постоянно ссылаясь на тѣже самыя тетради изъ трехъ скудныхъ словъ съ предисловіемъ, изданныхъ въ Православномъ Собесѣдникѣ. Скудость эта очевидна. Последнее напр. слово содержитъ не *тѣжое* какое нибудь *опроверженіе* положеній Іосифа, какъ говорить Хрущевъ, стр. 249, а только краткіе отвѣты, иногда не на предметъ, и часто—рѣзкую брань и клевету на преподобнаго, чѣмъ и начинается слово, см. и отвѣты на 7. 11 и 15-е положенія. Таже раздражительность, слабость мыслей, растянутасть, удаленіе отъ предмета и повторенія представляются и въ прочихъ двухъ словахъ, изданныхъ въ Православномъ Собесѣдникѣ стр. 104—112 о иноческомъ житіи и 180—199 собраніе на Іосифа Волоколамскаго отъ правилъ Никонскихъ. Уставомъ Іосифа дѣла крестьянъ повелѣвалось разбирать внѣ монастыря на особомъ дворцѣ. Вассіанъ на это пишетъ стр. 190. 191: «о законоположителю, паче же рещи законопреступниче! аще отнюдь грѣхъ возмнѣши еже внутрь (монастыря) мучити христіанъ, братій нашихъ?... Господь заповѣдаетъ тебѣ не противостояти лукавому, но аще кто ударитъ тя въ десную ланиту и обрати ему другую и просящему отъ тебе дай... ты же вся съпротивная узаконѣши и что ино еси, развѣ антихристъ, спрѣчь съпротивникъ Христовъ? Кто убо умъ имѣя не восплачется, видя твое безуміе?» Надобно замѣтить, что это и многое подобное писано въ то время, когда надлежало бы уже утихнуть гнѣву, по отходѣ Іосифа въ вѣчность, въ которую Вассіанъ, въ концѣ послѣдняго 15-го отвѣта, провозж-

дасть его почти проклятіями. Также сильно поноситъ Вассіанъ, стр. 194—196, архіереєвъ и повсюду — современное монашество.

Проф. Бодянской въ Чтеніяхъ Московскаго Историческаго Общества 1859 г. № 3 издалъ признанное еще проф. Устряловымъ (Сказанія князя Курбскаго, изд. 2, Спб. 1842 г., стр. 308, прим. 5) Разсужденіе князя-инока Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть отчинами. Въ двухъ Синодальныхъ рукописяхъ № 648, л. 626 и № 758 (по печ. Описанію № 171, отд. 2, ч. 2, стр. 463. 464), равно и въ двухъ сборникахъ Соловецкаго монастыря (Православный Собесѣдн. 1863 г., ч. 3, стр. 96, прим. 1) это сочиненіе надписывается такъ: «Бесѣда и видѣніе преподобныхъ отецъ нашихъ игуменовъ Сергія и Германа, Валамскаго монастыря начальниковъ, инокомъ о Бозѣ на большее спасеніе и достоинъ тому тако быти. Провидѣли святыми Божественными книгами въ новѣй благодати царей и великихъ князей простоту и иноческую погибель послѣдняго времени будетъ. Послушаемъ сего отцы и братія съ умиленіемъ и вниманіемъ». Сомнѣвія тѣхъ же Казанскихъ издателей (Прав. Собес. 1863 г. стр. 96. 97) въ принадлежности Вассіану этого сочиненія по его «безпорядочному изложенію мыслей и простой неученой рѣчи» кажутся намъ напрасны; издатели вполнѣдствіи на стр. 208 и сами приписали оное Вассіану, приводя такое мѣсто, которое указываетъ на Нила и Вассіана. Въ Вассіанѣ даетъ видѣть автора все вообще содержаніе этой бесѣды и изложеніе ея — съ тѣми же всѣми качествами т. е. недостатками, какія замѣчены нами въ предъидущихъ сочиненіяхъ Вассіана. Такія же рѣзкія выходки здѣсь противъ Русскихъ царей и вел. князей, жаловавшихъ монастыри отчинами, въ печ. Чтеніяхъ стр. 2 и дал., и повсюду — противъ иноковъ. На стр. 6 и 14 говорится о порчѣ нѣкоторыхъ жптій Русскихъ святыхъ, на стр. 15 о громогласномъ церковномъ пѣніи: противъ того и другаго возставали Нилъ и Вассіанъ. Языкъ сочиненія вообще обличаетъ человѣка свѣтскаго, а нѣкоторыя мѣста прямо — Вассіана, бывшаго на воинскомъ и дипломатическомъ поприщѣ. Стр. 6. 12. 13 таковыми неподобными *статьями* (дѣйствіями, распоряженіями) и мірскими суетами царіе иноковъ потворяють, 8 въ *вооруженныхъ полкахъ*, 12. 14 царю (надлежитъ) пещися паствы и *войска* своего, 13 и особыне инокомъ отъ мірянъ промышляти *улуемъ*. Не препятствуетъ относить къ Вассіану сочиненіе сіе и постоянно употребляемый въ немъ титулъ: *царь* и великій князь. Такъ именовалъ Іоанна III и Василія Ивановича *Максимъ Грекъ*, такъ и митрополитъ Даніилъ (см. Пренія Даніила

съ старцемъ Васьяномъ и Максимомъ Грекомъ въ Чтеніяхъ Ист. Общества 1847 г., № 7 и 9, слѣд. Описаніе Синод. Библіотеки, отд. 2, ч. 2, стр. 531). Вассіанъ, преданный Максиму, еще болѣе могъ употреблять такой титулъ, какъ дипломатъ. Это дипломатическое вниманіе къ царскимъ титуламъ видно и изъ слѣдующаго мѣста (печ. стр. 2): Богъ повелѣлъ имъ царствовать и миръ воздержати и для того цари въ титулахъ пишутся самодержцы, (но) таковымъ царемъ (жалующимъ въ монастыри вотчины) не достоинъ писатца самодержцемъ ни въ чемъ же. Авторъ особенный вѣсъ даетъ одной апокрифической статьѣ, когда неоднократно внушаетъ царямъ дозировать *повѣсти Іосифа прекраснаго царя*, чтобъ хорошо править царствомъ и правильно относиться къ монашествующимъ. Что вышеозначенное заглавіе сочиненія, подъ именемъ бесѣды и видѣнія преподобныхъ Сергія и Германа возбуждающее къ нему благоговѣйное вниманіе, сдѣлано самимъ авторомъ, видно изъ того, что въ заключеніи, съ нѣкоторыми вариантами, читается тоже самое: а насъ многогрѣшныхъ *вкупъ обѣихъ черницовъ благословите*, отцы и братія простите, что если мною и *премножествомъ истинными черницами* провидѣли святыми Божиими книгами испроста, написавъ простою своею и неученою рѣчію осудили васъ. Въ этихъ двухъ многогрѣшныхъ черницахъ, хотя въ заглавіи они названы преподобными отцами и игуменами Сергіемъ и Германомъ, не трудно видѣть Вассіана Патрикѣева съ учителемъ его Ниломъ Сорскимъ. За этимъ видѣніемъ или бесѣдою Валаамскихъ преподобныхъ въ помянутыхъ обѣихъ Соловецкихъ рукописяхъ, равно и въ Синодальномъ № 758 слѣдуетъ *Извѣтъ* или челобитная къ Московскимъ государямъ о томъ, чтобъ они приняли во вниманіе уроки вышепомянутой повѣсти Іосифа прекраснаго, равно какъ и видѣнія преп. Сергія и Германа, т. е. отняли у монастырей вотчины, а у удѣльныхъ князей ихъ удѣлы, и такимъ образомъ соединили всю Русскую землю въ одно государство. Въ обѣихъ Соловецкихъ рукописяхъ къ этому присоединено еще *Сказаніе* о явленіи Валаамскихъ чудотворцевъ съ означеннымъ извѣтомъ Новгородскому архіепископу Іоанну, который и благословилъ т. е. подтвердилъ извѣтъ (Правол. Собес. 1863 г., стр. 96, см. преосв. Филарета Русскіе святыя, Черниговъ 1863 г., іюня 28, стр. 127). И извѣтъ и сказаніе принадлежатъ тому же автору, который составилъ мнѣмую бесѣду Валаамскихъ чудотворцевъ. Извѣтъ, кромѣ ссылки на повѣсть Іосифа прекраснаго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ буквальное сходство съ бесѣдою. Но весьма странно, что въ Синод. рукописи

этотъ извѣтъ приписанъ преподобному Іосифу Волоколамскому и имѣеть слѣдующее заглавіе: Извѣтъ преподобнаго отца нашего Іосифа Волоколамскаго новаго чудотворца Осипова монастыря *новелетіемъ Вышняго* къ Московскимъ великимъ княземъ, како имъ одолѣти удѣльныхъ великихъ Русскихъ князей и проч. (см. Описание Синод. рукоп., отд. 2, ч. 2, стр. 464). — Если эта бесѣда съ своими прибавленіями дѣйствительно принадлежитъ Вассіану Патрикѣеву: то она проливаетъ на него новый, но весьма неблагопріятный свѣтъ. Никто не споритъ, что владѣніе вотчинами, хотя бы онѣ были единственнымъ средствомъ содержанія обитателей, было бременемъ, несомвѣстнымъ съ званіемъ иночества. Но строгому пустынянику, какимъ выдавалъ себя Вассіанъ, нашему Антонію великому, какъ велчалъ его Курбскій, проводить свои идеи подъ яменами святыхъ, требуя къ нимъ, какъ къ священнымъ тайнамъ, благоговѣйнаго вниманія, составлять по этимъ мнимымъ откровеніямъ челобитныя къ государямъ и подкрѣплять значеніе ихъ, при особомъ явленіи, благословеніемъ св. Іоанна, Новгородскаго архіепископа, все это — слишкомъ нечестно. . . . Нечестно особенно для Вассіана, который самъ такъ вопіялъ о порчѣ житій Русскихъ святыхъ. Такой подлогъ вполне могъ ручаться и за то преувеличенное тѣло или заглавіе, какое далъ Вассіанъ вышепоказанному своему опроверженію на записку Іосифа: «Кириллова монастыря старцы и вси Заволжстїи старцы положили тому посланію старца Іосифа свидѣтельства отъ Божественнаго писанія противно» (см. стр. 130. 131). Трудно объяснить, кѣмъ и съ какою цѣлію сдѣланъ новый подлогъ извѣста на имя преподоби. Іосифа Волоколамскаго.

На стр. 249—251 обстоятельный разговоръ о примиреніи великаго князя Василія Ивановича съ братомъ его Юріемъ Ивановичемъ, при посредствѣ Іосифа, намъ кажется излишнимъ, къ задачѣ автора не идущимъ.

Тамъ же стр. 251 прим. 222 въ объясненіи именъ старцовъ, въ предсмертномъ посланіи великому князю рекомендованныхъ Іосифомъ на свое мѣсто по управленію обителію, есть ошибки и неточности. Каллистъ бывший *идѣ-то* игуменомъ, — сказано здѣсь. Каллистъ былъ игуменомъ Саввы Сторожевскаго монастыря, см. ниже въ Приложеніяхъ: Библіотека Іосифова монастыря, — 3) Книги, приложенныя при преп. Іосифѣ. — Гурій, бывший келарь, несправедливо признанъ въ послѣдствіи бывшимъ архіепископомъ Казанскимъ. Святитель Гурій скончался въ 1563 году, по сказанію жизнеописанія.

сателя его патр. Гермогена — *въ старости добрый*, но не глубокой. Въ Волоколамскую обитель прямо изъ темницы своей онъ пришелъ въ молодыхъ еще лѣтахъ, въ 10—20 годахъ XVI столѣтія, и, по актамъ монастырскимъ, былъ игуменомъ ея 1543—1552 гг., не ранѣе и не позже (слич. Елисеѣва Жизнеописанія святителей Гурія, Германа и Варсонофія Казанскихъ, Казань 1847 стр. 4—6). Въ актахъ Іосифова монастыря сохраняется купчая старца келаря Гурія, да старца Тихона казначея 7018 (1510) года. Этого, конечно, келаря, а не Гурія Руготина, 1510 г. едва ли и бывшаго въ Іосифовомъ монастырѣ, преподобный рекомендовалъ на свое мѣсто. — О Тихонѣ Ленковѣ сказано, что впоследствии онъ былъ игуменомъ Іосифова монастыря (но цитации, указующей основаніе, опять не сдѣлано!). Въ Синод. ркп. № 927 л. 113 помѣщены грамоты великаго князя Василія Ивановича Іосифова монастыря старцу Тихону Ленкову Авг. 1530 съ повелѣніемъ убѣдить старца Кассіана Босаго къ воспріятію отъ св. купели новорожденного сына его Іоанна. Отсюда однако не слѣдуетъ думать, чтобъ Тихонъ Ленковъ въ это время былъ игуменомъ: впереди помѣщена грамота о томъ же къ тогдашнему игумену Нифонту, а къ Тихону Ленкову писано только, какъ къ лицу вліятельному на Кассіана. Впоследствии 1573 года въ актахъ монастырскихъ является игуменъ Іосифова монастыря Тихонъ; но это былъ не Тихонъ Ленковъ, а Тихонъ Хворостининъ, въ 1575 г. возведенный въ санъ архіепископа Казанскаго (слич. Синод. рукоп. № 829 л. 109).

На стр. 253 указавши неодобрительный отзывъ Герберштейна о митроп. Даніилѣ, якобы 30-ти только лѣтъ вступившемъ на митрополию, *) авторъ самъ дѣлаетъ о немъ слѣдующій рѣзкій приговоръ: если онъ, по обстоятельствамъ нарушивъ уставы церкви, превзошелъ учителя своего (преп. Іосифа) въ преданности великому князю: то не уступалъ ему и въ строгомъ судѣ на основаніи подобранныхъ на случай свидѣтельствъ. — Не знаемъ, въ чемъ разу-

*) Самый отзывъ Герберштейна (въ Русскомъ переводѣ Анонимова стр. 45) явно кажется сомнительнымъ. Герберштейнъ говоритъ, что митрополитъ, дабы при богослуженіи показаться блѣднымъ, употреблялъ притираніе: но самъ Даніилъ въ церк. поученіяхъ рѣзко обличалъ эти притиранія вѣтрѣнниковъ. (Опис. Синод. рукописей отд. 2, ч. 3 стр. 161. 162). Далѣе въ 1515 г. старцы Волоколамскіе съ общаго совѣта избрали преемникомъ преп. Іосифу, *старца Даніила*, любящаго нищету и пребывающаго въ трудахъ, постѣхъ и молитвахъ — и Іосифъ благоволилъ тако быти (Житіе Саввы 63). Ужели Даніилъ, если вступилъ на митрополию 1522 г. только 30-ти лѣтъ, избранъ былъ имъ въ игумена 23 лѣтъ, и ужели такъ онъ испортился на каедрѣ?

лѣтъ авторъ чловѣкоугодіе преп. Іосифа въ отношеніи къ великому князю, развѣ только въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ посланій къ нему, превратно объясненныхъ. Что касается до развода Василя Ивановича съ Соломоніемъ и втораго брака: то можно бы автору взять во вниманіе и политическія побужденія, которыми руководствовался при своемъ на то разрѣшеніи митроп. Данилгъ. Какъ сильно тревожились тогда мыслию о неимѣннн наследника престола, между прочимъ видно изъ той живѣйшей радости и благодарности Богу, какою выразилъ престарѣлый, строгій подвижникъ, совершенно отрѣшившійся отъ міра, Кассіанъ Босой, узнавъ о рожденіи великому князю сына Іоанна. «Сія же старцу Касьяну слышавшу отъ старца Тихона, читается въ современномъ извѣстїи, яко родися великому князю сынъ, бѣше убо уже старецъ въ величѣй немощи и старости, *) и скоро возставъ отъ пѣстеля своего и ставъ предо образомъ Божиимъ и воздаде благодареніе и славу Богу и возрадовася духовною радостію, яко *государь желаемое получи и земля Русская не опустъ и родъ православныхъ царей Русскихъ не оскудъ*. И пакы возлеже и нача радоватись и глаголаше: еще Богъ Русская земля не забылъ». (Синод. ркп. № 927 л. 108 об. — Сказаніе о рожденіи царя и великаго князя Ивана Васильевича). Въ объясненіе быстро возвышенія Данила, кромѣ иноческихъ его добродѣтелей (см. Житіе Саввы 63), мы можемъ указать на обширныя познанія и церковное краснорѣчіе Данила, какъ это раскрыто въ статьѣ г. Бѣльева въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ т. 5 стр. 192 и въ Описаніи Синод. Библіотеки отд. 2, ч. 3 № 237. Что касается до строгости суда его, то объ этомъ скажемъ сей-часъ.

«Дѣянія собора на Максима Грека и Вассіана, говорится за симъ еще рѣзче стр. 254, характеризуютъ Данила, какъ начетчика и книжника, взглядъ котораго не идетъ дагѣ предвзятой мысли, подкрѣпленной свидѣтельствомъ отъ священныхъ книгъ, разогрѣтой ненавистію къ подсудимому и непреклонной отъ сознанія своей силы и власти». — Не оправдываемъ митроп. Данила, не хорошо поступившаго съ Максимомъ Грекомъ (да и не о немъ должна быть рѣчь). Но съ Максимомъ никакъ нельзя ставить въ параллель Вассіана Патрикѣева, которому, по словамъ автора, Данилгъ будто отпустилъ теперь за Іосифа. Митрополитъ Данилгъ неоднократно и сильно говорилъ съ церковной кафедрой противъ еретиковъ, не укротившихся и въ настоящее время, вызывая правительственныя

*) Ему тогда было слишкомъ 90 лѣтъ.

противъ нихъ мѣры. Въ 8-мъ поученіи своемъ онъ говорилъ: подobaетъ прїимши отъ Бога такое служеніе, яко Божїимъ слугамъ, много попеченіе имѣти о Божественныхъ законахъ и соблюдать родъ человѣческой невредимо отъ волковъ душепагубныхъ и не давати воли злоторающимъ челоуѣкомъ, имже имя Божїе безчестуется. Осуждаемы бывають татїе и разбойницы и прочїи злоторающїи челоуѣцы; прїемлють же казнь поправши и оплевавши образъ земнаго царя. И аще убо сїи и прочїи казнь прїемлють, множае паче хулящїи и безчестующїе Сына Божїя и Бога и пречистую Богородицу, но совершенною ненавистїю (нужно) ненавидѣти ихъ. Что эти слова относятся только къ ожесточеннымъ и несправимымъ еретикамъ, а не вообще къ заблуждающимъ, какъ толковалъ печальникъ ихъ Вассїанъ, что не исключаютъ они пастырскаго попеченїа о заблуждающихъ, тѣмъ менѣе искренняго сїихъ покаянїа, показывають дальнѣйшія наставленїа проповѣдника: покажемъ праведную ярость и Божественную ревность, научивъ хулящая не хулїти имени Господня, непослушающая же челоуѣколюбїи врачюи, цѣли, исправляя или аще (должно быть: аще) не исправляется паки накажи любовїю и мудростїю тихо, кротко, совратившїа съ праваго пути направи челоуѣколюбїи и милостивнѣ... Наконецъ сказано и противъ преступнаго заступленїа несправимыхъ еретиковъ: а ты не хоцешї злодѣйственнымъ еретикомъ хулящїмъ Его (Господа) и пречистую Его Матерь воспретїти, устрашїти, но и совкупляешїа съ ними, и яси и пїеши, и покрываешї и заступаешї. И како хрїстіанинъ наречешїа? не прельцаешїа никакоже нарещїа хрїстіанина, но паче — лукавый бѣсъ и самый сатана (Описанїе Слав. рукописей Синод. Библіотеки отд. 2. ч. 3 стр. 157—159). Такъ разсуждали въ подобномъ случаѣ и всѣ отцы Церкви, учили Хрїстось и апостолы (Мате. 18, 15—20. 1 Іоа. 2, 18 и дал. 22. 2 Іоа. ст. 7. 10. 11. 2 Сол. 3, 6. Тит. 3, 10. 11 и мн. друг.) вопреки воззрѣнїамъ на этотъ предметъ современной литературы, увлекшимъ и нашего изслѣдователя. Приведенныя слова Даниїла можетъ быть прямо были направлены противъ Вассїана, какъ главной опоры и защитника еретиковъ, который по этому и привлеченъ къ суду. И Вассїанъ, обвиняемый и уличаемый на судѣ въ самой ереси, въ важнѣйшихъ пунктахъ не сознался или хитро уклонился, а прочїе подтвердилъ съ ожесточенїемъ. На обличенїе, что Макарія Калязинскаго пѣз презрѣнїа называлъ сельскимъ мужикомъ, Вассїанъ отвѣчалъ: «азъ его зналъ, простой былъ челоуѣкъ, а будетъ ся чудотворецъ, ино какъ вамъ любо и съ нимъ, чудотворецъ ли сей

будеть, не чюдотворецъ ли». Потомъ о митрополитѣ Іонѣ сказалъ: «язъ не вѣдаю, Іона чюдотворецъ ли», а выше о всѣхъ позднѣйшихъ святыхъ, по имѣнію за ихъ монастырями селъ, отозвался: «язъ того не вѣдаю, чюдотворцы ли то были». Изъ словъ Вассіана о нетлѣнной плоти Господней, отъ воплощенія и до воскресенія, видно, что Вассіанъ, по своему умственному развитію, какъ говорить Хрущевъ, понимавшій глубокомысленнаго Нила, здѣсь въ такомъ очевидномъ дѣлѣ самъ не понималъ своей неглѣпости. (Слич. Моск. соборы на еретиковъ XVI в. въ Чтеніяхъ Моск. Историческаго Общества 1847 № 3 стр. 24—Соборъ по предложенію Антонія Поссевина). Г. Хрущовъ при самомъ судопроизводствѣ упрекаетъ митрополита въ какой-то предвзятой мысли, далѣе которой взглядъ его не простирался, и въ жесткихъ приемахъ, показывающихъ по его мнѣнію, ненависть къ подсудимому и сознаніе власти. Но все, что говоритъ митрополитъ въ Дѣяніи собора, хотя и странно, относится къ дѣлу, и *даже* его, мы не знаемъ, куда бы ему идти; Преніе Данила съ Вассіаномъ таково же, какъ и издавныя напр. въ Чтеніяхъ Историческаго Общества 1847 № 3 Дѣянія и прочнхъ Московскихъ соборовъ на еретиковъ XVI в., и слѣдовательно надобно обвинять здѣсь цѣлый вѣкъ, а не одно лицо Данила. Далѣе г. Хрущевъ не обращаетъ вниманія а) на то, что нынѣшняя судебная деликатность была не въ обычаѣ прямыхъ и строгихъ людей того времени и б) что самъ подсудимый, въ сознаніи прежняго своего достоинства, держалъ себя въ отношеніи къ митрополиту и собору слишкомъ презрительно и грубо. На обличеніе нѣкоторыхъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ, Вассіанъ отвѣчалъ митрополиту: «того азъ не помню, къ чему убо буду то написать, а буде что не гораздо и ты исправи», или, когда митрополитъ защищая Макарія Калязинскаго говорилъ, что предъ Богомъ имѣетъ сплу не тѣлесное рожденіе, но духовное, Вассіанъ сказалъ: «яно, господине, вѣдаетъ Богъ да ты и съ своими чюдотворцы».— По суду Вассіанъ былъ сосланъ въ Волоколамскій монастырь, — и Курбскій на это замѣчаетъ: но онаго блаженнаго Васьяна (великій князь) изымавъ заточити повелѣлъ и связанна святаго мужа, аки злодѣя въ прегорчайшую темницу къ подобнымъ *себѣ* въ злости и презлымъ Осифляномъ въ монастырь ихъ отослалъ и скорою смертію уморити повелѣлъ (Сказанія Курбскаго, изд. 2, стр. 5). Но въ Синод. рукоп. № 927 л. 115 помѣщена грамота великаго князя Василія Ивановича черезъ годъ послѣ суда надъ Вассіаномъ отъ 4-го марта 7040 (1532), когда умеръ Кассіанъ Босой, къ помяну-

тому старцу Тихону Ленкову о доставленіи въ Москву бывшаго на Кассіанѣ Босомъ креста: и ты бы тотъ крестъ привезъ съ собою, сказано въ ней, а Васыяна княжъ Иванова приказалъ бы ты, Тихонъ, беречи Ѳегиасту Ленкову. Изъ этого видно, что Вассіанъ Патрикѣевъ и теперь былъ живъ и находился въ Іосифовомъ монастырѣ только подъ строгимъ надзоромъ, какъ и прежде купецъ Кленовъ. И въ монастырь обыкновенно люди посылаются на покаяніе, а не на убіеніе.

«Спустя 50 лѣтъ по смерти Іосифа поднялся голосъ на презлыхъ Іосифлянъ — то былъ голосъ боярина князя Курбскаго» (стр. 254). Это также замѣчено въ укоръ Іосифа съ братією.—Курбскій, запятнавшій свое имя измѣною и мщеніемъ отечеству, неоднократно въ рядахъ непріятельскихъ обняжавшій на него мечъ, вступившій въ непріязненныя отношенія къ Грозному, въ полемикѣ съ нимъ и въ исторіи его царствованія, высказывая многія горькія истины, естественно однакоже многое извращалъ и преувеличивалъ, къ другому былъ пристрастенъ, вообще писалъ рѣзко и съ желчію. Курбскій поэтому очернилъ и отца Іоаннова, христолюбиваго великаго князя Василія и выражался о немъ слишкомъ сильно: Василій — великій въ прегордости и лютости князь (Сказ. Курбскаго, изд. 2, стр. 5). Противъ Іосифа Волоколамскаго и обители его многое возстановляло Курбскаго: Вассіану Топоркову, бывшему епископу Коломенскому, Курбскій приписалъ подущеніе Грознаго къ жестокостямъ и слѣдовательно отсюда производилъ и свою катастрофу: совѣтъ его онъ называетъ сатанинскимъ и самого епископа — сыномъ діавола (Сказ. Курбскаго 43 и дал.). Далѣе Курбскій весьма уважалъ умнаго Максима Грека, раздѣлялъ его мысли о неприличіи монастырямъ владѣть отчинами и сочувствовалъ горькой его участи; съ этой стороны онъ симпатично относился и къ Вассіану Патрикѣеву, съ которымъ соединяло его еще неодобрѣніе Вассіаномъ, обще съ Семеномъ Курбскимъ и другими, втораго брака Василія Ивановича (Курбск. 139 и дал. 4. 5): дѣйствующими въ обоихъ случаяхъ были Іосифяне—и въ судьбѣ Максима и Вассіана. Наконецъ не располагало Курбскаго къ Іосифлянамъ особенное расположеніе и близость къ Іосифовой обители и отца Василія Ивановича и сына Ивана Васильевича. Но какъ жестокъ и несправедливъ былъ Курбскій по всѣмъ этимъ отношеніямъ, мы отчасти уже видѣли. Вассіанъ Коломенскій въ своей рѣчи (даже и въ томъ видѣ, какъ излагаетъ ее Курбскій) конечно передавалъ чувства и мысли многихъ того времени при видѣ всего зла отъ боярской Думы, которое не скрывалъ

и самъ Курбскій и сильно обличалъ преп. Максимъ Грекъ (Описаніе Синод. Библіотеки отд. 2, ч. 2, стр. 329). Несправедливо и вопреки современнымъ свидѣтельствамъ, характеру и образу жизни самого князя-инока Вассіана Курбскій превозноситъ Вассіана по святости жизни до небесъ и утверждаетъ, будто великій князь Василій, сославъ его въ Іосифовъ монастырь, немедленно уморилъ. Митрополита Давида по дѣлу съ Максимомъ Грекомъ называетъ (стр. 40) прегордымъ и лютымъ, въ другомъ случаѣ (стр. 42) прегордымъ и проклятымъ, увѣряя, будто онъ уморилъ злою смертію и ученика и сотрудника Максима инока Сильвана.—По симъ соображеніямъ всѣ слова Курбскаго нельзя принимать въ строгомъ смыслѣ и вполне довѣрять всѣмъ его свидѣтельствамъ. Въ отношеніи къ такъ названымъ у него Іосифлянамъ Курбскій, надобно еще сказать, принадлежалъ къ противоположной, враждебной партіи.

Слѣдующихъ за симъ словъ г. Хрущева, признаемся, мы не понимаемъ: «отзывы Курбскаго о Іосифлянахъ проливаютъ свѣтъ на отношенія Іосифа къ старому боярскому порядку. Но вкоренившійся новый порядокъ совершенно сгладилъ, и притомъ очень быстро, политическій оттѣнокъ партіи Іосифлянъ». Къ тому же униженію Іосифа далѣе пишется: «въ 1554 году въ средѣ духовенства слышатся неблагопріятные отзывы о книгѣ Іосифа и о немъ самомъ. Постриженники Іосифа Касьянъ, епископъ Рязанскій, и Евѳимій, архіепископъ Ростовскій, защищаютъ его память отъ нареканій». Не понимаемъ, на какихъ основаніяхъ все это пишется: источниковъ во всемъ отдѣленіи, исполненномъ такихъ частныхъ извѣстій, никакихъ не показывается. На дѣлѣ же было совсѣмъ иное: ни Касіанъ, епископъ Рязанскій (1551—1554 г.), ни Евѳимій архіепископъ Ростовскій (Евѳимій I-й 1567—1574 г., Евѳимій II-й 1584 года), не были постриженниками Іосифа. Ни тотъ ни другой не только не защищали память Іосифа отъ нареканій, а напротивъ оба поносили ее. Въ запискѣ о соборѣ 1554 года противъ рационалистической ереси Башкина (Чтенія Моск. Истор. Общества 1847 года № 3, Московскіе соборы на еретиковъ XVI в. стр. 1. 2) говорится, что означенный Касіанъ, епископъ Рязанскій, защищая обвиняемыхъ въ ереси, особенно же наставника своего по иночеству старца Исаака Бѣлобаева, хулилъ книгу преп. Іосифа противъ Новгородскихъ еретиковъ, а потомъ и самого Господа, говоря: «болѣ согрѣшаемъ Богу, Христа нарицающе Вседержителя». У Касіана въ слѣдъ за симъ отнялась рука, нога и языкъ,—и онъ оставилъ каедрю. Объ отношеніи къ памяти Іосифа Евѳимія I, архіепископа Ростовскаго, ничего

неизвѣстно, а Евѳимій II всѣхъ Іосифовскихъ постриженниковъ называлъ жидовлянами и позорилъ ихъ (см. челобитную объ этомъ царю Рязанскаго епископа Леонида въ Актахъ Историч. т. I, № 216). Въ томъ же 1554 году неблагопріятно отзывался еще о Просвѣтителѣ Іосифа Троицкій игумень Артемій. По словамъ Ферапонтовскаго игумена Нектарія Артемій говорилъ ему о Троицѣ: во Іосифовѣ де книгѣ Волоцкаго написано негораздо, что посла Богъ въ Содомъ двухъ ангеловъ, спрѣчь Сына и Святаго Духа. За участіе въ той же ереси Бакшина или только за неосторожные отзывы о свящ. предметахъ этотъ Артемій сосланъ въ Соловецкій монастырь (Руднева Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, примѣчаніе 126, слѣд. Исторію Русск. Церкви преосв. Фларета изд. 2, Москва 1851 г. періодъ 3, стр. 122. 123). И такъ вотъ отъ какихъ лицъ были неблагопріятные отзывы о книгѣ Іосифа Волоцкаго: по своему участію въ сродной съ жидовскою ересію Бакшина эти лица и не могли о ней иначе отзываться. Ихъ отзывы поэтому клонятся не къ униженію, а еще къ чести сочиненія Іосифова. По клеветѣ Кассіана Рязанскаго книга Іосифова была принесена на соборъ, и соборъ зѣло похвали ю, свѣтло ту нарекоша быти православію. Отсюда произошло и самое названіе ея Просвѣтителемъ. «Онъ же, т. е. Кассіанъ владыка Рязанскій и Евѳимій Ростовскій — говоритъ за снѣмъ г. Хрущовъ — вмѣстѣ съ митрополитомъ Макаріемъ отстаиваютъ на Стоглавомъ соборѣ мнѣнія Іосифа о монастырскомъ владѣніи селами». Не знаемъ, и это на какомъ основаніи сказано. Правда, на Стоглавомъ соборѣ присутствовалъ епископъ Рязанскій Кассіанъ, но Ростовскій и Ярославскій владыка былъ Никандръ, управлявшій сею епархіею 1549 — 1567 г., а не Евѳимій I преемникъ его. Въ гл. 75 этого собора о вотчпахъ и купляхъ не видно, чтобы Кассіанъ или кто другой принималъ особенное участіе въ защищеніи этого вопроса.

Глава и все изслѣдованіе заключается слѣдующими словами: «Писанія Іосифа распространились въ народѣ: и на нихъ воспитались позднѣйшіи Русскіи грамотники». Грамотникъ этотъ точнѣе опредѣленъ авторомъ выше во Вступленіи стр. VII: «его (Іосифа) строгое ученіе сдѣлалось достояніемъ той массы книжниковъ, которая полтора вѣка спустя послѣ Іосифа воспротивилась новшествахъ Никона». И мы въ замѣчаніяхъ на это мѣсто (см. стр. 87) показали уже, что чистое и ясное ученіе преп. Іосифа и его полемика противъ еретиковъ было принято не раскольниками какими нибудь, а всею Церковію православною, почтившею Іосифа названіемъ отцевъ

красоты, ересей посрамителя и т. п. Къ этому здѣсь можемъ присоединить и другое не менѣе очевидное свидѣтельство Церкви. Къ половинѣ XVII в. нѣкоимъ инокомъ Суздальскаго Спасо-Ефимьева монастыря Григоріемъ составлена служба всѣмъ Русскимъ чудотворцамъ общая (на 17-е іюля), къ которой, какъ нерѣдко службы соединяются съ житіями, читаемыми по 6-й пѣсни канона, пмъ же Григоріемъ, должно быть, написано «Слово воспоминательное о святыхъ чудотворцѣхъ, въ Россіи возсіявшихъ» и пр. Что это слово составлено уже въ половинѣ XVII в., видно изъ того, что здѣсь восхваляются и Діонисій архим. Троицкій и Діодоръ Юрьегорскій (оба ум. 1633 г.) и Никодимъ Кожеозерскій (1640). А что авторъ слова — вышепомянутый составитель службы Русскимъ чудотворцамъ, въ заглавіи ея прямо означенный инокъ Григорій, заключается изъ вышепоказаннаго отношенія слова къ службѣ и изъ сопоставленія того и другаго въ рукописяхъ (напр. намъ собственно принадлежащей, XVII в.) и печ. изданіяхъ *). Эта самая служба и похвала (т. е. вышепоказанное слово воспоминательное) всѣмъ чудотворцамъ Россійскимъ напечатана въ Супраслѣ 1786 г., а первоначально въ Краковѣ (см. Строева Описаніе старопечатныхъ книгъ Царскаго № 264). Не имѣя подъ руками печатнаго изданія (весьма рѣдкаго) изъ слова воспоминательнаго мы вполнѣ приводимъ прекрасное мѣсто о преп. Іосифѣ Волоколамскомъ по списку собственно нашему. Изъ него ясно, какъ высоко Церковь цѣнила сочиненія преп. Іосифа. «Иже Богу любезный—говорится здѣсь объ Іосифѣ— иже человѣкомъ полезный, иже еретикомъ страшный, егоже гласъ, яко медъ сладокъ, словесъ чистота, яко свѣтлоструйныхъ водъ теченіе, разума ясность, яко свѣта пролитіе. Каково же того люботщательное снисканіе о общежительныхъ преданіихъ, люботрудныя побѣждающее пчелы? яко вся монастыри Россійскія обходявъ, вся чины киновійскія соглядавъ, и отъ всѣхъ пресладкое и всекрасное сота собраніе мудрѣ сочинивъ, предаде ученикомъ своимъ. Какова

*) Правда, въ службѣ позднѣе святителя Московскаго Филиппа († 1570 г.) никто не упоминается. Но надобно замѣтить, что въ ней изъ цѣлаго сонма Русскихъ святыхъ въ тропаряхъ упоминаются только великіе и нарочитые святые Русской земли, чтимые всею Церковію, а не мѣстно.—Составитель этой службы Григорій такимъ образомъ долженъ быть отличенъ отъ другаго Григорія, инока Суздальскаго Ефимьева монастыря, также написавшаго службы и житія нѣкоторыхъ Русск. святыхъ, см. о немъ у преосв. Филарета въ Обзорѣ дух. литературы № 118.

же на еретики ревность? Какова всемогущая храбрость? Павлу и Илию подобна. Видѣ во оное время въ Россіи еретики яко зміи ядовитыя, яко звѣри лютыя, не отъ Сикелійскаго моря, не отъ жидовска ехиднина порожденія всплывшыя, не простыя люди ядомъ еретичества убивающыя, но и священники и протопопы и до царьскихъ препозитовъ дошедшыя, еже услышавъ святой возревнова по благочестіи, абіе устремися отъ пустыни, яко левъ на лисицы, и яко твердокрылый орелъ на малоперыя птицы, наскочи на еретики. Елико святыхъ писаній премудрымъ снисканіемъ толико помѣстнаго собора собраніемъ и тако устрашивъ посрами еретики, яко вся хитрости ихъ и коварства множае неже паучинныя нити расторже. Которую святаго богопросвѣщенную ревность духопросвѣщенная книга собранія его изъявляетъ, праведнѣ отъ священнаго собора нареченная *Просвѣтитель* *). Что касается до раскольниковъ: то мы и не видимъ у нихъ особеннаго употребленія сочиненій Іосифа и недоумѣваемъ, почему г. Хрущевъ признаетъ сіи сочиненія ихъ достояніемъ. Сочиненія Іосифа, въ коихъ такъ сильно обличается и преслѣдуется ересь и всякое уклоненіе отъ церковнаго ученія и общенія съ вѣрующими, очевидно, не благопріятствуютъ раскольникамъ, раздирающимъ единство Церкви,—и нѣкоторыя мѣста здѣсь прямо обличаютъ безпоповцевъ. Таковое изъ числа ихъ мѣсто приведено у преосв. Филарета въ свѣдѣніяхъ о преп. Іосифѣ Волоколамскомъ (Русскіе святыя, изд. 2, Черниговъ 1865 г., стр. 42 подъ 9 Сент.).

Въ *Приложеніяхъ* помѣщены а) посланіе Іосифа къ княгинѣ-вдовѣ Голенной о помнновеніи ея рода, б) — къ боярину В. А. Челяднину, в) небольшое посланіе инокъ Герасима Поповки къ Іосифу, составляющее приписку въ одной изъ Волоколамскихъ рукописей, г) посланіе Іосифа къ великому князю Ивану Васильевичу о еретикѣ Кленовѣ, д) псевдо-Іосифъ т. е. замѣчаніе автора на вышепоказанное стр. 148. 149, подъ именемъ Іосифа подложное челобитіе или извѣтъ къ Московскимъ великимъ князьямъ по Синод. рукоп., наконецъ е) перечень разныхъ актовъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ Іосифа и другихъ, но теперь утраченныхъ.

*) Этими словами явно отвергается несправедливое объясненіе г. Хрущевымъ (Вступл. стр. X) такого названія Іосифовой книги отъ Латинскаго Lucidarius — сочиненія совсѣмъ другаго содержанія. Если въ одномъ спискѣ Публичной Библиотеки книга Луцидаріусъ переведена Просвѣтитель, то этотъ терминъ взять отъ той же книги Іосифа, а не на оборотъ.

Первое изъ сихъ приложений— посланіе къ княгинѣ вдовѣ, извѣстное г. Хрущеву въ одномъ только спискѣ Публичной Библиотеки, находится и въ Синод. рукописи не меньшей противъ того списка древности и важности въ вышепоказанномъ № 927 (см. выше стр. 116) на л. 147 об.—153. Изъ сличенія этого списка съ изданіемъ Хрущева мы находимъ въ послѣднемъ значительныя не исправности. Въ печ. стран. 257 на 10 и 11 строкѣ сверху неправильно и неопредѣленно читается: ино, госпоже, у насъ *строевъ*, которыхъ въ монастыри погребають, ино тѣхъ и даромъ пишють. По Синод. рукоп. вмѣсто строевъ нужно поставить строевъ, а послѣ слова пишють прибавить: въ синаникѣ, да и въ годовое поминаніе на годъ. Строй по Областному Словарю, Спб. 1852 г.,—нищій, калека. Стр. 15 сверху: что к (20) рублей на семь лѣтъ, въ Синод. рук. что дати ѿ (8) рублей (см. замѣченное выше стр. 117). Стр. 14 снизу: да и своими бо проскурами, въ Синод. рукоп. правильно: бы. Стр. 10 и 11 снизу: аще и по одной дензѣ давати на обѣдню, въ Син. прибавлено: ино, относящееся къ слѣдующимъ словамъ: на годъ мало не толко пойдетъ (а не пойдешь, какъ въ печ.). Стран. 258 на 14 строкѣ снизу въ печ. что было не забвенно, въ Син. правильно: чтобъ. Стран. 259 на 4 и 5 строкахъ сверху въ печ. между словами: въ годовое поминаніе, и: хто себя пишеть, пропускъ отъ сбивчивости, нарушающій смыслъ, въ Синод. рукоп.: которые хотѣли писатися въ годовое поминаніе *на тѣхъ. и давати по себѣ сама. ино какъ въ годовое поминаніе* хто себя пишеть. Надобно еще замѣтить, что въ печатномъ во многихъ мѣстахъ послѣ точекъ поставлены строчныя или заглавныя буквы неправильно: чрезъ это затемняется смыслъ рѣчи.

Повѣрить прочія приложения не можемъ, по немнѣнью своихъ списковъ. Можемъ только замѣтить а ргіогі, что въ послѣднихъ словахъ посланія къ Челяднину на стр. 262 вмѣсто *преступитъ* въ родъ и родъ нужно читать препуститъ, какъ стоитъ въ предсмертномъ посланіи Іосифа къ велик. князю (Житіе Саввы стран. 60) и другихъ, въ посланіи о еретикѣ Кленовѣ стр. 264 на 12 и 13 строкахъ сверху четырехкратно раздѣленное *ино* и нужно читать: *иной*.

Подъ рубрикой «Псевдо-Іосифъ» г. Хрущевъ, хотя признаетъ подложность вышепомянутаго извѣта, «тѣмъ не менѣе, говоритъ, для насъ любопытно то, что подобнаго содержанія статья приписана Іосифу Волоцкому: такъ послѣдующими поколѣніями не было забыто его *политическое направленіе*».—Если авторъ подъ политиче-

скимъ направлениемъ разумѣть выписанныя у него мысли изъ заглавія статьи: то онѣ сдѣлали бы честь Іосифу, и о такомъ направленіи напрасно бы выше (стр. 254) было замѣчать, что вкоренившійся новый порядокъ совершенно сгладилъ, и притомъ очень быстро, политическій оттѣнокъ партіи Іосифлянъ. Но дѣло въ томъ, что эта статья содержитъ не только непринадлежація Іосифу, но еще оспориваемые имъ мысли объ отнятіи у монастырей вотчинъ, и очевидно, принадлежитъ автору предъидущаго видѣнія объ этомъ якобы Сергія и Германа Валаамскихъ, будетъ ли то Вассіанъ или другой кто. По нашему мнѣнію, въ позднѣйшемъ списателѣ сихъ статей одинъ подлогъ (видѣнія Сергія и Германа) вызвалъ другой, чтобы извѣтъ приписать Іосифу, и притомъ развѣ только по соображенію близости и посланій Іосифа къ вел. князьямъ и участія въ вопросѣ, хотя Іосифъ былъ противоположнаго мнѣнія. Въ сборникахъ Солов. бібліотеки этотъ извѣтъ, безъ подлога Іосифу, является безымяннымъ (Прав. Собес. 1863 г., ч. III, стр. 96).

Разсмотрѣвши такимъ образомъ всю книгу сдѣлаемъ теперь сводъ замѣчаній о ней и конечное заключеніе.

Достоинство сочиненія особенно обнаруживается во *Вступленіи* при обзорѣ источниковъ его стр. 89 и далѣе, и трудовъ новѣйшихъ ученыхъ, сюда же относящихся стр. 93; въ *1-й главѣ* — въ очеркѣ основателей монастырей въ СВ. Руси въ XIV и XV в., въ частности Пафнутія Боровскаго, стр. 94, 95, и затѣмъ въ жизнеописаніи самого Іосифа, отъ поступленія его въ Пафнутіевскій монастырь до полнаго устроенія собственной обители на правилахъ общежитія, съ обзорѣниемъ устава его и разныхъ посланій къ частнымъ лицамъ. Также и во *2-й главѣ* изложеніе борьбы Іосифа съ ересью вообще отличается полнотою и правильностію расположенія частей стр. 119 и дал. Хорошо и съ употребленіемъ источниковъ изложено и дѣло Іосифа съ Серапіономъ Новгородскимъ въ *3-й главѣ* стр. 136, 137, если здѣсь не коснемся только главной мысли. Нельзя не одобрить плана и полноты и остальныхъ частей. Все сочиненіе имѣетъ и литературное достоинство — въ очертаніи лицъ и дѣйствій, въ отдѣлкѣ и въ чистомъ, легкомъ языкѣ.

Но книга имѣетъ и значительные недостатки:

1) При означенной полнотѣ содержаніемъ своимъ она далеко уклоняется отъ своего названія. Въ заглавіи обѣщано *Исслѣдова-*

ніе о сочиненіяхъ преп. Іосифа т. е. трудъ литературный, а на самомъ дѣлѣ болѣе выходитъ трудъ историческій, болѣе обращено вниманія на жизнь и дѣятельность Іосифа и на другія сопряженные обстоятельства, изъ коихъ нѣкоторыя подробно раскрываемы мало шли къ дѣлу, какъ нами замѣчено на стр. 124 о соперничествѣ двухъ партій—невѣстки вел. князя Іоанна Васильевича Елены со внукомъ и супруги Софіи съ сыномъ, или на стр. 149 о примиреніи, при посредствѣ Іосифа, Василя Ивановича съ братомъ его Юріемъ. Между тѣмъ самыя сочиненія Іосифа недостаточно оцѣнены ни въ литературномъ, ни въ богословскомъ отношеніи, какъ это сдѣлано въ книгѣ свящ. Булгакова, въ Лекціяхъ г. Шевырева и въ Изслѣдованіяхъ проф. Казанскаго. Замѣчательное слово о монашествѣ (11-е въ Просвѣтителѣ) совсѣмъ опущено, со ссылкой на изложеніе его у свящ. Булгакова.

2) Въ самомъ изложеніи автора мы замѣтили большіе или меньшіе недостатки и ошибки. Таковы сбивчивый очеркъ Русской литературы до вѣремъ Іосифа стр. 85. 86, усвоеніе посланія къ матери Іосифовой старцамъ, а не самому Іосифу, смѣшеніе основателя Тверскаго монастыря Саввы Еры съ Саввою Вишерскимъ и другія при этомъ ошибки стр. 99, невѣрныя и недостаточныя свѣдѣнія о библиотекѣ времени Іосифа с. 103 и слѣд., смутное и превратное изложеніе правилъ поминовенія въ Іосифовомъ монастырѣ с. 107 и дал., устава преп. Іосифа с. 108 и дал., посланія о милованіи рабовъ, сбивчивость въ росписи для вельможъ, по какимъ днямъ держать постъ с. 118. 119 и недостатки въ изложеніи нѣкоторыхъ словъ Просвѣтителя с. 123 и дал., 135 и далѣе.

3) Ббольшій упрекъ заслуживаетъ *направленіе* автора, обнаружившееся въ вольныхъ и обидныхъ для Церкви Русской и неподобнаго сужденіякъ и нареканіякъ, явно или намеками выказанныхъ, безъ должнаго объясненія дѣла, съ сокрытіемъ неблагопріятствующихъ извѣстій, иногда съ извращеніемъ смысла коренныхъ источниковъ или явнымъ имъ противорѣчіемъ. Здѣсь мы поставимъ на видъ только болѣе прочихъ рѣзкія мѣста. Таковы мысли: во *Вступленіи* — о прославленіи Московскихъ святителей, какъ угодниковъ Божіихъ, по политическимъ видамъ с. 86. 87, объ ученіи и сочиненіяхъ Іосифа, сдѣлавшихся достояніемъ однихъ будто раскольниковъ с. 87, о воспитаніи Грознаго на политическихъ взглядахъ Іосифа с. 88, о лживости житіи Русскихъ святыхъ с. 90. 92 и дал. Въ *первой главѣ* брошена тѣнь на Іосифа въ постриженіи у него знатныхъ и богатыхъ людей стр. 100, и извращенъ

великій поступокъ князя Голенниа с. 101, а еще болѣе сказаніе о смерти Волоцкаго князя Ивана Борисовича и завѣщаніе его въ пользу обителя Іосифовой с. 105. 106. Въ *масть второй* несправедливы мысль о прославленіи Данила Московскаго по волѣ велик. князя Іоанна III стр. 127, преувеличенное сравненіе съ инквизиціей поступка Геннадія съ Новгородскими еретиками 128 и далѣе въ такомъ же смыслѣ объясненіе требуемыхъ Іосифомъ строгихъ мѣръ противъ еретиковъ, безъ соображенія самой ереси и всѣхъ обстоятельствъ 129 и дал., безъ надлежащаго разсмотрѣнія особенно сюда относящагося 13-го слова Просвѣтителя с. 133, равно какъ и трехъ остальныхъ с. 135. Между тѣмъ превратно изложена рѣшимость на эти мѣры велик. князя с. 134 и въ концѣ ни съ того ни съ сего сдѣлана замѣтка (сама себя впрочемъ обличающая), что на взглядахъ Іосифа образовался Грозный с. 135. Въ *масть третьей* въ дѣлѣ Серапіона совершенно обвиненъ и униженъ преподобный и неоднократно противъ него дѣлаются рѣзкія выходки с. 137 и дал. Въ *масть четвертой* несправедливо возвышается противъ Іосифа защитникъ еретиковъ Вассіанъ Патрикѣевъ с. 139 и дал., иронически понимается «чудо преславное»—разительный фактъ, показывающій каковы эти еретики и ихъ мнимое покаяніе с. 141, пристрастно объяснена полемика Вассіана съ Іосифомъ, на самомъ дѣлѣ оказывающагося человѣкомъ ограниченнымъ и слишкомъ сомнительнымъ стр. 142 и дал., и поставляется на видъ какой-то голось *духовенства* противъ Іосифа и его сочиненій, принадлежащій собственно сторонникамъ обличаемой ереси с. 155 и далѣе, и наконецъ сочиненіямъ Іосифа дается мѣсто только у раскольниковъ с. 156 и дал. Вообще Іосифъ представляется какимъ-то фанатикомъ, жестокимъ у Хрущева стр. 88 и др., политикомъ, начетчикомъ, для предвзятой идеи подбирающимъ мѣста изъ св. Писанія и другихъ книгъ, стр. 125. 177. 207. 218, въ жизни — человѣкомъ практичнымъ съ мірскимъ тактомъ и умѣньемъ стр. 49, преслѣдующимъ пользу, подобострастнымъ къ царямъ и вельможамъ 95. 253.

Посѣянные авторомъ сѣмена принесли печальный плодъ, между прочимъ, въ двухъ явившихся на книгу его рецензіяхъ, 1-я въ Вѣстникѣ Европы за 1868 годъ, ч. 4, стр. 958—976 Н. К—ва, и 2-я въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1868 г., ч. 137, стр. 527—545 Ор. Миллера. Обѣ эти статьи, составленныя по поводу и на основаніи сочиненія г. Хрущева, весьма оскорбительны для памяти преп. Іосифа и вообще для древней Русской Церкви. Въ *первой* изъ нихъ Іосифъ объявленъ не болѣе ни менѣе,

какъ только человѣкомъ дѣла и разсудка, который въ наше время былъ бы публицистомъ или ораторомъ въ парламентѣ, человѣкомъ безжалостнымъ, жестокимъ, причѣмъ унижается самое посланіе его о милованіи рабовъ и прокормленіе народа во время голода. «То подобострастіе, съ какимъ Іосифъ вообще относится въ своихъ письмахъ къ людямъ сильнымъ и знатымъ его времени, понятно, когда мы сообщимъ, что всю свою жизнь Іосифъ, какъ человѣкъ практической, постоянно искалъ дружбы съ знатыми и сильными людьми, привлекая ихъ жертвовать монастырю въ особенности ради спасенія душъ усопшихъ родственниковъ». Въ посланіи къ вдовѣ о поминовеніи, извращенномъ у г. Хрущева, рецензентъ съ своей стороны указываетъ мелкую *щепетильность* расчета, и замѣчаетъ, что «такимъ образомъ у Іосифа молитва, которая должна была способствовать къ вступленію души въ царствіе небесное, отправлялась въ количествѣ, соразмѣрномъ тому, что за нее заплачено». Уставъ Іосифа, по его отзыву, «насквозь пропитанъ сухостію и суровостію. Строгое исполненіе обрядовъ, буквы (?), повиновеніе начальству — дѣло монаха; жезлъ и желѣзные узы — лучшее побужденіе добронравію». Но суровость Іосифа въ высшей степени явилась въ борьбѣ съ жидами, въ которой рѣшило дѣло будто бы одна безпощадная *лопка* Іосифа, и еретики были сожигаемы — *въ удовольствіе его*. О послѣднихъ годахъ жизни Іосифа замѣчено, что они «ознаменованы усиленіемъ его, уничтожить своихъ соперниковъ, но въ этомъ дѣлѣ самъ онъ оказывается одномысленнымъ съ еретикомъ Новатомъ, также отвергавшимъ покаяніе еретиковъ». Здѣсь рецензентъ, довѣряя заявленію Хрущева объ обширномъ сочиненіи Вассіана Патрикѣва на Іосифа, прибавляетъ: вслѣдствіе этого была полемика между двумя старцами, замѣчательная въ умственномъ мірѣ нашей старины, хотя авторъ (г. Хрущевъ) коснулся ея лишь слегка, тогда какъ слѣдовало бы разсмотрѣть ее съ большимъ вниманіемъ. — Въ отвѣтъ относительно устава Іосифа укажемъ лишь на отзывъ о немъ древности выше с. 157, и замѣтимъ еще о мнимомъ подобострастіи Іосифа сильнымъ (слич. с. 116). Указываемыя въ посланіяхъ къ вельможѣ о милованіи рабовъ и къ благовѣрному князю выраженія — обычныя у Іосифа и современныхъ ему старцевъ и показываютъ ничто иное, какъ его иноческое смпреніе и вѣжливость. Таковыя выраженія употреблены имъ и въ посланіи къ инокѣ-иконописцу, также и въ другихъ. Въ этихъ же и другихъ посланіяхъ, гдѣ было нужно, видѣнъ и рѣзкій обличительный тонъ. Во *второй* рецензіи Ор. Миллеръ объявляетъ Іосифа прямо инкви-

зиторомъ, не довѣряя, чтобъ преподобный слѣдовалъ въ своихъ сочиненіяхъ только отцамъ, и теряясь въ догадкахъ, какъ психически объяснить такую (по его мнѣнію) жестокость въ Іосифѣ. Но достаточно только взглянуть на сочиненія Іосифа, чтобъ убѣдиться, что все у него основано на св. Писаніи, твореніяхъ отцевъ, правилахъ соборовъ, сказаніяхъ патериковъ и т. п., потому что Іосифъ почти всегда цитуетъ свои источники, — и Казанскіе издатели Просвѣтителя поэтому дошли даже до такой мысли или выраженія, что стали отнимать у Іосифа самостоятельность. Что касается до мнимой жестокости въ преслѣдованіи еретиковъ: то надобно сказать, что чрезвычайное преступленіе вызываетъ и чрезвычайную мѣру. Мы знаемъ, что и самъ Господь нашъ, воплощенная Благодать, видя внѣшніе только безпорядки въ храмѣ, по ревности Божіей, бичемъ изгналъ изъ него всѣхъ безчинниковъ и низпровергъ столы ихъ (Іоан. 2, 15—17). Во всемъ иномъ мы скромны и смиренѣ всякаго, смѣло говорилъ разъяренному префекту Василій Великій, а когда дѣло идетъ о Богѣ и противъ Него держатъ возставать, тогда, презирая все, мы имѣемъ въ виду одного Бога... (Твор. отцевъ Церкви 1844 г., ч. 4, стр. 105). Кипя тою же ревностію, преп. Іосифъ на самомъ дѣлѣ былъ исполненъ кротости, любви и смиренія, «паствуя свою братію, какъ говорятъ жизнеописатели, съ смиреніемъ и кротостію и незлобіемъ сердца, горечь и строптивость всѣхъ нося..., имѣя любезное събесѣдованіе и права благоувѣтливое и обычая приступное, и смиреніе сердца милостивное ко всѣмъ». (Надгроб. слово Досиеея въ печ. стр. 5. 7, см. и Житіе Незвѣстнаго стр. 70 и слѣд., 31). Слова сіи Іосифъ подтвердилъ и опытомъ питанія народа во время голода, также всѣхъ нищихъ и странныхъ постоянно въ своей обители и денежнымъ вспоможеніемъ монастырскимъ крестьянамъ, доселѣ памятнымъ въ народѣ (Житіе Саввы 49 и дал., 53. Незвѣстнаго 57 и дал.), внушалъ кротость и милосердіе и въ бесѣдахъ своихъ (Житіе Незв. 21 и слѣд., 60) и во многихъ посланіяхъ. — Только пламенная ревность и твердость Геннадія и Іосифа въ обличеніи и преслѣдованіи еретиковъ и строгія мѣры, взятыя Правительствомъ, могли остановить распространеніе столь пагубной и такъ охватившей тогдашнее общество ереси жидовствующихъ. «Ты, о боговѣнчанный государь, писалъ Макарій, Новгородскій архіепскопъ, къ Василію Ивановичу 1526—1533 г., уподобился есп... великому царю Константину... въ своемъ царствіи попреже сихъ леть явльшюся чрезъ Ноугородскихъ еретиковъ до конца визложилъ еси съ бого-

хульными ихъ преданья и свое великое православіе всѣхъ вѣрующихъ въ святую и животворящую Троицу сердца возвеселилъ еси» (Дополн. къ Актамъ Истор. т. 1, № 25). Но что, не смотря на это, ересь, пустившая глубокіе корни, тайно распространялась, и что не напрасно Геннадій и Іосифъ вопіяли противъ послабленія и наружнаго покаянія еретиковъ, это ясно показали развившіяся вскорѣ изъ ереси жидовской раціоналистическія ученія Бакшина и Θεодосія Косаго, развившіяся преимущественно, какъ сознается и Курбскій (изд. 2, стр. 133. 134), въ области Новгородской, у *Заволжскихъ старцевъ* (Руднева о ересяхъ, стр. 124—137). И приверженцы Бакшина и Косой бранили книгу Іосифа — Просвѣтитель (тамъ же стр. 135. 136). Соборъ 1553 г., созванный по непосредственному распоряженію Іоанна IV (Акты Ист. т. 1, № 161), и «Истинны показаніе» Зиновія Отенскаго обличили и остановили и это зло (Филарета Ист. Рус. Церкви, изд. 2, стр. 121—126). Между тѣмъ Польша и Литва, откуда провозшли къ намъ всѣ эти ереси, въ XVI вѣкѣ сдѣлались жалкимъ зрѣлищемъ всѣхъ раціоналистическихъ и реформатскихъ лжеученій и главнымъ мѣстомъ всеотрицающаго соцініанства (Alzog Universalgeschichte d. christlichen Kirche, 2 Aufl., Mainz 1843. B. 2 S. 815 d. Protestantismus in Polen, Руднева о ересяхъ 132. 137 и слѣд.). Курбскій самыми мрачными красками описываетъ, какъ свирѣпствовало соцініанство въ Польшѣ и на Волини (выписки у Руднева стр. 135. 136). Но Церковь наша, благодаря усиленной ревности Геннадія и Іосифа и дѣйствіямъ Правительства, избавилась тогда отъ этой язвы и всѣхъ прираженій протестантства.—Все это, думаемъ, надлежало бы принять во вниманіе г. Хрущеву въ оцѣнкѣ сочиненій и дѣйствій Іосифа.

Соображая всѣ замѣчанія, вмѣстѣ съ ними на благоусмотрѣніе Комиссіи представляю и таковое по нимъ заключеніе о сочиненіи г. Хрущева: «Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преподавателя Волоцкаго», какъ трудъ, при своихъ добрыхъ качествахъ, не смотря на недостатки подъ 1 и 2 числомъ, заслуживалъ бы поощрительную премію. Но съ такимъ направленіемъ и съ тѣми недостатками, какіе замѣчены въ 3 пунктѣ, поощрять сочиненіе, порождающее въ публикѣ превратныя представленія о Церкви и о лицѣ преподобнаго, вполне почтенномъ и заслуженномъ, считаю неприличнымъ и не совсѣмъ справедливымъ, подъ тѣмъ развѣ условіемъ, если авторъ признаетъ и исправитъ замѣченные въ этомъ отношеніи недостатки.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Чудо о священноинокѣ Исаіи Новгородцѣ, иже бысть на владычѣмъ дворѣ на сѣнехъ *).

(Изъ рукописи Московской Епархіальной Библіотеки, Погостовской, содержащей службу и житіе преп. Іосифа Волоколамскаго, въ листъ, пис. 1758 г., л. 47—49).

Повѣда намъ архіепископъ великаго Новограда и Пскова владыко Θεодосій глаголя: у мене (бѣ) въ великомъ Новѣградѣ у Софіи, Премудрости Божіи, на владычѣмъ дворѣ на сѣнехъ у церкви Христова Рождества и святыхъ праведныхъ богоотецъ Іоакима и Анны священникъ именемъ Исаіа (и) случися, рече, мнѣ позвану быти въ царствующій градъ Москву отъ святѣйшаго митрополита и отъ самодержавнѣйшаго царя и государя великаго князя Іоанна Василіевича всеа Россіи на соборъ въ лѣто 7065. Азъ же возьмъ съ собою священники и діаконы и поддіаконы и клирики, якоже есть обычай архіепископомъ, и того священна инока Исаію, и поидомъ къ царю. Священникъ же онъ Исаіа разболѣся на пути, и якоже доидомъ близъ предѣлъ града Волока - Ламскаго, азъ же восхотѣхъ поити въ монастырь пречистыя Богородицы и преподобнаго Іосифа помолитися и приложитися къ ракъ чудотворцовѣ, бяше бо велію вѣру имѣя къ дому пречистыя Богородицы и преподобнаго отца, иже и во святый ангельскій образъ облеченъ бысть святыми его руками и иноческому житію наученъ бысть отъ него премудрыми его учении и сладкими глаголы. И нача звати съ собою священника онаго въ монастырь Іосифовъ, онъ же никакоже возхотѣ и нача неподобная многая словеса глаголати на святое ово мѣсто и преподобнаго чудотворца Іосифа начальника святыя обители сея и злословити и укоряти, якоже обычай есть многимъ злоторящимся, бяше же и пѣнчивъ, якоже слышашомъ о немъ. Архіепископъ же Θεодосій поиде въ монастырь, священника же Исаію отпустивъ по воли его со инѣми многими въ царствующій градъ Москву, самъ же бывъ въ монастырѣ много помолився и къ преподобнаго отца своего чудотворца Іосифа гробу со слезами припаде и обლობызавъ святую и многоцѣлебную раку, игумена же и братію

См. выше стр. 91.

довольно учредивъ, и прииде въ царствующій градъ Москву къ святѣйшему митрополиту Макарію чюдному и благословеніе вземъ отъ святѣйшихъ руки его и отъ всесвященнаго собора святыхъ Божія Церкви Русскія митрополи и къ царю государю прииде съ миромъ и поклонися, благословеніе нося. Священникъ же онъ на Москвѣ неослабно боля и хотя въ великій Новъградъ болень вести себе, въ монастырь же ни помянути, ни слышати хотяше. вражимъ совѣтомъ и ненавистию, иже никогда же престая зло творя чело-вѣкомъ, хотя его отъ праваго пути совратити и въ погибельный ровъ вринути и безъ покаянія отъ житія сего изторгнути. И во едину отъ нощей велии разболѣся нача изнемогати, и видитъ во снѣ жену благообразну, свѣтомъ сіяющею въ багряныхъ ризахъ, пришедшу къ нему со единымъ старцомъ сѣдинами украшенымъ, низокъ возрастъ и муща, и глагола къ нему багряноносная она жена: почто Исаіе не хочещи пойти въ монастырь мой зовомый Іосифовъ? Онъ же многимъ страхомъ и ужасомъ одержимъ зѣло лежа не могій что отвѣщати глагола: не знаю, государыне. Она же показа ему перстомъ своимъ святымъ глагола: а се стоитъ со мною Іосифъ, и тако невидима бысть. Онъ же нача вопити велиемъ гласомъ архидіакона именемъ Сергія, глагола: Бога ради везите мя во Іосифовъ монастырь. Архидіаконъ же скоро воставъ, притече къ нему, глагола: что есть брате Исаіе, яко вчера убо ни слышати хотя Іосифова монастыря, нынѣ же тако вопіеши и хочещи во Іосифовъ монастырь? и шедъ архидіаконъ повѣда архіепископу. Архіепископъ же повелѣ привести его къ себѣ и нача вопрошати его: что се бысть тебѣ, яко и слышати не хотѣлъ еси Іосифова монастыря и со мною на пути никакоже не хотѣлъ еси и поносилъ еси и укарялъ и многая неподобная словеса изглаголалъ еси на святое мѣсто оно и на братію? Онъ же нача со слезами и рыданіемъ многымъ исповѣдати глагола: мнѣ убо въ велицѣй болѣзни въ нощи сей лежашу страждущу, никакоже не могущу уснути и въмагѣ яко забывшуся, вижду пречистую Богородицу въ багряныхъ ризахъ со единымъ старцомъ пришедшу ко мнѣ и глагола ми: что ради Исаіе сице страждеши и почто не хочещи въ монастырь Іосифовъ? и показа ми перстомъ Іосифа съ нею стояща, и видѣхъ старца низка возрастомъ, брадою великою кругловатою, сѣдинами сіяющею, и возбнувъ отъ видѣнія, начахъ вопити. Нынѣ Бога ради святый архіепископъ повели мя отвести въ монастырь Іосифовъ: вижду убо конецъ приближающъ мнѣ, и Богъ искій моего покаянія и пречистая Богомати повелѣ ми скончати житія моего суетнаго время въ

дому святыхъ своя обители и преподобнаго старца Іосифа. Архіепископъ же повелѣ скоро вести его въ домъ Пречистыя во Іосифовъ монастырь и благословивъ отпусти его съ миромъ. Егда же привезоша его въ монастырь болѣзнію одержима, нача исповѣдаться игумену со многими смиреніемъ и со слезами и сокрушеннымъ сердцемъ, каяся всѣхъ грѣховъ своихъ, яже отъ юности его, и како поноси святыи монастырь и неподобная словеса и помышленія вся подробну повѣда, обличая и укоряя своя беззаконія и како видѣ пречистую Богородицу и преподобнаго старца Іосифа съ нею и како повелѣ ему идти въ монастырь свой, И повелѣ игумену возложить на себе святыи великій ангельскій образъ, еже есть схи́ма. Игуменъ же, видѣвъ его истое и чистое покаяніе и исповѣданіе, повелѣ на него возложить святыи божественный великій ангельскій образъ и причастивъ его святыхъ Христовыхъ таинъ пречистаго тѣла и честныя крови Христа Бога нашего. И мало дней пребысть въ монастырѣ, отиде ко Господу въ добръ исповѣданіи. Мы же слышавше прославихомъ Бога и пречистую Богородицу и преподобнаго чудотворца Іосифа, како молитвами своими обрацаеть грѣшники на покаяніе.

II.

Библіотека Іосифова Волоколамскаго монастыря времени самого преподобнаго Іосифа *).

1. РУКОПИСИ, ПИСАННЫЯ САМИМЪ ПРЕП. ІОСИФОМЪ.

По описямъ книгъ Іосифова Волоколамскаго монастыря 1545 г. № 689 и 1591 г. № 688 (обѣ Московской Епархіальной Библіотеки) значатся слѣдующія рукописи письма самого преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, съ такимъ въ описи 1591 г. заглавіемъ л. 145: «Книги преподобнаго старца Іосифа письма его, которы съ собою принесъ и въ монастыри писалъ, отобраны опричѣ, въ коробѣ, а не давати ихъ никому ни изъ монастыря ни по кельямъ».

1) По описи 1545 г. л. 26 *Евангеліе* въ дестъ (по нынѣшнему въ листъ), половина письмо Осиеово, а другая Герасима Черного, евангелисты серебряны. Въ описи 1591 г. л. 115 полиѣ: Евангеліе письмо преподобнаго старца Іосифа, да старца Герасима Черного,

*) См. выше стр. 103—105.

заставицы и строки и слова большіе и главы и статьи писаны золотомъ, на дскѣ, распятіе и евангелисты серебряны, золочены и проч.

2) По оп. 1545 г. л. 26 об. *Евангеліе* въ полдестъ (по нынѣшнему въ 4 долю) Осноово письмо, — въ оп. 1591 г. л. 145 прибавлено: безъ заставиць, застежки и снпн мѣдяны и проч.

3) Оп. 1545 г. л. 26 об. *Евангеліе* въ четверть, словеть Осифово же, въ оп. 1591 г. л. 145 прибавлено: заставицы и строки и слова большіе, золотомъ писаны, письмо мелко и проч.

4) Оп. 1545 г. л. 30 *Апостоль* въ полдестъ, Іосифовъ, заставица и строка писано золотомъ, оп. 1591 г. л. 145 съ дополненіемъ.

5) Оп. 1545 г. л. 32 об. *Богородиченъ* Іосифова письма, въ оп. 1591 л. 145 об. съ дополненіемъ: Богородиченъ въ полдестъ, письмо преподобнаго старца Іосифа, заставочка на золотѣ и пр.

6) Оп. 1545 г. л. 32 об. *Трїоди* Іосифовы словуть, въ двухъ книгакъ, оп. 1591 г. л. 150 Трєоди Іосифовы словуть, одна письмо Іосифа самого, а другая Герасима Замыцкаго.

7) Оп. 1545 г. л. 34 *Псалтырь* въ полдестъ Іосифова словеть, а жила (т. е. находилась) у Геронтія, въ оп. 1591 г. л. 145 об. Псалтырь въ полдестъ, письмо старца Іосифа, заставица и строка первая золотомъ прописана, со всѣмъ слѣдованіемъ и пр.

8) Оп. 1545 г. л. 38 об. *Богословъ* (Григорій) въ четь, отчети (отдѣлить?), жилъ у Іосифа. Въ оп. 1591 г. л. 145 об. книга Григорей Богословъ въ четверть, въ затылкѣ (т. е. въ корешковомъ переплетѣ), первое письмо старца Іосифа.

9) Оп. 1545 г. л. 40 об. *Листвица* въ полдестъ Іосифова, припись (т. е. прибавка) въ ней Ѳеодоръ Едесскій. Въ оп. 1591 г. л. 145 об. прибавлено: заставицы двѣ на краскахъ, толкованіе писано отъ задней дски.

10) Оп. 1545 г. л. 49 об. *Соборникъ* въ четь, старъ, письмо и събраніе отца нашего Іосифа, въ началѣ слово о житїи святыхъ отецъ. По оп. 1591 г. л. 145 об.—письмо мелко, отъ многихъ книгъ собрано божественнаго писанія.

11) Оп. 1545 г. л. 50 *Канунникъ* Іосифовъ. Въ оп. 1591 г. л. 146 канунникъ въ полдестъ, въ началѣ святцы съ тропари и съ кондаки, переплетены въ затылокъ (т. е. въ корешокъ).

Изъ сихъ рукописей бывшія съ подписями (а о прочихъ неизвѣстно) доселѣ сохраняются слѣдующія, значущіяся въ послѣдней описи рукописей Волоколамскаго монастыря 1857 г. Рукописи Волок. вообще взяты однѣ въ Московскую Духовную Академію, другія въ Московскую Епархіальную Библіотеку.

По описи 1857 г. № 26 (нынѣ находится въ Московской Епархіальной Библіотекѣ) Евангеліе по евангелистамъ, т. е. тетръ, 4 д. 248 л., конца XV в. Впереди на бѣломъ листѣ подпись почеркомъ самой рукописи: Евангеліе старца Іосифа.

№ 138 (въ библіотекѣ Іосифова монастыря) Богородичникъ, писанный самимъ преподобнымъ Іосифомъ въ 1489 г., 4 д., 317 л. Въ началѣ заставка фигурная золоченая. На об. 317 л. подпись: написахъ послѣдняго ста 7-е тысяча 97 лѣта (т. е. 6997) Генваря 11 въ монастыри святыа Богородица честнаго ея Успеніа, люботруженіе грѣшнаго инока Іосифа. Письмо рукописи одинаково съ непосредственно за симъ слѣдующимъ спискомъ Тріоди постной.

№ 119 (въ библіотекѣ Іосифова монастыря) Тріодъ постная, писана самимъ преподобнымъ, 1460 г., въ листъ. Впереди на бѣломъ листѣ почеркомъ XVI вѣка подписано: Тріодъ постная письмо самого отца нашего *преподобнаго старца Іосифа чудотворца* ставльшаго святую и великую обитель сію, и была многа лѣта у государя царя великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ государьской казнѣ, и Божіимъ повелѣніемъ и судьбами и царьскимъ повелѣніемъ прислана въ обитель сію, никомуже просящу труды его, ко многотрудному тѣлесю его възвратишася: многы бо книги написа преподобный, яже и доннынѣ суть въ монастыри его благодатію Христовою. И положити сіа книга съ его книгами вмѣстѣ въ коробью, а по кельямъ ея не давать, держати на свидѣтельство и на память святаго. Послѣсловіе: «въ лѣто 6968 сіа Тріодъ написана Іосифомъ старцемъ ставльшаго обитель честную на Волоцѣ Ламскомъ». Очевидно, что надпись сіа сдѣлана гораздо послѣ написанія книги: ибо самый монастырь Іосифовъ основанъ въ 1479 году.

№ 146 (въ библіотекѣ Іосифова монастыря) Псалтирь съ възслѣдованіемъ, нач. XVI в., 4 д., 447 л. Впереди на бѣломъ листѣ: Псалтирь, письмо въ началѣ преподобнаго Іосифа псалмы, а была у Чюдива у Брюхова въ Селижаровѣ.

№ 536 (въ Епархіальной Библіотекѣ) Сборникъ XV в., 12 д., 345 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ подпись: се Сборникъ и письмо и собраніе старца отца нашего Іосифа, а вынесъ его изъ монастыря Доснѣей изъ Савватіева, — Сборникъ скитской. Въ рукописи л. 1 предсловіе о житіи блаженныхъ отецъ, потомъ выписки изъ Лѣствичника, изъ Григоріа мниха и просвитера игумена обители Пантократоровы (Цамблака), изъ Иларіона великаго и другихъ.

№ 401 (въ Епархіальной Библіотекѣ) Мѣсяцесловъ съ канонникомъ, конца XV или начала XVI вѣка, 4 д., 219 л. Въ началѣ рукописи надпись: канунникъ Іосифовъ старцевъ.

2. рукописи, писанныя по благословенію или повелѣнію
преподобнаго Іосифа.

По нынѣшней описи № 657 (въ Моск. Духовной Академіи подь № 232) *Сборникъ*, 1487 г., 4 д., 416 л., начинается: Сказаніе о Египетскихъ черноризцахъ. На л. 250 подпись: Лѣта 95 (1487) написана бысть книга сія въ домъ Пречистыя господину игумену Іосифу потруженіемъ грѣшнаго черничка Герасима Поповки. Внизу: Господине государь Іосифъ! почиеши чести книгу сію, помяни мя грѣшнаго въ святыхъ своихъ молитвахъ, а язъ тобѣ, моему господину, челомъ бію и прочей всей братіи.

По нынѣшней описи № 505 (Акад. 144) *Сборникъ* изъ 4 рукописей, XV в., 4 д., 280 л. Въ первой рукописи статья: Сильвестра и Антонія истолкованіе о св. Троицѣ. По окончаніи ея на л. 167 посланіе къ преподобному Іосифу скорописью: «Господину игумену Іосифу на Ламской Волокъ Герасимецъ Поповка, грѣшный черничшко, челомъ бію. Послалъ есми съ твоимъ старцемъ Θεодосіемъ въ пречестную обитель пречистые Богоматери и тебѣ, моему господину, Іосифу и всѣмъ старцомъ книгу Селвестра папу Римскаго, да бочку лососей, да полтора луба соли въ лѣто 6997 (1489) изъ Новгорода мѣсяца генваря 26. Господине государь Іосифе! помяни мя грѣшнаго въ святыхъ своихъ молитвахъ, а язъ тобѣ, моему господину, челомъ бію. Государь Іосифъ! отпхни мнѣ о Васіанѣ: оба ли стихиляра пѣлъ — мѣсячной и постной, съ княземъ Семёномъ Голицею пошлешь мнѣ то вѣдомо».

По нынѣшней описи № 547 (Еп. Б—ки) *Поученія воскресныя и праздничныя*, 1490 г., въ листъ, 445 л. Впереді на бѣломъ листѣ: Евангеліе воскресное толковое, Семіоново писмо владычне. На послѣднемъ листѣ послѣсловіе: помощію и благодатію всемилостиваго Бога и Спаса нашего Ісуса Христа и того рождѣша пречистыя его Матере, повелѣніемъ же и благословеніемъ господина и отца своего приснопамятнаго игумена Іосифа, сздателя обители честнаго Успенія пресвятыя Богородица, коснуса отъ усрѣдіа худаго грѣшный чръвецъ Сумеонъ кнпгы сея божественныя, нарицаемыя Евангелія тлковаго, еже по началѣ и конецъ постигохъ списати грѣшный въ монастырь честнаго Успенія пресвятыя Богородица, сзданный отцемъ моимъ Іосифомъ, еже и нарицается пустыня

Іосифова. Свършися же сякое дѣло въ лѣто 6998 (1490) мая 15 въ дни благовѣрнаго великаго князя Іоанна Васильевича всея Руси, и при митрополитѣ Геронтіи и при дрѣжавѣ благовѣрнаго князя Бориса Васильевича, и при архіепископѣ Генадіи великаго Новогграда, въ славу Отцу и Сыну и Святому Духу Богу нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ аминь».

Другая рукопись того же Симеонова по нынѣшней описи значится подъ № 440 (Еп. Б—ки) *Бесѣды Григорія папы Римскаго*, XVI в., 4 д., 417 л. На задней дскѣ написано: сія книга написана бысть инокомъ Симеономъ, на послѣдокъ бысть епископъ Суздальскій.

Обѣ рукописи значатся и въ древнихъ описяхъ. По описи 1545 г. л. 29 Евангеліе воскресное недѣльное, въ десть, письмо Симеоново владычне, л. 39 об. Бесѣдовникъ въ полдесть, письмо владыки Суздальскаго. Тоже о Григоріѣ Бесѣдовникѣ въ описи 1591 г. л. 177, а о Евангеліи воскресномъ толковомъ л. 132 дополнено: Евангеліе въ десть, письмо Симеонова владыки, переплетено, ново, заставица на золотѣ, писано красками одна, а другая на краскахъ, застежки, наугольнички и жуки мѣдяны.

Старецъ Симеонъ, написавшій сіи рукописи, съ 1507 г. былъ игумномъ Московскаго Андроникова монастыря, откуда въ августѣ 1509 г. рукоположенъ во епископа Суздальскаго, скончался 1515 г. При немъ нѣсколько времени былъ въ заточеніи въ Андрониковомъ монастырѣ низведенный съ каедры Новгородскій архіепископъ Серапіонъ.

По нынѣшней описи № 9 (въ Москов. Дух. Академіи подъ № 6) *Собраніе Ветхозаветныхъ книгъ*: 1 и 2 Паралипоменонъ, Юдишь, Есавръ, Премудрость Соломонова и часть пророка Іереми, 4 д., конца XV в., 284 л. На 1 бѣломъ листѣ: иѣсиѣтъ (должно быть собственно-ручная подпись препод. Іосифа). На оборотѣ 56 л.: написалъ Кузмица Златоуской Паралипоменонъ первые. На об. 210 л.: сѣ тетради писаны на Іосифа на Волокъ.—Переводъ всѣхъ этихъ книгъ—съ Латинскаго, тотъ самый, какой въ полныхъ спискахъ Библии Синодальной Библіотеки.

По описи 1545 г. л. 45 об. о сей же рукописи: книга въ полдесть Паралипоменъ, оп. 1591 г. л. 184 об.—въ затылкѣ ветка.

По нынѣшней описи № 641 (Акад. 221) *Апокалипсисъ и житія святыхъ*, конца XV в., 4 д., 281 л. Житія здѣсь помѣщены: Николая чудотворца, Петра Аѳонскаго, Аѳанасія Великаго. На л. 140 об. по окончаніи Апокалипсиса подпись: «а сія книга написана многорѣшнымъ инокомъ Герасимомъ, по повелѣнію отца своего Іосифа».

По описи 1545 г. л. 20 книга въ полдестъ Апокалипси, писмо Герасима Черного, да тутожь припись — житія св. отецъ Николы чудотворца, Аванасія Великого и Петра Аeonьскаго.

По нынѣшней описи № 214 (Моск. Дух. Акад. № 61) *Псалтирь съ возмѣдованіемъ* конца XV или начала XVI в., 8 д., 576 л. Впереди на бѣломъ листѣ скорописью: сея книга Александра Авраміева сына старцу Іосифу, спасайся господине о Христѣ, а объ насъ Бога молн».

По нынѣшней описи № 246 (въ Москов. Епархіальной Библіотекѣ) *Стихиры на весь годъ и Ирмологій XVI в.*, 4 д., 476 л. На оборотѣ 1 л. подпись: стихираль полной Доснеей Топоркова, на л. 405 внизу: книга глаголемая Ермолой, а писалъ сію многогрѣшныя внокъ Доснеей по благословенію отца игумена Іосифа.

По описи 1545 г. л. 51 значится Ермолой въ полдестъ, Досеѣво писмо Вощечняково, — въ прозваніи, вѣроятно, ошибка, въ описи 1591 г. л. 208 об.: Ермолой полной съ стихиларемъ Доснеей Топоркова, Іосифова братавича.

По нынѣшней описи № 456 (въ Москов. Дух. Акад. подъ № 122) *Лѣтавица* Іоанна Синайскаго 1510 г., въ листъ, 356 л. Послѣсловіе: «Божією милостію съвершиися божественная сіа книга въ пречестнѣй обители пречистыя Богородица честнаго и славнаго ея Успенія, юже създа господинъ и пречестнѣйшій старецъ и игуменъ Іосифъ, юже и повелѣ написать книгу сію въ лѣто 7018 (1510), а отнегѣ же създана бысть обитель, лѣто 31». Въ описяхъ 1545 г. (л. 40) и 1591 (л. 179) значатся три Лѣтвицы въ дестъ, первая писма Герасима Черного, вторая—Геласія Суколѣнова, третія—Ферапонтова.

По нынѣшней описи № 426 (Акад. 106) *Толкованіе Златоуста и др. на посланія апостола Павла къ Римлянамъ, Коринѣянамъ и Галатамъ*, 1512 г., въ листъ, 497 л. На 1 л. подпись: писмо инока Ферапонта Обухова. Ниже: Апостолю пречистыя Богородицы Іосифова монастыря данъ на списокъ Благовѣщенскому протопопу Онуфрію. Послѣсловіе: въ лѣто 7020 (1512) въ дни государства всея Русскія земли самодержца великаго князя Василія Ивановича, внука великаго князя Василія Васильевича, повелѣніемъ отца моего игумена Іосифа написана бысть книга сіа рукою грѣшнаго инока Ферапонта въ обители, юже самъ созда отецъ нашъ Іосифъ, юже и глаголется Іосифовъ монастырь, на Волоцѣ на Ламскомъ.

Тамъ же № 427. (Акад. 107) *Тоже толкованіе на посланія къ Ефессеямъ, Филипписеямъ, Колоссеямъ, Солунянамъ, Тимоѣю, Титу, Филимону и Евреямъ*, 1514 г., въ листъ, 432 л. Послѣсловіе: въ

лѣто 7022 (1514) въ дни государства всея Русскія земля самодержца великаго князя Василя Ивановича и пр., что и выше.

По описи 1545 л. 31 Апостолю толковой въ дву книгахъ, Павлово посланіе, Ферапонтово писмо. По описи 1591 л. 142 — писмо старца Ферапонта.

О слѣдующихъ рукописяхъ неизвѣстно, писаны ли они были по благословенію преп. Іосифа или только приложены въ обитель при немъ.

По нынѣшней описи № 151 (Епарх. Б—ки) *Псалтирь съ возмодованіемъ* XVI в., 4 д., 355 л. На л. 24 подпись: «сію Псалтирь дажь Серапіону игуменъ Іосифъ на томъ, ему ея не продать ни отдать никому, ни по душѣ своей не дать, а отослать ему ея послѣ своего живота въ Оснѣовъ же монастырь, а сію Псалтирю кто дерзнетъ взяти послѣ живота Серапіонова игуменъ или кто отъ братіи, самъ вѣдаетъ опрично Серапіоновой, а отвѣчаетъ Богу о ней». (Въ старыхъ описяхъ нпчѣмъ не означена).

По нынѣшней описи № 591 (Акад. № 193) *Миней-четья Октябрь*, въ листъ, конца XV в. или начала XVI в., 330 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ надпись: книга Миней-четья октябрь Іосифова монастыря по благословенію игумена Іосифа была въ кельи у Василя Курицына.

Тамже № 593 (Акад. № 195) *Четь-миней Декабрь и Генварь* XV—XVI в., въ листъ, 471 л. На первомъ листѣ скорописью: Миней-четья два мѣсяца, декабрь да генварь, чель ея по благословенію игумена Оснѣа и старца Мисаила Безѣина первый грѣшникъ предъ Богомъ Васюкъ Курицынъ, (что) присланъ въ монастырь къ великому чудотворцу Іосифу на смиреніе.

Того же времени *Четь-миней* № 592 *Ноябрь* безъ начальныхъ листовъ, въ листъ, 571 л., № 594 *Февраль* нач. XVI в., въ листъ, 277 л., № 595 *Мартъ*, въ листъ, 224 л., № 596 *Апрѣль*, въ листъ, 535 л., № 597 *Май*, въ листъ, 460 л., № 598 *Іюнь, Іюль, Августъ*, въ листъ, 258 л.

Девять книгъ мѣсячныхъ Миней-четей значатся въ описи 1545 г. л. 32, а по описи 1591 л. 150 всѣ они въ десть.

По нын. описи № 642 (въ Епарх. Библиотекѣ) *Житія святыхъ* съ прибавленіями XVI в., 4 д., 240 л. Нач. житіе Θεодора Едесскаго. Впереди на бѣломъ листѣ: книгу сію чель по благословенію игумена Іосифа Василей Курицынъ. — Конечно этотъ Василій Курицынъ былъ одинъ изъ близкихъ родственниковъ дьяка Θεодора Курицына, главнаго покровителя ереси жидовствующихъ.

3. КНИГИ РУКОПИСНЫЯ, ПРИЛОЖЕННЫЯ ВЪ ОБИТЕЛЬ ПРИ ПРЕП. ЮСИФЪ.

1) *Отъ Волоцкаго князя Ивана Борисовича.*

Самъ Юсифъ въ посланіи къ Борису Кутузову писалъ, что князь Иванъ Борисовичъ Волоцкій далъ монастырю «*Евангеліе* Сергіева писма Доброписцева, обложенное серебромъ, да золочено». Въ кормовыхъ книгахъ, составленныхъ игуменомъ Евѳиміемъ Турковымъ, № 829 (Синод. Б—ки) л. 63 об.: дачи по благовѣрномъ князѣ Иванѣ Борисовичѣ Волоцкомъ большое Евангеліе золотомъ прописано, дска верхняя серебромъ обложена сканью, съ деисусомъ и съ евангелисты, застежки и спни серебряны, золочены и прокладницы шелковы, тясмы 4 жемчужкомъ обнизаны, писмо Сергія Доброписца. Промѣна ему, язъ слыхалъ, 100 рублевъ.

По описи 1545 г. л. 12 *Апостолъ* въ полдестъ князь Ивановскій Борисовича. По описи 1591 г. л. 138 *Апостолъ* князя Ивановскій Борисовича Рузскаго безъ заставиць, переводъ доброй, застежки на спняхъ мѣдяны, поволочень кожей.

2) *Отъ Каллиста, бывшаго игумена Саввы Сторожевскаго монастыря.* (Въ числѣ прочихъ былъ рекомендуемъ преп. Юсифомъ въ преемника себѣ въ обители, см. Житіе, напис. Саввою, стр. 59).

По нынѣшней описи № 461 (Епархіальной Библіотеки) *Творенія Іоанна Лѣствичника* 1505 года, 4 д., 424 л. На л. 421 послѣсловіе: о сборе Богомъ собранный... молю убо васъ... прочитающе книгу сію... не порцѣте на душу переписавшаго... помянѣте грѣшнаго мене... Написана бысть сія книга въ лѣто 7014 мѣсяца сентября въ обители святыя Богородицы, глаголемѣй Стража, наставника нашего повелѣніемъ игумена Каллиста... рукою дьяка Ѳедька.

По описи 1545 г. л. 40 об. Лѣствица въ полдестъ Калистовская словеть. По описи 1591 г. л. 179 об. Лѣствица Калистовская словеть игумена Сторожевскаго.

Сему же Каллисту принадлежатъ, вѣроятно, слѣдующія двѣ рукописи, значущіяся въ описи 1545 г. л. 26 об. *Евангеліе* Калистовское, л. 35 об. *Псалтирь* Каллиста старого, что жила у Варсунофія у Высокого.

3) *Отъ Кассіана Босова* (сподвижника Юсифова еще въ Пафнутьевомъ монастырѣ, котораго также Юсифъ рекомендовалъ на свое мѣсто въ управленіи обители, см. Житіе у Саввы Чернаго стр. 59).

По описи 1545 г. л. 35 *Псалтирь* въ полдестъ Касьяновская Босова. По нын. описи № 141 (Епархіальной Библіотеки) *Псалтирь* съ возслѣдованіемъ 1502 г., 4 д., 503 л. На оборотѣ задней дски:

въ лѣто 7010 (1502 года) написана сія Псалтирь священноинокомъ Симеономъ, а замышленіемъ инока Кассіана.

4) *Отъ Нила Полева.* (Изъ рода князей Смоленскихъ, постриженникъ Іосифовъ, потомъ удалившійся къ Нилу Сорскому, см. Житіе Неизвѣстнаго, с. 51).

По нын. описи № 450 (Епархіальной Библіотеки) *Творенія Исаака Сиріина* 1512 г., 4 д., 519 л. Впереди на бѣломъ листѣ: въ лѣто 7020 написана бысть книга сія Исаакъ въ обитель пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія въ строеніи преподобнаго отца нашего Іосифа, еже близъ Волоколамска, и дано бысть инокомъ Ниломъ Полевымъ по трехъ душахъ, написати ихъ по преставленіи въ списокъ повсядневный — Ксенію, инока Марка, инока Нила. Молимъжеся вамъ, господіе наши и отцы, прочитающек книгу сію и при животѣ нашемъ и по смерти, помяните вашу къ намъ послѣднюю любовь, помолитесь о насъ въ святыхъ вашихъ молитвахъ, а дали есмя по себѣ осмь книгъ отъ списка повсяднежнаго, и три рубля денегъ на три сорокоусты, и чтобы Бога ради по насъ по коегождо преставленіи отпѣта безъ преруска 40 обѣденъ и съ панихидами, сирѣчь сорокоустъ. Молимъжеся съ слезами и приказываемъ сія исправити по преставленіи душъ нашихъ князю Арсенію Голенину и старцу моему Іонѣ и старцу Геровтію Рокитину и старцу Кассіану.

По нын. описи № 444 (Епархіальной Библіотеки) *Творенія Исаака Сиріина* 1513 г., въ листъ, 542 л. Впереди на бѣломъ листѣ: въ лѣто 7021 (1513) почата сія книга писати Исаакъ въ обитель пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія въ строеніи преподобнаго отца нашего Іосифа, еже близъ Волоколамска, и дано бысть инокомъ Ниломъ Полевымъ по трехъ душахъ и пр. тоже самое, что и въ предъидущей рукописи.

По нын. описи № 39 (Акад. 20) *Евангеліе* по евангелистамъ 1514 г., 4 д., 286 л. Передъ евангелистами заставки и заглавныя литеры фигурныя, съ золотомъ, изящны. На 1 л. подпись: въ лѣто 7022 (1514 г.) написано бысть Христово сіе Евангеліе въ обители пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія въ строеніи преподобнаго отца нашего Іосифа, еже близъ Волоколамска, и дано бысть инокомъ Ниломъ Полевымъ по трехъ душахъ и пр. тоже самое, что и въ предъидущей рукописи.

По нын. описи № 507 (Акад. 146) *Сборникъ*, 1514 г., 4 д., 231 л. Здѣсь Нила о осми помыслѣхъ и другія статьи. Впереди на бѣломъ листѣ: въ лѣто 7022 (1514) дана бысть книга сія инокомъ Ниломъ

Полевымъ по трехъ душахъ въ обитель пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія въ строеніи преподобнаго отца нашего Іосифа, еже близъ Волоколамска, и пр. тоже самое, что и въ предъид. рукописи.

По нын. описи № 630 (Акад. 215) *Собраніе житій святыхъ* 1514 г., 4 д., 346 л. На 1 листѣ подпись: въ лѣто 7022 (1514) написана бысть книга сія съборникъ въ обитель пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія въ строеніи преподобнаго отца нашего Іосифа, еже близъ Волоколамска, и дано бысть инокомъ Ниломъ Полевымъ по трехъ душахъ и пр. тоже самое, что и въ предъидущей рукописи.

По нын. описи № 637 (Епархіальной Библиотеки) *Житія святыхъ* съ прибавленіями, 1514 г., 4 д. 317 л. На 1 листѣ подпись: въ лѣто 7022 (1514) написана бысть книга сія съборникъ въ обитель пречистыя Богородицы и пр. тоже, что и выше.

По нын. описи № 476 (Акад. 130). *Творенія авги Дороея* и отвѣты великаго Варсонофія XVI в., 4 д., 331 л. На послѣднемъ листѣ внизу подписано: Дороей, Ниловъ, соборной.

По описи 1545 г. л. 10 об. Евангелистъ Иванъ Богословъ (т. е. одно его Евангеліе) Нилова Полева письма, въ осминку, л. 15 об. Псалтирь, въ четверть, письмо Нила Полева, л. 19. Исакъ (Сириинъ) въ десть, сначала Ниловское письмо Полева, тамже: Исакъ въ полдесть, Нилъ же далъ по себѣ письмо, Патерикъ въ полдесть Нилова письма, Азбучной словеть, 19 об. Дороеей, Нилово письмо, л. 21. Духовная (преп. Іосифа) у Шягоны изгнбла, что Нилъ Полевъ далъ по себѣ, л. 21 об. три Соборника Нила Полева данія. Да Нилова же данья Соборникъ о осми помыслѣхъ и иныя вещи въ немъ.

Ко времени преподобнаго Іосифа съ большею или меньшею вѣрностію можно относить и вклады слѣдующихъ его спостниковъ и постриженниковъ.

1) *Герасима Чернаю* (спостника Іосифова еще въ Боровскомъ монастырѣ, потомъ странствовавшаго съ нимъ по монастырямъ, спсателя многихъ книгъ и затворника въ Іосифовомъ монастырѣ, см. Житіе Саввы 16. Незв. 44).

Кромѣ вышепоказанной рукописи съ годомъ по описи 1545 г. значатся слѣдующія книги его письма: л. 26 *Евангеліе* въ десть, въ большой церкви на престоѣ, письма Герасима Черного, евангелисты сребрены, дска басьяная, л. 32 *Шестодневецъ* въ полдесть, съ Минеею общею, Герасимова письма Черного, 32 об. *Триоди* въ четырехъ книгахъ, письмо Герасима Черного, 34 *Псалтирь* (т. е. съ

возслѣдованіемъ) въ полдесть, письмо псалмы Герасима Чернаго, (а возслѣдованіе) Гурія стараго, 34 об. *Псалтирь* въ полдесть, псалмы письмо Герасима Чернаго, л. 37 *Псалмы* въ десть, письмо Герасима Чернаго, л. 37 об. *Псалмы* въ полдесть, письмо Герасима Чернаго, припись слѣдованіе, также: *Псалмы* въ полдесть съ *сладосвѣемъ*, письмо Герасима Чернаго всѣ, л. 40 *Лѣтвица* въ десть, письмо Герасима Чернаго, л. 46 об. *два Сборника* въ полдесть — Стефанъ новый, одинъ Герасимова письма Чернаго, а другой плохо письмо, л. 50 об. *Службеникъ*, игуменской словеть, письмо Герасима Чернаго, и корны въ немъ писаны.

Нынѣ существуютъ по описи № 51 (Епархіальной Библіотека) Евангеліе по евангелистамъ XVI в., 4 д., 320 л. Впередѣ на бѣломъ листѣ: се язъ инокъ Герасимъ далъ еси въ домъ Пречистыя по себѣ Евангеліе въ Іосифовъ монастырь, чѣмъ пожаловали душу помянули. № 121 (Академ. 53) Трїодъ постная нач. XVI в., въ листъ, 290 л. На л. 287 по окончаніи книги подпись: Герасимъ (вѣроятно, Черный — ученикъ и сотрудникъ преп. Іосифа, ибо почеркъ очень схожъ съ другими его рукописями *), также на оборотѣ: книга Іосифова монастыря дана въ село Тимашево... 7187 г. № 153 (Епарх. Б—ки) *Псалтирь* съ слѣдованіемъ, безъ начала и довольно ветха, XV—XVI в., 4 д., 515 л. на оборотѣ верхней дски: письмо Герасима Чернаго.

2) *Вассіана, архіепископа Ростовскаго* (роднаго брата препод. Іосифа).

По описи 1545 г. л. 34 *Псалтирь* владыки Васьяновская Ростовскаго, л. 39 *Сборникъ*, старый въ два столбца, сначала письмо владыки Васьяна Ростовскаго (тоже и въ описи 1591 г. л. 174), л. 51 *два Ермолая* владыки Васьяна Ростовскаго.

По нынѣшней описи № 249 (Академ. 67) *Октоихъ* и *Ирмологъ* XVI в., 4 д., 249 л. На второмъ бѣломъ листѣ: Ермолой, письмо владыки Ростовскаго Вассіана Іосифова брата, а держать его на списокъ. № 266 (въ Епарх. Б—кѣ) *Ирмологъ* со стихирами и др. XV—XVI в., 4 д., 363 л. Въ началѣ по листамъ внизу подпись: сію книгу далъ владыка Васіанъ (архіепископъ Ростовскій) въ домъ пречистыя Богородицы въ Освѣовъ монастырь и проч.

3) *Досиоея Топоркова* (братанча преп. Іосифа).

По описи 1545 г. л. 34 *Псалтирь* въ полдесть, *Досиоевская Топоркова*, письмо Венедиктова, л. 35 об. *Псалтирь* въ четверть,

*) Это замѣчаніе составляющихъ опись.

кажутъ Досоея Топоркова, л. 40 *Листвица* въ поддестъ Досоевская, а писана съ Святогорской, л. 45 *Бытъя* въ дестъ, новой переводъ, Досоея Топоркова, да другая книга въ поддестъ, его же перевода *), л. 55 об. да *Бытъя* въ дестъ, Досоеева переводу, да *Критица* въ поддестъ Досоеева жъ переводу.

Нынѣ состоитъ № 246 (Епарх. Б—ки) Стихиры на весь годъ и Ирмологій XVI в., 4 д., 476 л. На оборотѣ 1 л. подпись: *Стихиларь* волюй Досоея Топоркова; № 172 (Епарх. Б—ки) Псалтирь съ возслѣдованіемъ XV—XVI в., 4 д., 573 л., заставки и заглавныя слова фигурныя съ золотомъ. На об. 571 л. подпись: Псалтиря Досоея Топоркова. У Строева въ Описаніи рукописей Царскаго, Москва 1848 г., № 435 Сборникъ, въ срединѣ коего на л. 29—35, по словамъ Строева, безъ начала сочиненіе (яко бы) богословское, полууставомъ писанное начала XVI в. На концѣ его пріпись: Досоеѣй старецъ Іосифовъ отдалъ еси въ Саватьевъ монастырь, по родителѣхъ своихъ двѣ книги Бытейскія въ дестъ и пр. Слѣдовательно этотъ отрывокъ оканчивалъ Палею? — догадывается за симъ Строевъ.

4) *Вассіана Топоркова, епископа Коломенскаго* (братанича преп. Іосифа).

По описи 1545 г., л. 52, Коломенской владыка Вассіанъ далъ *Псалтирю* въ поддестъ со всѣмъ (т. е. возслѣдованіемъ), заставица я строка золотомъ писано, писмо Симеона владыки Суздальскаго († 1515 г.), да *Ермолой* въ поддестъ съ охтайки.

Нынѣ состоитъ № 175 (Епарх. Б—ки) Псалтирь съ возслѣдованіемъ, XVI в., 4 д., 498 л. заставка и заглавныя слова сдѣланы золотомъ. Впереди по листамъ подписано: сію книгу далъ владыка Коломенской Вассіанъ по своей душѣ къ Пречистой въ Осиеовъ монастырь, а ве отдать ея изъ монастыря ни продати никому, аще хто ея отдастъ или продастъ, не буди на немъ милости Божіей и нашего благословенія.

*) Надобно думать, что слово «переводъ» здѣсь означаетъ *оригиналъ*, съ котораго списывается или переводится писмо на другой экземпляръ или копію, какъ это видно о сихъ самихъ рукописяхъ и изъ послѣдующаго. Въ сей же описи 1545 г. л. 27 пишется: Евангеліе Саввы Чернаго писмо, и переводъ *Кирилловской*, или *Волоколамской* же рукописи № 624 (въ Моск. Акад. № 211) подпись: Климентя житіе, переводъ *Заволжскій*. Очевидно, здѣсь разумѣются оригиналы Кириллова и прочихъ Заволжскихъ монастырей. Въ Московскихъ соборахъ на еретиковъ XVI в. (Чтенія Ист. Общ. 1847 г., № 8) стр. 20: а *переводъ у Троицы нмали иконы, съ чѣмъ писати.*

5) *Саввы Чернаго, епископа Крутицкаго* (постриженникъ препод. Юсифа, составившій и Житіе его).

По описи 1545 г. л. 27 *Евангеліе* Саввы Чернаго письмо, и переводъ Кириловской, л. 28 об. Евангеліе тетро владыки Нифонта Крутицкого, потомъ поправлено: Савы, какъ и на полѣ написано: «Савино владычне», л. 36 *Псалтирь* въ четъ, бархатъ чернъ, Крутицкаго Савина, л. 42 *Патерикъ* въ дестъ новъ, Савинской словеть (въ описи 1591 г. л. 189 Патерикъ Савы Чернаго владыки Крутицкаго), л. 51 *Ермолой* Савина писма владыки Крутицкого.

Нынѣ состоитъ по описи № 249 (Акад. № 67) Ирмологій XVI в., 4 д., 222 л., заставки на л. 1 и 183 раскрашенныя, золоченыя. На оборотѣ 1 л. подпись: Ермолой письмо Саввы Чернаго владыки Крутицкаго.

6) *Юны Головы* (изъ приставниковъ Володкаго князя Феодора Борисовича, постригшійся у Юсифа и имѣвшій даръ плача, наставникъ князя Андрея Голенина, рекомендованный Юсифомъ велик. князю въ преемника себѣ, Житіе Саввы стр. 59, Неизвѣстнаго 47).

По описи 1545 г. л. 27 об. *Евангеліе* Юнинское, письмо Быково, л. 30 об. *Апостолъ* въ полдестъ, Юнинской словеть Головина, л. 34 об. *Псалтирь* Юнинская Головина, письмо Быково.

Въ нынѣшней описи подѣ № 42 (Моск. Акад. 22) Евангеліе апракосъ XVI в., 4 д., 254 л. На 1 бѣломъ листѣ подпись: сія книга Евангеліе 7035 (1527) мѣсяца января 28 прислалъ игуменъ Левкѣя Осипова монастыря съ крестьяниномъ къ архангелу Михаилу... прочее неразборчиво. На оборотѣ задней дски: далъ сіе Евангеліе Иона слѣпой по своему племянникѣ. (У Юны Головы дѣйствительно былъ племянникъ Епифаній. Именно по описи 1545 г. л. 27 значится: Евангеліе плохо, Ионина племянника).

7) *Арсенія Голенина* (изъ князей постригшійся у Юсифа, великій подвижникъ, рекомендованный имъ на свое мѣсто по управленію обителію. См. Житіе Неизв. стр. 51, Саввы стр. 59).

По описи 1545 г. л. 27 *Евангеліе* въ дестъ Арсеньевское Голенина, л. 30 *Апостолъ* въ дестъ Арсеньевскій Голенина, л. 31 *Уставъ* въ полдестъ Арсеньевской (Голенина?), л. 34 об. *Псалтирь* Арсеньевская Голенина письмо.

Въ нынѣшней описи Голеневыхъ книгъ не видно.

8) *Геласія Суколькова* (постриженникъ Юсифа, рекомендованный имъ великому князю въ преемника себѣ, Житіе Саввы стр. 59).

По описи 1545 г. л. 26 *Евангеліе* въ дестъ, Геласіево письмо. Также: *Евангеліе* въ дестъ въ теплой церкви на престолѣ, письмо Гела-

сіево, л. 29 *Евангеліе* въ десть, писмо Геласіево, (по описи 1591 л. 117: *Евангеліе* въ десть, Геласія Сукогѣнова писмо) л. 30 *Апостолъ* въ десть, апракосъ, писмо Геласіево, (по описи 1591 г. л. 135 об.— писмо старца Геласія Сукогѣнова), л. 37 *Псалмы* въ десть, писмо Геласіево, л. 39 об. *Ефрежъ* въ десть, писмо Геласіево, (оп. 1591 г. о томъ и другомъ л. 166 и 177 об. писмо Геласія Сукогѣнова) л. 40 *Лѣстоица* въ десть, писмо Геласіево (по описи 1591 г. л. 179 Геласія Сукогѣнова), л. 42 об. *Симеонъ новій богословъ*, писмо Геласіево, л. 50 *Канутникъ* Геласіева писма, да тутожъ часы царскіе приписаны.

Нынѣ состоитъ по описи № 16 (Акад. 13) *Евангеліе* апракосъ, конца XV в., въ листъ, 431 л. На 1 бѣломъ листѣ подпись: *Евангеліе* апракосъ, писмо Геласіево Сукогѣнова на престолѣ въ теплой церкви Богоявленія Господа нашего Іисуса Христа. № 467 (Еп. Б—ки) Творенія Симеона новаго богослова, XV в., 4 д., 358 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ: Симеонъ новій богословъ, писмо Геласія Сукогѣнова, соборной. № 559 (Еп. Б—ки) *Сборникъ* XVI в., 4 д., 465 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ: Божіею помощію и пречистыя Богородицы свершися сія книга Съборникъ именуемая, избранныя повѣсти и слова Божественныхъ цисавій всѣмъ въ пользу прочитающимъ, написано же рукою многогрѣшнаго чернца Геласійца и пр.

9) *Тихона Ленкова* (постриженникъ Іосифа, рекомендованный имъ на свое мѣсто, Житіе Саввы стр. 59).

По описи 1545 г. л. 26 об. *Евангеліе* другое, его же (владыки Тверскаго Акакія) писмо, Тихону Ленкову писалъ, л. 34 *Псалтирь* Тихоновская словеть Ленкова.

Въ нынѣшней описи книгъ Ленкова не видно.

10) *Діонисія Звенигородскаго* (изъ князей Звенигородскихъ, въ мѣрѣ Данило Лупа, постригся у Іосифа и совершалъ великіе подвиги, былъ нѣсколько времени у Нила Сорскаго, но потомъ возвратился въ Іосифову обитель. См. о немъ Житіе Неизвѣстнаго стр. 50).

По описи 1545 г. л. 27 об. *Евангеліе* въ поддесть Денисьево Лупина, писмо владыки Суздальскаго, л. 30 об. *Апостолъ* въ поддесть у Деонисья жилъ (т. е. находился) у Лупы, л. 35 *Псалтирь* Денисья Лупина, писмо Ивана Пищулина, л. 40 об. *Лѣстоица* въ поддесть, Деонисій Звенигородской дагы, а приписъ въ ней отъ части Симеона новаго богослова, л. 48 и об. *Сборникъ* въ четь Денисовской, тамже: *Сборникъ* въ поддесть Денисьевской же, вначалѣ... (какая статья не показано), тамже: *Сборникъ* въ поддесть Денисьевской же, вна-

чагѣ Василя Великаго слово постническое; да *Соборникъ* въ полдестъ Денисьевской же, вначалѣ Симеона столпника, книга *Главнихъ* Денисьевской же, л. 50 об. а другой (*Потребникъ*) Денисья Звенигородскаго по тому же (какъ въ предъидущемъ) и службы въ немъ.

Нынѣ состоитъ по описи № 459 (Акад. 121) Творенія Іоанна Лѣствичника исхода XV в., 4 д., 380 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ подпись: Діонисія Звенигородскаго Лѣствица, а была у Еониа Туркова въ кельѣ. № 159 (Еп. Б—ки) Псалтирь съ возслѣдованіемъ, безъ начала и конца, начала XVI в., 4 д., 506 л. На оборотѣ верхней дски: Псалтирь Діонисія Лупина, писмо Папулино, переводъ добръ. № 502 (Еп. Б—ки) Сборникъ, XVI в., 4 д., 404 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ подпись: Діонисія Звенигородскаго. 1-я статья: Василя Вел. слова постническія. № 518 (Еп. Б—ки) Сборникъ XVI в., 4 д., 251 л. Впереди на бѣломъ листѣ: Книга Іосифова монастыря Діонисія князя Звенигородскаго (въ началѣ писанія Нила Сорскаго). № 661 (Акад. 235) Сборникъ XVI в., 12 д., 466 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ подпись: Діонисія Звенигородскаго.

11) *Бориса Кутузова* (друга Іосифова).

По описи 1545 г. л. 26 об. *Евангеліе* въ четверть Борисовское Кутузова, л. 30 об. *Апостолъ* въ четверть Борисовской Кутузова, л. 34 об. *Псалтирь* Борисовская Кутузова, жила у Аванасія Вортынца, л. 42 *Патерикъ*, Аврамьевской словеть Кутузова, л. 46 об. *Два соборника* въ полдестъ Борисовскіе Кутузова, въ одной главы Фаласѣвы сначала, а въ другой на Латыни въ полдестъ же.

Нынѣ состоитъ по описи № 56 (Акад. 24) *Евангеліе* по евангелистамъ XVI в., 8 д., 318 л. Впереди на бѣломъ листѣ: *Евангеліе* Бориса Кутузова. № 80 (Еп. Б—ки) *Апостолъ* XVI в., 8 д., 386 л. Въ началѣ надпись: *Апостолъ* Борисовской Кутузова. Предъ Дѣянїями и Посланїями Апостольскими заставки фигурныя съ золотомъ. № 636 (Еп. Б—ки) *Житіе* св. Іоанна Златоустаго, страданіе великомученика Артемїя и пр., XV—XVI в. 4 д., 330 л. Впереди на бѣломъ листѣ: сей *Сборникъ* далъ въ домъ Пречистыя Борисъ Васильевичъ Кутузовъ.

12) *Тихона Взвозрикѣина* (уважаемый старецъ Іосифова монастыря, упоминаемый преподобнымъ въ посланїи къ Вас. Андр. Челаднину,—по актамъ монастырскимъ 1510—14 г. казначей Іосифова монастыря; его вел. князь Василій Ивановичъ употребилъ посредникомъ къ склоненїю Кассїана Босова воспрїять отъ купели новорожденнаго сына его Іоанна 1530 г.).

По описи 1545 г. л. 27 об. *Евангеліе* Тихона Взворыкина и писмо его. Еще: *Евангеліе* Тихоновское жъ Зворыкина, л. 29 об. *Евангелисты* (отдѣльные) *Матоей да Марко*, сначала Тихоново писмо Взворыкина, л. 35 *Псалтирь* писмо псалмы Ефремова Саватьевского, Тихоновская Зворыкина словеть. Тамже: *Псалтирь* въ поддестъ Тихоновская Взворыкина, писмо Ивановское распопино. Тамже: *Псалтирь* въ четъ, писмо Тихоновское стараго, л. 37 об. *Псалмы* въ поддестъ Тихона Взворыкина, писаны въ Тѣри, писмо велико, л. 40 *Ефремъ* въ поддестъ, Тихоново писмо Взворыкина, л. 41 *Исакъ* въ поддестъ, Тихонъ Взворыкинъ далъ и писмо его, л. 42 об. *Симеонъ новый богословъ* да Петръ Дамаскинъ тутъ же, Тихоново писмо Взворыкина, л. 43 *Доровей* въ поддестъ, Тихоново писмо, приписъ отеческихъ словъ много, л. 46 *Духовная* (преп. *Іосифа*), Тихоново писмо Взворыкина, л. 48 об. Тихонъ Взворыкина *Сборникъ* въ поддестъ, вначалѣ слово отъ Лѣствицы.

Нынѣ состоятъ № 36 (Еп. Б—ки) Евангеліе по евангелистамъ XVI в., 4 д., 267 л. На 1 листѣ вверху: Евангеліе Тихона Взворыкина, писмо его. № 494 (Еп. Б—ки) Сборникъ XVI в., 4 д., 598 л. На оборотѣ 1 листа: Сборникъ Тихона Зворыкина. Въ началѣ слово изъ Лѣствицы. №469 (Еп. Б—ки) Творенія Симеона новаго и Петра Дамаскина XVI в., 4 д., 282 л. Въ началѣ на 1-мъ листѣ: Симеонъ новый богословъ, да Петръ Дамаскинъ Тихона Взворыкина.

13) *Варлаама Добротисца* (вѣроятно, тотъ Варлаамъ старый, котораго Іосифъ рекомендовалъ въ преемника себѣ. Житіе Саввы стр. 59).

По описи 1545 г. л. 26 *Евангеліе* въ дестъ, Варлаамово писмо (Добротисца по другой описи 1591 г., л. 115 об.).

Нынѣ по описи № 17 (Моск. Акад. 14) Евангеліе тетръ въ листъ, 368 л. На 1 л. подпись: Евангеліе писмо Варлаама Добротисца, а далъ его въ домъ пречистыя Богородицы бывшей архимандритъ Симоновской Герасимъ Замыцкой.

14) *Ипатія Огорльцова* (посыланъ былъ преп. Іосифомъ въ Новгородъ къ архіепископу Серапіону, см. Житіе Саввы стр. 42).

По описи 1545 г. л. 30 об. *Апостолъ*, Огорльцовой словеть, въ поддестъ, л. 35 об. *Псалтирь* въ четъ, Агорльчевская словеть, старая. Въ описи 1591 года л. 156: Псалтирь Игнатія Огорльцова, заставица и строка золотомъ прописана и Давидъ пророкъ на золотѣ писанъ.

По древности написанія можно также считать слѣдующія рукописи приложенными въ обитель при Іосифѣ.

Часословъ Иоанна Мисаилова. По нынѣшней описи № 349 (Моск. Дух. Акад. 83) Часословъ съ возслѣдованіемъ, 1451 г., 4 д., 442 л. На оборотѣ 429 л. «Въ лѣто 6959 (1451) списана бысть книга сія многогрѣшною рукою Микиты Остафьева сына Толмачева, нарицаемая Часословець, замышленіемъ (іерея?) Иоанна Мисаилова сына».

Евангеліе Михаила Григорьева. По нынѣшней описи № 24 (Моск. Дух. Акад. 17) Евангеліе, по церковнымъ чтеніямъ, 4 д., 456 л., 1453 г. На послѣднемъ листѣ приписано: «въ лѣто 6961 (1453) кругъ солнцу 17 и лунѣ 7, индикта 1, мѣсяца Октября въ 19 день, на память священномученика Садофа и св. мученика Уара и св. пророка Іоіуля въ день четвертокъ при благовѣрномъ и христіолюбивомъ и самодержавномъ великомъ князѣ Васи́лѣ Васи́льевичѣ и великомъ князѣ Ива́нѣ Васи́льевичѣ Володимірскомъ и всея Руси, при архіепископѣ Іонѣ, митрополитѣ Кіевскомъ и всея Руси и при архіепископѣ Еуфиміи великого Новагорода списаны быша книги сія святое Евангеліе въ градѣ Волоцѣ во обители святыхъ Богородицы честнаго и славнаго ея Рождества при игуменѣ Селиванѣ въ храмѣ иже во святыхъ отца нашего Николы, еже есть въ Расху, нарядомъ раба Божія Михаила Григорьевича а по хотѣнію священнаго ерея Измаила'а потруженіемъ многогрѣшнаго священноинока дьякона Макарія. Богу нашему слава, аминь».

Рукопись *Тимоея Веніамінова.* По нынѣшней описи № 437 (Моск. Акад. № 115) *Слова св. Аванасія Александрійскаго*, съ прибавленіями, 1488 г., 4 д., изъ двухъ частей, 330 л. Въ концѣ первой части л. 237 подпись, гдѣ между прочимъ пишется: лѣта 7997 (1488) декемвриос въ седмый въ 9 часу ноци послужиста ругѣ мои, амарголось Тимоея Веніамінова... Писахъ къ вечеру солнечнаго дне захода седморичнаго реку вѣка и проч.

Рукописи *Іоасафа Тверитина*, современника Геласію Сукогѣнову. По нынѣшней описи № 147 (Еп. Б-ки) *Псалтирь съ возслѣдованіемъ*, конца XV в. (почерки двухъ рукъ, писмо псалмовъ подходит къ скорописи) 4 д., 451 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ: «Псалтирь писмо Іоасафа Тверитина, Савватіевскаго игумена, псалмы, а слѣдованіе Исаино Бѣлаго». Тамже № 148 (Еп. Б-ки) *Псалтирь съ слѣдованіемъ*, конца XV в., 4 д., 491 л. Впереди на бѣломъ листѣ: Псалтирь писмо Асаѣа Тверитинова, Галасѣвская вторая статья. Обѣ рукописи значатся и въ описи 1545 г. л. 34 Псалтирь въ полдестъ, письмо Исаин Бѣлого, тамже: Псалтирь въ полдестъ, псалмы Іоасафово писмо Тверитина, л. 35 Псалтирь стара Галасѣв-

ская, писмо Асафа Тверитина, а въ описи 1591 г. л. 157 Псалтирь Галафьевская, псалмы и слѣдованія писмо Іоасафа Тверитина.

Рукописи *Стефана Тверитина*. По нынѣшней описи № 472 (Моск. Акад. 128) *Творенія Петра Дамаскина и аввы Дороея*, съ прибавленіями, 1505 г., 4 д., 416 л. На л. 368 подписано: въ лѣто 7013 (1505) мѣсяца Августа почалъ сія книги писати рекомаго Петра Дамаскина да Дороея Августа 25 на память преп. Евфросинія, а скончалъ тоужь осени Октября 24 св. мученика Ареѣи многогрѣшною... рукою діакона Стефана Тверитина. По описи 1545 г. л. 43 Петръ Дамаскинъ да Дороей въ одной книгѣ, по описи 1591 г. л. 191 къ этому прибавлено: въ нейже и главы Фаласѣвы къ Павлу просвитеру, писмо діакона Стефана Тверитина. Сверхъ того въ описи 1591 л. 124 значитъ *Евангеліе*, заставицы на краскахъ, поволока зуѣв вишнева ветха, писмо Архангелскаго діакона Стефана Тверитина.

Рукописи *Исаи Бѣлого*, современника Іоасафу Тверитину. По описи 1545 г. л. 27 об. *Евангеліе* въ полдестъ, Исаино писмо Бѣлого, въ описи 1591 г. л. 123 об. прибавлено: заставицы и слова на краскахъ, поволока отласъ зеленъ и пр., въ описи 1545 г. л. 41 об. *Патерикъ* въ полдестъ азбучной старой, въ описи 1591 л. 189 об. Патерикъ азбучной въ затылкѣ, писмо Исаи Бѣлого. Сверхъ того въ сей (1591 г.) описи прибавлено л. 215 *Канонникъ*, писмо Исаи Бѣлого и иныхъ, въ затылкѣ. Изъ сихъ рукописей по нынѣшней описи сохранились № 30 (Еп. Б-ки) *Евангеліе* по евангелистамъ, XVI в., 4 д., 372 л. На 1 бѣломъ листѣ: *Евангеліе* Исаи Бѣлого. № 299 (Акад. 72) *Канонникъ* XVI в., 4 д., 130 л. На 1 бѣломъ листѣ: *Канонникъ* Іосифова монастыря, писмо Исаи Бѣлого.

Паисія Ярославова. По описи 1545 г. л. 29 *Евангеліе* въ дестъ старое, въ два столбца. На полгѣ впоследствии приписано: а далѣ то *Евангеліе* въ домъ Пречистыя Паисея Ярославовъ, бывшей игумень живоначальныхъ Троицы Сергіева монастыря. — Паисій Ярославовъ былъ игуменомъ Троицкаго монастыря 1479—82 г., участвовалъ въ соборѣ 1503 г., и въ 1526 г. написалъ повѣсть о второмъ бракѣ великаго князя Василія.

Въ заключеніи мы должны сказать, что вышеписанный перечень нашъ книгъ Іосифова монастыря времени преп. основателя его далеко еще не полонъ. Изъ сочиненій Іосифа мы видимъ, что онъ употреблялъ многія и изъ неозначенныхъ здѣсь рукописей. Въ составленіи перечня мы руководствовались только замѣтками въ старыхъ описяхъ и приписками рукописей, имъ самимъ, Іосифомъ.

фомъ, или по его велѣнію и благословенію писанныхъ, при немъ (до 1515) въ обитель приложенныхъ отъ лицъ постороннихъ, или поступившихъ отъ его сподвижниковъ и постриженниковъ. Такимъ образомъ въ нашъ перечень вошли только тѣ рукописи, кои отмѣчены были въ старыхъ описяхъ и имѣли приписки. Но, конечно, многія изъ бывшихъ при преп. Іосифѣ книгъ не имѣли приписокъ и не были отмѣчены въ старыхъ описяхъ на основаніи тѣхъ-же приписокъ или живаго преданія. По краткости времени и неудобности могли ускользнуть отъ насъ даже и съ приписками нѣкоторыя рукописи, современные преп. Іосифу.



ОТЗЫВЪ

О СОЧИНЕНИИ В. СТАСОВА:

«О происхожденіи русскихъ былинъ»

Академика А. А. Шифнера.

Влад. Вас. Стасовъ въ концѣ своего изслѣдованія о «Происхожденіи русскихъ былинъ» выражаетъ убѣжденіе, что во всякомъ случаѣ дальнѣйшая судьба вопроса о русскихъ былинахъ — въ рукахъ русскихъ ориенталистовъ, и надѣется, что наши ориенталисты изучатъ и переведутъ созданія монгольской, калмыцкой, киргизской, башкирской, армянской, грузинской поэзіи, а также сказанія, поэмы и пѣсни разныхъ сибирскихъ и кавказскихъ племенъ и народовъ. Не отрицая важности подобныхъ переводовъ для исторіи *восточной литературы*, мы, съ нѣкоторыми ограниченіями, допускаемъ ихъ значеніе, какъ новыхъ матеріаловъ для *русской исторіи*. Дѣтъ двадцать тому назадъ, знаменитый нашъ путешественникъ Кастрень, въ статьѣ о «Первоначальныхъ жилищахъ Финновъ», старался доказать неотрицаемую будто бы связь финскихъ народовъ съ народами, обитающими въ отдаленнѣйшихъ странахъ Сибири; въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ онъ нерѣдко указываетъ на пункты сходства какъ въ языкѣ, такъ и въ бытѣ этихъ народовъ и живущихъ теперь на западѣ Финновъ. Однако въ новѣйшее время поняли всю важность изслѣдованія отношеній Финновъ къ ближайшимъ народамъ и необходимость изученія въ этомъ отношеніи не столько далекой древности, сколько временъ, непосредственно предшествовавшихъ. Сравненіе финскаго языка съ языками Эстовъ, Ливовъ, Вотовъ и сѣверной Чуди, а также изученіе вліянія ближайшихъ германскихъ, литовскихъ и славян-

ских нарѣчій привело къ результатамъ, гораздо болѣе удовлетворительнымъ.

Подобнымъ образомъ и г. Стасовъ, въ своемъ изслѣдованіи о русскихъ былинахъ, увлекается блескомъ произведеній восточной фантазіи и считаетъ себя вправѣ видѣть въ русскихъ былинахъ «довольно тощій и сильно кастрированный экстрактъ восточныхъ поэмъ и пѣсенъ» (часть III, глава IX, стр. 634). Признавая въ былинахъ матеріалъ первоначальный арійскій, г. Стасовъ полагаетъ, что этотъ матеріалъ полученъ нами не прямо изъ его родоначальнаго источника и не въ древнѣйшую эпоху исторіи, а чрезъ посредство племенъ не-арійскихъ и въ формѣ развитія не-арійскаго, отъ Тюрковъ и Монголовъ, во время довольно позднее (ч. III, гл. XIII, стр. 337); онъ прямо объявляетъ, что былины имѣютъ преимущественно колоритъ *буддійскій* или же *языческій* и что это объясняется тѣмъ, что буддѣйцами и язычниками были тѣ монгольскія и тюркскія племена, которыя нахлынули на Россію, начиная съ XIII вѣка и цѣлыхъ два столѣтія налагали на нее печать своего присутствія (ч. III, гл. XIV, стр. 343).

Въ 1857 году профессоръ геттингенскаго университета Бенфеи напечаталъ въ бюлетенѣ Императорской Академіи Наукъ (т. XIV, № 1. 2.) статью о буддѣйской рецензіи индѣйскаго сборника разсказовъ Веталапанчавиншати, съ намѣреніемъ обратить вниманіе русскихъ ученыхъ на буддѣйскіе сборники и ихъ обработку и передѣлку у другихъ народовъ русской имперіи. Какъ явствуетъ изъ предисловія къ его переводу санскритскаго сборника сказокъ Панчатантра, стр. XXIV, онъ приписываетъ владычеству монголовъ, продолжавшемуся почти два столѣтія, распространеніе буддѣйскихъ разсказовъ и сказокъ въ Европѣ: Отголосокъ этого мнѣнія мы встрѣчаемъ у г. Стасова: «очень вѣроятно, говоритъ онъ, что значительная часть этихъ сказокъ пришла въ западную Европу съ востока, *перейдя черезъ Россію*» (ч. III, гл. X, стр. 639).

Нѣкоторыя сомнѣнія противъ такого взгляда я имѣлъ случай высказать въ предисловіи къ изданнымъ г. Радловымъ въ нѣмецкомъ переводѣ образцамъ народной литературѣ тюркскихъ племенъ. Слѣдуетъ ли изъ того, что буддизмъ нынѣ процвѣтаетъ у монгольскихъ племенъ внутри Россіи, что Монголы XIII столѣтія были также буддѣйцами и распространителями индѣйской цивилизаціи? Время, когда эта религія принята торжественно государями Чингисова дома, достаточно извѣстно; не менѣе хорошо извѣстны религіозные обряды, съ которыми познакомились наши

великіе князья въ Ордѣ. На какомъ основаніи можно допустить, что Монголы и подчиненныя имъ тюркскія и другія племена были приверженцами буддизма и вслѣдствіе этого знакомы съ обильнымъ матеріаломъ индѣйскихъ разсказовъ и сказокъ? Не столько первое знакомство Монголовъ и Калмыковъ, сколько слѣдовавшія за тѣмъ вторженія ихъ въ Тибетъ, приводили ихъ къ буддизму, самое сильное распространеніе котораго между монгольскими племенами началось только съ утвержденія власти Далай-Ламы. По большей части это случилось уже въ то время, когда русскимъ царямъ удалось избавиться отъ тягостнаго ига.

При всемъ томъ мы не умалчиваемъ, что буддизмъ уже въ раннее время проникъ къ тюркскимъ племенамъ. Изъ путешествія Hiouen thsang'a давно извѣстно, что буддизмъ имѣлъ своихъ приверженцевъ въ Туркестанѣ; не менѣе извѣстно, какую роль онъ игралъ у Уйгуровъ. Однако мы не видимъ, какимъ образомъ эти тюркскія племена, жившія въ дальнемъ разстояніи отъ Славянъ, могли имѣть такое влияніе, какое предполагаетъ г. Стасовъ.

Источниками для изслѣдованія г. Стасова служили преимущественно слѣдующія сочиненія:

- 1) Переводы индѣйскихъ эпическихъ поэмъ, Махабараты, Рамаяны и Харивансы;
- 2) Сборникъ индѣйскихъ сказокъ Ката-Саритъ-Сагара, состав. Сомадевою;
- 3) Сборникъ буддѣйскихъ легендъ, извѣстный подъ именемъ Дзанглунъ;
- 4) Персидская поэма Шахъ-Намэ;
- 5) Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, изданныя г. Радловомъ; кромѣ того г. Стасовъ имѣлъ возможность пользоваться 3-мъ еще неизданнымъ томомъ этого труда, заключающимъ въ себѣ поэтическія произведенія киргизовъ;
- 6) Сказанія о подвигахъ Гессеръ-Хана;
- 7) Эпическія творенія Калмыковъ, извѣстныя подъ названіемъ Джангаріады.

Изъ этихъ сочиненій, по мнѣнію г. Стасова, наибольшее значеніе для изслѣдованія о «Происхожденіи русскихъ былинъ» имѣютъ образцы тюркскіе и поэтическія произведенія Монголовъ и Калмыковъ, причемъ онъ не отрицаетъ, что мотивы, перешедшіе къ намъ непосредственно отъ этихъ народовъ, могутъ быть древне-арійскаго происхожденія.

Во многихъ мѣстахъ своего изслѣдованія, г. Стасовъ прини-

маеть два періода произведеній индѣйской фантазіи, а именно древнѣйшій — брахманскій и новѣйшій — буддѣйскій; къ первому, кромѣ эпическихъ поэмъ, онъ причисляетъ сборникъ сказокъ Сомадеви жившаго въ концѣ XII столѣтія. Но такое раздѣленіе ничѣмъ не оправдывается. Буддѣйскія легенды сборника Дзанглунъ принадлежатъ къ древнѣйшимъ разсказамъ; Дзанглунъ есть не переводъ непосредственно индѣйскаго текста, а китайская редакція индѣйскаго оригинала, легенды же, встрѣчающіяся въ немъ, находятъ не только въ сборникахъ Кармашатака и Аванашатака въ Капурѣ, но и въ отдѣльныхъ сутрахъ древнейшаго времени. Поэтому г. Стасовъ ошибается, называя это сочиненіе *тибетскою* поэмою (ч. II, стр. 676), принимая что въ Дзанглунѣ находится редакція болѣе поздняя, чѣмъ въ сборникѣ Сомадеви (ч. II, стр. 241), помѣщая Дзанглунъ между Гессеръ-Ханомъ и Джангаріадою (ч. I, стр. 624). Нѣкоторыя изъ индѣйскихъ легендъ, содержащихся въ Дзанглунѣ, сообщены по переводамъ съ санскритскаго подлинника въ знаменитомъ сочиненіи Бюрнуфа *Introduction à l'histoire du buddhisme*; по мнѣнію г. Стасова, эти легенды, какъ напримѣръ Пурнѣ и о Сангаракшитѣ, суть произведенія позднѣйшаго времени и именно потому только, что, по его мнѣнію, такъ называемый буддѣйскій періодъ моложе брахманскаго. Хотя ученые, занимающіеся изслѣдованіемъ буддизма, все болѣе и болѣе убѣждаются въ томъ, что буддѣйская литература заимствовала многое изъ эпическихъ поэмъ и другихъ произведеній брахмановъ, такъ какъ она стала въ послѣдствіи усвоить себѣ всѣ богатства брахманской культуры; однако, съ другой стороны, даже самый ранній періодъ буддизма представляетъ намъ величайшее обиліе разсказовъ, сказокъ и сказокъ, почерпнутыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, изъ устъ самаго народа. Такіе разсказы не оставались неизвѣстными противникамъ буддистовъ, и этимъ легко объясняется почему столь большое количество буддѣйскихъ мотивовъ встрѣчается въ сборникѣ Сомадеви, который далъ имъ форму, соответствующую его ближайшимъ цѣлямъ.

Далѣе г. Стасовъ принимаетъ, что буддѣйскіе оригиналы р...

*) Подобнымъ образомъ (во 2-й части стр. 239) Джинначенпо не *тибетскій* брахманъ, а Гедонъ не *тибетскій* царевичъ; Тибетцы переводятъ, по возможности, всѣ имена собственныя Индѣйцевъ; первое изъ этихъ именъ по санскритски Махадана (великій даръ) другое было, вѣроятно, Шуб'арт'а (благое мнѣніе).

пространялись въ Россію чрезъ посредство тюркскихъ племень, напр. во 2-й части на стр. 685, гдѣ онъ предполагаетъ, что оригиналь разсказа объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ отчасти содержится въ одной изъ пѣсенъ Шорцевъ. Но именно это сближеніе доказываетъ, что основательное знакомство съ буддизмомъ не позволило бы ему видѣть *буддійское* религіозное міросозерцаніе въ томъ, что тамъ говорится о девяти мудрецахъ. Вообще надобно замѣтить, что въ пѣсняхъ и сказкахъ сибирскихъ Татаръ сохранились отголоски не только буддійскіе, но и другіе, указывающіе на древнія сношенія этихъ племень съ Ираномъ. Какое вліяніе имѣла религія древняго Ирана на Монголовъ, видно между прочимъ по нѣкоторымъ сохранившимся иранскимъ именамъ и терминамъ для обозначенія буддійскихъ понятій *).

Что касается до Гессеръ-Хана, то монгольскія редакціи этого собственно тибетскаго сочиненія едва ли давно извѣстны въ странахъ, гдѣ Русскіе имѣли ближайшія сношенія съ монгольскими племенами. Тоже самое должно сказать и о калмыцкой Джангаріадѣ; поэтому и нельзя, виѣстѣ съ г. Стасовымъ (въ ч. III, на стр. 622), допустить, чтобы богатырь Хонгоръ, обращающійся къ Далай-Ламѣ и его талисману, былъ первообразомъ Ильи Муромца, который обращается къ Николаю Можайскому (ср. ч. II, стр. 671).

Если г. Стасовъ въ древнихъ индѣйскихъ эпопеяхъ находитъ первообразы русскихъ былинь и удивляется множеству *важныхъ подробностей*, сходственныхъ въ разсказахъ о Кришнѣ и въ былинахъ о Добрынѣ, то мы невольно принуждены обратить вниманіе г. Стасова на слова Макса Мюллера, приведенныя имъ же самимъ, на стр. 328 (ч. III): «Правила управляющія словами, съ одинакою слою прилагаются и къ сравнительному анализу легендъ. Когда мы находимъ въ санскритскомъ языкѣ слова точь въ точь тѣ самыя, что въ греческомъ, мы уже знаемъ, что это не могутъ быть одни и тѣ же слова... Если бы это были одни и тѣ же слова, они непременно гораздо больше были бы непохожи одно на другое....» При тщательномъ разсмотрѣніи этого вопроса г. Стасову придется сознаться, что сходственныя черты, въ разсказѣ о Кришнѣ и въ былинѣ о Добрынѣ не даютъ никакого права высказать, что «въ нашихъ пѣсняхъ умѣстилось повѣствованіе объ одной изъ замѣчательнѣйшихъ и величайшихъ личностей древняго востока (ч. II, стр. 644). Если въ самомъ дѣлѣ мотивъ, встрѣчающійся въ раз-

*) Ср. мое предисловіе къ Образцамъ г. Радлова, т. I, стр. X и т. II, стр. XI.

сказѣ о Крипнѣ одинъ и тотъ же съ рассказомъ о Добрынѣ, остается только возвратиться къ тому мнѣнію, что основаніемъ обоихъ рассказовъ служатъ мнѣ или рассказъ древне-арійскій. Попытки возстановить изъ матеріала языковъ арійскаго происхожденія древнѣйшую звуковую систему и грамматическія формы древне-арійскаго языка могутъ служить для насъ доказательствомъ того, какимъ видоизмѣненіямъ подвергся первобытный языкъ и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, вслѣдствіе мѣстныхъ условій и чрезъ вліяніе чужихъ сосѣднихъ элементовъ. Рассказы, извѣстные древне-арійцамъ, какъ предметы, зависящіе болѣе чѣмъ звукомъ и формами грамматическія отъ свободной игры фантазіи, должны были подвергнуться еще болѣе измѣненіямъ. Безъ сомнѣнія древніе Аріицы владѣли извѣстнымъ капиталомъ такихъ рассказовъ уже по той причинѣ, что они находились на ступени осѣдлой жизни. Только изслѣдованія новѣйшаго времени, обращающія вниманіе на психическія отношенія разныхъ народовъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, доказали, что не только на высшихъ ступеняхъ культуры встрѣчаются рассказы, служащіе для увеселенія отдыхающихъ труженниковъ, но что и народы, находящіеся на низшихъ ступеняхъ, обладаютъ подобными средствами освѣжать свои умственные силы. Должно надѣяться, что этотъ этнологическій вопросъ не ускользнетъ отъ вниманія путешественниковъ и посетителей странъ еще мало извѣстныхъ, и что со временемъ онъ найдетъ для себя основательныхъ изыскателей. Теперь достаточно будетъ указать напр. на рассказы Самоѣдовъ, находящихся еще на ступени кочеваго быта и рыболовства, и Юкагировъ, промышленниковъ охоты. Замѣчательно, что даже у Самоѣдовъ встрѣчаются слѣды чужаго вліянія, напр. отголоски индѣйскихъ сказокъ о пироксахъ, прилетающихъ на волшебной птицѣ для поданія помощи. Это вліяніе чужихъ элементовъ возрастаетъ въ той мѣрѣ, какъ народы вступаютъ во взаимныя между собою отношенія; путешествіе, торговля обмѣниваются не только товары, но и произведенія фантазіи. Примѣры того доставляютъ намъ не только древній міръ семитическихъ и классическихъ народовъ, но и исторія нашего отечества. Не столько грозное владычество монголовъ, сколько времена предшествовавшія его періоду, обогащали Русскихъ новыми рассказами или способствовали къ видоизмѣненію уже существовавшихъ въ русской землѣ. Стоитъ только вспомнить важныя торговые пункты—великій Новгородъ и знаменитое Висби. Такимъ образомъ легко объясняется, почему нашъ Илья попалъ въ сказку.

динавскія саги и наоборотъ разсказъ о Зигурдѣ и Брюнгилдѣ оставилъ по себѣ слѣды въ былинѣ о Святогорѣ, везущемъ на плечахъ жену свою богатырскую въ хрустальномъ ларцѣ. Вообще трудно отрицать вліяніе скандинавскаго элемента, дѣйствовавшее не только путемъ торговли, но и вслѣдствіе событій варяжскаго періода русской исторіи. Вліяніе этого элемента на народы финскіе довольно ясно не только въ эпическихъ пѣсняхъ Финновъ и Эстовъ, въ Калевалѣ и Калевипоэгѣ, но и въ сказкахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я имѣлъ случай указать на то замѣчательное обстоятельство, что именно у Эстовъ сохранились слѣды древнѣйшаго періода скандинавскаго язычества, когда преобладало поклоненіе громовержцу Тору, между тѣмъ какъ въ Калевалѣ очевидно вліяніе Одной религіи, болѣе просвѣщенной и составлявшей достояніе болѣе образованныхъ слоевъ общества. По всей вѣроятности, Варяги, пришедшіе въ Россію, находились подъ вліяніемъ обоихъ фазисовъ. Воины, особенно предводители и члены дружины, безъ всякаго сомнѣнія были поклонниками Одина и притомъ не чужды высшаго образованія, съ которымъ находятся въ связи скандинавскіе скалды. Мнѣ кажется, что при изслѣдованіи русскихъ былинъ прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какое вліяніе имѣлъ тотъ скандинавскій элементъ на преданія и сказанія, находившіяся у Славянъ, обитавшихъ въ Россіи. Если даже въ Несторовой лѣтописи встрѣчаются разсказы скандинавскаго происхожденія, напр. о завоеваніи города Коростели, то очень вѣроятно, что и пѣвцамъ варяжскаго времени были знакомы скандинавскіе мотивы.

Но кромѣ этого сѣвернаго вліянія было еще западное и южное. Присутствіе нѣмецкихъ торговцевъ въ Новгородѣ представляется обстоятельствомъ очень важнымъ въ этомъ отношеніи. Съ принятіемъ христіанской религіи является новый элементъ, христіанскій, знакомящій русскихъ съ мотивами, заимствованными изъ св. Писанія, и съ сказочнымъ капиталомъ Византійцевъ *), который, впрочемъ былъ уже отчасти извѣстенъ скандинавскимъ витязямъ.

Наконецъ, нельзя умолчать и о другихъ сосѣдяхъ, окружавшихъ русскихъ Славянъ; не только племена, находившіяся въ связи съ западною культурою, но и инородцы тюркскаго происхожденія обмѣнивались съ Русскими. Разсказы восточные переходили къ

*) Кстати здѣсь упомянуть, что, по замѣчанію академика Наука, нельзя не узнать въ камешкѣ *антавентъ* исковеркованнаго греч. *ἀντακτ* (Имен. *ἀντακτ*); ср. ч. III, стр. 305.

намъ изъ Персін, черезъ посредство тюркскихъ племенъ; это очевидно, изъ тѣхъ данныхъ, которыя г. Стасовъ сообщаетъ о Ерусланѣ Лазаревичѣ *); эта персидская цивилизація еще замѣтна во всѣхъ почти сказкахъ у инородцевъ Кавказа напр. у Аваровъ, Казыкумыковъ, Чеченцевъ и др.; мы поражаемся здѣсь удивительнымъ сходствомъ ихъ съ сказками, находящимися теперь въ обращеніи въ Россіи. Едва ли до сихъ поръ успѣли оцѣнить всю важность роли этихъ тюркскихъ племенъ. Они тѣмъ замѣчательнѣе, что между ними находятся элементы, принадлежавшіе прежде другимъ народностямъ. Изъ путешествій Кастрена намъ извѣстно, съ какою быстротою разныя племена въ Сибири отатарились; не только самоѣдскія, остяцкія, но даже русскія и по всей вѣроятности даже племена татарскія (тюркскія), живущія нынѣ въ южной Россіи и въ Крыму, отчасти по силѣ уподобленія поглощали другія народности, напр. Готеовъ, Итальянцевъ и проч. Неужели народы, потерявшіе черезъ это уподобленіе прежніе свои языки, въ то же время лишились всѣхъ воспоминаній дѣтства, всего разсказочнаго запаса? Даже въ случаѣ, если это такъ, если дѣйствительно весь этотъ запасъ исчезъ изъ ихъ памяти, мы не можемъ не признать того удивительнаго таланта, съ которымъ тюркскія племена воспринимали въ разныя эпохи своего существованія прекраснѣйшія поэтическія произведенія своихъ сосѣдей; у нихъ встрѣчаются не только разсказы иранскіе и буддійскіе (полученные частью черезъ посредство Монголовъ), но и западные, и въ томъ числѣ преимущественно русскіе, какъ это видно изъ образцовъ, собранныхъ Радловымъ. Въ предисловіи къ II-му тому сборника этихъ образцовъ, я указалъ не только на вещественныя заимствованія, но и на русскія слова въ этихъ текстахъ, изобличающія источники, изъ коихъ эти разсказы заимствованы разными татарскими племенами.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что мое мнѣніе совершенно противорѣчитъ мнѣнію г. Стасова, и что я не только не согласенъ съ *позднимъ заимствованіемъ* нашимъ народомъ восточныхъ разсказовъ чрезъ посредство тюркскихъ и монгольскихъ племенъ, но что напротивъ того я полагаю, что разсказы русскіе, вмѣстѣ съ чужими элементами скандинавскаго сѣвера, распространились къ этимъ племенамъ чрезъ вліяніе новгородскихъ промышленниковъ

*) По звуковой системѣ татарскихъ языковъ, звукъ *p* не можетъ быть въ началѣ слова, почему и произошли формы *Урусланъ* и *Арамъ* вмѣсто: *Рустемъ* и *Ракишъ*.

и нашихъ удалыхъ казаковъ. Такъ, могло случиться, что слѣды главнаго богатыря западныхъ Финновъ и Эстовъ встрѣчаются въ Сусунскомъ заводѣ алтайскаго горнаго округа, а именно Колывана Ивановича (ср. извѣстія II Отд. Импер. Акад. Наукъ, т. II, стр. 161, въ собраніи Кирѣвскаго, т. I, стр. 7); тоже самое должно замѣтить и относительно Самсона, (у Кирѣвскаго, т. I, стр. 45—144) и Ивана Колывановичей.

Хотя г. Стасовъ, по нашему мнѣнію, не успѣлъ доказать восточное произведеніе русскихъ былинь, совершившееся будто бы въ очень позднее время, т. е. начиная съ XIII столѣтія, черезъ вліяніе монгольскихъ и тюркскихъ племенъ, обладавшихъ бѣльшимъ числомъ древне-азіатскихъ мотивовъ въ позднѣйшей буддійской редакціи, и хотя мы напротивъ того убѣждены, что буддійскія редакціи древнѣе другихъ и ближе чѣмъ что нибудь другое къ древне-арійскимъ первообразамъ, такъ что уже этимъ самимъ могло бы объясниться то бѣльшее сходство, которое г. Стасовъ находитъ въ буддійскихъ мотивахъ съ нѣкоторыми чертами русскихъ былинь,—мы не можемъ однако отрицать, что трудъ г. Стасова все-таки весьма замѣчательнъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ критическій взглядъ его на русскихъ богатырей. Возставъ противъ національныхъ выводовъ прежнихъ изслѣдователей, выставивъ сентиментальность, съ которою они старались характеризовать Добрыню, Илью Муромца и прочихъ богатырей, этихъ, по ихъ мнѣнію, представителей разныхъ сторонъ древне-русскаго быта, г. Стасовъ чрезъ это самое заставляетъ хладнокровнѣе смотрѣть на особенности нашей эпической поэзіи, подверженной впрочемъ общимъ законамъ этого рода поэзіи; чрезъ это онъ безспорно снискалъ право на признаніе за нимъ заслуги въ отношеніи отечественной словесности. Кромѣ того нельзя не принять въ соображеніе тщательность, съ которою г. Стасовъ представляетъ намъ всѣ подробности богатырскаго быта, какимъ онъ является въ русскихъ былинахъ и въ произведеніяхъ восточной поэзіи, а именно у сибирскихъ Татаръ. Наконецъ, необыкновенная начитанность автора придаетъ не малое значеніе его сочиненію. Принимая въ соображеніе всѣ эти достоинства изслѣдованія о «Происхожденіи русскихъ былинь», мы полагаемъ, что Академія поступить справедливо, если присудитъ автору поощрительную Уваровскую премію.

ОТЗЫВЪ

О СОЧИНЕНІИ СВЯЩ. М. ГОРЧАКОВА:

«Монастырскій приказъ (1649—1725 г.). Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія. С.-Петербургъ 1868 г.»

Профессора И. Д. Бѣляева.

Настоящій трудъ отца М. Горчакова принадлежитъ къ ряду тѣхъ трудовъ въ нашей историко-юридической литературѣ которые должны обращать на себя особенное вниманіе всѣхъ занимающихся историко-юридическими изслѣдованіями. Онъ основанъ на строгомъ изученіи памятниковъ не только печатныхъ, для каждаго доступныхъ, но и древнихъ письменныхъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, далеко не для каждаго доступныхъ и требующихъ значительнаго приготовленія для того, чтобы пользоваться ими надлежащимъ образомъ. Написать настоящую книгу можетъ только тотъ, кто добросовѣстно посвятилъ себя изученію избраннаго предмета и многосторонне приготовился къ подобной работѣ; здѣсь все основано не просто на фактахъ, но на фактахъ изученныхъ, обслѣдованныхъ, сравненныхъ и очищенныхъ; здѣсь тѣ или другія, добытыя научныя данныя, нужно было извлекать съ большимъ трудомъ изъ немногихъ отрывочныхъ слѣдовъ, оставленныхъ прежнею жизнію общества.

Настоящій трудъ отца Горчакова распадается на двѣ части: въ одной части представлены явленія церковной государственной и юридической жизни въ Россіи, вызвавшія, какъ историческую необходимость, учрежденіе монастырскаго приказа въ 1649 и 1701 годахъ, а въ другой части изображено состояніе, права, дѣятель-

ность и исторія монастырскаго приказа по эпохамъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ его судьбѣ и въ развитіи вопросовъ, для которыхъ онъ существовалъ.

Первую главу авторъ посвящаетъ изложенію обстоятельствъ вызвавшихъ учрежденіе монастырскаго приказа въ 1649 году. Онъ начинается это изложеніе съ самаго введенія христіанства въ Россію и съ церковныхъ уставовъ Владиміра Равноапостольнаго и сына его Ярослава, которые въ продолженіе шести вѣковъ были основнымъ законоположеніемъ, опредѣляющимъ общественное положеніе христіанской церкви въ Россіи. По изслѣдованію, въ продолженіе всего этого длиннаго періода законодательство довольствовалось только немногими прибавленіями и видоизмѣненіями сихъ первоначальныхъ уставовъ и не предпринимало никакихъ радикальныхъ реформъ. Между тѣмъ какъ гражданское общество и государство въ продолженіе этого времени потерпѣло въ законодательствѣ и вообще въ своемъ строѣ весьма важныя измѣненія; такъ что, по словамъ автора, церковь къ концу этого періода очутилась далеко въ неудовлетворительныхъ и сильно запутанныхъ гражданскихъ отношеніяхъ къ обществу и государству, особенно относительно гражданской подсудности духовенства и лицъ подвластныхъ церковнымъ учрежденіямъ въ силу служебныхъ и владѣльческихъ отношеній и относительно владѣнія вотчинами. Главную причину запутанностей авторъ полагаетъ въ многочисленныхъ привилегіяхъ, въ различное время данныхъ тѣмъ или другимъ церковнымъ учрежденіямъ и лицамъ относительно гражданской подсудности и землевладѣнія. Дѣйствительно привилегіи, какъ частныя исключенія, ежели онѣ такъ многочисленны, что изъ за нихъ мудрено и замѣтить общій строй и порядокъ, должны естественно вести къ запутанности; но едва ли можно согласиться, чтобы запутанность, произведенная привилегіями, была основною причиною, вызвавшею учрежденіе монастырскаго приказа въ 1649 году;—причина эта лежала гораздо глубже; привилегіи можно бы было отмѣнить, и тѣмъ уничтожить запутанность отношеній. Задачею же монастырскаго приказа, какъ говоритъ самъ авторъ, былъ не одинъ вопросъ о гражданской подсудности духовенства, который бы могъ быть разрѣшенъ отмѣною судебныхъ привилегій, но и еще важнѣйшій вопросъ, объ отчужденіи отъ церкви вотчинъ и о передачѣ ихъ государству. А причину, вызвавшую этотъ громадный вопросъ, должно искать не въ запутанности отношеній, обусловленной многочисленными привилегіями, а въ измѣненіи отношеній землевладѣнія къ государству и

къ службѣ; но авторъ, къ сожалѣнію, вовсе не обратилъ вниманія на эту важную историческую причину, вызвавшую учрежденіе монастырскаго приказа съ его главными задачами о гражданской подсудности духовенства и объ отчужденіи вотчинъ отъ церкви для передачи ихъ государству; отъ чего настоящая глава, заключающая въ себѣ много историческаго интереса, замѣтно страдаетъ односторонностію и какъ бы не доконченностію; она отвѣчаетъ только на первую задачу Монастырскаго приказа, и вовсе не касается второй задачи важнѣйшей по своему содержанію.

Вторая глава говоритъ о правахъ и дѣятельности монастырскаго приказа въ 28 лѣтній періодъ его существованія, отъ открытія въ 1649 г. и до закрытія въ 1677 году. По словамъ автора, въ учрежденіи монастырскаго приказа осуществлена была мысль о подсудности духовенства и подвластныхъ ему лицъ въ дѣлахъ гражданскихъ государственной судебной власти. Приказъ былъ поставленъ высшимъ центральнымъ судебнымъ мѣстомъ для всей Россіи и съ тѣмъ вмѣстѣ нисшія инстанціи суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства перешли отъ церкви къ судебной гражданской власти. Затѣмъ авторъ говоритъ объ отличіяхъ суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства отъ такового же суда между свѣтскими лицами и о составѣ монастырскаго приказа. По изслѣдованію автора, въ этомъ отношеніи устройство монастырскаго приказа по уложенію страдало крайнему неопредѣленностию, подававшее поводъ къ разнымъ затрудненіямъ духовныхъ лицъ въ отношеніи къ суду гражданскому. Также неопредѣленность, по словамъ автора, выказывается въ опредѣленіи круга дѣятельности этого приказа. По уложенію, онъ является исключительно судебнымъ учрежденіемъ. Въ исторіи же онъ оказывается и финансовымъ, отчасти административнымъ и даже полицейскимъ учрежденіемъ по отношенію къ предметамъ чисто церковнымъ. Но авторъ кажется напрасно укоряетъ монастырскій приказъ въ неопредѣленности круга его дѣятельности; этотъ приказъ имѣлъ совершенно одинаковый характеръ всѣхъ приказовъ того времени; всѣ они были вмѣстѣ и судебными и административными и финансовыми и даже полицейскими учрежденіями относительно лицъ и учреждений имъ подвѣдомыхъ, точно такой же характеръ мы находимъ въ приказахъ стрѣльцкомъ, пушкарскомъ, иноземномъ, аптекарскомъ и другихъ; всѣ они представляли казенное управленіе тѣмъ или другимъ вѣдомствомъ во всѣхъ дѣлахъ; точно также и монастырскій приказъ былъ казеннымъ управленіемъ надъ духовенствомъ и лицами, съ нимъ связанными; слѣдовательно тутъ была

полная опредѣленность только не по разрядамъ дѣлъ, а по лицамъ и учреждениямъ, подвѣдомымъ приказу. Какъ церковь въ прежнее время и по суду и по администраціи и въ финансахъ и въ полиціи вѣдалась и управлялась самостоятельно сама собою; точно также съ учрежденія монастырскаго приказа, какъ органа казеннаго управленія, все относящееся до церкви должно было перейти въ его вѣдѣніе. И патріархъ Никонъ и соборъ 1667 года возставали на монастырскій приказъ не за неопредѣленность его отношеній, а за принципъ казеннаго управленія церковію. Патріархъ Никонъ писалъ: «божественные законы не повелѣваютъ мірскимъ людямъ возложенными Господеви обладати движимыми и недвижимыми вещми, ниже судити». А соборъ 1667 года прямо постановилъ: воеводамъ, монастырскому приказу и прочимъ свѣтскимъ приказамъ не производить суда надъ духовенствомъ; и Государь утвердилъ постановленіе собора, и тѣмъ написалъ приговоръ самому монастырскому приказу, который въ 1677 году наконецъ былъ закрытъ высочайшимъ указомъ.

Глава третія содержитъ въ себѣ изложеніе историческихъ явленій, вызвавшихъ Петровскій монастырскій приказъ. Здѣсь авторъ волей неволей долженъ былъ обратиться къ перемѣнѣ отношеній въ поземельномъ владѣніи, какъ къ одной изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ учрежденіе монастырскаго приказа, на что онъ не обратилъ надлежащаго вниманія въ первой главѣ, гдѣ было настоящее мѣсто этому важному вопросу. Но и здѣсь онъ не затронулъ главнаго и основнаго вопроса, о перемѣнѣ отношеній во всѣхъ разрядахъ поземельнаго владѣнія, по которому правительство, вызванное историческимъ развитіемъ государственной жизни, постоянно стремилось къ тому, *чтобы вообще земля изъ службы не выходила*, для чего оно даже частную поземельную собственность, т. е. вотчины служилыхъ людей почти сравнило съ помѣстьями въ отношеніи къ государственной службѣ, и мало по малу достигло того, что къ XVIII столѣтію уже устранилось всякое различіе между помѣстными и вотчинными землями служилыхъ людей, такъ что и тѣ и другія получили общее названіе недвижимыхъ имуществъ. Вмѣсто этого общаго принципа, послужившаго основаніемъ сперва по стоглаву къ ограниченію пріобрѣтенія вотчинъ церковными учреждениями, а потомъ и къ постепенной секуляризаціи монастырскихъ и другихъ церковныхъ вотчинъ, авторъ выставилъ нѣсколько частныхъ случаевъ секуляризаціи въ царствованія Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича, которые сами по себѣ

были не больше какъ послѣдствія, вытекшія изъ принципа, что земля изъ службы не выходила, а отнюдь не были причиною вѣдшею стремленіе къ секуляризаціи. Отъ чего по изложенію автора выходитъ, что Петръ великій въ 1700 году возстановилъ монастырскій приказъ съ прямою цѣлю секуляризовать всѣ поквонныя вотчины потому, что его дѣду и отцу удалось отнять несколько вотчинъ у архіереевъ и монастырей. Это нѣкоторымъ разомъ даже высказывалъ самъ авторъ; онъ на страницѣ 107 говоритъ: «Такимъ образомъ путемъ законодательства значительная часть лицъ и владѣній, принадлежавшихъ духовенству, перешла полную собственность государства. Слѣдовательно въ законодательствѣ XVII вѣка проведена уже была мысль, что государство имеетъ обращать въ свою собственность принадлежавшія церкви имѣнія. Придерживаясь этой мысли, авторъ съ изумительною настойчивостію собралъ въ настоящей главѣ множество частныхъ случаевъ отчужденія церковныхъ вотчинъ въ пользу Государства, бывшихъ какъ въ XVI такъ и въ XVII столѣтіяхъ; но конечно частныя случаи, какъ бы они ни были многочисленны, ни когда не замѣняютъ принципа, изъ котораго они вытекаютъ, какъ необходимыя послѣдствія. А по сему въ настоящей главѣ возобновленіе Монастырскаго приказа является какъ бы произвольнымъ и неимѣющимъ историческаго основанія, не смотря на всѣ старанія автора мотивировать его и дать ему историческое начало.

Глава четвертая излагаетъ исторію Монастырскаго приказа въ 1701 — 1720 годовъ. Эта глава отличается особенною отдѣльностью какъ въ отношеніи къ изложенію, такъ еще болѣе по тщательности отысканію памятниковъ относящихся къ настоящему предмету; такъ что все изложеніе настоящей главѣ есть воспроизведеніе подлинныхъ свидѣтельствъ, живо и наглядно изображающихъ постепенное развитіе Петровскаго монастырскаго приказа. Здѣсь авторъ, кажется, не опустилъ ничего, чтобы могло способствовать къ полнотѣ изслѣдованія данной задачи.

Авторъ пишетъ: «Января 24-го дня 1701 года изданъ именныи указъ, въ которомъ повелѣвалось: Домъ святѣйшаго патріарха, а дома же архіерейскіе и монастырскія дѣла вѣдать боярину Ивану Алексѣевичу Мусину—Пушкину, а съ нимъ при тѣхъ дѣлахъ боярину Федору Ефиму Зотову, и сидѣть на патріаршемъ дворѣ въ палатѣ, гдѣ былъ патріаршій разрядъ, и писать монастырскимъ приказомъ, а въ приказѣ Большаго дворца монастырскихъ дѣлъ невѣдать»

прежнія дѣла отослать въ тотъ же приказъ». Вотъ начало Петровскаго монастырскаго приказа. По положенію своему въ ряду другихъ государственныхъ учреждений этотъ приказъ, по словамъ автора, явился высшимъ, центральнымъ для всей Россіи, по особому вѣдомству, учрежденіемъ, специально посвященнымъ, въ общемъ итогѣ его дѣятельности, преобразовательнымъ цѣлямъ Петра по отношенію къ церкви. «По личному составу своему Монастырскій приказъ въ періодъ отъ 1701 по 1720 годъ былъ весьма простъ и несложенъ, какъ и всѣ учрежденія приказной системы. Во главѣ его стоялъ бояринъ, который иногда, весьма рѣдко, назывался судьею. При немъ было четыре дьяка, и при нихъ подъячіе и приказные люди, которые различались между собою по количеству получаемаго жалованья, по особымъ степенямъ или статьямъ и по повытямъ, которыя поручались имъ: Штатъ ихъ сначала не былъ опредѣленъ закономъ или правилами. Назначеніе ихъ на службу зависѣло исключительно отъ боярина. Но число ихъ ограничивалось количествомъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе приказа. При Мусинѣ Пущкинѣ старыхъ подъячихъ было 20, среднихъ 8 и молодыхъ 71 человекъ. Повытя назывались большею частію по именамъ старыхъ подъячихъ, ими завѣдывавшихъ. Для исполненія по дѣламъ приказа были при немъ пристава окладные (5 человекъ); получавшіе опредѣленное жалованье, и неокладные (17 человекъ); для карауловъ и посылокъ служили драгуны набору Монастырскаго приказа отставные солдаты. Содержаніе приказа получалось изъ его доходовъ. Все это значитъ въ росписи Монастырскаго приказа 1701 года, отысканной авторомъ въ архивѣ Святѣйшаго Синода. По штату 1715 года положено на монастырскій приказъ: два секретаря, два дьяка, 13 канцеляристовъ, 11 подканцеляристовъ 76 копистовъ, и 30 драгуновъ съ опредѣленнымъ жалованьемъ.

Но истинная заслуга автора въ настоящей главѣ заключается въ изложеніи разнообразнѣйшихъ предметовъ вѣдомства Монастырскаго приказа. Авторъ съ особенною тщательностію собралъ свѣдѣнія о постепенномъ развитіи каждаго разряда дѣлъ въ Монастырскомъ приказѣ. Такъ прежде всего приказу велѣно было принять изъ подъ власти церковныхъ учреждений въ свое вѣдѣніе всѣ вообще имущества и вотчины патриаршаго, архіерейскихъ домовъ и монастырей. Имущества при приѣмѣ должны быть приведены въ извѣстность, переписаны. При чемъ первая перепись продолжалась около шести лѣтъ. Затѣмъ въ 1707 году на основаніи частныхъ переписныхъ книгъ была составлена приказомъ общая генераль-

ная табель, въ которой были опредѣлены доходы приказа со всѣхъ вотчинъ его вѣдомства и окладные расходы. Потомъ въ 1709 по распоряженію приказа была составлена новая перепись, а въ 1710 году по указу изъ разряда поручено было составить новую переписную книгу, изъ которыхъ въ приказѣ составилась новая генеральная табель 1710 года. Наконецъ въ 1715 году составлена новая перепись извѣстная подъ именемъ ландратской. Несмотря на всѣ сія переписи, стоявшія многихъ усилій и издержекъ, монастырскія и вообще церковныя имущества, состоявшія въ вѣдѣніи монастырскаго приказа не были приведены въ извѣстность. Авторомъ представлено нѣсколько весьма любопытныхъ статистическихъ данныхъ о числѣ крестьянскихъ дворовъ бывшихъ въ разное время въ завѣдываніи Монастырскаго приказа, а также о числѣ крестьянскихъ дворовъ оставленныхъ за монастырями и другими церковными учрежденіями.

Вторымъ разрядомъ дѣлъ монастырскаго приказа было управление всѣми патриаршими, архіерейскими, монастырскими и церковными вотчинами, которыя образовали собою особое вѣдомство, части котораго были разсыпаны по всей Россіи. Монастырскій приказъ въ отношеніи къ сему вѣдомству былъ центральнымъ местомъ управления. Ему было предоставлено устроить вновь управление своего вѣдомства съ тѣмъ, чтобы прежніе владѣльцы не могли стѣснять воли государства въ ихъ владѣніяхъ. Отстраненіе отъ всѣхъ вотчинъ прежнихъ владѣльцевъ, онъ призвалъ къ управленію отдѣльными частями своего вѣдомства патриаршихъ дворянъ, стольниковъ, монастырскихъ стряпчихъ, московскихъ разныхъ чиновъ людей и разослалъ ихъ по всѣмъ сторонамъ государства. Управление вѣренными частями имъ было предоставлено въ полную волю безъ всякаго контроля; и ближайшимъ слѣдствіемъ такого порядка, или лучше безпорядка, было совершенное разстройство вотчинъ бывшихъ въ вѣдѣніи монастырскаго приказа; крестьяне были одинаково разоряемы какъ управителями присланными отъ монастырскаго приказа, такъ и мѣстными чиновниками всѣхъ вѣдомствъ, ихъ всѣ грабили и никто незащищалъ. Авторъ на основаніи собранныхъ имъ данныхъ написалъ живую и вѣрную картину всѣхъ безпорядковъ въ управленіи монастырскими и вообще церковными имѣніями; эта картина ясно указываетъ, что монастырскій приказъ, какъ-бы для того и былъ учрежденъ, чтобы разстроить и разорить богатые и хорошо устроенныя монастырскія вотчины.

Въ 3-хъ Монастырскій приказъ, какъ учрежденіе государственное имѣлъ назначеніе устроить и обезпечить содержаніе тѣхъ церковныхъ учреждений, отъ которыхъ переходили къ нему имущества. При самомъ учрежденіи приказа, ему было имѣнено въ обязанность составить общую ружную книгу, которою предполагалось опредѣлить штаты монастырей въ Россіи; но штата монастырей всей Россіи приказъ не установилъ, а только уничтожилъ нѣсколько монастырей. Авторъ собралъ много любопытныхъ свѣдѣній о различныхъ распоряженіяхъ приказа относительно устройства и обезпеченія церковныхъ учреждений, имѣнія которыхъ поступили въ его вѣдѣніе. Свѣдѣнія сіи превосходно характеризуютъ дѣятельность монастырскаго приказа.

Въ 4-хъ Монастырскому приказу поручено завѣдываніе строительною частію въ церковныхъ учрежденіяхъ, ему переданы были изъ приказа Большаго дворца и строительныя книги и описи монастырскихъ зданій; и что либо измѣнить противъ сихъ описей, перестраивать и возводить вновь зданія не имѣли права ни монастырскія ни епархіальныя власти безъ разрѣшенія приказа. Монастырскій приказъ въ этомъ дѣлѣ скоро достигъ того, что въ 1708 году отъ монастырскихъ властей повеселись отовсюду жалобы, что монастырскія зданія и церкви вѣтшаютъ и разрушаются, что собственными средствами они поддержать ихъ не могутъ, все приходитъ въ великое разрушеніе и оскуденіе. Но относительно устройства приходскихъ церквей и причтовъ приказъ защищалъ ихъ отъ вмѣшательства воеводъ и другихъ властей и поручилъ церковнымъ старостамъ съ прихожанами представлять приходныя и расходныя книги ихъ на свою повѣрку.

Въ 5-хъ Монастырскій приказъ завѣдывалъ школами относительно ихъ содержанія, отчасти организациі и суда; въ его вѣдѣніи были не только церковныя, но и нѣкоторыя свѣтскія школы; но есть жалобы такихъ людей, какъ Новгородскій митрополитъ Іовъ и Ростовскій св. Димитрій, что приказъ мало заботился о поддержаніи вновь заведенныхъ въ епархіяхъ школъ. Авторъ собралъ нѣсколько интересныхъ извѣстій о распоряженіяхъ монастырскаго приказа относительно устройства школъ.

Въ 6-хъ въ вѣдѣніи монастырскаго приказа находилась единственная еще тогда типографія а также печатаніе и продажа книгъ. Собранныя авторомъ распоряженія приказа по этому предмету представляютъ большій интересъ, и много неожиданностей.

Въ 7-хъ въ кругъ дѣятельности монастырскаго приказа вхо-

дѣла полицейско-благотворительныя дѣла, для которыхъ была значена часть доходовъ съ церковныхъ вотчинъ; а посему въ дѣлѣ приказа состояли надзоръ за бродячими нищими, богадѣльня и госпиталь. Приказомъ относительно этого предмета было сдѣлано довольно разпоряженій, извѣстія о которыхъ собраны наши авторомъ и представляютъ довольно живую картину дѣятельности приказа по дѣламъ благотворительности, особенно относительно помѣщенія отставныхъ военныхъ чиновъ по монастырямъ на ихъ кормленіе.

Въ 8-хъ монастырскій приказъ былъ и судебнымъ учрежденіемъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ для всѣхъ земель своего вѣдомства; по этому кругу его судебнаго вѣдомства было очень обширнѣе, и представляетъ много замѣчательныхъ распоряженій особенно въ отношеніи къ суду по уголовнымъ дѣламъ.

Въ 9-хъ монастырскій приказъ имѣлъ отношенія и къ дѣламъ чисто церковнымъ; здѣсь онъ былъ какъ-бы посредникомъ между царемъ и церковными учрежденіями до учрежденія Святѣйшаго Синода.

Въ 10-хъ наконецъ самый обширный разрядъ дѣятельности монастырскаго указа составляли дѣла по финансовой части, въ которой онъ главнымъ образомъ и былъ возстановленъ Петромъ Великимъ и которая предоставлена ему при самомъ его возстановленіи, и состояла въ его вѣдѣніи до самаго его уничтоженія. Вѣдомствѣ монастырскаго приказа отправлялись обще государственныя подати и повинности, одинакія съ другими податными вѣдомствами, и особенныя производившіяся только въ немъ общія государственныя подати и повинности, отправлявшіяся въ вѣдомствѣ приказа, раздѣлялись 1) на табельныя или окладныя, 2) повсягодныя сборы, 3) канцелярскіе, 4) запросныя и 5) оброчныя. Окладныхъ сборовъ было 8 видовъ, повсягодныхъ десяти видовъ, канцелярскихъ и запросныхъ сборовъ по ихъ многочисленности и разнообразію нельзя и подвести подъ какіе либо видъ оброчныхъ сборовъ пять видовъ. Особенныя специально принадлежавшія монастырскому приказу сборы раздѣлялись на тринадцать видовъ, изъ нихъ послѣдній тринадцатый видъ состоявшій собственно изъ церковныхъ пошлинъ раздѣлялся въ свою очередь на два разряда: на окладныя и неокладныя къ первому разряду принадлежали: 1) дань съ церквей или денежныя пошлины архіереевъ, 2) казенныя пошлины въ Государеву казну, 3) десятильничій доходъ и заѣзды, 4) богадѣленныя, 5) на подмогу полковымъ с

щеникамъ, 6) ямскія и полоничныя, 7) славянныя; въ неокладныхъ пошлинахъ считались: 1) Ставленныя, 2) благословенныя, 3) епитрахальныя и постихарныя, 4) новоявленныя, 5) наметныя, 6) почеревныя со вдовъ и дѣвокъ, и 7) вѣнечныя. При изчисленіи разныхъ сборовъ авторомъ собрано довольно статистическихъ данныхъ хорошо характеризующихъ то время, въ которое дѣйствовалъ Петровскій монастырскій приказъ. Правда при изслѣдованіи разныхъ сборовъ встрѣчается нѣсколько промаховъ и неудачныхъ объясненій, но безъ нихъ почти нельзя обойтись работая надъ разнообразнѣйшимъ сырымъ матеріаломъ, и при неудовлетворительномъ состояніи исторіи финансовъ въ Россіи.

Глава пятая. Монастырскій приказъ въ Синодальномъ вѣдомствѣ съ 1721—1725 годъ. Святѣйшій Синодъ въ первомъ же засѣданіи своемъ, 14 февраля 1721 года, представилъ Государю докладъ о разныхъ предметахъ, въ которомъ между прочими докладными предметами Синодъ испрашивалъ разрѣшенія: «патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины сборами и правленіемъ, которыя вѣдомы были въ монастырскомъ приказѣ, въ одной духовной коллегіи вѣдать-ли? — того ради, что оныя отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту? На этомъ пунктѣ Петръ Великій собственною рукою далъ резолюцію: «быть по сему». Такимъ образомъ по имянному указу, въ самый день открытія Синода патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины, которыя были вѣдомы въ монастырскомъ приказѣ, повелѣно сборами и управленіями вѣдать въ одномъ Святѣйшемъ Синодѣ. Но Синодъ, какъ высшее церковно-правительственное учрежденіе, нашелъ неудобнымъ вѣдать вотчинами безъ особаго, подчиненнаго ему учрежденія и съ разрѣшеніе Государя снова возстановилъ монастырскій приказъ подъ Синодскимъ вѣдѣніемъ. Этотъ вновь возстановленный монастырскій приказъ явился во многихъ отношеніяхъ весьма отличнымъ отъ приказа 1701 года, онъ уже не былъ высшимъ государственнымъ самостоятельнымъ учрежденіемъ, но былъ уже учрежденіемъ второстепеннымъ состоящимъ въ совершенномъ подчиненіи Синоду, и въ зависимости отъ Сената, камеръ-коллегіи и штатсъ-конторъ коллегіи.

Этотъ приказъ съ первыхъ же дней своего учрежденія долженъ былъ преодолевать большія препятствія; Сенатъ и герольдія не давали ему чиновниковъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, такъ что онъ долженъ былъ пробавляться числомъ чиновниковъ совершенно недостаточнымъ для порядочнаго веденія дѣлъ возложенныхъ на него;

камеръ-коллегія съ своей стороны сначала вовсе игнорировала вѣдѣній монастырскій приказъ, а потомъ нѣсколько лѣтъ не высылали окладныхъ и доимочныхъ книгъ и вѣдомостей, по которымъ собирались подать; провинціальныя чиновники Камеръ-Коллегіи правили недоимки на крестьянахъ монастырскаго приказа, и дѣлали разныя затрудненія комиссарамъ и разнымъ сборщикамъ податей, посылая имъ отъ Приказа; потомъ изъ Камеръ-Коллегіи были присланы книги и вѣдомости о количествѣ крестьянскихъ домовъ невѣрно и неточныя и противорѣчающія другимъ; такъ что по объясненіи монастырскаго приказа Государемъ было наряжено слѣдствіе о томъ кто и почему и сколько недоимки запустилъ на вѣдомствѣ монастырскаго приказа. Наконецъ въ 1723 г. Приказъ послѣ многыя затрудненія и препятствія успѣлъ поустроиться и получить болѣе определенности, правильности и удобствъ къ надлежащему отпущенію государственныхъ сборовъ, и съ разрѣшенія Синода установилъ новое административное дѣленіе своего вѣдомства, согласно съ обще-государственнымъ провинціальнымъ дѣленіемъ. Все вѣдѣніе его по управленію раздѣлилось по провинціямъ, а не по епархіямъ, какъ было доселѣ, и въ каждую провинцію назначено по одному особаго управителя, комиссара синодальной команды, и комиссарамъ дали подробныя инструкціи, какъ вести дѣла. Новоустроенному Приказу Синодъ опредѣлилъ слѣдующій кругъ дѣйствій: 1) Сборъ податей и нарядовъ въ церковныхъ вотчинахъ, 2) судебная власть въ епархіальныхъ и монастырскихъ вотчинахъ по дѣламъ гражданскимъ, 3) производство слѣдствій по дѣламъ касающимся имущества принадлежащихъ церковнымъ учрежденіямъ, 4) право распоряженія оброчными статьями, принадлежащими церковному вѣдомству, 5) отправленіе по монастырямъ отставныхъ военныхъ чиновъ и прокормленіе, 6) наблюдать чтобы государственныя подати и повинности отправлялись съ надлежащею исправностію и по указу во всѣхъ церковныхъ вотчинахъ, какъ за опредѣленныхъ, такъ за неопредѣленныхъ; 7) Полицейская часть относящаяся до сыска бѣглыхъ крестьянъ его вѣдомства и розысковъ подозрительныхъ людей укрывающихся въ церковныхъ вотчинахъ. Кромѣ того приказъ долженъ былъ составлять общія вѣдомости по всѣмъ церковнымъ учрежденіямъ о приходахъ и расходахъ церковнаго вѣдомства представлять ихъ въ Синодъ, въ ревизіонъ-Контору при Сенатѣ въ Камеръ-Коллегію, вѣдомости о числѣ дворянъ, оберъ-офицеровъ и дѣтей ихъ, состоящихъ въ вѣдѣніи церковныхъ учреждений и вообще всякія вѣдомости о такихъ предметахъ, о которыхъ тре-

вались въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ свѣдѣнія по всему вѣдомству церковныхъ учреждений. Но лишь устроился приказъ и получилъ опредѣленный штатъ примѣнительно къ устройству Камеръ-Коллегіи, какъ Синодомъ представлено было назвать его коллегією Синодальнаго правленія; но Сенатъ распорядился переименовать его въ Камеръ-Контору Синодальнаго правительства. Именный указъ въ январѣ 1725 года возвѣстилъ объ этомъ переименованіи, съ которымъ прекратилось на всегда существованіе монастырскаго приказа.

Кратковременная исторія послѣдняго или иначе Синодальнаго монастырскаго приказа написана авторомъ по архивнымъ документамъ и представляетъ много интересныхъ подробностей превосходно характеризующихъ тогдашнее время; въ ней мы встрѣчаемъ указанія на соперничество разныхъ вѣдомствъ, которыя старались мѣшать другъ другу въ теченіи дѣлъ порученныхъ ихъ вѣдѣнію, и тѣмъ затрудняли новопостроенный Петромъ Великимъ механизмъ Государственнаго управления. Авторъ въ небольшой исторіи монастырскаго Приказа съумѣлъ отыскать такія черты того времени, которыхъ исторія еще не замѣчала.

Къ концу книги авторъ приложилъ до пятидесяти документовъ Монастырскаго Приказа извлеченныхъ изъ главнаго Московскаго архива Министерства Юстиціи и состоящихъ изъ разныхъ распоряженій и вѣдомостей Приказа и представляющихъ много интересныхъ свѣдѣній, относящихся къ исторіи перваго двадцати-пятилѣтія XVIII вѣка, такихъ свѣдѣній—въ которыхъ нуждалась исторія этого времени, и которыя до сей поры не были извѣстны, покрайней мѣрѣ печатно.

Вообще настоящій ученый трудъ отца Горчакова, хотя имѣетъ нѣкоторыя крупныя и мелкія недостатки, частію замѣченныя мною въ настоящей рецензіи, а частію по мелкости своей оставленныя безъ замѣчанія; тѣмъ не менѣе въ итогѣ своемъ представляетъ замѣчательное явленіе въ современной историко-правовѣдной литературѣ въ нашемъ отечествѣ и даетъ значительный вкладъ въ сокровищницу отечественной науки, и по моему крайнему разумѣнію Императорская Академія Наукъ исполнить долгъ свой удостоивъ отца Горчакова искомой преміи.

ОТЗЫВЪ

О КНИГѢ Г. ХРУЩЕВА:

«Исслѣдованія о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго.»

Н. И. Костомарова.

Императорская Академія Наукъ почтила меня порученіемъ сообщить ей отзывъ о книгѣ г. Хрущева: «*Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. шумена Волоцкаго*», представленной для соисканія Уваровскихъ наградъ. Получивъ это порученіе уже поздно и будучи озабоченъ другими занятіями, я не имѣлъ достаточно времени разсмотрѣть критически сочиненіе г. Хрущева, заняться спеціально предметомъ, составляющимъ его сущность, повѣрить правильность всѣхъ его указаній и вообще войти въ подробности, чтобы съ точностію опредѣлить степень заслуги, какую это сочиненіе можетъ имѣть для науки; но желая сколько нибудь исполнить желаніе Академіи Наукъ, ограничиваюсь краткимъ взглядомъ, выведеннымъ на основаніи чтенія книги г. Хрущева и нѣкотораго прежняго знакомства съ ея предметомъ.

Книга эта, по моему крайнему разумѣнію, никакъ не можетъ быть причислена къ такимъ произведеніямъ, которыя бы высказывали о данномъ предметѣ все, что послѣ предшествовавшихъ разработокъ этого предмета, можетъ назваться послѣднимъ словомъ науки, или научнымъ образомъ разрѣшали бы важные вопросы. Напротивъ, книга эта отличается тѣмъ, что авторъ обходитъ крупные объединительные вопросы, которые сами собою возбуждаются при занятіи предметомъ, избраннымъ имъ для своего изслѣдованія,

а гдѣ, по необходимости, онъ касается нѣкоторыхъ, тамъ ему удается меньше, чѣмъ при разсмотрѣннн и изложенн мелочныхъ подробностей. Такъ, напримѣръ, желая уяснить значенн Юсифа Санина въ ряду русскихъ подвижниковъ и основателей монастырскихъ общинъ, у автора было доброе намѣренн собрать воедино разбѣянные черты и возсоздать изъ нихъ общнй типъ подвижника. Онъ говоритъ: эпическнй типъ русскаго богатыря донесла до насъ устная народная поэзн; историческнй же типъ основателя монастыря сохранила намъ наша письменность. Типъ этотъ проходитъ черезъ всю русскую исторню, но его золотымъ вѣкомъ былъ XV вѣкъ, представляющнй сорокъ именъ извѣстныхъ своею святостню основателей и устроителей монастырей. Вслѣдъ за тѣмъ авторъ пытается представить главныя черты изъ жизни русскихъ подвижниковъ, которыми обрисовывается данный типъ. Начало дано хорошее и нѣкоторыя черты найдены и сопоставлены удачно; но авторъ не достигаетъ своей цѣли въ научномъ отношенн по слѣдующимъ причинамъ:

1) Къ типу XV вѣка онъ примѣшиваетъ то, что принадлежитъ именамъ XIV, XVI и даже XVII вѣковъ, не указываетъ сходствъ и различнй между признаками раннихъ и позднѣйшихъ временъ, дабы можно было видѣть, что именно принадлежитъ исключительно XV вѣку, которымъ авторъ занимается, и что равнымъ образомъ принадлежало вообще всей исторн русскаго подвижничества и монашества. Само собою разумѣется, что заниматься какимъ нибудь вѣкомъ или эпохою въ какомъ бы то ни было отношенн нельзя иначе, какъ только при сравненн съ прежнимъ и слѣдующимъ временемъ.

2) Не подвергаетъ критикѣ житнй, служащнй ему источниками, и не опредѣляетъ: что въ каждомъ изъ нихъ есть самобытнаго и что въ нихъ болѣе или менѣе одинаковаго, откуда эта одинаковость и какъ изъ одного въ другое переходили общепринятныя черты, дабы отдѣлнть отъ исторической дѣйствительности то, что возникло изъ рутинныхъ прнемовъ слагателей житнй, ибо для насъ важенъ не только тотъ типъ, который не трудно составить на основанн чтенн сказаннй и житнй; гораздо важнѣе тотъ типъ, который существовалъ въ дѣйствительной жизни, а не въ воображеннн и на бумагѣ, и который откроется намъ самъ собою, коль скоро мы очистимъ критикою и осмыслимъ для себя этого рода источники.

3) Авторъ изслѣдованн не показываетъ преемственнаго про-

исхожденія нашего подвижничества съ востока и не опредѣляетъ на сколько наше приняло мѣстныхъ свойствъ и является своею разнымъ, равнымъ образомъ чѣмъ отличается отъ подобныхъ себѣ явленій въ иныхъ странахъ?

Такого же рода недостатки можно усмотрѣть у автора изслѣдованія и тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ уставѣ Іосифа Волоцкаго и о его сочиненіяхъ, касающихся устройства монастырскаго быта. Г. Хрущевъ не объясняетъ: на сколько этотъ уставъ различается отъ другихъ уставовъ, откуда и какъ почерпалъ Іосифъ основныя тѣхъ правилъ, какія возлагалъ на свою братію, и на сколько уставъ, имъ составленный, былъ отголоскомъ издавна существовавшихъ или быть можетъ отчасти недавно передъ тѣмъ развитыхъ общихъ аскетически-нравственныхъ понятій и насколько онъ отражалъ личность законодавца. Вообще г. Хрущевъ на умный разборъ этого устава положилъ несравненно менѣе труда, чѣмъ онъ заслуживалъ, какъ самъ по себѣ, такъ и по сравненіи съ другими явленіями монашескаго строя.

Сортируя сочиненія Іосифа по предметамъ, къ которымъ каждое изъ этихъ сочиненій преимущественно относится, авторъ «Изслѣдованія» не отвелъ особой рубрики для тѣхъ посланій Волоцкаго игумена, которыя разрѣшаютъ вопросы не монашеской, а мірскаго жизни. Къ такимъ писаніямъ принадлежатъ: посланіе къ нѣкоему князю вообще о нравственной жизни, посланіе къ вельможѣ о мотовлѣніи рабовъ, посланіе къ князю о средствахъ, необходимыхъ къ принятію по поводу случившагося голода, отчасти и посланіе къ княгинѣ Голениной о вкладахъ. Авторъ «Изслѣдованія», хотя перечисляетъ ихъ и въ сокращеніи приводитъ содержаніе каждого, но не объясняетъ, что въ нихъ принадлежитъ вообще христіанскому духу и ученію православной церкви въ особенности то, что составляетъ личныя мнѣнія и побужденія писавшаго эти посланія; равнымъ образомъ мало видно: въ какой степени то, чѣмъ вызваны были эти посланія, лежало вообще въ строѣ русскаго общества или было временнымъ, случайнымъ явленіемъ? Замѣтимъ мимоходомъ, что авторъ «Изслѣдованія», какъ бы желая показать свою способность приводить, на основаніи исторической критики, въ извѣстность неизвѣстныя данныя, обличаетъ легкое обращеніе съ такого рода вопросами. Такъ, напримѣръ, нашедши посланіе къ князю, котораго имя неизвѣстно, онъ полагаетъ, что этотъ князь былъ Юрій Ивановичъ, на томъ основаніи, что этотъ князь былъ не женатъ. Но открывая текстъ посланія, мы не видимъ

указанія, чтобъ князь, которому Іосифъ писалъ посланіе, былъ не женатъ. Тамъ есть общія правоученія о тѣлесной чистотѣ и объ избѣжаніи блуда, и г. Хрущевъ, основываясь только на этомъ заключилъ, что князь этотъ былъ не женатъ, а потомъ вывелъ, что князь этотъ былъ Юрій Ивановичъ. Но если бы г. Хрущевъ побольше вчитался въ нашу старую литературу, то нашелъ бы, что слово блудъ принималось вообще въ значеніи развратнаго образа жизни и относилось безъ различія къ безбрачнымъ и къ состоящимъ въ супружествѣ.

Переходя къ разбору сочиненій Іосифа Волоцкаго, относящихся къ борьбѣ противъ ереси жидовствующихъ, авторъ изслѣдованія не только не вдается въ разсмотрѣніе вопросовъ: гдѣ и какъ возникла эта ересь и на сколько она себѣ нашла на Руси подготовленную почву, но даже не излагаетъ въ порядкѣ ея сущности; въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Хрущева далеко ниже давно извѣстнаго и во многомъ, при открытіи новыхъ источниковъ, устарѣваго сочиненія г. Руднева о ересьяхъ и расколахъ. Читатель, познакомившись съ печатнымъ текстомъ Просвѣтителя, напрасно сталъ бы обращаться къ книгѣ г. Хрущева, соблазняясь ея названіемъ, за объясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Іосифова сочиненія, требующихъ комментарія. Для примѣра — возьмемъ хоть то, что у Іосифа упоминаются тригольники; г. Хрущевъ не говоритъ своего мнѣнія: были ли въ самомъ дѣлѣ стригольники въ какой либо связи съ жидовствующими, были ли послѣдніе въ извѣстной степени подготовлены первыми, какъ нѣкогда полагалъ г. Рудневъ, или же между ними сродства не было? Іосифъ, обличая своихъ противниковъ, укоряетъ ихъ въ занятіяхъ звѣдозаконіемъ, астрологіею, чернокнижіемъ. Отъ ученаго, взявшагося за изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа, мы вправѣ желать объясненія: въ чемъ состояли эти суевѣрія, откуда приходили, какъ были распространены у насъ и какое вліяніе оказывали на жизнь и умственное движеніе въ Россіи? г. Хрущевъ оставляетъ насъ безъ отвѣта. Онъ не обращаетъ никакого вниманія на мѣсто первой важности у Іосифа, гдѣ послѣдній говоритъ, что, предъ появленіемъ ереси и во время оной, происходили любопытныя о вѣрѣ на торжищахъ и въ домахъ и многіе придерживались разныхъ ересей — кто Саддукейской, кто Массалианской: послѣднее слово сильно заставляетъ подозрѣвать древнее вліяніе Богумиловъ. Что же въ самомъ дѣлѣ было то еретичество, которое такъ вооружило противъ себя Іосифа Волоцкаго? Есть ли это дѣйствительно жидовство, въ опредѣленномъ смыслѣ,

или смѣсь съ христіанствомъ, или же это была самая разнообразная микстура религіознаго вольнодумства, несполнѣ установленная и такъ сказать не перебродившая? У г. Хрущева нѣтъ отвѣта на эти вопросы. У него все ограничивается изложеніемъ вкратцѣ содержанія словъ Іосифа съ подведеніемъ ихъ къ нѣкоторымъ обстоятельствамъ и событіямъ того времени.

Споръ Іосифа съ новгородскимъ митрополитомъ Серапіономъ изложенъ у г. Хрущева лучше, хотя авторъ мало касается историческаго смысла и значенія этого любопытнаго спора. Онъ знаменателенъ какъ одинъ изъ фактовъ борьбы стараго съ новымъ, угасавшаго съ возникавшимъ. Серапіонъ стоялъ за старину, Іосифъ за новизну. Серапіонъ хотѣлъ той независимости церковной, какая существовала во время удѣльно-вѣчеваго періода; Іосифъ стремился къ тому, чтобъ воля самодержавнаго свѣтскаго владыки была выше преданія, обычая и самой церкви давала направленіе. Серапіонъ и въ добрыхъ качествахъ и въ предразсудкахъ былъ сторонникомъ старины. Его ужасала варварская казнь боярынь, которыхъ неумолимый сокрушитель Новгорода присудилъ сечь живьемъ, тогда какъ Волоцкій игумень съ особенною любовью относился къ такимъ строгимъ мѣрамъ; но тотъ же Серапіонъ считалъ за удѣльнымъ княземъ право жаловать и грабить монастырь, который самъ этотъ князь построилъ. Подобно всѣмъ своимъ древнимъ предшественникамъ, Новгородскимъ владыкамъ, Серапіонъ ревниво стоялъ за старинныя предѣлы Новгородской епархіи, совпадавшіе съ предѣлами, на которые въ такой или въ иной степени имѣло притязаніе новгородское вѣче. Не удивительно, что Москва не взлюбила Серапіона и поступила съ нимъ съ свойственною ей рѣшимостію и съ обычною грубостію вѣка. Низложеніе Серапіона, совершенное подъ благовиднымъ образомъ соборнаго осужденія, было началомъ цѣлаго ряда подобныхъ событій, когда московскіе государи распоряжались дѣлами церкви такъ, какъ находили нужнымъ для себя по обстоятельствамъ, стараясь, однако, по возможности соблюсти наружное соглашеніе съ уставами и законоположеніями церкви. Іосифъ, по старанію котораго пострадалъ Серапіонъ, былъ со стороны церкви защитникомъ принципа московскаго самодержавія, фактическаго главенства свѣтской власти не только надъ тѣлеснымъ, но и надъ духовнымъ бытомъ подданныхъ. Ничто не должно было связывать этой верховной власти: то, что Іосифъ самъ приводитъ для ограниченія власти удѣльнаго князя въ отношеніи къ церкви, не существуетъ для князя великаго, державнаго. Удѣль-

ный князь, по известному обычаю, вмѣшивается въ дѣла монастыря, созданнаго его предками и считаемаго имъ такимъ же своимъ достояніемъ, какимъ считалъ бы и теперь каждый частный человекъ домовую церковь, находящуюся у него въ покояхъ. Противъ него приводятся церковныя правила вообще о неприкосновенности церкви для свѣтскихъ властей. Но эти правила только могутъ помогать московскому государю, когда онъ захочетъ заточить и истязать архіерея, тѣмъ болѣе, что сила съумѣетъ придать своимъ дѣйствіямъ видъ самой благовидной законности. Когда шелъ отчаянный споръ между двумя столбами тогдашней церкви, многіе становились въ тупикъ и сами себѣ не могли уяснить: кто правъ, кто виноватъ? Серапіонъ или Іосифъ? Въ сущности вопросъ этотъ значилъ другое: должна ли была жить и оставаться старина или долженъ былъ наступить новый порядокъ? Конечно, старина должна была потерпѣть поражение и въ области церковной, какъ она была поражена и раздавлена на вѣчевыхъ площадяхъ Новгорода и Пскова. Серапіонъ долженъ былъ потерпѣть, какъ защитникъ отживавшаго порядка; Іосифъ остался побѣдителемъ, потому что обратился къ силѣ молодыхъ началъ. Всепримиряющее потомство опѣнило ихъ заслуги равно: ожесточенные враги одинаково причислены къ лику одной и той же церкви, которой служили съ различными взглядами.

Споръ Іосифа съ Вассіаномъ у автора изслѣдованія изложенъ поверхностно и слабо. На стр. 248, примѣч 220, онъ приводитъ содержаніе «слова отвѣтна противу клеветующихъ истину евангельскую» и ссылается на Православный Собесѣдникъ г. 1861, гдѣ, по указанію г. Хрущева, должно быть помѣщено это слово; но мы не нашли его тамъ. Страннѣе всего то, что авторъ «Изслѣдованія» почти не касается спора между Іосифомъ и Ниломъ Сорскимъ и возникшаго потомъ антагонизма Іосифовлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ—общеземлетелей и скитниковъ, а между тѣмъ это было одно изъ важнѣйшихъ явленій умственнаго движенія въ древней Руси.

Относительно языка, построенія рѣчи и литературныхъ приемовъ, авторъ изслѣдованія о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго оставляетъ эти сочиненія въ покоѣ.

Вообще представленное на соисканіе награды сочиненіе показываетъ, что авторъ его не мыслитель; онъ только собиратель и указыватель. Сочиненіе его можно назвать указателемъ къ сочиненіямъ Іосифа и вмѣстѣ біографіею послѣдняго. Читатель можетъ изъ этого сочиненія узнать: въ какихъ рукописныхъ сборникахъ онъ найдетъ писанія самаго Волоцкаго игумена и другихъ, писав-

шихъ о немъ, и о предметахъ, касающихся его, а равно и о томъ, гдѣ нѣкоторыя напечатаны. Кромѣ того, онъ изъ этого же сочиненія узнаетъ содержаніе Іосифовыхъ словъ и посланій, поводы служившіе къ написанію и обстоятельства сопровождавшія ихъ. Въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Хрущева можно назвать удовлетворительнымъ до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ на столько, что для того, кто бы вознамѣрился написать другое ученое изслѣдованіе объ Іосифѣ Волоцкомъ, книга г. Хрущева должна будетъ служить настольнымъ указателемъ. Слѣдовательно — трудъ не погибшій и полезный для науки. А потому, принимая во вниманіе: 1) что сочиненіе г. Хрущева, какъ специальное о твореніяхъ и жизни Іосифа, все таки самое полезное для будущихъ дѣятелей по этому предмету, 2) что, не смотря на важные недостатки, видѣнъ у автора усидчивый и добросовѣстный трудъ, который уважать слѣдуетъ, 3) что это первое произведеніе автора, человѣка еще молодого, и умѣренное одобреніе и поощреніе можетъ ободрить его и побудить къ болѣе зрѣлымъ работамъ, — я полагаю, что Императорская Академія наукъ можетъ назначить г. Хрущеву награду, сообразно вышеуказаннымъ достоинствамъ его сочиненія.

ОТЗЫВЪ

О СОЧИНЕНІИ В. МАКУШЕВА:

«Исслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ
Дубровника, Слб. 1867 г., стр. VI 446 in—8°».

Н. А. Попова.

Мы имѣемъ дѣло съ сочиненіемъ историко-библіографическаго содержанія, весьма важнымъ по своей цѣли, довольно обширнымъ по задуманной программѣ, но чрезвычайно неровнымъ по ея выполненію. Авторъ избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій одинъ изъ городовъ Адриатическаго побережья, наиболѣе прославленныхъ въ средневѣковой исторіи того края и въ исторіи южнаго славянства. Дубровникъ (Ragusa) принадлежалъ къ числу тѣхъ торговыхъ общинъ, которыя, отправившись отъ демократическаго устройства общественной жизни, мало по малу выросли въ аристократическія республики; вмѣстѣ съ тѣмъ Дубровникъ былъ не маловажнымъ представителемъ южнославянскаго міра, долгое время носилъ въ себѣ цвѣтъ его умственнаго развитія и не смотря ни на какія внѣшніе перевороты остался въ народныхъ основахъ своего быта вѣрнымъ славянству. Такимъ образомъ исторія Дубровника представляетъ для каждаго безпристрастнаго изслѣдователя, желающаго обнять жизнь этого города вполнѣ, двоякій интересъ. Съ одной стороны исторія Дубровника представляетъ собою примѣръ того городского развитія, которое было до извѣстной степени сходнымъ для всѣхъ торговыхъ общинъ — славянскихъ, германскихъ и романскихъ — и господствовало въ эпоху борьбы большихъ городовъ,

имѣвшихъ свои территоріи, съ властію императоровъ, королей князей и вообще земельной аристократіи. Наши Новгородъ и Псковъ, ганзейскіе города, города римскаго союза, итальянскія республики представляютъ въ этомъ отношеніи явленіе, которое можетъ быть изучаемо сравнительно. Полная и отчетливо изложенная исторія Дубровника съ этой точки зрѣнія была бы прекраснымъ вкладомъ въ исторію европейской городской жизни вообще. Этого мало: написать такую исторію не значило бы исчерпать вполне научный интересъ, соединенный съ прошедшимъ Дубровника. Чтобы опредѣлить характеръ жизни, исключительно свойственный этой республикѣ, надо взять вопросъ гораздо шире и не ограничиваясь однимъ только изслѣдованіемъ внѣшнихъ отношеній Дубровника, разработать весь его внутренній бытъ, коснуться его всѣхъ связей съ окружающею страной. Изъ такового только изученія можно почерпнуть черты, составляющія историческую фizioномію Дубровника, отличающую его отъ другихъ торговыхъ республикъ средневѣковой Европы. Хотя обѣ эти стороны Дубровницкой исторіи обращали на себя вниманіе многихъ изслѣдователей, однако вполне удовлетворительной, всесторонней исторіи этой славной республики до сихъ поръ еще нѣтъ.

Авторъ разбираемаго нами сочиненія избралъ предметомъ своихъ занятій «Исторію внѣшнихъ сношеній Дубровницкой республики» (Предисловіе стр. III и IV). Такимъ образомъ сочиненіе его касается одной части тѣхъ научныхъ интересовъ, которые связаны съ исторіей Дубровника. Но настоящее сочиненіе г. Макушева служитъ только приготовленіемъ къ такому труду. Оно заключаетъ въ себѣ лишь обзоръ источниковъ для внѣшней исторіи Дубровницкой республики и въ этомъ смыслѣ вторая глава его (стр. 56—288) представляетъ наиболѣе существенную часть всей книги. Судя по заглавію, которое имѣетъ сочиненіе г. Макушева онъ хотѣлъ не только дать читателямъ библиографическое описаніе историческихъ памятниковъ Дубровника, но и критически изслѣдовать, оцѣнить ихъ. Такая потребность уже давно чувствуется въ южнославянской исторической литературѣ. Прекрасный образецъ подобныхъ историко-критическихъ изслѣдованій далъ хорватскій ученый докторъ Ф. Рачки, въ своемъ сочиненіи: *Ocjena ratarijih izvoga za hroatsku i srbsku poviest srednjega vieka* (Zagreb, 1866.) Не ограничиваясь общою характеристикой того или другаго писателя, того или другаго памятника, онъ подробно разбираетъ самыя извѣстія ихъ о важнѣйшихъ событіяхъ южнославянской

исторіи, сличаетъ ихъ съ другими извѣстіями, оцѣниваетъ ихъ внутреннюю и относительную вѣроятность, и основываетъ свои общіе выводы и историческіе приговоры на подробной и тщательной критикѣ. Г. Макушевъ принялъ смѣшанную систему. Въ иныхъ случаяхъ онъ ограничивается однимъ сообщеніемъ біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ и краткимъ описаніемъ ихъ сочиненій, въ другихъ случаяхъ онъ старается пополнить свѣдѣнія, представленныя его предшественниками по этому дѣлу, дѣлаетъ выписки изъ называемыхъ имъ сочиненій, особенно неизданныхъ; и только въ немногихъ случаяхъ подвергаетъ болѣе или менѣе подробной критикѣ сочиненія, приводимыя имъ въ общемъ обзорѣ. Надо пожалѣть о томъ, что авторъ не вездѣ въ одинаковой степени выполнилъ обязанность изслѣдователя-критика. Это тѣмъ болѣе непонятно, что внимательное чтеніе книги г. Макушева убѣждаетъ, что памятники, о которыхъ онъ говоритъ, извѣстны ему не изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, а изъ личнаго знакомства съ ними.

Авторъ держится такого распредѣленія при обзорѣ источниковъ Дубровницкой исторіи: онъ дѣлитъ ихъ на *памятники старинныя и сказанія современниковъ*; къ *первымъ* отнесены: I) постройки и вещи, II) народный бытъ и повѣрья, III) памятники устные, IV) письменные памятники, которые въ свою очередь дѣлятся на: а) церковныя, б) учено-литературныя и в) юридическія (по общему и частному законодательству и по дипломатическимъ сношеніямъ). Ко *вторымъ* авторъ относитъ: I) сказанія Дубровничанъ, то есть—гѣтониси, записки, описанія, рѣчи и стихотворенія, II) сказанія иностранныхъ писателей о Дубровникѣ.

Обзоръ историческихъ построекъ и вещей (стр. 56—63), которыя могутъ служить историческими памятниками для Дубровника, не представляетъ ничего особенно новаго, что не было бы сказано въ другихъ сочиненіяхъ о Дубровникѣ (Петтера, Паттона, Вилькинсона, Нейгебаура и другихъ).

Отдѣлъ о народномъ бытѣ и повѣрьяхъ (стр. 63—73), которыя могутъ быть предметомъ особеннаго изслѣдованія, самъ по себѣ слишкомъ кратокъ, ибо народный бытъ не могъ служить важнымъ пособіемъ для внѣшней исторіи республики, на что авторъ обращаетъ преимущественно вниманіе.

Говоря о народныхъ пѣсняхъ (стр. 73—75), авторъ ограничивается простымъ перечисленіемъ тѣхъ, которыя попали въ извѣстный сборникъ Вука Караджича, и еще отъ себя приводитъ

отрывокъ одной пѣсни лирическаго содержанія. «Дубровницкія и родныя сказки мнѣ совершенно неизвѣстны», говоритъ онъ далѣе.

Памятники церковной письменности онъ совершенно обходитъ какъ «не важныя» для его цѣли.

Обзоръ учено-литературныхъ памятниковъ (стр. 76—149) представляетъ весьма видный отдѣлъ сочиненія г. Макушева. Онъ рассматриваетъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Сперва идетъ рѣчь о римованной хроникѣ Мелеція, отрывки которой сохранились въ сочиненіяхъ другихъ писателей. Автору принадлежатъ мнѣніе о времени, когда Мелецій писалъ свою хронику (стр. 76). За тѣмъ онъ называетъ Мелеція добросовѣстнымъ писателемъ, предлагая однакожъ наглядныхъ доказательствъ тому. О сочиненіяхъ Іоанна Равенскаго г. Макушевъ говоритъ со словъ другихъ писателей. О «Жизнеописаніяхъ» знаменитыхъ Дубровничанъ, составленныхъ Амвросіемъ Рангиною и Бернардомъ Гетаричемъ, г. Макушевъ представляетъ весьма краткое библиографическое извѣстіе. О хроникѣ Николая Рангины онъ говоритъ со словъ Червы и, въ примечаніи къ Приложенію (7) къ своей книгѣ, приводитъ отрывки изъ этой хроники, заимствовавъ ихъ изъ сочиненія Червы: «Metropolis Sacra Ragusina», и расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ генеалогическимъ сочиненіямъ Дубровницкихъ писателей (стр. 85—88). Авторъ опять ограничивается только биографическими извѣстіями о составителяхъ дубровницкихъ генеалогій и исправляетъ въ некоторыхъ хронологическихъ данныхъ, касающихся одного изъ этихъ писателей. Несмотря на значеніе, которое придаетъ самъ г. Макушевъ генеалогіямъ, какъ историческимъ памятникамъ, въ его книгѣ мы не находимъ ничего, что походило бы сколько нибудь на разборъ или изслѣдованіе этихъ дѣйствительно не маловажныхъ для бытописателя источниковъ. Между тѣмъ вопросъ о значеніи генеалогій для исторіи всего Адриатическаго приморья, отъ Венеціи до Дубровника и далѣе давно уже поднятъ въ южнославянской ученой литературѣ. Намъ неоднократно говорилъ Иванъ Кукулевичъ-Саксинскій.

Упомянувъ о сомнительной хроникѣ Людовика Беккати, авторъ называетъ историческія сочиненія Франциска Гундули, впрочемъ со словъ Червы, присоединяя къ этому нѣсколько словъ о самомъ историкѣ. Нѣсколько подробнѣе говорится о трудахъ Серафима Рацци (стр. 91—94), Евсевія Кабоги (стр. 95—96) и Мавро Орбинича (стр. 96—100). Но объ этихъ историкахъ имѣется не мало извѣстій въ сочиненіяхъ Червы, Дольчи, Коleti и др.

гихъ писателей. Г. Макушевъ пользуется находящимися въ нихъ свѣдѣніями, составляя по нимъ жизнеописанія помянутыхъ историковъ. Съ своей стороны онъ приводитъ два сочиненія Рацци, оставшіяся неизвѣстными вышеприведеннымъ библіографамъ, и отрывокъ одного изъ нихъ печатаетъ въ восьмомъ приложеніи къ своей книгѣ.

Упомянувъ о сочиненіяхъ Амвросія Гучетича, которыя впрочемъ остались для него неизвѣстными, г. Макушевъ гораздо подробнѣе говоритъ объ исторіи Дубровника, написанной Яковомъ Луккаричемъ (стр. 101—105). Здѣсь онъ не ограничивается однимъ жизнеописаніемъ историка, но и говоритъ о составѣ его книги, произнося объ ней такое сужденіе: «при весьма оцутительномъ недостаткѣ критики и несоразмѣрности частей, книга Луккарича представляетъ массу свѣдѣній, не встрѣчаемыхъ у другихъ писателей; описаніе же событій 1581—1598 годовъ имѣетъ для насъ важность сказаній современника». Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что книга Луккарича была издана еще въ 1605 году.

Хроника Ивана Гундулича была извѣстна г. Макушеву не въ ея истинномъ видѣ, а въ другомъ, несправедливо приписанномъ перу Гундулича, и сохранившемся въ рукописи № 251 Францискавской библіотеки, чтѣи старался доказать г. Макушевъ.

Въ разсужденіи о хроникѣ Дубровника, составленной лучшимъ изъ старинныхъ историковъ этого города, Юніемъ Растичемъ (стр. 108—126), авторъ дѣйствительно предлагаетъ такое изслѣдованіе, котораго читатель справедливо могъ ожидать отъ него и въ страницахъ, посвященныхъ другимъ писателямъ. Г. Макушевъ съ особенною любовью приводитъ отзывы о Растичѣ, послѣднемъ и знаменитѣйшемъ представителѣ своего рода, изъ разныхъ дубровницкихъ поэтовъ; за тѣмъ указываетъ въ общихъ чертахъ на содержаніе всѣхъ тринадцати книгъ сочиненія Растича и, переходя къ разбору его, сличаетъ различныя мѣста изъ книги Растича съ документами, изданными Тафелемъ и Томасомъ, Шафарикомъ и Миклопичемъ. Это именно тотъ приемъ, котораго авторъ долженъ былъ бы держаться относительно всѣхъ другихъ историческихъ сочиненій, или сличая ихъ съ официальными актами того времени или сравнивая ихъ между собою, хотя бы напримѣръ въ извѣстіяхъ о важнѣйшихъ событіяхъ. Въ девятомъ приложеніи къ своей книгѣ г. Макушевъ напечаталъ нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія Растича.

О сочиненіяхъ Игнатія Джорджича (стр. 127—135) авторъ

распространяется довольно подробно, особенно о *Res Pluticæ sive Historia Rhacusana*, которыя весьма важны не только для дубровницкихъ, но и вообще для южнославянскихъ древностей, для исторіи малой и великой Иллиріи. Къ сожалѣнію, сочиненіе Джорджича сохранилось только въ отрывкахъ и г. Макушевъ печатаетъ нѣкоторые изъ нихъ въ десятомъ приложеніи къ своей книгѣ.

Хотя о сочиненіяхъ Серафима Червы, которымъ авторъ самъ очень много обязанъ, онъ говоритъ, достаточно подробно (стр. 135—142) для того, чтобы читатель могъ составить себѣ общее понятіе о трудахъ этого писателя: *Sacra Ragusina Metropolis et Vitae Illustrium Ragusinorum*; однако этого недостаточно для надлежащей оцѣнки такихъ сочиненій, каковы выше названныя. Въ одиннадцатомъ приложеніи къ своей книгѣ г. Макушевъ напечаталъ наиболѣе любопытныя отрывки изъ введенія Червы къ его «Церковной исторіи Дубровника». Труды Червы уже сами по себѣ могли бы послужить предметомъ для отдѣльнаго изслѣдованія, ибо въ нихъ всякій фактъ подтверждается документомъ или сказаніемъ современника, сообщаются выдержки изъ переписки великихъ людей, а иногда отрывки изъ ихъ произведеній; источниками для Червы, кромѣ предшествовавшихъ ему писателей дубровницкихъ и чужеземныхъ, служили акты архива республики; некрологи и біографіи и разные старинныя памятники, не только въ спискахъ, но и въ пергаментныхъ подлинникахъ. За тѣмъ другія сочиненія Червы, какъ не важныя для исторіи Дубровника, г. Макушевъ прошелъ молчаніемъ.

О сочиненіяхъ Франциска Себастіана Дольчи авторъ сообщаетъ только краткія бібліографическія извѣстія, за исключеніемъ одного изъ нихъ, въ которомъ Дольчи, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, доказываетъ неосновательность притязаній Венеціи на Дубровникъ, и которое г. Макушевъ печатаетъ въ двѣнадцатомъ приложеніи къ своей книгѣ.

Объ «Исторіи дубровницкихъ іезуитовъ» Георгія Басича, о сочиненіяхъ Михаила Милишича и Матвѣя Басича авторъ говоритъ кратко.

Таковъ способъ изложенія, какого держался г. Макушевъ, говоря о старинныхъ сочиненіяхъ двадцати дубровницкихъ писателей. Конечно онъ имѣетъ свои достоинства, ибо даетъ читателю возможность въ общемъ обзорѣ познакомиться съ дубровницкими историками и освѣдомиться объ ихъ сочиненіяхъ; вниманіе читателя одинаково будетъ занято какъ краткими свѣдѣніями о жизни

писателей, такъ и немногословными извѣстіями о ихъ сочиненіяхъ. Но большую часть отзывовъ автора читатель долженъ принимать на вѣру; ибо г. Макушевъ предпочитаетъ сообщеніе своихъ общихъ выводовъ изложенію самыхъ изслѣдованій, которымъ онъ безъ сомнѣнія подвергаетъ всѣ вышеприведенные памятники. Но изслѣдованій этихъ читатель не видитъ и для тѣхъ, кто пожелаеъ бы самъ заняться исторіей Дубровника, книга г. Макушева не принесетъ большой пользы.

Далѣе авторъ говоритъ о юридическихъ памятникахъ дубровницкой исторіи: о статутахъ Дубровника, о таможенномъ уставѣ, о статутѣ острова Млета, острова Ластова, острова Корчулы. Но и здѣсь авторъ большею частію остался вѣренъ библиографическому методу: онъ ни слова не говоритъ объ источникахъ этихъ законодательныхъ памятниковъ, не касается исторіи составленія ихъ, а ограничивается однимъ перечисленіемъ главъ и нѣкоторыхъ статей. О другихъ недостаткахъ этого отдѣла книги г. Макушева и о нѣкоторыхъ ошибочныхъ взглядахъ, высказанныхъ авторомъ при этомъ, мы говорить не будемъ; ибо намъ пришлось бы повторить здѣсь то, что говорилъ г. Леонтовичъ въ своей статьѣ: «Государственное устройство стараго Дубровника» (Журналъ Министерства Народ. Просвѣщ. за 1867 г., № 12, стр. 789—853).

Акты дипломатическихъ сношеній Дубровника только перечислены въ книгѣ г. Макушева по изданіямъ Тейнера, Тафеля и Томаса, Шафарика, Карана-Твертковича, Меда Пудича и Миклопича, а также по рукописнымъ сочиненіямъ Серафима Червы, Георгія Басича и нѣкоторыхъ рукописей Францисканской бібліотеки въ Дубровникѣ. Конечно, это перечисленіе далеко не исчерпываетъ всего богатства дипломатическихъ документовъ дубровницкой республики; но если бы они и всѣ были перечислены, то и тогда такой трудъ былъ бы простымъ каталогомъ, а не критическимъ изслѣдованіемъ.

Перейдемъ, вмѣстѣ съ авторомъ, ко второму разряду источниковъ дубровницкой исторіи — къ сказаніямъ современниковъ, Дубровничанъ и иностранцевъ. Здѣсь прежде всего встрѣчаемся съ лѣтописями, которыя извѣстны г. Макушеву въ пяти спискахъ, напечатанныхъ въ приложеніяхъ къ его книгѣ (стр. 305—358). Въ текстѣ онъ дѣлаетъ опытъ сравненія между собою этихъ списковъ и на основаніи этого сравненія приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) «Всѣ пять списковъ сходны между собою до начала XI вѣка, разница же между ними только въ большей или меньшей древности

языка: сходство ихъ не ограничивается однимъ содержаніемъ, но замѣтно также и въ выраженіяхъ.

2) «Въ самомъ характерѣ лѣтописей замѣчается двойственность: съ конца VIII до XII вѣка лѣтописи отличаются церковнымъ характеромъ, который становится исключительнымъ въ періоды времени 789—843 и 971—1116 гг.; съ XII-го же вѣка въ лѣтописяхъ не встрѣчается болѣе ни одного упоминанія о чудесахъ, — о монастыряхъ и церквахъ говорится весьма рѣдко, и лѣтописи принимаютъ характеръ чисто политическій, которымъ отличается и начало ихъ». Далѣе авторъ приводитъ нѣсколько объясненій такой двойственности въ характерѣ дубровницкихъ лѣтописей; но эти объясненія только вѣроятны, а достоверность ихъ надо еще доказать.

3) «Лѣтописи Дубровника начинаются V—VI вѣка, въ теченіе коихъ отмѣчено только три—четыре событія съ обозначеніемъ годовъ; и эти отмѣтки вращаются около главнаго событія—построенія и расширенія Дубровника; со второй половины VII вѣка число лѣтописныхъ замѣтокъ значительно увеличивается, а въ началѣ IX вѣка встрѣчаются уже такія, которыя могли бытъ записаны только современникомъ: отмѣчается не только годъ и мѣсяць событія, но даже день и часъ».

4) «Всѣ извѣстные намъ списки лѣтописей писаны на итальянскомъ языкѣ; но странное дѣло: въ нихъ встрѣчаются какъ-то случайно и вовсе некстати не только слова, но даже цѣлыя выраженія по-латыни».

5) «Первоначальная лѣтопись Дубровника отличалась такою же краткостью, какая характеризуетъ древнѣйшія лѣтописи всѣхъ народовъ; болтливость же нашихъ списковъ принадлежитъ позднѣйшему времени, когда лѣтопись начала утрачивать первоначальное свое значеніе и изъ справочной книги становится книгою для чтенія».

О запискахъ Людовика Червы Туберона, Николая Бунича и Стефана Градича авторъ сообщаетъ весьма интересныя извѣстія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ касается вопроса о ихъ достоверности и правдивости, и впервые знакомитъ ученую литературу съ пятью сочиненіями Градича.

Изъ описаній Дубровника авторъ останавливается на сочиненіи Филиппа Де-Диверсиса, любопытнѣйшія главы изъ котораго приводить въ шестомъ приложеніи къ своей книгѣ. Кромя того онъ цитуетъ въ самомъ текстѣ книги важнѣйшія мѣста изъ мелкихъ сочиненій Де-Диверсиса, каковы: рѣчь на погребеніе императора Сигизмунда, панегирикъ королю Альберту и рѣчь на погребеніе того же короля. Объ

остальныхъ описанійхъ Дубровника, принадлежащихъ Рацци; Лукаричу и Буничу, авторъ упомянулъ въ отдѣлѣ о старинныхъ историкахъ республики. Вообще въ книгѣ г. Макушева смѣшаны двѣ системы въ вныхъ случаяхъ онъ говоритъ болѣе о самихъ писателяхъ, въ другихъ распространяется болѣе о ихъ сочиненіяхъ. Вслѣдствіе этого не рѣдко объ одномъ и томъ же писателѣ говорится въ разныхъ мѣстахъ книги; а иногда о сочиненіяхъ разнаго характера, но принадлежащихъ одному автору, говорится вмѣстѣ. Было бы удобнѣе держаться которой либо одной изъ этихъ двухъ системъ: или предпочесть форму біографическаго словаря дубровницкихъ писателей, или же приступить прямо къ составленію бібліографическаго обзора самыхъ сочиненій, расположивъ ихъ по отдѣламъ согласно содержанію и снабдивъ критическими примѣчаніями.

Совершенно особый отдѣлъ сочиненія г. Макушева составляетъ обзоръ дубровницкихъ стихотвореній на событія внутреннія и внѣшнія (стр. 239—280). Подобно генеалогіямъ, лѣтописямъ и законодательнымъ памятникамъ, историческія произведенія дубровницкихъ поэтовъ могли бы составить предметъ для самостоятельнаго изслѣдованія. Стоить только припомнить, что блестящее развитіе дубровницкой поэзіи образовало цѣлую эпоху въ исторіи южнославянской литературы вообще. Рѣдкій изъ хорватскихъ или сербскихъ ученыхъ писателей не останавливалъ своего вниманія на этомъ явленіи. Еще въ концѣ XV вѣка началось процвѣтаніе лирической поэзіи въ Далмаціи, заключившееся потомъ историческими стихотвореніями и драмой. Правда, до сихъ поръ нѣтъ еще полной удовлетворительной исторіи этой эпохи южнославянской поэзіи, но мы можемъ указать на прекрасное сочиненіе Ивана Кукулевича-Саксинскаго: *Stari pesnici hrvatski (XV i XVI stoljetja)*; 2 выпуска 1856—1858. Изъ этого сочиненія можно видѣть, что обзоръ историческихъ стихотвореній Дубровника, особенно касающихся внутренней жизни его, бытовой исторіи этой славной республики, можно было начать гораздо ранѣе, чѣмъ началъ г. Макушевъ. Онъ открываетъ свой обзоръ знаменитымъ «Османомъ» Ивана Гундулича (1588—1638 г.) и говоритъ о тридцати произведеніяхъ, относящихся къ XVII и XVIII вѣкамъ, изъ коихъ многія были напечатаны. Но съ надлежащею подробностію, какая подобаетъ изслѣдователю, г. Макушевъ останавливается только на слѣдующихъ произведеніяхъ: а) Пальмотича-Діонорича «*Dubrovnik ponovljen*», б) Стефана Градича «*De laudibus Serenissimae Reipublicae Venetae et cladibus patriae suae*», в) Петра Канавелича

«Тресња и Dubrovnikú (землетрасеніе въ Дубровникѣ), d) Пе Богашиневича «Obkruscegnie Besia Grada od Zagra Mahmetta i i gamustafe Velikoga Vezieta» (осада Вѣны), e) Ансельма Катт «Pjesan od Kraljice Magjarske Marie Teresie» и f) надписи и створенія въ честь Наполеона I.

Наконецъ авторъ переходитъ къ сказаніямъ иностранцевъ о Дубровникѣ. Изъ Византійцевъ онъ говоритъ о Константиѣ П Фирогенетѣ и Халкондилѣ; изъ арабскихъ географовъ называетъ Аль-Эдрисси и Якута, упомянувшихъ мимоходомъ о Дубровникѣ. Изъ западно-европейскихъ сказаній о Дубровникѣ г. Макушевъ извѣстенъ только сочиненіемъ пяти Венеціанцевъ. О томъ, что говорилось о Дубровникѣ у восточныхъ, западныхъ и южныхъ Славянъ, г. Макушевъ не упоминаетъ.

Кромѣ рассмотрѣнной нами второй главы, заключающей въ себѣ — какъ мы уже видѣли — обзоръ источниковъ Дубровницкой исторіи, въ сочиненіи г. Макушева есть еще двѣ главы. Объ одной изъ нихъ, гдѣ авторъ излагаетъ свои мнѣнія о трудахъ ученыхъ занимавшихся до него разработкой дубровницкой исторіи, мы говорить не будемъ: приговоры г. Макушева о своихъ предшественникахъ довольно рѣзки, а основанія для нихъ недостаточно сильны. Впрочемъ эта глава не составляетъ существенной части сочиненія, и самъ авторъ не придаетъ ей большаго значенія, говоря, намѣренъ сказать лишь «нѣсколько словъ» о трудахъ Гебгарда Аппендини, Энгеля, Сальверта, Матвѣя Бава и А. Майкова.

Гораздо болѣе интереса представляетъ небольшая глава, которую начинается сочиненіе г. Макушева. Это весьма оживленнаго и легко читаемый, наполненный любопытными эпизодами изъ бытвой исторіи Дубровника, рассказъ о поселеніи Славянъ въ окрестностяхъ Дубровника и въ самомъ городѣ, объ утвержденіи славянскихъ началъ въ жизни Дубровника, о старыхъ судебныхъ порядкахъ въ Дубровницкой республикѣ, о сословіяхъ и государственномъ устройствѣ ея, о доходахъ, торговлѣ и промыслахъ, объ общественномъ и художественномъ развитіи Дубровичанъ, объ общественной жизни Дубровника и наконецъ о внутреннихъ причинахъ паденія его, какъ республики. Впрочемъ. въ этой главѣ нѣтъ систематическаго, полнаго изложенія дубровницкой жизни, вѣншней и внутренней, политической, общественной и религіозной. очеркъ, занимающій 55 страницъ и касающійся лишь тѣхъ вопросовъ, которые авторъ считалъ спорными, которые онъ представлялъ себѣ нѣсколько въ иномъ освѣщеніи, нежели его предшественники.

ственики. Къ числу самыхъ рѣзкихъ мнѣній автора, конечно, принадлежитъ его мнѣніе о значеніи славянскаго элемента въ исторіи Дубровника. Никто еще до г. Макушева не сѣживалъ такъ объема славянской жизни въ прошедшемъ Дубровника; никто еще не ограничивалъ господство славянскаго элемента въ жизни славной республики, какъ г. Макушевъ. Не трудно понять, почему у г. Макушева долженъ былъ выработаться именно такой взглядъ, а не иной. Онъ занимался преимущественно внѣшней исторіей и лишь слегка касался внутренней. Даже самый характеръ источниковъ, которые онъ изучалъ предпочтительно предъ другими, невольно наводилъ его на такой ошибочный взглядъ. Онъ говоритъ: «Въ Дубровникѣ въ одно и то же время процвѣтали три литературы: латинская, итальянская и сербская. Латинскій языкъ употреблялся въ сочиненіяхъ научныхъ, въ торжественныхъ рѣчахъ и въ поэзіи; это былъ также по преимуществу языкъ дипломатическій и юридическій. По-итальянски писали сочиненія съ характеромъ болѣе практическимъ и стихотворенія, содержаніе которыхъ взято изъ обыденной жизни. Родной сербскій языкъ ограничивался семейною жизнію, поэзіею и проповѣдями къ народу. Латинская литература Дубровничанъ имѣетъ характеръ европейскій и многіе изъ нихъ были въ свое время истинными двигателями науки; не столь обширное значеніе имѣетъ литература дубровнико-итальянская: ея поддерживалось общеніе съ Италіею; еще меньшій кругъ читателей имѣла дубровнико-сербская литература, не выходившая за границы родины» (стр. 26). Все это справедливо относительно внѣшнихъ формъ и вида дубровнической литературы, но непримѣнимо къ вопросу о ея внутреннемъ значеніи и содержаніи. Латинскій языкъ не былъ признакомъ слабости славянскаго элемента въ жизни Дубровника; это былъ признакъ эпохи, когда у всѣхъ народовъ господствовалъ латинскій языкъ не только въ ученой литературѣ, но и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Этого мало: славянскій языкъ точно также употреблялся въ Дубровникѣ и въ актахъ официальныхъ, какъ это можно видѣть изъ сборниковъ Пучича и Миклошича. Съ другой стороны, можно предложить вопросъ: въ какую исторію литературы вошла латинская и итальянская письменность Дубровника, между тѣмъ какъ его поэтическія произведенія, которымъ далъ жизнь славянскій элементъ, заняли такое высокое мѣсто въ литературѣ сербской и хорватской? Ссылаемся еще разъ здѣсь на статью г. Леонтовича (Журн. Мин. Нар. Пр. 1867 г., № 12, стр. 805, 806), который ука-

залъ на значеніе славянскаго элемента даже и во внѣшней исторіи Дубровника. А между тѣмъ г. Макушевъ прекрасно и подробно выяснилъ внутреннія причины паденія Дубровника, крѣпости республики. Изъ его же сочиненія читатель видитъ, что во внѣшнихъ формахъ жизни, ослабъ аристократическій элементъ, оцѣла дѣло богатство города, исчезли временно господствовавшія формы жизни, но основы народнаго быта остались все тѣ же — славянскія.

Не смотря на слишкомъ общіе и внѣшніе приемы, приложенныя авторомъ къ изслѣдованію источниковъ дубровницкой исторіи, книга представляетъ въ русской литературѣ первый опытъ изслѣдованія дубровницкой исторіи въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Мы надѣемся, что обѣщанная авторомъ исторія Дубровника будетъ удовлетворить тѣмъ ожиданіямъ и запросамъ, которые возбуждаетъ въ читателѣ его нынѣшнее сочиненіе. Мы должны бы были судить о сочиненіи г. Макушева, прилагая къ нему требованія, какія обыкновенно соединяются съ сочиненіями, имѣющими въ виду критически обслѣдовать историческіе памятники, какъ главный источникъ и пособіе для исторіи прагматической. Г. Макушевъ удовлетворилъ главному требованію: указалъ на писателей, наиболѣе достовѣрныхъ, отмѣтилъ памятники, наиболѣе богатыя извѣстіями. Онъ держался въ своихъ изслѣдованіяхъ такъ независимо высокой критики и въ большинствѣ случаевъ пренебрегалъ мелкою. Но такой приемъ весьма опасенъ: или читатель долженъ вполнѣ довѣряться автору, иначе выводы послѣдняго покажутся ему поверхностными и слишкомъ смѣлыми; или онъ долженъ предпринять тотъ трудъ, который уже былъ сдѣланъ авторомъ, но скрытъ имъ даже тамъ, гдѣ это было необходимо показывать между тѣмъ г. Макушевъ, какъ историческій писатель, обладаетъ весьма замѣчательнымъ даромъ взглянуть на предметъ съ широкой точки зрѣнія, осмотрѣть его со многихъ сторонъ и поставить на показъ наиболѣе крупныя, характеристическія черты изучаемыхъ имъ событій. Такая способность болѣе всего полезна въ сочиненіяхъ прагматическаго направленія, и нѣтъ никакаго сомнѣнія, что г. Макушевъ напишетъ весьма живую и интересную «Исторію внѣшнихъ отношеній дубровницкой республики». Но пока въ рукахъ читателя будетъ только нынѣшнее сочиненіе г. Макушева, пока не послѣдуетъ отвѣта на многіе вопросы и сомнѣнія, возбуждаемые этимъ сочиненіемъ, до тѣхъ поръ оно будетъ представляться чѣмъ-то неполнымъ, какъ бы неоконченнымъ.

РЕЦЕНЗІЯ

РУКОПИСНАГО СОЧИНЕНІЯ Г. ГОЛУБИНСКАГО:

«Святые Константинъ и Меѳодій, апостолы славянскіе».

Академика И. И. Срезневскаго.

Въ послѣднее время разные труды о братьяхъ первоучителяхъ Славянскихъ, Константинѣ философѣ и Меѳодіѣ, стали появляться все чаще и чаще. Изданія вновь отысканныхъ сказаній о нихъ, новыя изданія прежде извѣстныхъ, разборы и сличенія ихъ, новыя соображенія о жизни и подвигахъ обоихъ братьевъ, о ихъ Славянской азбукѣ, о ихъ переводѣ св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, вмѣстѣ съ изданіями древнихъ памятниковъ Церковно-Славянскаго языка и Церковно-Славянской письменности и съ изслѣдованіями о нихъ, измѣнили рѣшенія нѣкоторыхъ такихъ вопросовъ, которые прежде казались, въ отношеніи къ братьямъ первоучителямъ, окончательно рѣшенными, и заставили или заставляютъ сомнѣваться въ справедливости многихъ другихъ рѣшеній. Общій внимательный пересмотръ всѣхъ этихъ вопросовъ вмѣстѣ съ пересмотромъ новыхъ мнѣній по нимъ нельзя не назвать желательнымъ. Еще желательнѣе внимательный критическій разборъ всѣхъ источниковъ, касающихся жизни и дѣйствій Константина философа и Меѳодія, всѣхъ болѣе или менѣе древнихъ свѣдѣній о нихъ, —

желательнѣе потому, что только вслѣдствіе такого разбора можно уяснить разнообразіе рѣшеній по Кирилло-Меѳодіевскимъ вопросамъ и опредѣлительно доказать несостоятельность или неумѣстность однихъ изъ нихъ и вѣрность другихъ, и указать на необходимость нѣкоторыхъ новыхъ вопросовъ, еще никого пока не занимавшихъ. Критическій разборъ древнихъ свидѣтельствъ о Константинѣ философѣ и Меѳодіи и о ихъ дѣйствіяхъ, конечно, можетъ быть столь же пристрастнымъ, какъ и изложеніе рѣшеній по вопросамъ о нихъ; но пристрастіе разбора всегда яснѣе видно, чѣмъ пристрастіе выводнаго изложенія, и убиваетъ его значеніе, тогда какъ пристрастіе выводнаго изложенія нерѣдко вызываетъ ему защитниковъ тѣмъ легче, чѣмъ болѣе уваженъ сочинитель. Безспорно полезнѣе былъ бы такой критическій разборъ древнихъ свидѣтельствъ о Константинѣ философѣ и Меѳодіи, въ которомъ каждое отдѣльное свидѣтельство было бы разобрано и объяснено, какъ будто бы оно было единственнымъ или исключительно важнымъ—не на основаніи предпочтенія ему какихъ нибудь другихъ, или его всѣмъ другимъ, а безотносительно; разобрано и объяснено при помощи всѣхъ другихъ свидѣтельствъ, заключающихъ въ себѣ показанія, близкія по содержанію, и затѣмъ выдѣлено изъ него, что именно можно считать въ немъ достовѣрнымъ и что вѣроятнымъ. Позволю себѣ замѣтить, что важнѣе и полезнѣе выдѣленіе достовѣрнаго и вѣроятнаго, чѣмъ сомнительнаго и невѣроятнаго, потому что доказать сомнительность и даже невѣроятность показанія гораздо легче чѣмъ, несомнительность или вѣроятность. Прибавлю къ этому, что ни въ какомъ случаѣ критикъ не долженъ считать себя въ правѣ брать на себя защиту или обвиненіе какого бы то ни было свидѣтельства, а долженъ, напротивъ, устранить себя отъ всякихъ сердечныхъ пристрастій къ кому нибудь или противъ кого нибудь.

Мысли эти невольно приходили мнѣ въ умъ, когда я читалъ трудъ г. Голубинскаго о «Св. Константинѣ и Меѳодіи, апостолахъ Славянскихъ». Этотъ замѣчательный трудъ, обнимающій весь кругъ Кирилло-Меѳодіевскихъ вопросовъ, выработанный съ полнымъ знаніемъ всего, что по нимъ было доселѣ сдѣлано и что нужно знать для ихъ разумѣнія, заключаетъ въ себѣ между прочимъ и критическій разборъ не только рѣшеній этихъ вопросовъ, но и древнихъ свидѣтельствъ о первоучителяхъ Славянскихъ. Разборомъ древнихъ свидѣтельствъ занята большая часть втораго тома, слишкомъ 270 лист. (остальные 120 л. заняты примѣчаніями къ

первому тому). Рассмотрѣны изъ Славянскихъ сказаній: 1—2) такъ называемыя Паннонскія житія Константина и Меодія, 3) Похвальное слово Константину и Меодию, 4—8) Проложныя житія; — изъ Латинскихъ сказаній: 1) *Vita cum translatione s. Clementis*, 2) Чешская древнѣйшая легенда, 3) легенда о св. Людмигѣ, 4) *Vita s. Ludmilae* Христанна, 5) *Vita ss. Cyrilli et Methodii Blauburgana*, 6) Хорватскія лѣтописи, 7) Отзывъ о крещеніи Карантановъ, найденный Виттебахомъ; — изъ Греческихъ сказаній: 1) пространное житіе Климента епископа и 2) Проложное житіе его же. Разборъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ внимателенъ и подробенъ почти въ равной мѣрѣ и почти весь отъ начала до конца вызываетъ любопытство, вниманіе и размышленіе—можно сказать, увлекаетъ. Вездѣ видно умѣнье кстати припомнить разныя данныя, видно знаніе многого, и знаніе не случайное; видна ловкость вести читателя по избранному пути соображеній и вмѣстѣ съ тѣмъ искренность изложенія, недопускающая мысли, что сочинитель не вполне убѣжденъ въ томъ, въ чемъ убѣждаетъ и заставляющая вѣрить себя. Едва ли впрочемъ можно столько же одобрить общія правила, которымъ сочинитель слѣдовалъ въ разборѣ. Такъ онъ нерѣдко не соблюдаетъ необходимаго условія простой ясности изложенія, краткости, выражаетъ иногда свои соображенія такъ многословно, какъ бываетъ это при устной бесѣдѣ у человѣка, не только умѣющаго, но и любящаго поговорить. Нежеланіе выразить меньшимъ количествомъ словъ, чѣмъ сколько можетъ употребить человѣкъ, говорящій изустно не заботясь о времени, иногда соединяется и съ допущеніемъ поправокъ того, что прежде сказано имъ, тамъ же, гдѣ сказано, или и послѣ, гораздо послѣ: это даетъ изложенію видъ какой то ученой исповѣди, ученаго дневника, который надобно дочитать до конца, чтобы узнать, при какихъ убѣжденіяхъ сочинитель остался оканчивая свою книгу, и который наводитъ читателя на предположеніе, что прежде, чѣмъ онъ успѣетъ дочитать книгу, сочинитель будетъ, можетъ быть, уже думать не такъ, какъ написано въ книгѣ. Правда, что всѣ эти отверженія сочинителемъ того, что прежде было имъ сказано, касаются исключительно второстепенныхъ и третьестепенныхъ предметовъ; но едва ли и въ этихъ случаяхъ позволительно и полезно критику пользоваться своимъ правомъ свободы мысли и слова. Въ самомъ разборѣ имъ оцѣняемыхъ свидѣтельствъ, сочинитель держится такого общаго пріема: каждое свидѣтельство разсматривается какъ совершенно извѣстное читателю; въ каждомъ отмѣчается только то, что сочинитель считаетъ

важнымъ въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ было ему нужно, а обо всемъ другомъ умолчано, какъ бы его и вовсе не было. Писателю, желающему быть безпристрастнымъ, такой приемъ, кажется, можетъ только вредить въ мнѣніи читателей строгихъ и недовѣрчивыхъ. Съ этимъ приемомъ сочинитель соединяетъ и другой, не менѣе опасный для справедливаго рѣшенія дѣла: признавъ достовѣрность нѣкоторыхъ изъ свидѣтельствъ, онъ считаетъ ихъ не только достовѣрными, но и полными, и затѣмъ всѣ другія мѣряетъ этимъ избраннымъ, приводя себя къ такимъ общимъ заключеніямъ: такое то свидѣтельство только повторяетъ сказанія свидѣтельства достовѣрнаго, такое то прибавляетъ къ нему выдумки, такое то все или почти все невѣрно, потому что говорить не то, что написано въ свидѣтельствѣ достовѣрномъ. Мнѣ кажется, этого общаго приема въ оцѣнкѣ свидѣтельствъ держаться нельзя, и довѣрчивость и недовѣрчивость къ какому бы то ни было свидѣтельству не можетъ быть безусловна: во всякомъ выраженіи правды есть неумышленная, случайная неправда, или по крайней мѣрѣ возможность навести мысль читателя на несправедливое заключеніе, и не все то неправда, что противорѣчитъ такой правдѣ; равно нельзя считать повтореніемъ или пересказомъ какого нибудь одного разсказа все то, въ чемъ находятся тѣ же показанія. Не думаю, что не можетъ вредить дѣлу и всякая неумѣренность въ похвалахъ и порицаніяхъ, если она допускается съ крайнимъ увлеченіемъ, особенно тогда, когда онъ хочетъ доказать недостовѣрность какого нибудь свидѣтельства достовѣрностью другаго. Примѣры этому читатель находитъ въ книгѣ г. Голубинскаго въ статьѣ о подробномъ Греческомъ житіи епископа Климента. Въ ней сочинитель доказываетъ полную недостовѣрность или лучше сказать безусловную лживость этого свидѣтельства, многими признаваемого очень важнымъ. Ни въ себѣ, ни въ читателѣ онъ не хочетъ допустить никакой возможности запитить показанія житія епископа Климента, какъ важныя или по крайней мѣрѣ какъ неумышленно невѣрныя; онъ ищетъ, и разумѣется отыскиваетъ, только доказательства противъ житія. Составитель его, по его мнѣнію, былъ Грекъ, крайне пристрастный, предубѣжденный противъ Славянъ и противъ Славянскаго богослуженія, имѣвшій подъ руками Паннонскія житія Константина философа и Мееодія, почерпавшій изъ нихъ только то, что ему нравилось, и дополнявшій занятое изъ чистаго источника своими выдумками; объ ученикахъ Славянскихъ апостоловъ и еписк. Климентѣ умышленно, съ ковар-

ю цѣлю, выдумавшій цѣлый рядъ негѣпостей; умышленно, съ варною цѣлю даже умалчивающій о томъ, чему бы долженъ былъ дать мѣсто, какъ на примѣръ свѣдѣнiю о переводѣ Славянскихъ богослужебныхъ книгъ; умышленно, съ коварною цѣлю и явно свидѣтельствующій о томъ, что онъ близко зналъ еписк. Константина. Дѣло и на этомъ не останавливается: отъ житiя еписк. Константина сочинитель разбора переходитъ къ самому Клименту, и приводитъ себя къ убѣжденiю, что Климентъ вовсе не ученикъ Славянскихъ апостоловъ и не современникъ другихъ Болгарскихъ учителей IX—X вѣковъ, что жилъ онъ и писалъ позже. Все это изложено любопытно, очень занимательно, но разъясненiю дѣла едва ли способствуетъ въ томъ видѣ, какъ изложено въ книгѣ. Въ статьѣ о житiи Климента видимъ только мнѣнiе обвинителя—умнаго, знающаго и увлеченнаго, а не приговоръ судьи, боящагося несправедливо обвинить подозрѣваемаго въ преступленiи, ищущаго доказательствъ не противъ него, а за него. Въ статьяхъ о Паннонскихъ житiяхъ и во всѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ говорится объ этихъ житiяхъ, видимъ напротивъ того защитника, такого же умнаго, знающаго, и такого же увлеченнаго, вѣрующаго, подчиняющаго своему личному убѣжденiю всѣ соображенiя ума и знанiя. Конечно, не въ важныхъ причинъ онъ довѣряетъ этимъ свидѣтельствамъ; но менѣе важныя причины могутъ быть найдены и для противнаго, и только ихъ разборъ начатъ будетъ человѣкомъ убѣжденнымъ въ томъ, что имъ нельзя довѣрять такъ, какъ довѣряютъ другiе. Можно найти важныя причины противъ достовѣрности и важности каждаго историческаго свидѣтельства, какъ и противъ каждаго честнаго человѣка, и даже вполне добросовѣстно: стоитъ только начать съ обвиненiй и не пользоваться тѣми приемами критики, которые отводятъ отъ ошибокъ въ выводахъ. Мнѣ кажется, весь критическiй разборъ свидѣтельствъ о Константинѣ философѣ и Меодiи, составленный г. Голубинскимъ, получилъ бы другое, болѣе важное, значенiе въ наукѣ, если бы, даже и сохраненiи всѣхъ главныхъ убѣжденiй, измѣнено было изложенiе дѣла, измѣненъ и дополненъ подборъ доказательствъ, и устранены всѣ предположенiя и наведенiя защитительныя и обвинительныя.

Отъ этой второй части сочиненiя г. Голубинскаго вполне зависитъ его первая часть, заключающая въ себѣ «опытъ полнаго жизнеописанiя св. Константина философа и Меодiи» (452 л. d). Она написана также занимательно, также увлеченно, также богата

умными припоминаніями и соображеніями; но, какъ и можно ожидать по второй части, есть подробный пересказъ и объясненіе Паннонскихъ житій, какъ единственно вѣрныхъ свидѣтельствъ объ апостолахъ Славянскихъ. Представляя въ себѣ изложеніе разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ жизни обоихъ братьевъ въ общіяхъ историческихъ, съ ними связанныхъ, этотъ разказъ полненъ свѣдѣніями и соображеніями по разнымъ общимъ вопросамъ, касающимся послѣдствій дѣйствій братьевъ-первоучителей на Славянъ. Въ этой части своего труда сочинитель еще разъ даетъ мѣсто опроверженіямъ показаній свидѣтельствъ, признанныхъ и невѣрными, присоединивъ къ нимъ замѣчанія противъ мнѣній и соображеній, считаемыхъ имъ несправедливыми. Сравнительно со второю частью, одно здѣсь выказывается гораздо яснѣе: это — последовательность, съ какою сочинитель идетъ по избранному пути. Онъ, какъ умный полководецъ, ведя свое войско все да впередъ, не пренебрегаетъ ничѣмъ, что можетъ мѣшать побѣдѣ или ей помочь, и если на чемъ останавливается, то вовсе не потому, что ему такъ захотѣлось, а потому что это считаетъ нужнымъ важнымъ, и разбиваетъ противниковъ не для того, чтобы показать себя, а чтобы очистить поле для дальнѣйшихъ побѣдъ. Къ такой же окончательной побѣдѣ могъ онъ, конечно, придти и другимъ путемъ; но, разъ выбравъ свой путь, онъ уже не колебался ни рать и дошелъ конца съ полною вѣрою въ правоту дѣла, за которое поднялъ оружіе. Говоря иными словами — сочинитель послѣдительно старался устранить всѣ недоумѣнія, наводимыя различіями показаній разныхъ свидѣтельствъ, и принужденъ былъ для этого устранить многія изъ такихъ показаній, слѣдовательно доказавъ ихъ невѣрность, а нѣкоторыя другія истолковать иначе, чѣмъ казалось это прежде. Нельзя отвергнуть, что онъ хотѣлъ быть правъ передъ судомъ умозрительной логики; и едва ли можно защитити, что въ такой же степени остался онъ правымъ въ отношеніи свидѣтельствамъ, которыя защищалъ или опровергалъ. Позвольте себѣ повторить и о первой части сочиненія г. Голубинскаго, замѣтилъ о второй: болѣе сжатое изложеніе и въ ней было бы напрасно — ни для того, кто обязанъ совѣстью читать многое, ни для того, кто любитъ легкое чтеніе. Не смѣю ни гласно сказать ни внутренно подозрѣвать, что сочинитель писалъ многословно, какимъ нибудь другимъ умысломъ, кромѣ развѣ желанія говорить яснѣе и искреннѣе; увѣренъ впрочемъ, что и того и другаго онъ достигъ бы вѣрнѣе болѣе сжатымъ изложеніемъ.

Во всякомъ случаѣ, сочиненіе г. Голубинскаго въ нашей современной литературѣ есть явленіе очень замѣчательное, какъ трудъ чловѣка, хорошо знакомаго съ дѣломъ и имъ увлеченнаго, — трудъ въ своемъ родѣ полный, обнимающій весь кругъ избранной задачи полнѣе, чѣмъ всѣ другіе, какъ трудъ вызывающій другихъ на подобныя труды. Уваровская награда, по моему мнѣнію, принадлежитъ ему по праву.



ОТЗЫВЪ

О СОЧИНЕНІИ Г. МАКУШЕВА:

«Исслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ
Дубровника», Слб. 1827 г.

Академика И. И. Срезневскаго.

Книга г. Макушева состоитъ изъ трехъ главъ:

Глава 1-я представляетъ въ себѣ обзоръ судебъ Дубровника съ обозначеніемъ главныхъ чертъ его устройства, быта и отношеній съ другими государствами.

Глава 2-я занята обзоромъ источниковъ исторіи Дубровника. Сочинитель раздѣляетъ ихъ на два главные отдѣла: 1) памятники старины и 2) сказанія современниковъ.

1) Въ отдѣлѣ памятниковъ старины сочинитель отличаетъ:

а) Постройки и вещи (56) (укрѣпленія, церкви, зданія гражданскія, образа и картины, статуя, крестъ, блюдо, монеты и т. п.).

б) Народный бытъ и повѣрья (63) (сообщены подробности о разныхъ чертахъ быта, о разныхъ обычаяхъ домашнихъ, о религіи и повѣрьяхъ).

в) Памятники устные: (73) пѣсни и сказки (сообщены свѣдѣнія и одна изъ пѣсень, записанныхъ самимъ сочинителемъ).

г) Письменные памятники:

α) Памятники церковные (75).

β) Памятники учено-литературные, особенно историческіе (76): римованная хроника Милеція (76), труды Іоанна Равенскаго (80), Амвр. Раньины (81), Ник. Раньины (82), Генеалогическіе труды (85), труды Фр. Гундулича (89), труды Сер. Рацци (91), Евс. Кабоги (95), Мавра Орбичича (96), Амвр. Гучетича (100), Я. Луккарича (101),

в. Гундулича (105), Юв. Растича (107), Игн. Джорджича (127),
ер. Червы (135), Себ. Дольчи (142), Юр. Басича (145), М. Мили-
чича (147), Мат. Басича (148).

I) Памятники юридическіе: Liber Statutorum (149), Capitulare
lla Dogana grande (169), Статуты остр. Млѣта (177), Ластвы (179),
Корчулы (184), Акты дипломатическіе (186).

II) Въ отдѣлѣ сказаній современниковъ отмѣчены:

1. а) Лѣтописи Дубровника (201).

b) Записки Луд. Червы (217), Ник. Бунича (222), Стеф. Гра-
ча (224), М. Басича (231).

с) Описанія Дубровника Филиппа de Diversis (231).

d) Панегирики (235).

e) Стихи о событіяхъ (238), Ив. Гундулича (239), М. Руѣича (240),
Палькотича (241), Н. Бунича (250), Варв. Боттеры (251), В.
гаччи (252), Ст. Градича (253), П. Канавелича (255), П. Бога-
новича (257), Ѡ. Болдашиновича (262), Ив. Луккарича (263),
н. Джорджича (264), Вик. Петровича (266), Вл. Болича (267),
с. Каттича (269).

2. Сказанія иностранцевъ о Дубровникѣ:

a) Византійцевъ (281).

б) Арабовъ (284).

γ) Западныхъ Европейцевъ (294).

Глава 3-я, очень небольшая, заключаетъ въ себѣ довольно
аткій обзоръ новыхъ историческихъ сочиненій о Дубровникѣ:
бгарди (289), Аппендини (289), Енгеля (292), Сальверта (294),
на (295), Майкова (295—302).

Въ приложеніяхъ дано мѣсто многимъ неизданнымъ памятни-
мъ, вполнѣ или въ извлеченіяхъ; посредствомъ нихъ знакомимся
разными лѣтописями и съ записками Ф. de Diversis, съ исто-
ю Дубровника Н. Раньины, съ подобнымъ сочиненіемъ Сер.
дци, съ хроникой Юв. Растича, съ исторіей Игн. Джорджича, съ
иненіемъ Сер. Червы, съ диссертацией А. de Vargas.

Главная цѣль сочинителя, очевидно, была указать и по мѣрѣ
возможности описать и оцѣнить источники исторіи Дубровника, и
вѣстѣ съ тѣмъ разсѣять хоть нѣкоторыя изъ тѣхъ предубѣж-
ній, которыя мѣшаютъ, по его мнѣнію, правильной обработкѣ
той части исторіи Славянъ. Ничего подобнаго въ такомъ объемѣ
къмъ до него не было сдѣлано. Многое оставалось многимъ
все неизвѣстно; многое почерпнуто имъ прямо изъ архивныхъ и
библиотечныхъ рукописей или изъ рѣдкихъ старо-печатныхъ книгъ;

многое разсмотрѣно очень внимательно. Имѣя въ виду эти неотъемлемыя общія достоинства труда г. Макушева, ставящія его въ разрядъ книгъ, необходимыхъ для всякаго изучающаго славянство, нельзя *быть слишкомъ строимъ къ его частнымъ недостаткамъ*. Сочинитель не желалъ сдѣлать свой трудъ неполнымъ, — и однако кое-гдѣ не могъ достигнуть желанной полноты; не желалъ произнести несправедливаго приговора трудамъ другихъ, — и однако кое-гдѣ увлекся. Ни то, ни другое не помѣшаетъ никому пользоваться его указаніями, выписками, извлеченіями, сообщеніями.

Нельзя не быть признательнымъ г. Макушеву, что онъ, усердно посвятивъ слишкомъ *четыре года на сбораніе и разработку матеріаловъ* для этого труда на мѣстѣ, издалъ его въ такомъ видѣ, какъ издалъ. Дальнѣйшіе работы, которыми съ прежнимъ усердіемъ онъ занятъ, помогутъ ему дополнить недостающее и исправить ошибки поясненій и возрѣній.

Такого содержанія и достоинства книга, даже меньшаго объема, по исторіи Россіи или по какой нибудь изъ ея частей была бы драгоценнымъ пособіемъ; но ея нѣтъ и не предвидится. *Нѣтъ такой книги по исторіи ни одного изъ славянскихъ народовъ*; а кто бы не пожелалъ имѣть подъ рукою такія книги по исторіи каждаго изъ нихъ?

Позволяю себѣ думать, что присужденіемъ Уваровской награды г. Макушеву за этотъ трудъ Академія Наукъ выразить между прочимъ и свое сочувствіе къ такимъ трудамъ, невиднымъ и однако очень важнымъ, можно сказать, необходимымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поможетъ неутомимому молодому ученому продолжать свои труды.

ОТЗЫВЪ

О СОЧИНЕНІИ Г. КОТЛЯРЕВСКАГО:

«О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ»

Академика И. И. Срезневскаго.

Наука древностей, не смотря на пригбненіе къ ней и распространеніе въ кругѣ археологовъ строго критическихъ пріемовъ, все еще не совсѣмъ освободилось отъ тѣхъ недуговъ, какими заражена была въ минувшее время: отъ произвольности и мечтательности выводовъ и соображеній, отъ легкости обращенія съ памятниками и вообще съ источниками, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что всего важнѣе, отъ допущенія въ ряды матеріаловъ все болѣе увеличивающагося количества памятниковъ поддѣльныхъ, для отдѣленія которыхъ отъ памятниковъ несомнѣнныхъ недостаетъ ни силъ, ни средствъ, и которыми поэтому нѣкоторые изслѣдователи позволяютъ себѣ пользоваться безъ всякой осторожности. При такомъ положеніи науки древностей, изслѣдователю-археологу, ищущему правды, прежде всего для себя, а потомъ уже для другихъ, приходится бороться съ увлеченіями, своими личными, и чужими не случайно, а постоянно, вооружать себя твердою осмотрительностію и воздержностію, а слѣдовательно и такими знаніями, которыя, при другомъ положеніи науки, не были бы ему вовсе нужны, отвлекая слѣдовательно свои силы отъ прямыхъ цѣлей. Не находя этого во многихъ современныхъ трудахъ, находя напротивъ того въ нихъ и увлеченія и незнаніе даже необходимаго, тѣмъ отраднѣе встрѣ-

тяться съ трудомъ писателя, который, сколько ни былъ способенъ увлечься тѣмъ, что увлекаетъ всѣхъ вокругъ него, сдерживая себя сознательно столько же, сколько старался овладѣть всѣмъ, что нужно для выясненія себѣ задачи, за разсмотрѣніе которой взялся. Таковъ именно и трудъ г. Котляревскаго «о погребальныхъ обрядахъ языческихъ Славянъ». Обозначивъ въ этомъ трудѣ общее значеніе задачи и ея положеніе въ древностяхъ славянскихъ, сочинитель подробно разсматриваетъ источники, изъ которыхъ могутъ и должны быть извлекаемы данныя для рѣшенія задачи, находитъ ихъ въ языкѣ, въ народномъ бытѣ, въ свидѣтельствахъ письменныхъ, въ могилахъ, и извлекиши и оцѣнивши такимъ образомъ всѣ главныя показанія, сводитъ ихъ къ выводамъ, причемъ отдѣляетъ то, что принадлежитъ Славянамъ вмѣстѣ съ другими племенами, отъ того, что можно считать преимущественно славянскимъ. Г. Котляревскій взялся своимъ трудомъ не доказать что нибудь, не помочь усиліями съ своей стороны утвержденію того или другаго общаго взгляда, а просто выяснитъ себѣ и другимъ самый предметъ изслѣдованія. Въ его книгѣ мы имѣемъ полный сводъ данныхъ о древнихъ славянскихъ погребальныхъ понятіяхъ и обрядахъ, изъ котораго и строгая критика выкинуть можетъ немного, и къ которому очень начитанный ученый прибавить можетъ, кажется, также немного. Этотъ сводъ оживленъ силою мысли, но не мысли, ищущей себѣ поддержки въ данныхъ, а мысли, вызываемой самими данными. Основательному знанію источниковъ соотвѣтствуетъ знакомство со всѣми важными трудами, посвященными разработкѣ этихъ источниковъ, и критическая независимость мнѣнія о достоинствахъ этихъ трудовъ, равно и знакомство съ общими и частными изслѣдованіями древностей другихъ народовъ, соприкасающимися по предмету къ древностямъ славянскаго языка, съ системами воззрѣній, въ нихъ господствующими, съ ихъ научнымъ значеніемъ, достоинствами и недостатками. Все это заставляетъ глядѣть на книгу г. Котляревскаго съ особеннымъ уваженіемъ, не привязываясь къ тѣмъ пробѣламъ и ошибкамъ, которые найдетъ въ ней чаще всего филологъ. Привязчивость въ этомъ отношеніи тѣмъ менѣе умѣстна, что филологическая разработка состава древняго славянскаго языка едва начата, многіе древне-славянскіе памятники остаются вообще неизвѣстными, а другіе, въ которыхъ (какъ на примѣръ въ чешскомъ *Mater verborum*) несомнѣнно-древнее перемѣшано съ позднѣльнимъ, неизслѣдованы палеографически; вѣрные же приемы опредѣленія произ-

водства и сродства словъ не столько еще упрочены, чтобы нельзя было ошибиться въ ихъ примѣненіи. При томъ же и того и другаго, сколько смѣю думать, въ книгѣ относительно такъ немного, что ни выполненіе пробѣловъ, ни исправленіе ошибокъ не очень бы ее измѣнило. Имѣя въ виду достоинства изслѣдованія г. Котляревскаго и то, что оно есть первый и единственный трудъ своего рода, считаю его достойнымъ Уваровской награды.



ОТЗЫВЪ

О КНИГѢ Г. КОТЛЯРЕВСКАГО:

«О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ».

Игнатія Гануша.

Академія Наукъ вызвала меня дать свой отзывъ о сочиненіи г. Котляревскаго: «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ». Это сочиненіе превосходно, и я не знаю, можно ли указать въ любой литературѣ другое сочиненіе, которое бы могло быть поставлено на ряду съ сочиненіемъ г. Котляревскаго. Знакомство со всею литературою, касающеюся того же предмета, проявляется на каждой страницѣ книги, такъ что Русскіе могутъ ею гордиться и стать во главѣ этой отрасли археологической науки. И по наружности изданіе великолѣпно, достойно графа А. С. Уварова, которому оно посвящено, и можетъ служить украшеніемъ новой русской литературы. Такимъ сужденіемъ я не хочу однакожь сказать, чтобъ мы уже достигли конечнаго результата изслѣдованій объ этомъ предметѣ. Правда, мы знаемъ многіе и драгоцѣнные погребальные обычаи: извѣстія объ нихъ собраны, но многимъ изъ этихъ извѣстій не достаетъ полноты и цѣлости, такъ что ихъ пониманіе не дошло еще до органическаго опредѣленія, которое бы обнимало ихъ начало и ихъ развитіе.

Кажется, что у языческихъ Славянъ существовала не одна религіозная система, и именно въ отношеніи къ мѣсту и къ времени. Такъ наприм. система о упыряхъ вовсе не совпадаетъ съ временемъ славянскихъ религіозныхъ системъ, и славянская религіозная система сожиганія мертвыхъ тѣлъ противоположна системѣ

погребенія ихъ, такъ какъ та и другая предполагаютъ другіе взгляды на огонь и землю. Необходимо будетъ, посредствомъ монографій, разобрать научнымъ образомъ эти несходныя между собою религіозныя системы и различить по мѣсту и по времени то, что различно по формѣ и по содержанію. Довольствоваться обыкновеннымъ раздѣленіемъ, «отличать періоды каменный отъ бронзоваго и желѣзнаго», я не нахожу никакой причины, такъ какъ оно основывается не на фактахъ, а только на абстракціи, которая по нѣсколькимъ случайнымъ даннымъ выводитъ заключеніе о цѣломъ. Мы еще слишкомъ мало обращаемъ вниманія на вліяніе древней торговли, которая между прочимъ заносила предметы, относящіяся и къ погребенію и къ сожиганію мертвыхъ, такъ что того, что мы находимъ въ землѣ, по большей части нельзя принимать ни за славянской, ни за литовской, ни за нѣмецкой продуктъ: это продуктъ занесенный, но откуда — неизвѣстно. Воззрѣнія Финикійянъ, древнихъ Грековъ, Кельтовъ до сихъ поръ не ясны для насъ, какъ неясна ихъ исторія и вліяніе ихъ на древнюю Европу.

Исторія Славянъ и Нѣмцевъ съ одной стороны, какъ и исторія Славянъ и Финновъ съ другой, сливаются между собою нераздѣльно, и все-таки намъ легко говорить о древностяхъ славянскихъ, нѣмецкихъ, финскихъ, чтобъ вообще уже не говорить о древностяхъ кельтійскихъ. Археологи сдѣлали себѣ, по примѣру нѣмецкихъ филозофовъ, категоріи, подобныя разноцвѣтнымъ стекламъ, и поставили ихъ передъ нами, и мы, смотря черезъ нихъ и забывая, что у насъ передъ глазами эти стекла, думаемъ, что мы въ могилахъ видимъ разноцвѣтные предметы, натертые краской славянской, финской, или нѣмецкой.

Далѣе—повѣрье, господствовавшее уже въ языческія времена, испортило многіе обычаи. Небесная вода, на-примѣръ, черезъ которую души умершихъ должны проходить, это—собственно тучи, за которыми воображаемъ былъ настоящий рай; но повѣрье сдѣлало изъ небесныхъ водъ воды земныя, въ которыхъ задерживаются многія души, будучи захвачены водникомъ (перевозчикомъ) и заперты имъ (въ горшкѣ) подъ крышкою. Но другія души доходятъ въ рай или въ стеклянный замокъ. Подобныя взгляды навѣрное выражались и въ погребальныхъ обычаяхъ; но что знаемъ мы о нихъ подробнаго, за исключеніемъ нѣсколькихъ арабскихъ извѣстій очень позднихъ временъ, съ которыхъ въ западной Европѣ христіанство стерло чистый, языческій колоритъ? Но, не различая времени и мѣста и принимая форму повѣрья вмѣсто формы собственно мнені-

ческой, мы повидимому не доискиваемся настоящаго значенія погребальныхъ обычаевъ.

Это поправить вполне, или по крайней мѣрѣ отчасти, мы не въ состояннн, такъ какъ намъ не достаетъ исторнн культуры языческаго періода и исторнн воззрѣннн язычниковъ на мнръ и человѣческой родъ, и я не знаю; дойдетъ ли когда-нибудь наука до того, чтобы на основаннн мнросозерцаннн древннхъ объяснить ихъ обычаи.

Что, на-прнмѣръ, собственно знаемъ мы до снхъ поръ положительнаго о томъ, какъ душа по ихъ понятннмъ соединялась съ тѣломъ и слѣдовательно какъ она съ ннмъ и разлучалась? Что знаемъ мы о томъ, было ли для язычниковъ новорожденное днтя и потомъ взрослый человѣкъ одно органическое цѣлое или только дуалистическое соединеннн? А также, при жизни, что считали древннн настоящею жизнню, дѣйствительную и тѣлесную жизнь, или только духовную и именно съ рожденнн и по смерти?

Умершнн имѣли также влннннн на живущнхъ людей. *Шотекъ* на-прнмѣръ, теперь у Чеховъ называется домовою, одинъ изъ древннхъ предковъ, который, по повѣрью, приноситъ своему дому счастье, когда его домашнннн почитаютъ. *Шотекъ* этимологически значитъ *мнмнн* или малый, *старый*, даже живущнн. Про почтенныхъ и благочестивыхъ старыхъ людей до снхъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чехнн говорятъ: «to jsoumnl žotkové» («это мнлые шотки»), и безъ всякаго оттѣнка порнцаннн.

Между тѣмъ взглядами на жизнь душъ умершнхъ обусловливаются навѣрное и погребальные обычаи. Слѣдовательно, куда мы ни посмотрнмъ, вездѣ является недостатокъ основныхъ понятнн. Смѣло шелъ г. профессоръ Котляревскнн на встрѣчу этнмъ недостаткамъ и смѣло большую часть ихъ побѣдилъ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ ПРОФ. ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ЭНГЕЛЬМАНА:

«О давности по русскому гражданскому праву», Спб., 1868 г.

Составленъ Н. В. Калачовымъ.

Сочиненіе г. Энгельмана появилось въ свѣтъ въ первомъ своемъ изданіи, на нѣмецкомъ языкѣ (въ 1867 г.), въ то самое время, когда законодательнымъ порядкомъ возбужденъ былъ вновь, во II-мъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, вопросъ о давности по русскому гражданскому праву. Составленная тогда Отдѣленіемъ записка по этому предмету была сообщена многимъ юристамъ, которые съ своей стороны сочли долгомъ, проникнувъ глубже въ основаніе давности и ея примѣненіе въ отечественномъ законодательствѣ, разъяснить замѣченные ими въ практикѣ недостатки этого примѣненія. Вотъ почему появленіе книги г. Энгельмана, отличающейся, говоря вообще, многими достоинствами серьезнаго и въ высокой степени добросовѣстнаго труда, было встрѣчено съ искреннею радостью и привѣтствовано какъ одно изъ самыхъ дѣльныхъ юридическихъ сочиненій. Къ цѣлителямъ розысканій автора присоединились и мы, и въ виду вышеназванной цѣли предприняли въ издаваемомъ подъ нашей редакціей «Юридическомъ Вѣстникѣ» рядъ статей, съ цѣлью, какъ мы выразились, не столько оцѣнки новой книги г. Энгельмана, сколько для того, чтобы провѣрить, уяснить себѣ и читателямъ и возможности дополнить имѣющимися у насъ подъ рукою данными тѣ теоретическіе выводы, которыми изобилуетъ его сочиненіе и которые, и по нашему мнѣнію, должны быть конечнымъ

результатомъ разработки каждаго отдѣльнаго предмета изъ области права. Къ сожалѣнію, напечатавъ первую изъ этихъ статей (см. Юридич. Вѣстн. 1867—1868 г., книжка 1, іюль, стр. 1—18), мы принуждены были пріостановиться сначала по причинѣ нѣкоторыхъ усиленныхъ занятій по службѣ, а потомъ болѣзни, заставляющей насъ еще въ настоящее время воздерживаться отъ умственной работы. Но порученіе Императорской Академіи Наукъ—дать отзывъ о книгѣ г. Энгельмана и недоразумѣніе, которое возбудила въ немъ самою означенная наша статья, какъ заявлено имъ въ предисловіи къ вышедшему теперь второму (на русскомъ языкѣ) изданію этой книги, налагаютъ на насъ обязанность высказать безотлагательно наше мнѣніе не только о той части ея, которая должна собственно подлежать обсужденію Академіи Наукъ при оцѣнкѣ представленныхъ ей сочиненій къ соисканію награды графа Уварова, именно объ «Историческомъ изложеніи постановленій русскаго гражданскаго права о давности» (см. положеніе о наградахъ графа Уварова, § 3), но и о тѣхъ розысканіяхъ автора, которыя непосредственно съ нею связаны.

Дѣйствительно, порученная намъ разсмотрѣнію часть изслѣдованія о давности, не смотря на то, что она по своему содержанію отдѣлена съ одной стороны отъ «Введенія», которымъ начинается это изслѣдованіе и которое содержитъ въ себѣ изложеніе значенія и видовъ давности на основаніи римскаго права и ученія юристовъ, иностранныхъ и русскихъ, а съ другой — отъ главнаго, по видимому, предмета автора—«Догматическаго изложенія постановленій русскаго гражданскаго права о давности»—такъ тѣсно соприкасается съ тѣмъ и другимъ изъ означенныхъ отдѣловъ вслѣдствіе той теоретической постановки, которая придана г. Энгельманомъ давности, какъ юридическому учрежденію, что не только недостатки, но и достоинства его историческаго изложенія давности по русскому праву не могутъ быть, по нашему мнѣнію, достаточно раскрыты безъ уясненія общаго теоретическаго взгляда автора на самую давность. Поэтому считаемъ необходимымъ прежде всего остановиться на предложенномъ г. Энгельманомъ подробномъ разсмотрѣніи вопроса объ образованіи учрежденія давности въ наукѣ и о томъ какъ понимаютъ ее новѣйшіе юристы.

Въ источникахъ римскаго права, по объясненію г. Энгельмана, не находится ни термина давности, ни понятія объ ней какъ объ отвлеченномъ юридическомъ учрежденіи. Напротивъ, въ немъ такъ называемыя разныя стороны давности суть отдѣльныя учрежденія,

неимѣющія общаго основанія, несостоящія между собою въ непосредственной связи. Однако не всегда это различіе сознавалось, и въ литературѣ римскаго права уже довольно рано стало употребляться для означенія давности слово *praescriptio*, означавшее въ источникахъ лишь *exceptio seu praescriptio temporis*, т. е. отводъ противъ иска на томъ основаніи, что онъ предъявленъ уже по пропущеніи долгаго времени (стр. 5). Въ каноническомъ правѣ терминъ *praescriptio* имѣетъ уже болѣе общее значеніе, но, по мнѣнію Савиньи, оно усвоено ему подъ вліяніемъ сочиненій глоссаторовъ, слѣдовательно создано наукой. Съ тѣхъ поръ догматики стали употреблять это слово для означенія давности вообще и этой послѣдней стали подыскивать философскую основу. Съ одной стороны сочли возможнымъ подводить подъ давность всѣ права, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, именно отъ нея изъятыхъ, а съ другой—называть давностью истеченію всякаго закономъ или частнымъ произволомъ опредѣленнаго срока для дѣйствія извѣстнаго права. Хотя уже съ самого начала не всѣ юристы приняли это воззрѣніе, тѣмъ не менѣе въ наукѣ выработалось и сдѣлалось почти общимъ убѣжденіе, что всякія права приобрѣтаются и погашаются давностью. Мнѣніе это въ особенности развито и примѣнено къ отдѣльнымъ юридическимъ отношеніямъ въ сочиненіи Унтергольднера, исключительно посвященномъ ученію о давности. Позднѣйшая критика возстала однако противъ теоріи, возведшей давностное право въ столь общее отвлеченное начало. Подъ вліяніемъ Пухты и Савиньи, нѣкоторые изъ новѣйшихъ юристовъ остановились на томъ воззрѣніи, что не только не всякое право можетъ подлежать дѣйствію давности, но что даже тамъ, гдѣ она имѣетъ мѣсто, ея проявленіе и осуществленіе должны быть различаемы соотвѣственно отдѣльнымъ правамъ, къ которымъ она примѣняется.

Въ подтвержденіе основательности доводовъ противъ внесенія въ теорію права отвлеченнаго понятія о давности, г. Энгельманъ предлагаетъ рядъ выписокъ изъ иностранныхъ и русскихъ сочиненій, доказывающихъ въ самомъ дѣлѣ очень убѣдительно, что это была ошибка, не принесшая даже никакой практической выгоды, и за тѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію и характеристикѣ отдѣльныхъ юридическихъ учрежденій, въ которыхъ положительными законодательствами вліяніе времени признано за способъ, производящій измѣненіе въ правѣ. Эти учрежденія сводятся къ двумъ существенно между собою различнымъ: *usucapio*, т. е. приобрѣтеніе права одною стороною чрезъ давность владѣнія или пользованія и

потеря того же права другою стороною чрезъ невладѣніе или не пользование, и *давность исковую*, т. е. уничтоженіе иска вслѣдствіе бездѣйствія лица, имѣющаго право на искъ, въ теченіе извѣстнаго опредѣленнаго закономъ времени. Иначе эти два давностныя учрежденія называются давностью *приобрѣтающею* и давностью *погашающею*. Различіе между ними г. Энгельманъ объясняетъ очень отчетливо слѣдующими противоположеніями: «Между тѣмъ какъ давность владѣнія—говоритъ онъ—относится лишь къ праву собственности на вещи осязаемыя, гдѣ возможно владѣніе, которое есть въ этомъ учрежденіи главный двигатель, — давность исковая распространяетъ свое дѣйствіе на всѣ права по отношенію къ отчужденію и къ защитѣ ихъ искомъ по суду. Давностью исковой не отчуждается самое право, но только возможность защищать оно и требовать его признанія. При томъ дѣлается различіе между личными и вещными исками: первые погашаются истеченіемъ давности безусловно, вторые безусловно, если только владѣлецъ не былъ добросовѣстнымъ и его владѣніе переходило чрезъ usucapio въ собственность. Когда собственникъ пропустилъ срокъ на вчинаніе иска противъ недобросовѣстнаго владѣльца, то въ этомъ случаѣ онъ не теряетъ своей собственности безусловно, потому что владѣніе недобросовѣстное не можетъ обращаться въ собственность и владѣлецъ приобрѣлъ давностью лишь отводъ praescriptio temporis, которымъ онъ лично можетъ отвести искъ собственника. Если же вещь переходитъ въ руки третьяго лица, которое не представляетъ собою лица недобросовѣстнаго владѣльца, не есть его законный преемникъ, то это лицо не можетъ ссылаться на владѣніе по usucapio и собственникъ можетъ съ успѣхомъ требовать отъ него возвращенія своей вещи. Такъ какъ вещь не приобрѣтена въ собственность давностью владѣнія usucapio, то право собственности прежняго собственника все еще существуетъ и можетъ проявляться въ действительности, какъ скоро отводъ, недопустившій его осуществленія, устраненъ» (стр. 11—12).

Соглашаясь вполне съ этимъ объясненіемъ двухъ различныхъ видовъ давности, мы не могли однако не замѣтить, что оно основано на римскомъ правѣ и однако выставлено здѣсь какъ теоретическое начало, которое, по мнѣнію автора, какъ видно изъ послѣдующихъ его замѣчаній относительно русскаго права, должно быть принято въ основаніе не только для разграниченія видовъ давности въ каждомъ положительномъ законодательствѣ, но и для развитія того и другаго вида опредѣлительными постановленіями соглас-

съ римскою догмой. Это замѣчаніе дало намъ поводъ заключить нашу первую статью о книгѣ г. Энгельмана слѣдующими словами: «мы полагаемъ, что раздѣленіе давности на пріобрѣтающую и погашающую и примѣненіе отдѣльно первой къ разнымъ правамъ, а послѣдней къ искамъ всякаго рода должны быть допущены въ теоріи, именно для того, чтобы не смѣшивать различныхъ юридическихъ отношеній, не подводить ихъ безъ всякой надобности подъ одно общее начало и не быть поставленнымъ въ необходимость исключать изъ подъ его дѣйствія тѣ права, къ которымъ по ихъ существу давность непримѣнима; но что въ отношеніи практическомъ настоящую силу, т. е. рѣшительное свойство производить измѣненіе въ извѣстномъ правѣ, можетъ имѣть только давность исковая. Пока нѣтъ иска, — нѣтъ и повода противопоставлять ему пріобрѣтеніе того или другаго права по давности. Но какъ самому иску для его вчинанія постановляется въ законодательствахъ опредѣленный срокъ, то при его предъявленіи отвѣтчику достаточно доказать, что этотъ срокъ истекъ. Иначе, какая польза выставить доводы давностнаго владѣнія, если истецъ можетъ опровергнуть ихъ тѣмъ, что для него исковой срокъ начинается не съ того момента, съ какого считаетъ начало своего срока отвѣтчик? И такъ, намъ кажется, все стараніе составителя гражданскаго устава должно быть направлено къ тому, чтобы выяснитъ со всею возможною точностію исковую давность въ примѣненіи къ различнымъ правамъ и противопоставить ее давности пріобрѣтающей такъ осязательно, чтобы въ практическомъ разрѣшеніи отдѣльныхъ случаевъ не могло быть сомнѣнія въ томъ, имѣетъ ли нѣтъ юридическую силу эта послѣдняя, когда она не совпадаетъ съ давностью исковой; а также можетъ ли она имѣть мѣсто въ примѣненіи къ извѣстному праву безъ отношенія къ иску. Другое дѣло когда вопросъ идетъ о признаніи давности пріобрѣтающей независимо отъ всякаго мыслимаго спора, если напримѣръ кто доказываетъ, что и онъ и его предки владѣли какимъ либо участкомъ земли въ продолженіи, положимъ, столѣтія. Но и здѣсь кто можетъ поручиться, что даже такая давность не перерывалась тѣмъ или другимъ способомъ. А потому и здѣсь, по нашему мнѣнію, прежде утвержденія за кѣмъ либо правительственнымъ актомъ извѣстнаго права по давности, необходимо предварительно огласить прошеніе лица, домогающагося такого утвержденія, чтобы могущіе заявить противъ того споръ предъявили свои доводы. На основаніи этихъ соображеній мы естественно приходимъ къ заключенію, сдѣланному уже Савиньи,

и раздѣляемому однимъ изъ лучшихъ нашихъ юристовъ, что давность должна имѣть въ законодательствѣ главнымъ образомъ значеніе отвода противъ иска, какъ и понимало ее первоначально римское право. Переходя же къ вопросу объ основаніи давности, мы думаемъ, что она, какъ юридическое учрежденіе, въ исторіи права каждаго государства появляется лишь съ сознаниемъ правительства и народа въ ея потребности и пользѣ; а какъ условія, подъ которыми устанавливаются и вырабатываются юридическія понятія въ каждомъ народѣ бываютъ различны, то и понятіе о давности получаетъ соотвѣтственное имъ развитіе. Вслѣдствіе того мы видимъ, что въ однихъ государствахъ это учрежденіе имѣетъ болѣе широкое, въ другихъ болѣе ограниченное примѣненіе; что какъ условія для дѣйствія его, такъ и общепринятыя для него сроки въ каждомъ законодательствѣ не одни и тѣже, и что наконецъ самое разграниченіе между сроками давностными и сроками окончательными, назначаемыми лишь для проявленія извѣстныхъ правъ и независящими отъ дѣйствія или бездѣйствія того или другаго лица (г. Энгельманъ вмѣстѣ съ германскими учеными называетъ эти послѣдніе *präklusivfristen*), устанавливается по мѣрѣ развитія каждаго законодательства и усвоенія ему твердыхъ юридическихъ началъ, ясно сознаваемыхъ въ теоріи и практикѣ. Но каково бы ни было развитіе давности въ данномъ государствѣ, все-таки въ немъ, по самой сущности ея, выдвигается на первый планъ давность исковая или процессуальная: обыкновенно судебные акты суть первые юридическіе памятники, которые знакомятъ насъ съ способомъ пониманія и примѣненія давности каждымъ отдѣльнымъ народомъ; позднѣйшіе источники права свидѣтельствуютъ также, что лишь чрезъ посредство иска выясняются условія и сроки давности пріобрѣтающей, и наконецъ въ самихъ законодательныхъ кодексахъ давности исковой не только неизбѣжно дается перевѣсъ передъ давностью владѣнія, но даже подъ ея влияніемъ утверждаются за отвѣтчикомъ такія права, которыя сами по себѣ отнюдь не подходятъ подъ понятіе о давности. Вотъ почему, думаемъ мы, для уясненія себѣ этого учрежденія какъ въ исторіи права, такъ и въ теоріи и практикѣ каждаго отдѣльнаго государства, необходимо всегда сопоставлять давность процессуальную съ одной стороны давности владѣнія или давности пріобрѣтающей, а съ другой всѣмъ тѣмъ правамъ, которыя въ процессѣ получаютъ признаніе и силу чрезъ посредство давности, хотя сами по себѣ должны быть изъяты отъ ея дѣйствія.»

Высказанныя здѣсь мысли вызвали слѣдующее возраженіе со стороны г. Энгельмана въ новомъ изданіи его книги: «Н. В. Калачовъ — замѣчаетъ онъ — приходитъ также къ заключенію о необходимости различія между давностью владѣнія или пріобрѣтающею и давностью исковой или погашающею. Онъ полагаетъ, что въ практикѣ настоящую силу, т. е. рѣшительное свойство производить измѣненіе въ извѣстномъ правѣ, можетъ имѣть только давность исковая. Онъ, впрочемъ, не различаетъ съ надлежащею точностью между давностью владѣнія—usucapio и давностью исковой и, вслѣдствіе этого, онъ приходитъ къ тому заключенію, что погашающая и пріобрѣтающая давность идутъ параллельно другъ съ другомъ и должны находиться въ постоянномъ соотвѣтствіи между собою. Такое соотвѣтствіе, между тѣмъ, вовсе не необходимо, напримѣръ, если сроки usucapio и давности исковой не одинаковы. Давностный владѣлецъ, usucapient, пріобрѣтаетъ, по римскому праву, право собственности истеченіемъ 10 и 20 лѣтъ. Искъ о правѣ собственности на вещь недвижимую погашается лишь истеченіемъ 30 лѣтъ, но противъ давностнаго владѣльца этотъ искъ не дѣйствителенъ, а дѣйствителенъ противъ недобросовѣстнаго владѣльца, непріобрѣтшаго вещь черезъ usucapio, (стр. 14—15).

Подробное разъясненіе нашихъ мыслей, которое необходимо для того, чтобы опровергнуть это краткое возраженіе, отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета нашей настоящей задачи, и потому оставляемъ его до другаго болѣе удобнаго случая. Но не можемъ съ своей стороны оставить безъ вниманія, что требованіе отъ положительнаго законодательства, чтобы оно содержало въ себѣ непремѣнно опредѣлительныя постановленія относительно давности владѣнія въ противоположность давности исковой; что желаніе отыскать въ источникахъ права непосредственныя указанія на каждый видъ давности особо и наконецъ отрицаніе даже соотношенія и соотвѣтствія между тою и другою давностью могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то насилуваніе положительнаго законодательства, развивающагося подъ вліяніемъ своихъ туземныхъ народныхъ началъ, то невѣрное объясненіе памятниковъ древности, то опущеніе изъ виду такихъ указаній въ этихъ памятникахъ, которыя непредубѣжденнаго изслѣдователя прямо приводятъ къ даннымъ, тщетно отыскиваемымъ при содѣйствіи теоретической подкладки. И всѣми этими недостатками именно страдаетъ, какъ кажется намъ, историческая часть изслѣдованія г. Энгельмана; сверхъ того принятая имъ теорія заставляеть его, очевидно, воп-

реки его сознанию въ томъ, что лучшіе изъ русскихъ юристовъ: Мейеръ, Неволинъ, Куницынъ, Побѣдоносцевъ, ясно различаютъ, какъ и онъ, давность владѣнія отъ давности исковой, находятъ выводы ихъ невѣрными или по крайней мѣрѣ неполными, какъ скоро дѣло касается любимаго его предмета — вопроса о развитіи въ русскомъ законодательствѣ давности владѣнія, развитіи, которое нашъ авторъ хочетъ во что бы то ни стало подчинить началамъ римскаго права (стр. 21, 78—83, 104, 105, 106, 116) (*). Въ подтвержденіе нашихъ словъ, обратимся прямо къ розысканіямъ г. Энгельмана о давности въ древнемъ русскомъ правѣ по его источникамъ.

Изъ юридическихъ памятниковъ нашей старины первыя указанія на давность авторъ находитъ въ Псковской судной грамотѣ. Въ ней о давности говорится такъ: «а коли будетъ съ кѣмъ *судъ* о земли о полней или о водѣ; а будетъ на той земли дворъ, или нивы розстрадни, а *стражетъ* и *владѣтъ* тою землею или водою гѣтъ 4 или 5, ино тому испю съслатся на сосѣдъ, человекъ на 4 или на 5, а сусѣди ставъ, на коихъ шлются, да скажутъ какъ правъ предъ Богомъ, что чистъ, и той человекъ, которой послася, *стражетъ* и *владѣтъ* тою землею или водою гѣтъ 4 или 5, а *супротивень* въ тѣ гѣта ни его *судиль*, ни на землю *наступался*, или на воду; ино земля его чиста или вода и цѣлованіа ему нѣтъ; а тако *не доискался* кто *не судиль*, *ни наступался* съ ты *мта*».

Г. Энгельманъ замѣчаетъ, что сущность этого закона состоитъ въ томъ, что четырех- или пятигѣтнее владѣніе землею безъ перерыва устанавливаетъ собственность на оную. Противъ этого вывода мы не стали бы возражать, еслибы авторъ не говорилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Псковская грамота вышеприведенною статьею устанавливаетъ давность владѣнія въ смыслѣ римскаго *usucapio*. Во-первыхъ, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ его мнѣніемъ, чтобы для обращенія земли въ собственность требовалась, какъ необходимое условіе, ея обработка: напротивъ, памятникъ съ одной стороны противопоставляетъ *земль* — *нивы* и только къ нивамъ относитъ *страду*, а съ другой — слову *страда* сопоставляетъ терминъ *владѣніе*; притомъ этотъ послѣдній терминъ (владѣніе) отнесенъ и

*) Кромѣ многихъ другихъ мѣстъ у автора, на стр. 83 читаемъ: «въ русскомъ правѣ односторонность и недостатокъ (въ постановленіяхъ о давности) до сихъ поръ еще существуютъ и могутъ быть устранены лишь пріятіемъ началъ римскаго права, т. е. науки о правѣ (!)».

къ водѣ, такъ что не одна обработка земли, но и водвореніе на ней и вообще владѣніе землею или водою могли быть, по Псковской грамотѣ, противопоставлены собственнику, который въ теченіе 4 или 5 лѣтъ *не искавъ* тѣ земли или воды или по крайней мѣрѣ *не наступая* на нихъ въ означенные годы, заявилъ бы затѣмъ свои притязанія. Точно также сомнѣваемся мы въ вѣрности вывода автора, что въ приведенномъ мѣстѣ Псковской грамоты имѣется въ виду только такая земля, «которая въ первый разъ обрабатывалась и передъ тѣмъ была нетронутая, ничья, или принадлежала государству (Пскову)» (стр. 17) *). Во вторыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что *судная* грамота и въ настоящемъ случаѣ относится исключительно къ *суду*, и потому не опредѣляетъ непосредственно тотъ или другой способъ обращенія земли или воды въ собственность владѣльца, а напротивъ (вопреки мнѣнію г. Энгельмана) лишь указываетъ срокъ, въ теченіе котораго собственникъ въ правѣ отыскивать свою землю или воду, и способъ, которымъ отвѣтчикъ можетъ отразить его притязаніе; почему и говорится въ заключеніи: «а тако *не доискался* кто не судилъ, ни наступался *въ ты лѣта*»; слѣдовательно здѣсь рѣчь идетъ о давности *исковой*, т. е. погашающей искъ; о томъ же, что владѣлецъ становится собственникомъ, даже вовсе не упоминается, а только само собою подразумевается, ибо, по отраженіи *супротивника*, земля или вода владѣльца признаются *чистыми*, т. е. свободными отъ всякаго дальнѣйшаго иска. И такъ Псковская судная грамота столь же мало, какъ и позднѣйшіе памятники устанавливаетъ *usucapio* въ томъ смыслѣ, какъ употребляется это выраженіе въ римскомъ правѣ; но какъ и эти памятники, она, очевидно, не отрицаетъ обращеніе владѣнія въ собственность чрезъ признаніе судомъ настоящаго собственника потерявшимъ противъ владѣльца право отыскивать свою землю или воду.

Далѣе, указываемое г. Энгельманомъ отношеніе между разными способами доказательства при рѣшеніи споровъ о землѣ по Псковской грамотѣ представляется намъ подкрѣпленнымъ весьма шаткими доводами. По его мнѣнію, «если предъявлялись грамоты (документы), то дѣло рѣшалось на основаніи этихъ грамотъ; если же грамоты противорѣчили одна другой, то споръ рѣшался прежде всего по показанію свидѣтелей, и только въ такомъ случаѣ если бы свидѣтели не могли быть представлены, дѣло рѣшалось — по

*) Подробнѣе объ этомъ сказано будетъ ниже.

древнѣйшему (псковскому) праву — поединкомъ или присягою, по новѣйшему же — одною присягою; если (наконецъ) тяжба была такова, что ни съ какой стороны право не могло быть доказано документами, потому что пашня образовалась обработкою владѣльца, надворное строеніе сооружено имъ, слѣдовательно прежній собственникъ могъ заявить притязаніе только на одну необработанную землю, то она рѣшалась на основаніи доказанной свидѣтелями давности владѣнія (стр. 18—19)». Выводъ этотъ основанъ на слѣдующей мѣстѣ Псковской судной грамоты: «о глѣшей земли будетъ судъ, а положить грамоты двои на одну землю, а зайдутъ грамоты за грамоты, а исца оба возмутъ межниковъ, да оба изведутца..., ино имъ присужати поле», и на одной псковской же грамотѣ 1483 г., содержащей въ себѣ приговоръ, постановленный въ одной тяжбѣ о земляхъ и водахъ: изъ этой грамоты видно, что въ данномъ случаѣ судьи, не удовольствовавшись представленными обѣими сторонами документами, потребовали еще доказательства чрезъ свидѣтелей. По общепринятому мнѣнію, давность есть такое доказательство, которое отражаетъ права собственника чѣмъ бы они ни подтверждались — документами или свидѣтелями. Если обѣ спорящія стороны ссылаются въ своей тяжбѣ только на документы или свидѣтелей, или одна сторона на документы, а другая на свидѣтелей, не касаясь давности, то значить, что ни одна сторона не считаетъ еще свое владѣніе на столько давностнымъ, чтобы, въ силу этой давности, возражать противнику, или же что она не можетъ доказать, что для сего послѣдняго право иска на спорную землю уже погасло непредъявленіемъ его въ теченіи многихъ лѣтъ. Отъ отвѣтчика поэтому зависитъ предъявить противъ истца документъ, если у него таковой есть и онъ признаетъ его болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ актъ, представленный его противникомъ, или же сослаться на свидѣтелей, или напротивъ указать на давность своего владѣнія. Отсюда мы не можемъ не заключить, что если въ Псковской грамотѣ не говорится въ томъ мѣстѣ, гдѣ давность приводится какъ доказательство владѣльца относительно его права на землю или воду, о представленіи противъ него со стороны собственника документа, то это еще не значить, чтобы въ древнемъ псковскомъ судопроизводствѣ, за устраненіемъ судомъ въ спорѣ о землѣ силы документа, представленнаго одною изъ сторонъ, ею не могла быть выставлена давность владѣнія какъ болѣе надежное доказательство, или чтобы она сама не могла заявить, что хотя и у нея есть документъ, но въ настоящемъ случаѣ она хочетъ доказывать свое право давностью.

Примѣровъ тому мы находимъ много въ актахъ древняго судопроизводства. Напрасно также г. Энгельманъ думаетъ, что нельзя было представлять документа при отысканіи земли, на которой возведено надворное строеніе или были признаки распашки со стороны владѣльца, потому, будто бы, «что прежній собственникъ могъ заявить притязаніе только на одну необработанную землю». Развѣ не могло случаться, чтобы земля уже обработанная переходила во владѣніе другого, да и въ томъ случаѣ если земля еще дѣйствительно необработанная прежнимъ собственникомъ была вновь кѣмъ либо заселена или распашана, конечно не одно заселеніе или распашка отражали искъ собственника противъ этого новаго хозяина, а то, что въ теченіи *многихъ лѣтъ*, пока владѣніе землею или водою находилось въ чужихъ рукахъ, собственникъ не позаботился объ ихъ возвращеніи: словомъ, доказанная на судѣ давность исковая превращала владѣніе новаго хозяина въ теченіе этой же давности въ его собственность. Вотъ почему мы напротивъ вполне согласны съ слѣдующимъ выводомъ автора: «если же тяжба шла собственно о лѣсѣ, то при отсутствіи всякихъ доказательствъ о существованіи лѣснаго хозяйства, которыми можно было бы доказать чье нибудь владѣніе лѣсомъ съ намѣреніемъ приобрести лѣсъ въ собственность, не могло быть и рѣчи о давности владѣнія, потому что для нея нужна была или обработка, или водвореніе и стороженіе (стр. 19)». Но находящееся тутъ же заключеніе, что въ Псковской грамотѣ при спорѣ о лѣсѣ упоминаются одніе грамоты, о давности же владѣнія не говорится лишь потому «что она въ большей части случаевъ не могла имѣть мѣста», мы можемъ принять не иначе какъ съ оговоркой. Псковская грамота, какъ вообще древнѣйшіе законодательные памятники, составилаь, безъ сомнѣнія, на основаніи бывшихъ прежде судебныхъ рѣшеній: рѣшенія эти не приведены въ ней въ строгой систематической порядокъ, и оттого случилось, что составитель грамоты, говоря въ приведенномъ выше мѣстѣ объ отраженіи иска собственника земли или воды отвѣтчикомъ давностью владѣнія въ теченіе опредѣленнаго срока, не упомянулъ о томъ какія доказательства въ подтвержденіе своей собственности могъ бы приводить истецъ: документъ, свидѣтелей и т. п., рядомъ же помѣстилъ случай, что оба тяжущіеся, въ подтвержденіе своихъ правъ на лѣсъ, «положили грамоты»; а въ трехъ другихъ случаяхъ, отдѣльно отъ этого мѣста, упомянулъ о доказательствахъ собственности на землю документами. Однимъ словомъ, мы полагаемъ, что какъ приведенныя, такъ и

другія статьи Псковской судной грамоты должны быть объясняемы по указываемому въ каждой изъ нихъ случаю или примѣру судебной практики, а не возводимы въ болѣе или менѣе общія начала, какъ это дѣлаетъ г. Энгельманъ, распространяясь о томъ, почему псковское usucarіo не усвоило себѣ bona fides и justus titulus, безъ которыхъ давность владѣнія у Римлянъ была немислима.

Въ противоположность давности владѣнія въ Псковѣ и такой же давности въ Новгородѣ (принимаемой авторомъ единственно вслѣдствіе общаго сходства въ бытѣ Пскова и Новгорода), г. Энгельманъ совершенно отрицаетъ такую же давность на почвѣ Московскаго княжества. «Поземельному праву Московскаго великаго княженія—говоритъ онъ—учрежденіе давности владѣнія (usucarіo) было совершенно чуждо. Ни въ законахъ, ни въ актахъ не находимъ никакихъ слѣдовъ подобнаго учрежденія. Въ Москвѣ поземельныя отношенія развились въ тѣсной связи съ помѣстной системою и служебными отношеніями служилыхъ людей, въ Новгородѣ и Псковѣ безъ этой примѣси. Поэтому, существованіе давности владѣнія въ Псковѣ и Новгородѣ не доказываетъ вовсе, что она существовала и въ прочей Руси. *Невомиъ*, въ своей «Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ», выходя изъ той мысли, что давность владѣнія основана на сущности отношенія лица къ своимъ правамъ, что существованіе ея необходимо въ интересѣ общаго спокойствія и утвержденія порядка, полагаетъ, что давность существовала въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, хотя въ законахъ не находится опредѣленія срока давности. Она, по его мнѣнію, существовала какъ вообще владѣніе долговременное, изъ временъ незапамятныхъ, изстари, изъ вѣка, отъ отцевъ и дѣдовъ, по старинѣ, по пошлинѣ, по обычаю. Однако, эти выраженія, какъ увидимъ ниже, вовсе не указываютъ на давность, но на обычное право. Точно также нельзя признать доказательствомъ существованія давности, что князья, въ подтвержденіе своего права занимать ту или другую область, приводили, что въ этой области сидѣли ихъ отецъ, дѣдъ, вообще предки, и право другихъ князей опровергали тѣмъ, что предки искателя не сидѣли въ ней. Здѣсь, очевидно, дѣло не идетъ о давности, но о правѣ на наслѣдство. Точно также нельзя видѣть указанія на давность въ томъ, что Новгородцы въ договорахъ съ князьями основаніемъ заключаемыхъ условій ставили старину, пошлину. Напротивъ того этимъ они указываютъ на существующій у нихъ порядокъ, на бытовыя особенности ихъ государственнаго и общественнаго строя. Равно указываютъ не на давность,

а на занятіе (occupatio), выраженія, которыми опредѣляются границы поземельныхъ владѣній: «куда потягло», «куда плугъ и соха и коса и топоръ ходили, и т. п. (стр. 20—21)».

Мы не будемъ защищать Неволлина относительно отдѣльныхъ его доводовъ, на которые нападаетъ авторъ, потому что цѣль Неволлина не въ томъ заключалась, чтобы выяснить значеніе давности въ древнемъ русскомъ правѣ на основаніи приводимыхъ имъ мѣстъ изъ лѣтописей, княжескихъ договоровъ и другихъ грамотъ, а единственно въ томъ, чтобы доказать, что понятіе о протеченіи многихъ лѣтъ со времени извѣстнаго событія имѣло юридическую силу какъ въ жизни русскаго народа вообще, такъ и при обсужденіи разныхъ политическихъ и частныхъ дѣлъ. Поэтому какъ ни интересны и поучительны сами по себѣ замѣчанія г. Энгельмана, мы не считаемъ нужнымъ на нихъ останавливаться, и только скажемъ, что съ той точки, какъ онъ смотрѣлъ на доводы Неволлина, эти замѣчанія до того вѣрны и убѣдительно, что можно признать приобрѣтеніемъ для науки слѣдующій сдѣланный изъ нихъ самимъ г. Энгельманомъ выводъ:

«Въ приведенныхъ договорахъ дѣйствительно есть постановленіе объ отиѣнѣ разныхъ притязаній гражданскаго и уголовнаго свойства, непредъявленныхъ до извѣстнаго срока, однако, о давности тутъ вовсе не говорится. Эти притязанія не уничтожаются за непредъявленіемъ ихъ въ теченіе опредѣленнаго срока времени, но при отиѣнѣ ихъ обращается вниманіе единственно на опредѣленную точку времени, важную въ политическомъ отношеніи, такъ что срокъ, въ теченіе коего допускается предъявленіе притязаній, со времени дѣлается все болѣе продолжительнымъ. Также нельзя видѣть въ приведенныхъ постановленіяхъ назначеніе судебного срока, потому что точка времени, съ которой прекращаются всѣ иски, опредѣляется лишь тогда, когда она давно прошла, ей приписывается означенное значеніе *ex post*. Въ упомянутыхъ договорахъ дѣло идетъ объ исключительныхъ мѣрахъ, установленныхъ изъ причинъ политическихъ. Они заключены для прекращенія войны, поэтому прежде всего опредѣляется, что все учиненное во время войны должно быть забыто и уничтожено. Таже политическая цѣль руководствовала договаривающимися сторонами при установленіи особыхъ сроковъ, съ тѣмъ, чтобы дѣла, возникшія до нихъ, не могли быть начаты предъ судомъ. Эта цѣль существенно различается отъ цѣли, съ какой устанавливается давность. Установленіемъ этого срока ограждается не стойкость юридическаго строя

внутри княжества, что бываетъ главною цѣлью, съ которою устанавливается давность, но спокойствіе и твердость внѣшнихъ отношеній. Только что заключенный миръ, окончившій кровавую вражду, долженъ быть по возможности огражденъ отъ нарушеній. Устраивается тщательно все, что могло бы подать поводъ къ пререкаваніямъ и столкновеніямъ. Такъ какъ при тогдашнемъ частномъ характерѣ правительствъ князей-вотчинниковъ, при тогдашнихъ узкихъ отпущеніяхъ, даже частные споры и притязанія могли вызвать столкновеніе между цѣлыми княжествами, то всякіе поводы къ таковымъ по возможности предупреждаются (стр. 26)».

Тѣмъ не менѣе, мы рѣшительно протестуемъ противъ заключенія автора, будто даже давность исковая «въ русскомъ правѣ существовала съ древнѣйшихъ временъ и не развилась обычаями и практикой, какъ это полагаютъ Неволинъ и Мейеръ, такъ что XV-й вѣкъ невидно даже никакихъ признаковъ существованія такого обычая, и что напротивъ того давность иска въ русскомъ правѣ, подобно какъ въ римскомъ, есть учрежденіе не древняго, позднѣйшаго времени и установлена не обычаями, а государственною законодательною властью».

На чемъ однако основываетъ г. Энгельманъ такое важное заключеніе? Не нашелъ ли онъ какой либо новый законодательный памятникъ XV-го вѣка, въ которомъ ясно выражено, что имъ *впервые* вводится на Руси исковая давность? Нѣтъ, то что авторъ называетъ закономъ, есть совершенно частное обстоятельство, заключающееся въ слѣдующемъ. По мѣновной грамотѣ, данной великимъ княземъ Василиемъ Дмитріевичемъ митрополиту Кипріану, послѣднему была предоставлена, въ замѣнъ города Олексина, слобода Всеславль со всѣмъ, «что къ ней потягло», за исключеніемъ *старой* боярской купли, или тѣхъ вотчинъ, которыя были кѣмъ либо приобрѣтены за *пятнадцать летъ* до этой мѣны. Въ 1492 г., вел. князь Иванъ Васильевичъ, по примѣру своего дѣда и въ подтвержденіе его грамоты митрополиту, постановляетъ послать въ Всеславль своего боярина, съ тѣмъ, чтобы онъ и бояринъ, посланный отъ митрополита, разобрали кому какія должны принадлежать въ прѣдѣлахъ означенной слободы земли и воды—митрополиту или частнымъ вотчинникамъ, по куплѣ, при чемъ для признанія за послѣдними права удержать куплю въ своей собственности велик. князь предписываетъ, чтобы принять былъ, по примѣру, какъ *судимъ* егда дѣдъ — срокъ владѣнія за *пятнадцать летъ*. Тутъ дѣйствительно указанъ 15-ти-лѣтній срокъ для иска со стороны митрополита;

слѣдуетъ ли отсюда, чтобы это постановленіе о давностномъ срокѣ было предписано настоящимъ частнымъ случаемъ какъ общее правило для всѣхъ владѣній вел. князя Московскаго? Правда, что и г. Энгельманъ называетъ приводимое здѣсь постановленіе о пятнадцатилѣтней давности закономъ не общимъ, а и вѣстнымъ; однако тотчасъ же замѣчаетъ, что «съ распространеніемъ предѣловъ вел. княжества Московскаго, вслѣдствіе присоединенія удѣловъ, примѣненіе онаго все болѣе и болѣе распространялось, пока онъ не сдѣлался общимъ закономъ во всей восточной, Московской Руси». Но если это такъ, то гдѣ осязательныя доказательства такого предположенія по крайней мѣрѣ для XV-го столѣтія, такъ какъ уже въ первомъ Судебникѣ указанъ другой давностный срокъ для иска о земляхъ? Г. Энгельманъ счелъ долгомъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, просмотрѣть всѣ правыя грамоты и другіе акты XV-го вѣка, въ которыхъ встрѣчаются какія либо указанія на исковую давность; но онъ нашелъ, что на основаніи одной грамоты тяжущіся указываетъ на пропущеніе *семилетня* срока со стороны истца; что въ другомъ актѣ говорится о владѣніи *за двадцать летъ*; въ третьемъ испу отказывается, потому что онъ не искалъ, а молчалъ *пятдесятъ лѣтъ*; наконецъ въ приговорѣ Звенигородскаго князя Андрея Васильевича, 1491 г., истцу отказывается въ искѣ за пропущеніемъ *шести лѣтъ* со времени владѣнія отвѣтчикомъ его землею. Гдѣ же тутъ подтвержденіе примѣненія къ исковой давности не инаго срока какъ пятнадцатилѣтній, или же чтобы исковая давность была установлена въ Сѣверовосточной Руси лишь въ концѣ XIV-го вѣка? Скажемъ болѣе: мы не сомнѣваемся, что могутъ еще отыскаться древнѣйшіе памятники, чѣмъ вышеозначенная грамота вел. князя Василя Дмитріевича, съ указаніемъ на примѣненіе въ Московскомъ и другихъ княжествахъ давности, такъ точно какъ до открытія Псковской судной грамоты мы не знали, что въ Псковѣ она примѣнялась въ тяжбахъ о землѣ и водѣ уже въ половинѣ XIII-го вѣка, и мнѣніе наше мы основываемъ именно на томъ, что не находимъ такого рѣзкаго различія, какое видитъ г. Энгельманъ между давностью Псковской и Московской. Очень можетъ быть также, что неизвѣстные еще памятники объяснятъ намъ, что до изданія перваго Судебника въ Восточной Руси примѣнялась не только шестилѣтняя давность, какъ указываетъ вышеприведенная грамота Звенигородскаго князя, но также давность десятилѣтняя, пятнадцатилѣтняя и еще гораздо болѣе продолжительная, или же болѣе сокращенная, именно пятилѣтняя, какъ въ Псковской

грамотѣ. Въ подтвержденіе такого предположенія можно сказать, что сроки пяти-, десяти- и пятнадцатилѣтній были самыя любямыя, самыя народныя въ древней Руси, что видно изъ льготъ, предоставлявшихся людямъ, которые селились на чьей либо землѣ, теченіе того или другаго изъ этихъ сроковъ. Но уже и до возможнаго открытія такихъ памятниковъ, которые подтвердили бы нашу мысль, мы признаемъ несомнѣннымъ, что какъ въ XV-мъ вѣкѣ изданія перваго Судебника, такъ и ранѣе, не было одного общаго закономъ установленнаго срока, которымъ бы руководствовались судьи при рѣшеніи спорныхъ дѣлъ на основаніи давности. Не ясно ли это доказываютъ не только Псковская судная грамота, гдѣ говорится о давности четырехъ или пятилѣтней, но и представленные самимъ г. Энгельманомъ примѣры изъ нашей древней Московской судебной практики, которые свидѣтельствуютъ, что въ ней примѣнялись и шести- и пятнадцатилѣтній сроки, а тяжущіеся соглашались и на другіе какъ болѣе, такъ и менѣе продолжительныя изъ этихъ; а отсюда не слѣдуетъ ли прямо заключить, что, при существованіи общаго закона для давности, отъ усмотрѣнія суда въ каждомъ данномъ случаѣ зависѣло признать сроки владѣнія или пропущенія иска, указываемые тяжущимися, достаточными для присужденія собственности отвѣтчику и для обвиненія истца какъ потерявшаго на нее право тѣмъ, что въ теченіе даннаго срока молчалъ, или же недостаточными въ виду тѣхъ условій, которыми были обставлены владѣніе съ одной стороны и молчаніе съ другой. И вотъ, по нашему мнѣнію, оправданіе доводовъ Мейера и Неллина, которые старались доказать и какъ кажется намъ убедительно, что исковая давность существовала и примѣнялась въ судебной практикѣ на Руси съ древнѣйшаго времени, если не под влияніемъ положительнаго закона, то на основаніи общаго обычая.

Обращаясь къ Судебникамъ и къ слѣдующимъ за ними памятникамъ законодательства до Уложенія 1649 г. включительно, г. Энгельманъ съ большимъ вниманіемъ обсуждаетъ значеніе встрѣчающихся въ нихъ сроковъ давности: трехъ- и шестилѣтняго въ случаяхъ о землѣ; сорокалѣтняго для выкупа вотчинъ; пяти-, десяти- и пятнадцатилѣтняго для отысканія бѣглыхъ крестьянъ; пятнадцатилѣтняго въ искахъ по обязательствамъ, и одного года для возмещенія приплода животныхъ, бывшихъ въ чужомъ владѣніи. Къ сожалѣнію, выводы автора основаны почти исключительно на статьяхъ указовъ, въ которыхъ говорится о томъ или другомъ срокѣ, и въ этомъ отношеніи надо отдать ему справедливость

полной добросовѣстности, съ какою онъ старался разъяснить какъ происхожденіе, такъ и свойство всѣхъ этихъ сроковъ; тѣмъ не менѣе практическое примѣненіе ихъ изслѣдовано въ разсматриваемомъ сочиненіи довольно слабо. Изъ множества дошедшихъ до насъ дѣлъ, въ коихъ прямо или косвенно разсматривался вопросъ о той или другой давности, г. Энгельманъ приводитъ только шесть, съ 1499 по 1612 годъ, и даже не указываетъ ни на одно рѣшеніе вышедшее послѣ этого времени до конца XVIII-го столѣтія, такъ что отъ давности по Уложенію 1649 года переходитъ прямо къ давности, учрежденной Императрицей Екатериной II. Чѣмъ объяснить такое опущеніе со стороны автора, столь тщательнаго въ своихъ розысканіяхъ, что имъ разработаны даже и такія свидѣтельства о тогдашнемъ юридическомъ бытѣ, въ которыхъ нѣтъ и помину о давности, единственно потому, что онъ предполагалъ найти въ нихъ какія либо на нее указанія. Не тѣмъ ли, какъ и замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, что памятники рукописные, гдѣ можно найти требующіяся свѣдѣнія о практическомъ примѣненіи той или другой давности въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкѣ, ему были неизвѣстны или недоступны? Но и печатныя изданія документовъ могли бы доставить изслѣдователю хорошій матеріалъ по этому предмету, какова наприимѣръ правая грамота 1559 г., изданная профессоромъ Сандуновымъ въ 1830 г.; дѣла XVII-го вѣка о бѣглыхъ и акты Западной Руси, которые напрасно авторъ оставилъ безъ вниманія, ибо въ нихъ нашелъ бы онъ въ высшей степени полезныя указанія на примѣненіе давности Литовскаго Статута въ мѣстностяхъ, сопредѣльныхъ съ областями Сѣверовосточной Руси и на вліяніе, которое Статутъ необходимо имѣлъ и на судопроизводство этой послѣдней, особенно чрезъ присоединеніе къ ней разныхъ городовъ съ ихъ уѣздами, принадлежавшихъ великому княжеству Литовскому. Независимо отъ этихъ источниковъ, мы считаемъ также долгомъ замѣтить, что со времени Петра Великаго ни въ какомъ случаѣ не должна была быть обойдена авторомъ сенатская практика. А рѣшенія Правительствующаго Сената напечатаны въ значительномъ количествѣ въ разныхъ изданіяхъ, частныхъ и правительственныхъ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка, какъ напр. въ сборникахъ Правикова, Чулкова, Хавскаго и комисіи составленія законовъ. Правда, богатѣйшій матеріалъ сенатской практики XVIII-го вѣка еще не изданъ: рѣшенія Правительствующаго Сената, состоявшіяся въ теченіи этого столѣтія, хранятся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, но доступъ къ нимъ не труденъ

и составленіе изъ нихъ извлеченіе облегчается готовыми уже указателями и другими пособиями, такъ что, по нашему разумѣнію, тотъ кто избираетъ для своихъ изслѣдованій какой либо предметъ изъ области права XVIII-го столѣтія, въ настоящее время уже никакъ не въ правѣ устранять себя отъ изученія этого богатѣйшаго источника, хотя бы и пришлось для того сдѣлать поѣздку въ Москву. Говоримъ это впрочемъ не въ укоръ автору, который можетъ быть и не имѣлъ цѣлю представить въ своемъ сочиненіи совершенно полное розысканіе о развитіи давности въ Россіи съ древнѣйшаго времени, такъ какъ главный предметъ его изслѣдованія составляло, какъ мы уже замѣтили, догматическое изложеніе ея постановленій: мы сочли себя обязанными указать на приведенный недостатокъ его труда единственно въ виду Положенія о наградахъ графа Уварова, которое требуетъ не только, чтобы представляемыя къ соисканію юридическія сочиненія относились къ исторіи законодательства Россіи (§ 3), но также, «чтобы рецензенты, при обсужденіи такихъ сочиненій, обращали преимущественное вниманіе на то, въ какой мѣрѣ сочиненіе способствуетъ къ *полному* познанію избраннаго авторомъ предмета». Съ этой точки зрѣнія находя, что и выводы г. Энгельмана относительно давности, учрежденной Императрицей Екатериной II, именно: о томъ, что между ею и давностью, имѣвшею силу въ Россіи въ предшествовавшее время, нѣтъ никакой связи; что мнѣніе Неволіна, принимающаго вліяніе Литовскаго Статута на введеніе нынѣшней десятилѣтней давности, не вѣрно, и что наконецъ выраженіе «давность владѣнія» встрѣчается *въ первый разъ* въ Сводѣ Законовъ 1832 г., еще далеко не убѣдительно и напротивъ очень можетъ быть будутъ опровергнуты при дальнѣйшихъ розысканіяхъ по источникамъ, — мы полагаемъ, что важныя достоинства, которыми отличается догматическая часть настоящаго сочиненія еще недостаточны для того, чтобы присудить автору за его историческія розысканія о давности въ русскомъ правѣ *большую* награду. Остановившаяся же на томъ, что многіе источники русскаго законодательства въ отношеніи къ давности по гражданскому праву разработаны въ разсматриваемомъ сочиненіи весьма внимательно; что сдѣланные отсюда выводы тщательно соображены въ немъ съ предположеніями и заключеніями, находящимися въ разныхъ юридическихъ сочиненіяхъ и даже мелкихъ статьяхъ; что стройной систематической группировкой въ своемъ изслѣдованіи разныхъ видовъ давности г. Энгельманъ даетъ читателю впервые возможность обнять и уяснить себѣ разомъ всѣ

эти виды; что наконецъ толкованія его тѣхъ мѣсть манифестовъ Императрицы Екатерины II-й 1775 и 1787 г., которыя относятся къ давности, чрезъ сличеніе ихъ съ современными имъ и позднѣйшими уставами, указами, сенатскими рѣшеніями и мнѣніями Государственнаго Совѣта, составляютъ такой полезный трудъ для правильнаго пониманія не только этихъ манифестовъ, но и статей о давности въ дѣйствующемъ законодательствѣ, что имъ однимъ по справедливости нельзя отказать въ значеніи историко-критической монографіи, исполненной съ большимъ талантомъ,—мы, не обинуясь, считаемъ автора вполне достойнымъ второстепенной награды *).

*) Болѣе подробное изложеніе своихъ мыслей по вопросу о давности и ея приѣненіи въ русскомъ законодательствѣ, съ указаніемъ и на самые источники, которыми подкрѣпляются его доводы, рецензентъ предполагаетъ помѣстить въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» (издаваемомъ Московскимъ Юридическимъ Обществомъ), какъ продолженіе напечатанной уже здѣсь первой статьи его, подъ заглавіемъ: «О давности по русскому гражданскому праву.»

